ДЕМОКРИТ

ΔΗΜΟΚΡΙΤΟΣ

ДЕМОКРИТ
В ЕГО ФРАГМЕНТАХ И СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ДРЕВНОСТИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И
С КОММЕНТАРИЯМИ
Г. К. БАММЕЛЯ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1935

ПЕРЕПЛЕТ, СУПЕРОВЛОЖКА, ФОРЗАЦ, ЗАСТАВКИ,
ТИТУЛЫ ПО РИСУНКАМ
ХУД. В. А. СЕЛЕНГИНСКОГО

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ
В. С. МОРОЗОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Левкипп и Демокрит—величайшие представители древне-греческой философии, классики атомистического материализма, у которых мы имеем зародыши многих проблем позднейшего естествознания. В книге собраны переведенные с греческого и латинского языка фрагменты (подлинные взгляды философов, дошедшие до нас в цитатах позднейших авторов), а также свидетельство античных авторов. Собранные в систематизированном виде отрывки охватывают основные проблемы философии, логику и теорию познания, физику, биологию, историю, этику, а также псевдодемокритовскую литературу. В «комментариях» даются пояснения к сочинениям Демокрита и общая характеристика современного состояния изучения важнейших сторон философии Демокрита.

Настоящее издание фрагментов Левкиппа и Демокрита, в отличие от других существующих изданий, ставит своей задачей представить, насколько позволяет неизбежная фрагментарность текста, древнегреческий атомизм как цельное мировоззрение.

Первые попытки в этом направлении ограничивались собиранием лишь этических фрагментов Демокрита. Таковы издания Генриха Стефана (1573 г.),

И. К. Орелли (1819 г.), В. Бурхардта (1830 г.), Л. Филиппсона (1831 г.). Выпущенное Муллахом в 1843 г. первое систематизированное издание фрагментов Демокрита выгодно отличалось от всех предыдущих изданий уже тем, что Муллах не ограничился этическими сочинениями, но первый обратил внимание на физические, астрономические и биологические фрагменты Демокрита. Колоссальная работа по критике источников была проделана в сочинении молодого Маркса: «Различие между натурфилософией Демокрита и Эпикура» (1841 г.).

Издание Муллаха не выдержало однако научной критики: Муллах включил в свое издание не больше третьей доли дошедших до нас фрагментов и свидетельств древности о Демокрите, а включенное оказалось или ложно приписанным Демокриту или непроверенным филологической критикой.

Критическое издание фрагментов Левкиппа и Демокрита предполагало поэтому всесторонний анализ всего исторического развития доксографической литературы. Эту задачу блестяще выполнил в своей монументальной работе «Греческие доксографы» Герман Дильс. Герману Дильсу принадлежит и первое, наиболее полное издание фрагментов Левкиппа и Демокрита, как и остальных «досократиков». Это издание было переведено впервые на русский язык профессором Азербайджанского государственного университета, заслуженным деятелем науки А. О. Маковельским и напечатано в «Известиях» названного университета в 1919 г.

Издание Дильса—Маковельского лежит в основе и настоящего издания. Оно отличается от издания Дильса лишь большей полнотой и новой редакцией части фрагментов. Дело в том, что со времени первого (1903 г.) и второго (1906 г.) издания работы Дильса наши знания относительно историографии антич-

ной философии и в особенности науки значительно обогатились. Неудовлетворительность расположения фрагментов Демокрита и некоторую неполноту своего собрания чувствовал и сам Дильс, что видно из его предисловия к четвертому изданию, написанному в 1922 г., а также тех дополнений, которые он считал нужным внести. По соображениям, о которых отчасти рассказано в «Комментариях», мы считали необходимым расширить круг выбранных Дильсом фрагментов и коренным образом изменить расположение фрагментов и свидетельств древних писателей.

В одном отношении наше издание не полно, как и издание Дильса: оно не включает в себя огромного количества медицинских и технических отрывков, а также части псевдодемокритовской литературы, ввиду их узко специального характера.

В том же направлении проводит в настоящее время работу над новым изданием Дильса Вальтер Кранц. Судя по началу его работы (выходит с октября 1934 г. отдельными выпусками, пока вышел первый выпуск), издание Вальтера Кранца явится совершенно необходимым пособием для изучения древнегреческой философии, так как оно значительно улучшает издание Дильса. Для нас еще недоступен выпуск, посвященный Демокриту, но вот что пишет Вальтер Кранц в предисловии: «Привести раздел о Демокрите в более удобообозримый вид, что намеревался сделать сам Дильс, нам не удалось, так как Дильс не оставил более точных указаний, как это сделать».

Несомненно, с точки зрения требований филологического аппарата, наше издание далеко от совершенства. Но и в настоящем виде принятый нами логический порядок развертывания текста облегчит пользование книгой широким кругам читателей, изучающим историю философии науки и техники.

Книга состоит из двух частей: текста и комментариев.

Круглые скобки принадлежат тексту, в квадратные скобки заключены слова, требующиеся по контексту, но в нем не имеющиеся, в угольных скобках даны наши разъяснения, справки, хронологические даты и пр.

В тексте основная часть этических фрагментов, вся псевдодемокритовская литература и подражание переведены проф. А. О. Маковельским, основная часть физических фрагментов—дается в нашем переводе.

Что касается комментариев, то их задача заключается главным образом в обосновании нашего отбора фрагментов Демокрита и отзывов древности о нем, а также совершенно необходимых справках о цитируемых писателях.

Философической, не говоря уж о филологической, критике в этих справках, примечаниях и пр. уделяется внимания гораздо меньше, чем следует в подобном издании: это неизбежно, так как у нас собраны отрывки из огромного числа писателей—людей, нередко разделенных сотнями лет, социальными переворотами, разным культурным уровнем, противоположными классовыми корнями,—и углубляться в область специального исследования текста (разночтение рукописей и пр.) не было возможности.

Так как материал мы расположили по проблемам, а не по сочинениям Демокрита, как сделал Дильс, то оказалось необходимым дать специальные обзорные пояснения также к сочинениям Демокрита.

Только в одном случае мы отошли от этого правила и в пояснениях к математическим работам Демокрита охарактеризовали значение Демокрита и Платона в развитии древнегреческой математики, точнее,

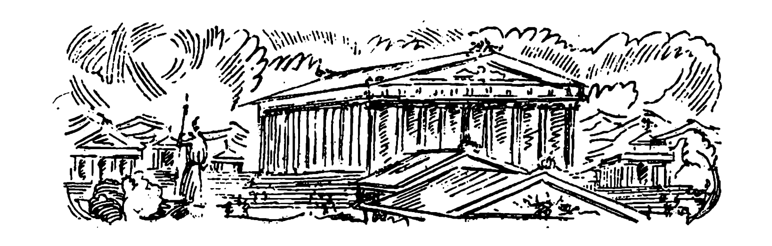
философии математики. Это сопоставление формулирует выводы, вовсе не являющиеся «новым» словом для современного исследователя истории греческой науки, но об этом надо было напомнить и надо будет неоднократно напоминать, потому что путем фальсификации истории ученые камердинеры фашизма в «солидных» математических журналах в Германии пропагандируют мистическую математику Платона в качестве «духовной базы» «возрождения Третьей империи».

«Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма? Тенденции или линии Платона и Демокрита в философии? Борьба религии и науки?»—спрашивал Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме». «Удивляться ли тому, что Рудольф Вилли в 1905 году воюет, как с живым врагом, с Демокритом, великолепно иллюстрируя этим партийность философии и обнаруживая паки и паки свою постоянную позицию в этой партийной борьбе».

Унифицированные Рудольфы Вилли с еще большей ожесточенностью воюют, как с живым врагом, с Демокритом в 1934 г., используя в этой борьбе единственное орудие—фальсификацию истории науки.

Г. Баммель

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИЯХ

О ЖИЗНИ

1. Как сообщает Аполлодор в «Хрониках», он, должно быть, родился в 80-ю олимпиаду <460—457 до н. э.> или, как сообщает Трасил в сочинении, носящем заглавие «Предисловие к книгам Демокрита», в третий год 77-й олимпиады <470—469 до н. э.>, будучи на год старше Сократа.

Левкипп—элеат, по [словам же] некоторых—абдерит, [по мнению] же других—из Мелоса [из Милета?]. Он был учеником Зенона.

2. Демокрит, сын Гегесистрата,—согласно некоторым, сын Афинокрита или Дамасиппа,—родившийся, так же как и философ Сократ, в 77-ю олимпиаду < 472—469 до н. э.>; другие относят его рождение к 80-й олимпиаде < 460—457 до н. э.>,—философ родом из Абдер во Фракии, ученик, по одним свидетельствам—Анаксагора и Левкиппа, а по другим—также магов и персидских халдеев, ибо он совершил

1. *Диоген Лаэртский*, «Биографии философов», кн. IX, § 41 и § 30 (о Левкиппе), см. Die Fragmente der Vorsokratiker, 4 Aufl., Brl. 1922, II том. стр. 12, строки 30—34 (в дальнейшем всюду сокращенно Диог. Л. IX, 41 FVS^4, II, 12, 30—34).

путешествие и к персам, и к индусам, и к египтянам и у каждого из этих [народов] обучился мудрости; затем возвратился и жил вместе со своими братьями Геродотом и Дамастом. Он правил в Абдерах, почитаемый за свою мудрость. Знаменитым учеником его был Метродор Хиосский, учениками же последнего были Анаксарх и врач Гиппократ. Демокрит был прозван «Мудростью», а также «Смеющимся», так как смеялся над пустыми занятиями людей. Подлинных его книг две: «Великий диакосмос» и «О строе природы». Им написаны и письма.

3. Демокрит—сын Дамасиппа из Абдер.

4. Год рождения Демокрита: а) В 70-ю олимпиаду <500—497 до н. э.>, говорят, родились философы-физики <занимавшиеся исследованием природы> Демокрит и Анаксагор и одновременно с ними Гераклит, по прозванию Темный.

б) Годы расцвета Демокрита: В 86-ю олимпиаду <436—433 до н. э.> жили, говорят, абдеритянин Демокрит, Эмпедокл, Гиппократ и т. д. <ар-

2. *Свида*, «Lexic.», FVS³, 352, 44 сл.

Гиппократ тут изображается как ученик Демокрита. По предположению Дильса, ошибка Свиды или его оригинала заключалась в неверном истолковании заметки на полях «и врач Гиппократ», где не подразумевалось «был учеником Демокрита», и эта ошибка привела к замене множественным числом слова «ученик».

3. *Аэций*, I, 3, 16, см. Doxographi Graeci collegit... H. Diels, Edit. iter., 1929, стр. 285 (в дальнейшем всюду сокращенно Dox. 285).

4. *Евсевий*, «Chronica», ed. A. Schoene, a) Cyrillus, «C. Jul.», ed. Spanh. FVS, II³, 353, 14.

Свидетельства заимствованы из Евсевия. Евсевий Памфил (263—340)—один из первых историков церкви, написавший «Хронику» (от начала мира до 20-го года царствования Константина), известную сперва в большом пересказе Иеронима, пока не был найден ее армянский перевод. Сочинениями Евсевия пользовался в своих поучениях другой представитель церковной истории—Кирилл (315—386).

мянский перевод:> от Авраама 1581 <олимпиада 86,2, т. е. 435 до н. э.>;

в) Смерть Демокрита: олимпиада 94 <404—401> <Иероним:>: от Авраама 1616 <олимпиада 94,4, т. е. 401> <Армянский перевод:> от Авраама 1613 <олимпиада 94,2, т. е. 403>.

5. Умирает Демокрит, прожив 100 лет <олимпиада 105,2, т. е. 359 до н. э.>.

6. Около того же времени <олимпиада 94,1, т. е. в 404 г.> скончался и философ Демокрит, прожив 90 лет.

7. Абдеритянин Демокрит, 104 лет от роду, скончался вследствие воздержания от пищи.

8. Передают, что также абдеритянин Демокрит и ритор Исократ достигли почти того же возраста, как леонтинец Горгий, который, как известно, из всех древних дожил до наиболее глубокой старости, имея свыше 108 лет.

9. Демокрит, сын Гегесистрата, по другим же сын Афинокрита, иные же говорят, что он был сыном Дамасиппа. Он был родом из Абдер или, как утверждают некоторые, из Милета. Он был учеником каких-то халдейских магов, которых царь Ксеркс оставил его отцу в качестве учителей, когда воспользовался его гостеприимством, как об этом сообщает и Геродот. Будучи еще мальчиком, он научился у них теологии и астрологии. Позже он перешел к Левкиппу, а, как сообщают некоторые, и к Анаксагору, будучи моложе последнего на 40 лет. (35) Дмитрий же в «Омонимах» и Антинсфен в «Сменах» говорят, что Демокрит совершил путешествие в Египет к жре-

5. *Chronicon* Paschale ed. Dind. FVS[4], II, 14. 20.
6. *Диодор Сицилийский*, «Bibliotheca», ed. Dindorf—Vogel—Fischer, XIV, II, 5 FVS[4], II, 14, 21—22.
7. [*Лукиан*], Макробий, 18, FVS[4], II. 14, 23—24.
8. *Ценворин*, «De die natali», 15, 3 FVS[4], II, 14, 25.

цам, чтобы изучить геометрию, и к халдеям в Персию, а также, что бывал в Красном море. Некоторые же утверждают, что он поддерживал знакомство с гимнософистами в Индии и совершил путешествие в Эфиопию. Будучи третьим братом, он разделил отцовское имущество. И многие передают, что он выбрал себе меньшую часть, заключавшуюся в деньгах, в которых остро нуждался для своих путешествий за рубежом. (36) Дмитрий же сообщает, что его часть превышала 100 талантов, которые он все издержал. Он же передает, что Демокрит был до такой степени трудолюбив, что, в то время как он собрался окружить ограждением какой-то домик в саду, он был там заперт. И когда его отец привел быка для жертвоприношения и там же привязал его, Демокрит не замечал этого в течение продолжительного времени, пока отец не позвал его по случаю жертвоприношения и не рассказал о быке. «Кажется,—продолжает Димитрий,— Демокрит был в Афинах и не хотел быть узнанным вследствие презрения к славе. И сам он знал Сократа. Сократ же его не знал. Ведь я,—говорит он <Демокрит>,—пришел в Афины, но там меня никто не знал».

10. Он провел много лет в Афинах, употребляя все время на развитие и углубление своих знаний; он жил в этом городе в неизвестности, как сам свидетельствует в какой-то книге.

11. Итак, должно понимать, что ни слава народная сама по себе не должна составлять предмет [наших] стремлений, ни неизвестности не должно бояться. «Я пришел в Афины, и никто меня там не знал», говорит Демокрит, муж положительный и серьезный,

9. *Диог. Л.*, IX, 34 сл. FVS^4, II, 10 14 сл. Ср. Аполлодор, фрагмент 47 в., в изд. Jacoby. Müller, Fragm. Historicorum Graecorum. III, 183.

10. *Валерий Максим*, VIII, 7 extr. 4 FVS^4, II, 15, 14—16.

который хвалится тем, что он не имел известности.

12. Дмитрий же Фалерийский в «Апологии Сократа» говорит, что он ни разу не посещал Афин, и это тем более правдоподобно, что он относился с пренебрежением к столь великому городу, полагая, что не место создает человека, а человек создает славу месту.

13. Демокрит же, другой [наряду с Анаксагором] богатый человек, владетель громадного состояния, по происхождению из знатного рода, будучи [всецело] предан желанию [снискать] важнейшую [для человека] мудрость, истратил слепое и гнусное богатство, которое обычно бывает уделом дурных и презренных людей, приобрел же то богатство, которое не слепо и не уничтожимо и достойно одних только хороших людей. Вследствие этого он получил репутацию человека, низвергающего все законы отечества; его стали считать как бы злым гением, так что ему даже угрожала опасность не быть погребенным в силу закона абдеритян, по которому всякий, кто не соблюдает отечественных законов, должен остаться без погребения. Этой участи подвергся бы Демокрит, если бы он не был помилован вследствие доброго расположения, которое к нему питал Гиппократ Косский,—[дело в том, что] они соперничали между собой в мудрости. Кроме того одно из знаменитых сочинений, озаглавленных «Великий диакосмос», было оценено в 100, а по словам некоторых, даже свыше 300 аттических талантов.

11. *Диог. Л.*, IX, 36, Здесь приводятся слова Цицерона, «Tusculanae disputationes», V, 36, 104, FVS^4, II, 83, 6.

12. Там же, 37.

Это место отсутствует в собрании фрагментов греческих историков (Мюллер, FHG, III, 368).

13. *Филон*, «De providentia», ed. Aucher, II, 13, p. 52, FVS^4, 15, 24—35.

14. Говорит же Афинодор в книге VIII «Перипатетических размышлений», что, когда пришел к нему Гиппократ, Демокрит приказал принести молока. И, посмотрев на молоко, сказал, что это молоко черной козы, родившей первый раз. По этому случаю Гиппократ выразил удивление его проницательности. Девушку, сопровождавшую Гиппократа, в первый день он приветствует: «Здравствуй, девушка!», а на следующий день так: «Здравствуй, жена!». И действительно той ночью дева лишилась невинности.

15. Эллины прославляют Анаксагора и Демокрита за то, что, охваченные страстью к философии, они позволили превратить свои поля в пастбища для овец.

16. Мы удивляемся, когда стадо съедает возделанные поля Демокрита, между тем как дух без тела быстро рассеивается.

17. [Пифагор, Эвдокс и Платон суть ученики варваров]. А именно Демокрит написал этические «Вавилонские учения». Действительно говорят, что он дал в своих сочинениях перевод надписи, сделанной Ахикаром на стеле. Можно кроме того, указать на собственные свидетельства автора, написавшего: «Следующее говорит Демокрит». Наконец он прямо пишет о себе самом, превознося своим многознанием, а именно он в одном месте говорит: «Из всех моих современников я обошел наибольшую часть земли; я делал исследования более глубокие, чем

14. *Диог. Л.* IX, 42.

ἐν ῇ Περιπάτων. По чтению Zeller, III, 630, 2.

15. *Филон*, «De vita contemplativa», p. 473 ed. Mangey, FVS^4, 354, 20—24.

Отсюда Климент «Quis div. salv.», II, p. 941; Лактанций «Inst.», III, 23, 4; Ориген «C. Cels», II, 84.

16. *Гораций*, «Epist.», I, 12, 12. см. также аналогично Дион, 54, 2, p. 113, 21, Цицер., «De fin.», V, 29, 87, FVS^4, II, 15, 39.

кто-либо другой, я видел очень много [разнообразных] климатов и стран и слышал весьма многих ученых мужей и никто еще меня не превзошел в сложении линий, сопровождаемом [логическим] доказательством, даже так называемые арпедонапты. С ними я пробыл на чужбине 5 лет, посетив их позже всех остальных ученых». Дело в том, что он ездил в Вавилон, Персию и Египет и учился у магов и жрецов.

18. Существует взгляд, что абдеритянин Демокрит и в остальных отношениях был мудрым; он пожелал остаться незамеченным и на деле решительно осуществлял это. Вследствие этого он и объездил почти всю землю. Итак, он ездил к халдеям, и в Вавилон, и к магам, и к индийским софистам. Оставшееся от отца Дамасиппа имущество было разделено на 3 части для 3 братьев. Он себе взял только деньги для расходов в пути, остальное уступил братьям. Поэтому Теофраст (в сочинении «О счастьи») хвалил его за то, что, собирая самое лучшее богатство, он превосходит Менелая и Одиссея <см. «Одиссея», песнь III, 301 и песнь IV, 80, 90>. Дело в том, что последние в своих путешествиях ничем не отличались от финикийских купцов. А именно они накопляли денег, и лишь это было причиной их сухопутных и морских путешествий.

19. Демокрит—приятель Левкиппа. Абдеритянин Демокрит, сын Дамасиппа, был знаком со многими индийскими гимнософистами, египетскими жрецами и астрологами и вавилонскими магами.

20. Что сказать о Пифагоре? Что сказать о Пла-

17. *Климент Александрийский*, «Stromata», ed. Stählin, I, 15, 69, FVS^4, II, 122, II сл.

18. *Элиан*, «Varia historia», IV, 20, FVS^2, 354, 25—35 (в дальнейшем—Элиан, «V. H.» IV, 20).

19. *Ипполит*, «Refutatio omn. haeres.», I, 13 (Dox. 565).

тоне или Демокрите? Из жажды к знанию они, как видим, объездили самые отдаленные земли.

21. Антисфен сообщает, что, вернувшись из путешествия, он жил весьма скромно, так как истратил все свое состояние. Вследствие его бедности его поддерживал брат Дамаст. Но лишь только он прославился каким-то предсказанием будущего, он навсегда заслужил у очень многих славу боговдохновенного. А так как существовал закон, запрещающий всякого, кто растратил отцовское состояние, удостоивать погребения на родине, то, как сообщает Антисфен, чтобы избежать ответственности и обезопасить себя от завистников и доносчиков, Демокрит прочитал согражданам «Великий диакосмос», который является самым выдающимся из его произведений. И он был награжден 500 талантами и не одними только ими, но и сверх того бронзовыми статуями. Прожил он свыше 100 лет. Он был погребен за счет государства. (40) Димитрий же говорит, что родственники Демократа прочитали «Великий диакосмос», награда за него была назначена лишь в 100 талантов. То же самое говорит и Гиппобот.

22. Абдеритяне, предавшие общественному суду Демокрита за то, что он истратил унаследованное от отца имущество, оправдали его после того, как он прочитал им свои сочинения: «Великий диакосмос» и «О том, что после смерти» и сказал, что состояние истратил на них.

23[1]. Но прежде всего, что такое самый смех, каким образом он возбуждается... увидел бы Демокрит.

20. *Цицерон*, «De fin.», V, 19, 50, FVS², 354, 4—6.

21. *Диог. Л.*, IX, 39—40, FVS⁴, II, 12, 5—16.

22. *Атеней*, «Deipnosophist.» («Ученые за столом») IV, 168 B, см. FVS⁴, II, 55, 6 сл.

23[1]. *Цицерон*, «De orat.» («Об ораторе»), II, 58, 23, см. FVS², 355, 24—32.

23[2]. Демокрит, если бы был на земле, смеялся бы.

23[3]. У мудрецов же вместо гнева появлялись: слезы—у Гераклита, смех—у Демокрита.

23[4]. Демокрит же имел обыкновение непрестанным смехом приводить в движение свои легкие,—уже его мудрость доказывает, что великие люди, которые дают великие примеры, могут рождаться на родине глупцов и в затхлом воздухе... Ибо Демокрит был родом из города Абдер, где обычно рождаются глупцы.

23[5]. Он все смеялся, считая достойными смеха все человеческие дела.

24.

И наконец Демокрит, когда он уже в старости
Стал замечать, что слабеют в нем память и сила рассудка,
Сам добровольно понес свою голову смерти навстречу.

25. Демокрит по своей вине причинял боль телу, чтобы сохранялась здоровой лучшая часть его.

26. В подобном мы последуем мудрецу Демокриту вследствие любви к ученым беседам. А именно он, как кажется, грыз зерно тыквы и, когда появился похожий на мед сок, спросил служанку, где она купила [зерна]. Когда же та назвала какой-то сад, он, встав, приказал вести себя и показать место. Когда же служанка стала удивляться и спрашивать,

23[2]. *Гораций*, «Epist.» («Письма»), II, 1, 194.

23[3]. *Стобей*, «Florilegium» («Антология»), III, 20, 53 (имеется в виду Сотион, учитель Сенеки).

23[4]. *Ювенал*, 10, 33, FVS[2], 355, 28 и схолии к этому месту.

Абдеры как город глупцов впервые упоминается Ath., VIII, 349, B. V, 29 сл. Может быть повод к этому дало замечание самого Демокрита. См. Diels, FVS[2], p. 712 к S. 355.

23[5]. *Ипполит*, «Ref.» I, 13 см. Dox. 565.

24. *Лукреций*, «De rerum natura» («О природе вещей»), III, 1039.

25. *Гимерий*, Ecl., 3, 18 («Речи»), FVS[2], 356, 16.

чего он хочет, он сказал: «Мне нужно узнать причину сладости, и я ее открою, осмотрев место». «В таком случае лежи»,—сказала женщина улыбаясь,—«ибо я по ошибке положила зерно в покрытый медом сосуд». Он же, словно в досаде, сказал: «Ты надоела мне и, не обращая внимания на твои слова, я приступлю к исследованию и стану отыскивать причину, как если бы сладость была свойственна [самому] зерну и врождена ему».

27. Демокрит ослепил самого себя, так как не мог видеть женщин без страстного вожделения и страдал, если не добивался обладания ими. Самой попыткой исправиться он свидетельствует о своей невоздержности.

28. Какой же мудрец, думаешь ты, уклонится от борьбы ради такого города, если вспомнить, что Демокрит когда-то освободил от моровой язвы абдеритян.

29. Скончался же Демокрит, согласно сообщению Гермиппа, при следующих обстоятельствах. Он был уже престарелым, когда наступал конец. Поэтому сестра его печалилась, как бы он не умер во время праздника Тесмофорий, так как в этом случае она не могла бы воздать всего, что положено богине. Демокрит сказал, чтобы она не приходила в уныние, и приказал подносить ему каждый день свежевыпеченный хлеб. Поднося его к ноздрям, он сохранил свою жизнь в течение праздничных дней. Когда же эти дни прошли (их было три), он расстался с жизнью совершенно безболезненно, как сообщает

26. *Плутарх*, «Quaestiones convivales» («Смешанные вопросы») I, 10, 2, p. 628. FVS[4], II, 16, 18—27.

27. *Тертуллиан*, «Apolog.» 46, FVS[4], II, 18, 15—17.

28. *Филострат*. «Vita Apoll.» («Жизнь Апполония»), VIII, 7, p. 313, 17, ed. Kayser., FVS[2], 355, 5—7.

29. *Диог. Л.*, IX, 43, FVS[2], 352, 9 сл. Пер. А. О. Маковельского.

Гиппарх, 107 лет от роду. Мы же на него сочинили следующую эпиграмму во «Всех размерах»:

«Кто такой же мудрый, кто совершил столь великое дело,
Какое выполнил всезнающий Демокрит?
Он в течение трех дней удерживал вступившую в его дом смерть
И радушно угощал ее теплыми испарениями хлебов».

30. По преданию, абдеритянин Демокрит вследствие старости решил лишить себя жизни; [с этой целью] он каждый день отказывался от пищи; когда же наступили дни Тесмофорий, он уступил просьбе домашних женщин не умирать во время праздника, чтобы они смогли отпраздновать; приказал поставить перед собой сосуд с медом и, вдыхая запах меда, продлил свою жизнь нужное число дней; когда же мед был унесен, он скончался. Демокрит всегда был рад меду и на вопрос, как жить, сохраняя здоровье, отвечал: «если будешь орошать внутренности медом, а наружность маслом».

30[1]. Демокрита же погубили вши.

31. Было же 6 лиц, носивших имя Демокрита. Первый—сам вышеупомянутый; второй—хиосский музыкант, современник первого; третий—ваятель, которого упоминает Антигон, четвертый—Демокрит, написавший об эфесском храме, а также о городе и Самофракии, пятый — поэт, писавший эпиграммы, великолепный растущий писатель; шестой—из Пергама, прославившийся риторическими учениями.

30. *Атеней*, «Deipnos.», II, 46, FVS[4], II, 18, 34 сл.
30[1]. *Марк Антонин*, *III*, 3, FVS[4], 19, 5—6.
31. *Диог.* IX, 40, FVS[2], 352, 39—43.
Большинство анекдотических свидетельств о жизни Демокрита апокрифично.

ОБ ОТНОШЕНИИ К ПРЕДШЕСТВЕННИКАМ И СОВРЕМЕННИКАМ

32. Диоген Аполлонийский написал много нескладного, следуя то Анаксагору, то Левкиппу.

33. Итак, Парменид слушал Ксенофана, его же самого Зенон, а слушателем Зенона был Левкипп, потом Демокрит.

34. Слушатель Зенона, Левкипп Абдерский, первый пришел к мысли о допущении атомов.

35. Учащиеся у старика Пифагора юноши Филолай и Эврит... Левкипп и Алкмеон.

36. Некоторые утверждают, что он <Левкипп> был учителем Демокрита.

37. И из сочинений его видно, каков он был. Кажется, говорит Трасил, он был последователем пифагорейцев. И самого Пифагора он упоминает в сочинении, носящем заглавие «Пифагор», ибо кажется, что он все заимствовал у него, и, пожалуй, можно было бы допустить, что он слушал самого Пифагора, если бы тому не противоречили даты времени их жизни. Во всяком случае он слушал кого-то из пифагорейцев, как говорит Главк Регинский, который был его современником. Также и Аполлодор Кизикенский говорит, что он поддерживал связь с Филолаем.

38. Фаворин сообщает в своей «Истории разных вещей», что Демокрит говорил об Анаксагоре, будто мнения последнего о солнце и луне не его собствен-

32. *Симпл*., In phys.» (Комментарий к физике Аристотеля») (ed. Ac. Berol), в дальнейшем сокращенно «Симпл.», «Phys.», 25, 2.

33. *Климентий*, «Strom.», I, 64, p. 353.

34. [Гален], «Hist. philos.» («История философии»), Dox., 601, 9.

35. *Ямвлих*, «Vita Pyth.» («Жизнь Пифагора»), 104 см. еще Циц., Chil., II, 980.

36. *Диог. Л*., IX, 13.

37. Там же, 38.

ные, но более древние, а он присвоил их себе, и что Демокрит при этом высмеивал учения Анаксагора о строении вселенной и об уме, будучи враждебно настроен к нему за то, что тот не отправился встречать его. Каким же образом он мог быть его слушателем, как утверждают некоторые?

39. В том же самом письме Эпикур говорит, что софист Протагор из носильщика корзин и дров стал сперва писцом у Демокрита. Удивленный каким-то особенным способом увязывания дров, Демокрит взял его к себе и обучал его в какой-то деревне чтению и письму, что послужило началом устремлениям Протагора к занятиям и мудрости.

40. Софист Протагор, ученик Демокрита, у себя на родине поддерживал также связь с персидскими магами во время похода Ксеркса на Грецию.

41. Демокрит, как он сам говорит в «Малом диакосмосе», был еще молод, когда Анаксагор был уже стар. Он был моложе Анаксагора на 40 лет. Он говорит, что «Малый диакосмос» был написан им в 730 году после взятия Трои. Должно быть, он родился (как сообщает Апполодор в «Хрониках») в 80-ю олимпиаду <460—457 до н. э.> или,—как сообщает Трасил в сочинении, носящем заглавие: «Предисловие к книгам Демокрита»,—в третий год 77-й олимпиады <470—469 до н. э.>, будучи на год старше Сократа. Итак, он, пожалуй, был современником Архелая, ученика Анаксагора и последователей Энопида. И действительно он упоминает последнего.

38. *Диог. Л.*, IX, 34, Fr. Hist Gr., III, 592 (фр. 33).
Слово «древние» употреблялось в применении к предшествующему поколению, ср. *Аристофан*, Всадники, 507.

39. *Антеней*, VIII, p. 354 C., FVS[3], 353, 30—37; p. 153,2 Usener.

40. *Филострат*, «Vita sophist.», 10, p, 13, 1, ed. Kayser, FVS[3], 353, 37.

41. *Диог. Л.*, IX, 41, FVS[4], II, 12, 27—38.

42. Упоминает он <Демокрит> также и учение об едином последователей Парменида и Зенона, как пользовавшихся особенной известностью при нем, а также и абдерита Протагора, который, по общему признанию, был современником Сократа.

43. Аристоксен же в своих «Исторических памятниках» утверждает, что Платон задался целью сжечь все сочинения Демокрита, какие только он мог собрать, но пифагорейцы Амикла и Клиний помешали ему, указав ему, что это бесполезно. Дело в том, сказали они, что уже у многих имеются эти книжки. А ведь это очевидно. Ибо Платон, упоминающий почти всех древних, нигде не упоминает Демокрита; не упоминает его даже там, где ему следовало бы что-нибудь возразить Демокриту; поступает он так, очевидно зная, что у него состязание было бы в этом случае с самым лучшим из философов. По крайней мере Демокриту воздает хвалу Тимон следующим образом: «Это высокомерного Демокрита, пастыря слов, говоруна, рассматривающего вещи с обеих сторон, я узнал в числе первых».

44. Если только «Соперники в любви» принадлежат Платону, говорит Трасил, то Демокрит и есть тот присутствующий, но никак не названный и не принадлежащий к ученикам Энопида и Анаксагора, участвующий в беседе с Сократом о философии, — тот, которому философ представляется похожим на упражняющегося в пятибории, ибо в философии он действительно был победителем пятиборья. Так он

42. *Диог. Л.*, IX, 42.

43. *Диог. Л.*, IX, 40, FVS[4], II, 12, 17—26.

44. *Диог. Л.*, IX, 37. Anterast, p. 136, A, см. также Дильс, FVS, S. 230, 1—5, русский перевод у проф. Маковельского «Доксократики», ч. 3, гл. XXIX, 2 и 3. «Пятиборье», т. е. во всех пяти видах состязания телесной силы (бегании, скакании, бросании диска, метании копья и борьбе). τοὺς ἐγκυκλίους, λόγους — «науки общего образования».

разрабатывал физику и этику, а также математику и науки, входившие в круг общего, популярного образования, и кроме того имел всевозможный опыт в области искусств.

45. [Гиппократ] был учеником сперва своего отца, затем селимбрийца Геродика и леонтинца Горгия, ритора и философа, по некоторым же свидетельствам он был учеником абдеритянина Демокрита. И в самом деле юность Гиппократа совпадает со старостью Демокрита.

46. Заметив, что он [Диагор] от природы прекрасно одарен, абдеритянин Демокрит выкупил его, бывшего рабом, за 10 тыс. драхм и сделал его своим учеником. Тот занялся также лирикой. По возрасту он был моложе Пиндара и Бакхилида, но старше Меланиппида. Итак, расцвет его [Диагора] деятельности пришелся на 78-ю олимпиаду <468—465 до н. э.>.

47. Если же верить Посидонию, то и учение об атомах является древним; оно принадлежит Моху Сидонскому, жившему до Троянской войны.

48. Демокрит же и Эпикур [учат об] атомах, если только не следует считать это учение более древним, именно, как говорит стоик Посидоний, идущим от некоего финикийца Моха.

49. Некоторые говорят, что занятие философией началось у варваров... и что у них были философы: финикиянин Мох, фракиец Замолксис и ливиец Атлант.

45. *Свида* под словом «Гиппократ», FVS[3], 353, 38—41.
46. *Свида* под словом «Диагор», FVS[3], 353, 42—45.
47. *Страбон*, XVI, 757, FVS[4], II, 26, 16—22.
48. *Секст Эмпирик*, «Adv. mathem.» («против догматиков») IX, 363.
49. *Диог. Л.*, I, FVS[4], II, 26, 21.

СОЧИНЕНИЯ ДРЕВНИХ О ДЕМОКРИТЕ

50. Книга Аристотеля: «О Демокрите».

51. [Каталог сочинений Аристотеля] «Проблемы из сочинений Демокрита», две книги.

52. [Каталог сочинений Теофраста] «О Демокрите», одна книга. «Об астрологии Демокрита», одна книга.

53. [Каталог сочинений Гераклида Понтийского] «О природе и об идолах (образах) против Демокрита», [Там же] «Комментарии против Демокрита», одна книга.

54. [Книга] Эпикура: «Против Демокрита».

55. [Каталог сочинений эпикурейца Метродора] «Против Демокрита».

56. [Каталог Клеанта]: «Против Демокрита».

57. [Каталог Сфера]: «О мельчайших телах, против учений об атомах и идолах (образах)».

58. [Перечень сочинений] Каллимаха: «Список неупотребительных слов и перечень сочинений Демокрита» (из Гезихия).

59. Грамматик Гегесианакс, написавший «О языке Демокрита» одну книгу и о «Поэтических выражениях» (из Гезихия).

50. *Симпл*, «De caelo» (комментарий к книге Аристотеля «О небе»), 294, 33.

51. Каталог сочинений Аристотеля, 24, изд. Rose, *Диог. Л.*, V, 26.

52. *Диог. Л.*, V, 49.

53. *Диог. Л.*, V, 87, 88.

54. *Филодем*, Schol. Zenon. «De libertate dic.» Volum Hercul. Usener «Epicurea», p. 97, 10.

55. *Диог. Л.*, X, 24, Срв. *Колот* в FVS^{3}, 385,1.

56. *Диог. Л.*, VII, 174.

57. *Диог. Л.*, VII, 178.

58. *Свида*, FVS^{4}, II, 19, 11 сл.

59. *Стефан Византийский*, p. 640, 5 изд. Mein., FVS^{4}, II, 19, 13.

СОЧИНЕНИЯ ДЕМОКРИТА

60. Демокрит: Подлинных книг его две: «Великий диакосмос» и «О строении природы». Им написаны и письма (Из Гезихия).

61. Сочинения Демокрита в тетралогическом порядке у Трасила.

Книги его Трасил записал по порядку, расположив их, как и сочинения Платона, по тетралогиям.

Эпические сочинения его следующие:

I. 1) Пифагор. 2) О душевном состоянии мудреца. 3) О том, что после смерти. 4) Тритогенейя (это название указывает на то, что из нее происходят три вещи, включающие в себя все человеческое).

II. 1) О качестве хорошего человека или добродетели 2) Рог изобилия. 3) О хорошем расположении духа. 4) Этические записки, [число книг не указано]. Что касается сочинения: «Счастье», то такого нет [среди его сочинений]. Вот каковы этические сочинения Демокрита.

Физические же сочинения его следующие:

III. 1) Великий диакосмос (это сочинение последователи Теофраста приписывают Левкиппу). 2) Малый диакосмос. 3) Космография. 4) О планетах.

IV. Первая [книга] о природе. 2) Вторая [книга] о природе человека [или о теле]. 3) Об уме. 4) Об ощущениях (некоторые наряду с этим заглавием дают последнему сочинению также заглавие «О душе»).

V. 1) О вкусах. 2) О цветах (47). 3) О различии форм (атомов). 4) О взаимно изменчивых формах.

VI. 1) Подтверждения (а именно доказательства, подкрепляющие ранее сказанное). 2) Об идолах (образах) или о про-

60. *Свида*, FVS[4], II, 19, 8—10. Приведенное взято из Гезихия. О письмах, см. ниже, стр. 667. и сл.

61. *Диог. Л.*, IX, 45—49 FVS[4], II, 19, 8 сл.

«О различии понимания» (стр. 32,14)—так переводит, держась традиции, H. Vogt («Bibl. Mathem.», III, X, 1910, 146) и видит здесь полемику против нападок Протагора на геометров. По другому чтению (Cobet): «разность гномона». «О перспективе» (стр. 32, 17—18) или «Проекция сферы на плоскость» по перев. А. О. Маковельского.

видении. 3) О законах логики, три книги. 4) Спорные вопросы (число книг не указано).

Таковы сочинения его по физике.

Не включены же в тетралогии следующие сочинения:

1) Причины небесных явлений.
2) Причины воздушных явлений.
3) Причины земных явлений.
4) Причины, относящиеся к огню и явлениям в огне.
5) Причины, относящиеся к звукам.
6) Причины, относящиеся к семенам, растениям и плодам.
7) Причины, относящиеся к животным, три книги.
8) Причины смешанного рода.
9) О камне.

Таковы его сочинения, не включенные в тетралогии.

Математические же сочинения его следующие:

VII. 1) О различии понимания или «О касании круга и шара». 2) О геометрии. 3) Геометрические исследования (число книг не указано). 4) Числа.

VIII. 1) Об иррациональных линиях и телах, две книги. 2) О перспективе. 3) Мировой год или астрономия, с приложением астрономического календаря. 4) Состязание клепсидры (?).

IX. 1) Описание неба (уранография). 2) География. 3) Описание полюсов (полография). 4) Учение о лучах (актинография).

Вот и все его математические сочинения.

Филологические сочинения его следующие:

X. 1) О ритмах и гармонии. 2) О поэзии. 3) О красоте стихов. 4) О благозвучных и неблагозвучных звуках.

XI. 1) О Гомере или правильном произношении и непонятных словах. 2) О пении. 3) О глаголах. 4) Об именах (число книг не указано).

Вот и все филологическое сочинения его.

Сочинения же, относящиеся к [техническому] искусству, следующие:

XII. 1) Прогноз. 2) Об образе жизни или диэтетика. 3) Врачебная наука. 4) Причины неблагоприятных и благоприятных симптомов.

XIII. 1) О земледелии и землемерии. 2) О живописи. 3) Военная тактика и 4) Об искусстве сражаться в тяжелом вооружении.

Вот сколько сочинений этого рода.

Некоторые [сверх этого] включают особо [не располагая в тетралогии] еще следующие сочинения из его «Записок»:

1) О священных книгах в Вавилоне. 2) О священных книгах в Мерое. 3) Плавание по Океану. 4) Об истории. 5) Халдейское учение. 6) Фригийское учение. 7) О лихорадке и кашле. 8) Причины, касающиеся законов. 9) Сделанное человеческими руками или проблемы.

Все же остальные сочинения, которые приписываются ему некоторыми, или, как одни, составлены по его сочинениям, или же, по общему признанию, ему не принадлежат, как другие. Вот какие у него сочинения и вот сколько их.

62. [Сочинение Демокрита:] «Об идеях».

63. [Сочинение Демокрита:] «О цели».

64. [Сочинение Демокрита:] «Наставления».

65. [Сочинение Демокрита:] «Пифагор».

66. То же самое раньше было сказано в «Великом диакосмосе», который, говорят, принадлежит Левкиппу. И до такой степени он открыто присваивает себе чужие учения, что не только в «Малом диакосмосе» излагает все то, что находится в «Великом»...

*66*а. [Сочинение Левкиппа:] «Об уме».

---

62. *Секст*, «Adv. math.», VII, 137.

63. *Климентий*, «Strom.», II, 417, Sylb.

64. *Евсевий*, «Praepar. evangel.», 27, 5.

65. *Диог. Л.*, IX, 38.

66. Volumina Herculan. («Геркуланские свитки»), coll. alt. VIII, 58—62, фр. I, FVS[4], II, 58, 8—12. Во фр. 2, 6 также стоит имя Демокрита. Текст испорчен.

66а. *Аэций* I, 25,4. Док. 321.

НАТУРФИЛОСОФИЯ

МАТЕРИЯ КАК ПЕРВООСНОВА

ОБ АТОМАХ И ПУСТОТЕ

67. Начала вселенной—атомы и пустота. Все же остальное существует лишь во мнении... Атомы не поддаются никакому воздействию [которое изменило бы их] и они неизменяемы вследствие твердости.

68. Некоторые, принимая атомы, [полагают, что] деление материи останавливается на атомах [далее неделимых] и не идет в бесконечность.

69. Атомы суть всевозможные маленькие тела, не имеющие качества, пустота же—некоторое место, в котором все эти тела в течение всей вечности, носясь вверх и вниз, или сплетаются каким-нибудь образом между собой или наталкиваются друг на друга и отскакивают, расходятся и сходятся снова между собой в такие соединения, и таким образом они производят и все прочие сложные [тела] и наши тела и их состояния и ощущения.

70. Демокрит по сравнению с прочими один высказал собственное мнение. А именно он говорит, что

67. *Диог. Л.*, IX, 44, FVS[4], II, 13, 18 сл.
68. *Аэций I*, 16, 2, Dox. 315.
69. *Гален*, «De elem. sec. Hipp.», I, 21. FVS[4], II, 25, 16—21.

то, что действует, и то, что испытывает действие,— тождественны и подобны. Ибо неодинаковые и различные [вещи] не могут испытывать действия друг от друга, но даже если бы какие-либо вещи, будучи неодинаковыми, действовали как-либо друг на друга, то это происходило бы с ними не поскольку [в них есть что-либо] различное, но поскольку [они имеют] что-либо тождественное.

71. Они [приверженцы Левкиппа и Демокрита] считают первотела не испытывающими воздействия [извне], (некоторые из них, а именно приверженцы Эпикура, говорят, что атомы нерасторжимы вследствие твердости, другие же, а именно приверженцы Левкиппа, говорят, что они неделимы вследствие малости). [По их учению] первотела не могут ни в каком отношении изменяться, они не могут подвергаться таким изменениям, в существование которых верят все люди на основании чувственного опыта; так например ни один из атомов не нагревается, не охлаждается, равным образом не делается ни сухим, ни влажным и тем более не становится ни белым, ни черным и вообще не принимает никакого иного качества вследствие [полного] отсутствия изменения в атоме...

72. Левкипп же и его друг Демокрит элементами признают «*полное*» и «*пустое*», говоря, что одно есть сущее, а другое—несущее. Именно полное и плотное они считают сущим, а пустое и [разреженное]—небытием (поэтому-то они и утверждают, что бытие нисколько не более существует, чем небытие, так как и пустота не менее действительна, чем тело). Эти элементы они признавали причиною всего существу-

70. *Аристотель*, «De gen. et corr.», A 7, 323 в 10 (FVS[4], II, 28, 17 сл.).

71. *Гален*, «De elem. sec. Hipp.», I, 2, FVS[4], II, 25, 21—29.

ющего как материю. И подобно тому как принимающие лежащую в основе вещей сущность за единое, все прочее *выводят из ее* состояний, полагая плотное и разреженное началами изменений, точно таким же образом и эти мыслители утверждают, что основные различия в атомах суть причины всего прочего. А этих различий они считают три вида — форма, порядок и положение. Именно, они говорят, что сущее различается только *очертанием*, *соприкосновением* и *поворотом*, причем очертание—это форма, соприкосновение—это порядок и поворот—это положение. Так *A* отличается от *N* формой, *AN* от *NA* порядком, а *N* от *Z* положением. Откуда или как оно происходит во всем существующем, это [указанные философы], подобно прочим, по небрежности упустили из виду.

73. Наиболее методически обо *всем* учили, давая одно и то же учение, Левкипп и Демокрит, [а именно] они приняли [первичное] начало соответственно природе, какова она [в действительности] есть. Дело в том, что некоторые из древних полагали, будто бытие по необходимости едино и неподвижно. Ибо пустота не существует, движение же невозможно, если нет отдельно существующей пустоты, и, с другой стороны, нет многого, если нет того, что разделяет... Левкипп же полагал, что он обладает учением, которое, будучи согласно с чувственным восприятием, не отрицает ни возникновения, ни уничтожения, ни движения, ни множественности сущего. Согласившись в этом с [показаниями чувственных] восприятий, а с [философами], принимавшими единое,—в том, что не может быть движения без пустоты, он говорит,

72. *Аристотель*, «Metaph.» A 4, 985 B, 4. Термин ῥυσμός мы переводим через «очертание». Это ионийское обозначение у Демокрита имеет в виду не внутреннее строение а внешний вид, форму, фигуру.

что пустота—небытие и что небытие существует нисколько не менее, чем бытие. Ибо сущее в собственном смысле—абсолютно полное бытие. Таковое «полное» же не едино, но [таковых сущих] бесконечно много по числу, и они невидимы вследствие малости [своих] объемов. Они носятся в пустоте (ибо пустота существует) и, соединяясь [между собой], они производят возникновение, расторгаясь же—гибель.

74. Левкипп же элеат или милетянин, [ибо о нем говорят и то и другое], приобщившись к философии Парменида, пошел [в учении] о сущем не по одной дороге с Парменидом и Ксенофаном, но, как кажется, по противоположной. А именно, между тем как те считали вселенную единой, неподвижной, невозникшей и ограниченной и не позволяли даже искать небытия, он предположил атомы [неделимые частицы], бесконечное число всегда движущихся элементов и бесконечное множество форм их, так как [этому числу] нет никаких оснований быть скорее таким-то, чем иным, и так как он усматривал в сущем непрерывное возникновение и изменение. Притом же бытие существует нисколько не более, чем небытие, и оба они одинаково являются причинами для возникновения [вещей]. А именно, предполагая сущность атомов абсолютно плотной и полной, он называл их бытием и учил, что они носятся в пустоте, которую он называл небытием, и говорил, что последнее существует не менее, чем бытие. Точно так же и приятель его <Левкиппа> абдеритянин Демокрит признал началами полное и пустое, называя первое бытием, второе—небытием. А именно, они, считая атомы как бы материей сущего, [все] прочее выводят из их различий. Различий же их три: «*очертание*, *поворот и соприкасание*»; это значит: форма, положение и по-

73. *Аристотель*, «De gen. et corr.», A 8, 324 в 35—325 a 1.

рядок. Ибо, по природе, подобное приводится в движение подобными, и сродные [вещи] несутся друг к другу, и каждый из атомов, вступая в иное соединение, производит другое расположение. Таким образом они заявляли, что при [принятии] бесконечного числа начал разумно объясняются все состояния и сущности, отчего и как это возникает. Поэтому они говорят, что только тем, кто считает элементы бесконечно многими, удается всему дать разумное объяснение. И они утверждают, что число форм у атомов бесконечно [разнообразно] «*по той причине, что оно нисколько не больше такое, чем иное*». Так вот какую причину бесконечности [числа атомов и форм их] они указывают.

75. Демокрит же и Левкипп говорят, что [все] прочее состоит из неделимых тел, последние же бесконечны числом и бесконечно разнообразны по формам; вещи же отличаются друг от друга [неделимыми], из которых они состоят, их положением и порядком... Демокрит же и Левкипп, приняв [телесные] фигуры, выводят из них изменение и возникновение; [именно], разделением и сложением их [они объясняют] возникновение и уничтожение, порядком же и положением—изменение. Так как они полагали истину в [мире чувственных] явлений, явления же [эти] противоположны и бесконечно разнообразны, то они предположили эти фигуры бесконечными [по числу и очертаниям]; таким образом [согласно их учению] вследствие перемен в составе одно и то же кажется противоположным в том или другом отношении и изменяется при незначительной примеси и вообще кажется иным при перемещении [какой-нибудь входившей

74. *Симпл.*, «Phys.», 28, 4,—из Теофраста («Phisic. opin.» фр. 8). FVS[4], II, 22, 23 сл.
75. *Аристотель*, «De gen. et corr.» A 1, 314 a 21; 315 b 6.

в состав его] единицы. Ведь из одних и тех же букв составляется трагедия и комедия.

76. Приверженцы Левкиппа и Демокрита, называя мельчайшие тельца атомами, [принимали, что] соответственно различию внешних форм, положения и порядка их, все те тела становятся теплыми и огненными, которые сложены из более острых, более тонких и занимающих более сходственное положение первотелец, холодными же и жидкими [становятся] все те [тела], которые [состоят] из противоположных [указанным] атомов, и первые [тела] блестящи и светлы, вторые же темны и мрачны.

77. Кроме того надо затем еще одно заметить: непроницаемые тельца, атомы, из которых образуются сложные тела и на которые последние разлагаются, необозримы со стороны различий их внешних очертаний, ибо бесконечное разнообразие постигаемых чувственно различий не может возникнуть из обозримого нашим рассудком числа разновидностей очертаний атомов. Атомов каждой разновидности очертаний бесконечно много; что касается самих очертаний, то их число [уже], строго говоря, не бесконечно [как думает Демокрит], а лишь настолько велико, что не могут быть обозримы нашим рассудком.

78. Нужно согласиться со взглядом [Демокрита], что атомы никоим образом не имеют тех качеств, которые присущи всем вообще чувственным предметам,—за исключением формы, величины... Ведь всякое качество изменяется, атомы же вовсе не изменяются, потому что при всяком разложении сложного всегда остается нечто неразложимое далее, нечто твердое.

76. *Симпл.*, «Phys.», p. 36, I.

77. *Эпикур*, «Ad. Herod.» («Письмо Геродоту»), у Диог. X, 42.

78. Там же, *Диог.* X, 54.

79. Однако, что касается величины атомов, то не надо вовсе думать [как Демокрит], что они бывают любой величины; этому противоречат показания чувственных восприятий. Известные различия в размере однако нужно допустить, так как при их предположении можно легче понять происхождение возбужденных состояний и чувственных восприятий. Для [объяснения] возникновения качественных различий вовсе нет надобности в том, чтобы имелась налицо какая угодно величина, [как думает Демокрит]. И кроме того мы должны были бы встречать в таком случае видимые атомы. Именно этот взгляд и отрицается нами, ибо никак нельзя понять, как это вообще существует видимый атом. Кроме того ведь нельзя допустить, что в ограниченной вещи существует бесконечное число атомов всех возможных вообще величин, [как думает Демокрит]. Согласно этому мы должны отвергнуть [вместе с Демокритом] возможность деления до бесконечности в смысле дробления на части на том основании, что в противном случае благодаря раздавливанию существующие в неограниченно больших агрегатах массы были бы добычей небытия, [но мало этого] мы не можем согласиться в то же время и с тем, чтобы в ограниченных телах [деление в смысле] изменения величины отдельных частей не прерывалось, а продолжалось до бесконечности. Ибо нет ничего бессмысленнее того, как утверждение, что в любой вещи, [как полагает Демокрит], должно заключаться бесконечное число телец, причем они должны быть именно какой-угодно величины. Ибо каким же образом тогда величина такой вещи была бы все-таки ограниченной! Однако в действительности ясно, что каждое из бесконечного множества телец должно быть определенной величины,

79. Там же, *Диог*. X, 56.

потому что при предположении [которое делает Демокрит], что оно должно быть любой величины, величина менялась бы до бесконечности. А так как ограниченная вещь имеет предел, охватываемый рассудком, хотя в своей внешности сам по себе и невидимый, то так именно и происходит при идущем все далее и далее взаимоотношении величин, а если продолжить это движение вперед, то мысленно должны оказаться поэтому в области беспредельного.

80. Демокрит [признавал] идеи.

81. [О началах] Демокрит [признавал] идеи.

82. Ведь чему учит Демокрит? Бесконечно многие по числу сущности неделимые и неразличимые, не имеющие притом внутренних качеств и не подвергающиеся [внешнему] воздействию, носятся рассеянные в пустом пространстве. Когда же они приблизятся друг к другу или столкнутся или сплетутся, то из [образовавшихся таким образом] скоплений их одно кажется водой, другое—огнем, третье—растением, четвертое—человеком. [В действительсти же] все это—«атомы» или «идеи», как он называет их сам, и кроме них ничего иного нет. Ведь из небытия не бывает возникновения и из сущего не может возникнуть ничто по той причине, что атомы вследствие своей твердости неспособны ни испытывать воздействия, ни изменяться. Поэтому-то невозможно [возникновение] ни цвета из того, что не имеет цвета, ни природы, ни души из того, что не имеет качеств и не подвергается внешнему воздействию.

80. Схолии, Basil, II ed. Pasquali, FVS[4], II, 26, 29—37.

81. (Климентий) Recogn., VIII, 15, Dox. 250.
Δ. ἰδέας, ideas, здесь в смысле—«формы».

82. *Плутарх*. «Adversus Colotes», 8, p. 1110 F. «Идея»—тут «форма», «вид». По другому чтению (вместо—«атомы или идеи») «неделимые» идеи (т. е. формы).

83. И, как говорит Демокрит, все было вместе в возможности, в действительности же—нет.

84. Мы видим, что одно и то же тело, будучи непрерывным, бывает то жидким, то твердым, причем принимает то или иное состояние не вследствие разделения и соединения и не вследствие «положения» и «порядка», как говорил Демокрит. Ведь, не будучи ни перемещено, ни изменено по природе, оно из жидкого превратилось в твердое.

85. Что касается первоначал, Демокрит говорит о них, что [в их области] ничто не возникает одно из другого. Но общая телесность их есть начало всего, а она различается по величине частиц и их форме.

85. Ибо невозможно, говорит Демокрит, чтобы из двух возникло одно или из одного—два. Он делает сущностями величины, нечто неделимое.

87. Некоторые назвали атомами неразрушимые мельчайшие тела, бесконечно многие по числу, и предположили некоторое пустое место, не ограниченное по величине.

88. Упрекает его же [Демокрита Колот] прежде всего за то, что, сказав, что каждая из вещей не более такая, чем иная, он вносит путаницу в жизнь. Но Демокрит настолько по крайней мере был далек от того, чтобы считать, что каждая из вещей не более такая, чем иная, что вел спор с софистом Протагором, который как раз утверждал это, и написал много убедительного против него. А Колот, и во сне не видав их, был введен в заблуждение выражением этого мужа [Демокрита], когда он утверждает «*нечто*

83. *Аристотель*, «Metaph.», 2, 1069 b 22.
84. *Аристотель*, «De gen. et corr.», H. 9, 327 a 15, FVS[4], II, 23, 4—8.
85. *Арист.*, «Phys.» G 4, 203 a 33.
86. *Арист.*, «Metaph.» 13, 1039 a 9.
87. *Дионисий*, у Евсевия, Pr. Ev. XIV, 23,23.

существует не более, чем ничто», называя тело — «*нечто*», пустоту же — «*ничто*», так как, по его мнению, и последняя имеет некоторую природу и собственную сущность.

89. Демокрит...: начала — бытие и небытие. Бытие — полное, небытие — пустое. Полное же в пустом пространстве [своим] поворотом и очертанием производит все.

90. Демокрит: твердое [полное] и пустое, из коих первое существует как бытие, второе — как небытие. Еще [различаются они] положением, формой, порядком. Таковы — родовые понятия противоположностей. [А именно] виды положения — вверху и внизу, виды порядка — спереди и сзади и виды формы — ломаная, прямая и круглая.

91. Они говорят, что движение существует благодаря пустоте. Ибо движение в пространстве [с места на место] они называют «природой».

92. [Демокрит:] физические первые неделимые тела. Ибо они их называли «*природой*» и говорили, что [эти тела] движутся в пространстве, перемещаясь благодаря имеющейся в них тяжести через пустоту, которая уступает им [место] и не оказывает им сопротивления. А именно — они говорили, что атомы «*трясутся во всех направлениях*», и они не только приписывают элементам первичное движение, но и исключительно лишь это движение, прочие же [виды движения приписываются ими] тем [сложным телам], которые сами возникают из элементов. Ибо рост, гибель, изменение, возникновение, уничто-

88. *Плутарх*, «Adv. Colot.», 4, p. 1108, FVS[4], II, 91, 3 сл.
89. *Гермий*, «Irris.» 13. Dox. 654.
90. *Аристотель*., «Phys.» A 5, 188 a 22, FVS[4], II, 24, 14—17. У Симплиция вместо «твердое» стоит «полное».
91. Там же, 265 b. 24, FVS[4], II, 27, 3—11.

жение, говорят они, [заключаются] в соединении и разъединении первичных тел.

93. Он <Демокрит> полагает, что атомы, как он их называет, т. е. неделимые вследствие твердости тела, носятся в бесконечном пустом пространстве, в котором вовсе нет ни верха, ни низа, ни середины, ни конца, ни края, [причем атомы в пустом пространстве носятся] таким образом, что вследствие столкновений они сцепляются друг с другом, из чего возникает все то, что есть и что ощущается.

94. А именно они <Левкипп и Демокрит> называли атомы «природой»... они говорили, что (атомы в пустоте) «мечутся во все стороны».

95. Из древних одни так называемое простое рождение (ἁπλῆν γένεσιν) именуют изменением, другие—и изменением и возникновением. Принимающие многое за одно и выводящие все из одного возникновение называют изменением; так что все, что в собственном смысле возникает, [то на самом деле] изменяется. А те, что в материи одного полагают большее [чем одно]—как Эмпедокл, Анаксагор, Левкипп,—полагают иначе. Эмпедокл говорит, что огонь, вода, воздух и земля суть четыре элемента, более простые, нежели кость и плоть... Напротив, Анаксагор согласен с Левкиппом и Демокритом в том, что они бесчисленны.

96. Представляет трудности вопрос, почему пламя имеет форму пирамиды. Демокрит говорит, что так как края охлаждаются, то [пламя] слегка сжимается и конец его заостряется.

92. *Симплиций* к приведенному месту из Аристотеля FVS⁴, II, 27, 6.

93. *Цицерон*, «De fin.», I, 6, 17, FVS⁴, II, 26, 24.

94. *Симпл.*, «Phys.», 1318, 34, FVS⁴, II, 92, 22 сл.

95. *Арист.*, «De gen. et corr.», I, 1 314 a 17.

96. *Теофраст*, «De ign.», 52, FVS⁴, II, 29, 35.

97. [Почему магнит притягивает железо?] И Демокрит также полагает, что происходят истечения и что подобное несется к подобному, а также, что все устремляется в пустоту. Предположив это, он принимает, что магнит и железо состоят из подобных атомов, но магнит состоит из более тонких [атомов], и, кроме того, он более разрежен, заключает в себе больше пустоты, чем железо; вследствие этого атомы [магнита] более подвижны и с большей скоростью несутся к железу [ибо движение происходит по направлению к подобному]; проникнув в поры железа, они приводят в движение заключающиеся в нем тельца, проходя через них вследствие [своей] тонкости; [последние же], будучи приведены в движение, выходят наружу в виде истечений и [несутся] к магниту вследствие подобия и вследствие того, что в нем много пустоты, а за ним следует и железо вследствие массового выделения [из него истечений] и совокупного движения их, и [таким образом] и само [железо] устремляется к магниту. Магнит же более уже не движется к железу, потому что железо не заключает в себе так много пустоты, как магнит. Пожалуй, можно доказывать, что магнит и железо состоят из подобных [атомов], но как [можно доказать, что] янтарь и мякина [состоят из подобных же атомов]? Но если и сказать это относительно их, то [как быть с тем фактом], что существует много [различных] вещей, притягиваемых янтарем. Если же янтарь состоит из [атомов], подобных им всем, то и последние, состоя из [атомов] взаимно подобных, должны были бы притягивать друг друга.

98. Существуют некоторые телесные истечения [идущие от вещей], пребывающих на месте и притягивающих таким образом [к себе]; притягиваемое

97. *Александр*, «Quaest.», II, 23, FVS[4], II, 53, 19 сл.

влечется посредством этих [истечений], которые захватывают [его] и *вплетаются в него*, как говорят некоторые [последователи Демокрита].

99. Демокрит говорит, что каждое из неделимых [телец] бывает более тяжелым вследствие большего размера.

100. Тем, которые утверждают, что первичные тела тверды [в противоположность Платону], более позволительно говорить, что большее из них более тяжело. Что же касается сложных [тел], то нельзя утверждать, чтобы это было справедливо относительно каждого из них, так как мы видим, что многие тела, будучи меньшего объема, более тяжелы, как например медь тяжелее шерсти. Ввиду этого иную причину [для более сложных тел] предполагают и высказывают некоторые. А именно—они говорят, что заключающаяся [в сложных телах] пустота делает тела легкими и большие [тела] делает иногда более легкими. Ибо последние заключают в себе больше пустоты... Так вот как они говорят, но тем, кто дает такое определение, необходимо прибавить, что [тело], если оно более легкое, не только заключает в себе больше (пустоты), но и твердое имеется в нем в меньшем размере. Ибо, если оно нарушит такое соотношение [между твердым и пустотой], то оно не будет более легким. А именно, говорит он <Демокрит>, по этой-то причине и огонь наиболее легок, так как он заключает в себе наибольше пустоты. Итак [если не принять во внимание сказанного нами выше], то получится, что большой кусок золота, заключая в себе пустоты больше, чем маленький [по размерам] огонь, будет легче последнего, хотя твердого он будет заключать в себе во

98. *Александр* у *Симпл.* «Phys.», 10561, 1.
99. *Аристотель*, «De gen. et corr.», A 8 326 a 9.

много раз больше... Если [материя], как [полагают] те, [которые принимают] пустое и полное, заключает в себе противоположности, то невозможно будет сказать, по какой причине [тела], средние между абсолютно тяжелыми и абсолютно легкими, тяжелее и легче как относительно одно другого, так и абсолютно по сравнению [с тяжелыми и легкими телами]. Определять же [вес] прямо размерами [тела] кажется более фантастическим способом [решения вопроса], нежели вышеуказанный [способ]... Нет ничего ни абсолютно легкого, ни несущегося вверх, но [бывает тело] или отстающее [в своем движении] или вытесняемое [вверх], и малые [тела], взятые в большом количестве, тяжелее больших [тел], взятых в небольшом количестве.

101. У тех, кто учит о формах [атомах], нелепо еще и то, что у них различие одинаковых по величине [атомов] приравнивается к обладанию различной силой. Ведь силы различны не на основании внешней формы, но на основании тяжестей, которые, пожалуй, можно свести к давлению и просто к количественному различию; [принимать, что они] не имеют той же самой силы и не производят [того же самого действия], было бы неразумно после того, как силы сведены к формам, ибо если они имеют одинаковый внешний вид, то [естественно] и то, что лежит в основе, должно быть тождественным, как и в прочих [вещах].

102. Демокрит: [начала]—*плотное* и *пустое*.

103. Что значит «*более плотное*» [у Архигена], я не вполне уясняю себе вследствие того, что [это] слово у эллинов не употребляется в применении к

100. *Аристотель*, «De caelo», 2, 309a 1—310a.

101. *Теофраст*, «De caus. plant», VI, 23, FVS[4], II, 40, 5 сл.

102. *Аэций*, I, 3, 16, Dox. 285.

такому предмету. Дело в том, что некоторый [сорт] хлеба называли *плотно укатанным*, но я не знаю, чтобы какое-либо другое тело у них так называлось. Сам же Архиген, как мне кажется, употребляет слово «*плотное*» вместо слова «*полное*».

104. Мы должны вернуться к вопросу, что такое возникновение одной вещи из другой,—[является ли] оно разделением вещи на ровные части, как говорят Эмпедокл и Демокрит... Итак, последователи Эмпедокла и Демокрита, сами того не замечая, сводят возникновение одной [вещи] из другой [лишь] к видимости возникновения... <признают не действительное, а кажущееся возникновение>. Тело, состоящее из более тонких частей, занимает большее место. Это видно и при переходе [тела в более разреженное состояние]. А именно, когда влага испаряется и превращается в пар, то вследствие тесноты разрываются сосуды, заключавшие [в себе] эти массы [материи]. Таким образом, если вовсе нет пустоты и тела не растягиваются, как утверждают говорящие вышесказанное [Эмпедокл, Анаксагор, Демокрит], то невозможность [этого] очевидна. Если же существует пустота и растяжение [Демокрит], то нелепо, чтобы отделяющееся всегда по необходимости занимало большее место.

105. Итак, полагая, что так называемая смесь возникает вследствие приложения [друг к другу] тел, для смешения разделяемых на мелкие [части] и образующих смесь занятием места друг возле друга, Демокрит говорит, что поистине началом не [могут] быть никакие смеси, но то, что кажется смесью, [на самом деле] есть [только] близость друг к другу тел, сохраняющих в [своих] частицах собственную при-

103. *Гален*, «De differentia pulsuum», VIII, 931 K. FVS[4], II, 24, 20 (демокритовские термины взяты в тексте курсивом).

104. *Аристотель*, «De caelo», Г 7, 305 b. 1 FVS[4], II, 24, 24—31.

роду каждого из них, которую они имели и до смешения. Кажутся же они смешанными по той причине, что [наше] ощущение не в состоянии воспринять в отдельности ни одной из лежащих рядом частиц вследствие их малости.

О ДУШЕ

105. Одушевленное существо отличается от неодушевленного главным образом двумя свойствами — движением и ощущением. Потому от прежних исследователей дошли до нас почти два только мнения о душе. Одни утверждают, что душа главным образом и прежде всего есть начало движущее, но при этом, полагая, что неподвижный предмет не может приводить в движение другой, они причислили и душу к предметам движущим. Потому Демокрит учит, что душа есть особого рода огонь и теплота. Из бесконечного множества атомов, имеющих бесконечное множество различных форм, атомы, имеющие сферическую форму, составляют, по его мнению, огонь и душу. Атомы эти имеют сходство с теми пылинками, которые видны в полосе света, входящей через окна: рассеянные повсюду, они суть элементы, из которых состоит вся природа. Подобным же образом учит и Левкипп. Оба они признавали душу состоящею из круглых атомов потому, что тела этой формы преимущественно перед другими способны проникать всюду и двигать другие тела, когда сами приведены в движение. При этом душу они почитали началом, производящим движение животных. Потому-то жизнь, по их мнению, прекращается вместе с прекращением дыхания. Между тем как окружающая данные тела среда давит и вытесняет атомы, находящиеся внутри их и дающие животным движение в силу того,

105. *Александр*, «De mixt.», 2, 214, 18, FVS[4], II, 28, 21 сл.

что сами никогда не бывают в покое,—атомы, находящиеся вне тела и входящие в него через дыхание, подкрепляют их, не допуская их выйти из тела и препятствуя сгущению и охлаждению под влиянием внешнего давления. Животные живут до тех пор, пока могут совершать это действие... Такое мнение образовалось потому, что пылинки эти кажутся постоянно движущимися, даже в то время, когда воздух находится в совершенном покое... Подобным же образом признавал душу движущимся началом и Анаксагор или другой, кто бы он ни был, высказавший мысль, что все приводится в движение разумом.

Но это учение не вполне то же, что учение Демокрита. Демокрит прямо считал душу и ум одним и тем же, так как считал истинным все, что нам является, и потому одобрял Гомера, сказавшего о Гекторе, что он «*лежал и мыслил иначе*». Он смотрит на ум не как на силу, которою постигается истина, а отождествляет его с душою.

107. Даже о Гомере утверждают они [Демокрит и Эмпедокл], что он имел такое же воззрение: именно, он представляет Гектора, лишившегося сознания вследствие удара, «*лежащим и мыслящим иначе*», а потому выходит, будто и безумные люди мыслят, но только иначе.

108. Некоторым казалось, что душа есть огонь, потому что огонь состоит из самых тонких частиц и бестелеснее всех стихий; кроме того он прежде всего приходит в движение и производит движение в других предметах...Итак, когда во время дыхания вхо-

106. *Аристотель*, «De anima», A, 2 и сл. Пер. В. Снегирева. В дошедшем до нас тексте Илиады места, приводимого Аристотелем, нет. Смысл разъясняется приводимым далее местом из «Метафизики» Аристотеля: при любом состоянии души можно мыслить, даже лишившись сознания.

107. *Аристотель*., «Metaph.», IV, 5, 1009 в 7.

дит воздух, то входящие вместе с ним эти [атомы], удерживая [вышеупомянутое] давление, препятствуют находящейся в живых существах душе пройти [наружу]. И поэтому во вдыхании и выдыхании заключаются жизнь и смерть. А именно, всякий раз как одерживает верх окружающая [их среда], которая их сдавливает, и [они] не в состоянии более сдерживать то, что входит извне, тогда вследствие невозможности дышать животное умирает. Итак, смерть есть выход из тела таких форм [атомов] вследствие давления окружающей [их среды]. Причину же [того], почему всем когда-либо необходимо умереть [и притом] не в какое-угодно время, но от старости, в силу самой природы, или от насилия, против природы,— причину этого он <Демокрит> вовсе не указал.

109. Душа и ум тожественны [по Демокриту].

110. Он назвал огонь бестелесным не в собственном смысле этого слова (ибо никто из них этого не говорил), но в том слысле, что огонь, будучи телом, [является как бы] бестелесным вследствие того, что состоит из тонких частей.

111. [Демокрит: душа]—огнеподобное сложное [соединение] умопостигаемых [телец], имеющих сферические формы и огненное свойство; она есть тело.

112. Демокрит: [душа]—воздух, примешанный к атомам, [обладающий] такой легкостью движения, что для него всякое тело проницаемо.

113. Некоторые утверждают, что душа движет тело, в котором находится, тем же способом, каким

108. *Аристотель*. «De anima», A 2, 405 a 5; 54, 1—15; Арист. de resp. 4 471b 30.

109. *Диог.*, IX, 44, FVS[4], II, 13, 25.

110. *Филопон*, «De anima» (комментарий к книге Аристотеля «О душе»), p. 83, 27, FVS[4], II, 36, 2—3.

111. *Аэций*, IV, 3, 5. Dox. 388.

112. *Макробий*. «In. S. Scip.», I, 14, 19, FVS[4] II, 369, 7 сл.

сама движется. Таково мнение Демокрита, напоминающее собою слова комика Филиппа, который говорит, что Дедал сообщил движение деревянной статуе Афродиты, влив в нее ртуть. Нечто подобное утверждает и Демокрит. Сферические неделимые [атомы], которые по самой природе своей никогда не бывают в покое, двигаясь сами, увлекают, по его словам, все тело и приводят [его] в движение.

114. Демокрит говорит, что тело приводится в движение душой... Ведь если душа находится во всем ощущающем теле, то необходимо, чтобы в одном и том же [месте] находились два тела, если душа есть некоторое тело.

115. [От чего происходит сон и смерть, от души или от тела?] Левкипп: сон возникает вследствие преобладания и выделения тонкого вещества над вхождением душевного тепла. Усиление [этого преобладания] является причиной смерти. Сон и смерть суть состояния тела, а не души. < Ср. Эпикур: «Душа есть тело, рассеянное по всему организму». >

116. Демокрит и Эпикур: душа смертна, она уничтожается вместе с телом. Демокрит говорит, что все имеет душу, [даже] трупы, потому что в их корнях и сердце продолжало еще сохранять искорку жизни в глубине. И так как [связи души] еще оставались, то достаточно было явиться средству, нужному для оживления, чтобы погасшая было жизнь снова восстановилась.

113. *Аристотель*, «De anima», A 3, 406 b 15, пер. В. Снегирева, FVS^{4} II, 36, 9 сл.

114. Там же, «De an.», A 5, 409 a 32. FVS^{4}, II, 36, 15 сл.

115. *Аэций*, V, 25, 3. Dox. 437. «ср. Эпикур»—приводится по Диогену, X, 63.

116. Там же, IV, 7, 4. Dox. 393, а также—IV, 4, 7. Dox. 390. FVS^{4}, II, 38, 6.

116а. В этих вопросах никак нельзя рассуждать тебе так же.

Как полагает о том Демокрита священное мненье:
Будто начала души, чередуясь началами тела,
Попеременно идут и взаимную связь образуют.

О ВСЕОБЩЕЙ ПРИЧИННОСТИ И НЕОБХОДИМОСТИ

117. Движение атомов должно мыслить не имеющим начала, но существующим вечно.

118. Не имеют никакого начала [во времени] причины того, что ныне совершается, ибо искони, с бесконечного времени, они в силу необходимости предсуществуют, предваряя без исключения все *бывшее, настоящее и будущее.* <Ср. Эпикур: «Начала же описанным [процессам] нет, так как атомы и пустота — вечны».>

119. Он говорит о Левкиппе и Демокрите следующее: они учили, что сдавливаемые друг другом и друг о друга ударяющиеся атомы приводятся в движение, но они не определили, в силу чего и откуда начинается их естественное движение. Ибо движение по причине взаимного тесного соприкосновения есть движение вынужденное и неестественное, вынужденное же движение есть производное от естественного.

120. Вообще же неправильно видеть начало в том, что всегда было и есть или бывает. К этому [именно] Демокрит сводит причины, относящиеся к природе,

116а. *Лукреций*, III, 370.

117. *Цицерон*, «De fin.» I, 6, 17, FVS[4] II, 26,28.

118. *Плутарх*, «Strom.», 7. Dox. 581, FVS[4], II, 23, 10, сл. Эпикур по Диогену X, 44.

119. *Александр*, «In metaph.» 36, 21, FVS[2], 344, 9—12 (комментарий к «Метафизике» Аристотеля). Последняя фраза буквально—«последующее по сравнению с естественным».

говоря, что и прежде [все] так происходило. Начало же того, что вечно, он не считает нужным искать.

121. Они говорят, что есть [нечто] не возникшее, и, пользуясь этим [соображением], Демокрит доказывает, что невозможно, чтобы все возникло. А именно, время есть нечто не возникшее (т. е. не имеющее начала).

122. Однако Демокрит был так убежден в вечности времени, что, желая доказать, что не все возникло, воспользовался как очевидным [примером] указанием на то, что время не имело начала.

123. По крайней мере в начале [сборника] изречений Демокрит говорит: «Люди измыслили идол случая, чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность. Ибо редко случай оказывает сопротивление разуму, чаще же всего в жизни мудрая проницательность направляет [к достижению поставленной цели]».

Ибо по природе случай и ум противоречат друг другу. Они <атомисты> учили, что случай, который является наиболее враждебным уму, господствует над последним. Скорее же они его совершенно отвергают и устраняют, противопоставляя их друг другу. Ибо они прославляют не возникший по счастливому случаю ум, но разумнейший случай.

124. «В жизни мудреца случай играет незначительную роль, но самое главное [в ней] устроил ум

120. *Аристотель*, «Phys.», I, 252 a 32, FVS[4] II, 28, 28 сл.
121. *Арист.*, «Phys.», I, 251 b 16.
122. *Симпл.*, «Phys.» 1153, 22, FVS[4], II, 29, 29 сл.
123. *Дионисий*, епископ Александрийский, у Евсевия «Praep. Evangel.» XIV, 27, 5 см. FVS[4], II, 83, 25 сл. Здесь имеется в виду один из многочисленных сборников изречений, в которых приводились слова знаменитых философов и поэтов. Здесь и дальше отрицается случай в смысле беспричинности, но признается в противовес телеологии.

и будет устраивать постоянно в течение всей жизни» <слова Демокрита>.

125. Все совершается по необходимости, так как вихрь является причиной возникновения всего земного, и этот вихрь Демокрит называет «необходимостью».

126. По крайней мере сам Демокрит, как утверждают, говорил, что он «*предпочел бы найти одно причинное объяснение, нежели приобрести себе персидский престол*».

И понапрасну и без всякого основания он рассуждает о причинах [естественных явлений], ибо он отправляется от пустого начала и ошибочного предположения,—он не видит корня и общей необходимости природы сущего, величайшей же мудростью он считает лишь понимание того, что происходит неразумно и нелепо, и признает случайность властелином и царицей всего вообще и божественного [в частности], объявляя, что все произошло по случайности; [однако] он удаляет ее из жизни людей и порицает как глупцов тех, которые почитают ее.

127. Все происходит по определению судьбы, так что эта судьба приносит силу необходимости: этого мнения держались Демокрит, Гераклит, Эмпедокл, Аристотель.

128. Отбросив целевую [причину], Демокрит все, чем пользуется природа, сводит к необходимости.

124. *Стобей*, II, 8, 16. Эпикур. «Sent.» 16, см. р. 74, 17 изд. Usener'а.

125. *Диог.*, *Л.*, IX, 45. FVS⁴, II, 13, 26—27.

126. *Дионисий*, у *Евсевия* «Praep. Ev,», XIV, 27, 4 FVS⁴, II, 83, 16.

127. *Цицерон*, «De fato», 17, 39, FVS⁴, II, 28, 32 сл.

128. *Аристотель*, «De gen. anim.» 8, 789 b 2, FVS⁴, II, 28, 32 сл.

129. [О сущности необходимости] Демокрит: *сопротивление, движение и удар материи* [есть необходимость].

130. Парменид и Демокрит: все существует согласно необходимости. Судьба же, правда, провидение и творец мира—одно и то же.

131. Таким образом *ни по необходимости, ни от вихря*, [вопреки тому], что говорили последователи Демокрита, мир, пожалуй, не может двигаться.

132. Левкипп все [объясняет] необходимостью, а необходимость считает судьбой. Говорит же он в [сочинении] «*Об уме*»: *Ни одна вещь не возникает без причины, но все* [*происходит*] *в силу основания и необходимости.*

133. [А именно] некоторые недоумевают, есть ли [случайность] или нет. Ведь ничто не возникает случайно, говорят они, но у всего того, относительно чего мы говорим, что оно возникает *само собой или случайно*, есть какая-то определенная причина.

134. Слова [Аристотеля]: «*Подобно древнему учению, отвергающему случай*» повидимому сказаны относительно Демокрита. А именно, хотя последний в своем учении об образовании мира и пользовался повидимому случаем, однако при [объяснении] более частных [фактов] он утверждает, что случай не является причиной чего-либо, но [случай] он сводит к другим причинам, как например причиной находки сокровища [он считает] копание [земли] или посадку оливкового дерева, причиной же того, что был разбит череп лысого, [он считает] орла, сбросившего

129. *Аэций*, I, 26, 2. Dox. 321.
130. Там же I, 25, 3. Dox. 321.
131. *Секст*, IX, 113, FVS[4], 31, 33—34.
132. *Аэций*, I, 25, 4 FVS[4], 350, 1.
133. *Аристотель*, «Phys.» B 4, 195 b 36, FVS[4], II, 29, 3 сл. ἀπὸ αὐτομάτου—самопроизвольно, «спонтанейно».

черепаху, чтобы разбить ее скорлупу. Дело в том, что так сообщает Эвдем.

135. Но и Демокрит в следующих словах: «*Вихрь разнообразных форм отделился от вселенной*»... (каким же образом и по какой причине—он не говорит), повидимому считает, что вихрь рождается сам собою и случайно.

136. Некоторые выставляют в качестве причины [возникновения] нашего неба и всех миров—случай. А именно [они говорят], что вихревое движение, которое произвело разделение [масс материи] и привело все в этот порядок,—возникло само собою. А именно они говорят, что животные и растения не случайно существуют и возникают, но причина этого есть или природа, или разумность, или что-нибудь другое в таком роде (ибо из каждого семени возникает не что попало, а из определенного семени—оливковое дерево, и из определенного—человек), небо же и самые божественные из видимых [вещей] возникли сами собою<автоматически>и такой причины, как у животных и растений, [у них] нет вовсе.

137. Некоторым же кажется, что причиной является случай, который не познан человеческим умом, для последнего [поэтому] он представляет собой нечто божественное и слишком сверхъестественное.

138. Начать с того вопроса, который кажется первым по природе, существует ли провидение, которое печется о всех делах, или все сделано случайно и [все случайно] совершается. Основателем послед-

134. *Симпл.*, «Phys.» к 196 b 14 книги Аристотеля «о физике», p. 330, 14.

135. Там же 327, 14, FVS[4], II, 28. 38 сл.

13 6, *Аристотель*,,«Phys,» B 4, 196 a 24, Симплиций («Phys 331, 16) относит это место к Демокриту.

Здесь, *τὸ αὐτόματον. απο ταὐτομάτον*, т. е. автоматически.

137. *Арист*,, «Phys.» B 4 196 b 5, FVS[4], II, 29, 21.

него учения был Демокрит, защитником его—Эпикур.

139. Некоторые учат, что все вещи, происходящие, происшедшие и имеющие произойти, обязаны своим происхождением частью природе, частью случайности, частью искусству... Огонь, вода, земля и воздух—все это, как утверждают, существует от природы и случая; искусство здесь не при чем; в свою очередь и последующие тела—это касается земли, солнца, луны и звезд—произошли через посредство этих первооснов, совершенно неодушевленных. Эти первоосновы носились каждая по присущей ей случайной силе, и там, где они сталкивались, они как-то друг к другу прилаживались: теплое к холодному, сухое к влажному, мягкое к твердому; словом, поскольку все неизбежно смешалось вместе путем случайного смешения противоположных первооснов, будто бы так-то вот и произошло все небо и все, что на небе, так же как все животные и все растения; отсюда будто бы и произошла и смена времен года, а вовсе не через разум—так учат эти люди <последователи Демокрита> и не через какое-либо божество или искусство, но будто бы, повторяем, происхождение всего этого обусловлено исключительно природой и случаем.

КОСМОГОНИЯ

140. [Левкипп] полагал, что вселенная беспредельна, [что] все вещи переходят друг в друга и все [что существует] есть пустота и полное. И [что] миры возникают, когда тела вторгаются в пустоту и обвиваются друг вокруг друга. И из движения их, вследствие возрастания [числа их], возникает природа светил. Носится же солнце по большему

138. *Лактанций*, «Inst. div.» I, 2, FVS^4, II, 29, 33.
139. *Платон*, «Законы», 888 E и сл.

кругу, по сравнению с луной; земля же пребывает растянутой в середине и принявшей форму, подобную барабану. Он первый принял атомы за начала. Таково вкратце существенное [в его учениях]. В частности же [его учения] следующие.

(31) Он говорит, что вселенная бесконечна, как выше сказано. Одна часть ее—полное, другая—пустота; их он и называет элементами (стихиями). Миров же [возникает] из этого бесконечное число, и они разрешаются в [упомянутые] элементы. Возникают же миры следующим образом. Выделяясь из беспредельного, несется множество разнообразных по формам тел «*в великую пустоту*»; и вот они, собравшись, производят единый вихрь, в котором, наталкиваясь друг на друга и всячески кружась, они разделяются, причем подобные [отходят] к подобным. Имеющие же одинаковый вес, вследствие большого скопления, уже не в состоянии более кружиться. [И вот таким образом] тонкие [тельца] отступают в наружные части пустоты, словно как бы пролетая [к периферии]. Прочие же «остаются вместе» и, сплетаясь между собой, движутся вместе и образуют прежде всего некоторое шарообразное соединение.

(32) Последнее же отделяет от себя как бы «оболочку», объемлющую в себе разнообразные тела. При вращении последних, вследствие сопротивления центра, образовалась кругом тонкая оболочка из постоянно стекавшихся сплошных [масс] на периферии вихря. И таким образом возникла земля, вследствие того что снесенные к центру [массы] «держались вместе». И самая периферия, [образовавшаяся] наподобие оболочки, продолжала увеличиваться за счет отделявшихся извне тел. [А именно], будучи носима вихрем, она, чего только ни касалась, то присоединяла к себе. Из них же

некоторые сплетения [тел] образовали соединение, которое сперва было весьма влажным и грязным; [затем] эти [тела] высохли и стали кружиться вместе с мировым вихрем, потом, воспламенившись, они образовали природу светил.

140a. Немногие выписки из сочинений Аристотеля «О Демокрите» покажут образ мысли тех мужей. «Демокрит полагает, что вечные [начала] по своей природе суть маленькие сущности, бесконечно многие по числу. Кроме них он предполагает [истинно сущим] другое—место, бесконечно большое по величине. Называет он это [место] следующими именами: «*пустотой*», «*ничто*», «*беспредельным*», а каждую из [вышеупомянутых] сущностей [называет] «*нечто*», «*полное*» и «*бытие*». Он полагает, что сущности настолько малы, что недоступны [восприятию] наших органов чувств. У них—разнообразные формы и разнообразные очертания и они различны по величине. И вот из них, как из элементов, возникают вследствие их соединения видимые и ощущаемые массы. Вследствие несходства и прочих указанных различий они пребывают в беспорядочном движении и носятся в пустоте, носясь же, встречаются и переплетаются [друг с другом], так что приходят в *соприкосновение* и *располагаются* рядом. Однако, по его мнению, из них [при их сплетении] отнюдь не образуется подлинно единая природа. Ибо совершенно нелепо, чтобы два или большее число могли когда-либо стать одним. Причиной же того, что [эти] сущности в течение некоторого времени держатся вместе друг с другом, он считает то, что [между ними образуются] связи и тела захватывают друг друга. Дело в том, что одни из них—кривые, другие—крючковидные, третьи—впалые, четвертые—выпуклые, прочие имеют

140. *Диог. Л., IX, 30.*

другие бесчисленные различия. Итак, он полагает, что они крепко держатся друг за друга и пребывают вместе в течение определенного промежутка времени до тех пор, пока какая-либо более сильная необходимость, явившись извне, не потрясет [образовавшийся конгломерат] и, разделив [атомы], рассеет их. Он говорит о рождении и о противоположности его — о распадении, не только о животных, но и о растениях, мирах и вообще обо всех чувственно воспринимаемых телах. Итак, если рождение есть соединение атомов, смерть же—их распадение, то и, по Демокриту, рождение, пожалуй, есть лишь изменение.

141. Демокрит и Левкипп со своими приверженцами учили, что не только в мире есть некоторая пустота, но также и вне мира.

142. Левкипп и Демокрит говорят, что существует в бесконечной пустоте бесконечное множество миров и что они образуются из бесконечного множества атомов.

143. Левкипп и Демокрит: мир—шарообразен.

Левкипп, Демокрит и Эпикур: [мир]—не одушевлен и не управляется провидением, но, будучи образован из атомов, он [управляется] некоторой неразумной природой.

Анаксимандр.... Левкипп: мир не вечен.

144. [Извлечение из «Великого диакосмоса»]. (1) Итак, мир, принявший форму изогнутой фигуры, образовался следующим образом. Так как неделимые тела имели движение бесцельное и случайное и двигались беспрерывно и весьма быстро, то в одно [ме-

140а. *Симпл.*, «De coelo», p. 294, 33, Heib. FVS[4], II, 22, 9 сл.

141. *Симпл.*, «Phys.», 648, 12.

142. *Симпл.*, «De coelo» p. 202, 16.

143. Это—три положения из Аэция: 1) II, 2, 2 (Dox. 329), 2) 3,2 (Dox. 330), 3) 4, 6 (Dox. 331).

сто] собралось много тел, имеющих по вышеуказанной причине разнообразие фигур и размеров. (2) Когда же они накапливались на одном и том же [месте], то те [из них], которые были более крупными и более тяжелыми, начинали опускаться вниз. А все те, которые были малы, круглы, гладки и весьма скользки, вытеснялись вследствие скопления атомов и уносились вверх. И вот, когда отталкивающая сила перестала поднимать (их) вверх и толчок более не гнал [их] в высоту, эти [тела] стали встречать препятствия для [своего дальнейшего] движения вверх и осели на местах, которые не могли принять их в себя. [Поэтому] они расположились кругом, и к ним стало присоединяться множество тел, [и все это, приняв вид] изогнутой поверхности, породило небо. (3) Относящиеся к той же самой природе атомы, будучи разнообразными, как сказано выше, выталкиваясь вверх, образовали естество светил. Множество же испарявшихся тел толкало воздух и вытесняло его. Последний же, обращаясь вследствие движения в ветер и окружая светила, стал гнать их кругом вместе с собой и [таким образом] сохранял их доныне совершающееся высоко над землей круговое движение. Затем из оседавших вниз [атомов] образовалась земля, из поднимавшихся вверх—небо, огонь, воздух. (4) И когда многочисленная материя, еще заключавшаяся в земле, стала сжиматься вследствие ударов ветров и дуновений, [шедших] от светил, то стала сдавливаться вся состоявшая из небольших частей форма ее, и [она] стала порождать влажное естество. Последнее же, находясь в текучем состоянии, уносилось вниз на впалые места, которые могли принять его и скрыть [в себе], или же вода, осев, сама по себе стала делать углубления в лежавших под нею местах. Так вот каким образом возникли самые важные части мира.

144. *Аэций*, I, 4, 1 сл., Dox. 289, Usener, Epic., fr., 308.

145. Миров—бесчисленное множество, они возникают и гибнут, ничего не возникает из ничего и ничего не переходит в ничто. И атомы бесчисленны по [разнообразию] величин и по множеству, носятся же они во вселенной, кружась в вихре, и таким образом рождается все сращенное [сложное]: огонь, вода, воздух, земля. Дело в том, что последние суть соединения [системы] некоторых атомов.

146. Абдеритянин Демокрит признал вселенную бесконечной по той причине, что она отнюдь не создана кем-либо. Притом же он считает ее неизменяемой и вообще он ясно излагает, какова вселенная.

147. Левкипп и Демокрит говорят, что в бесконечном пустом пространстве [образуются] бесконечные по множеству миры из бесконечного множества атомов.

148. Ибо «галька садится возле гальки» и «как всегда подобного всегда к подобному влечет бог» [говорит Демокрит]. В самом деле и на морских берегах подобные камешки мы видим на одних и тех же местах: на одном [месте] камешки круглые, на другом—продолговатые. И при просеивании через сито в одно [место] собирается то, что имеет одинаковую форму, так что отдельно занимают место бобы и отдельно—белый горох.

149. Древнее... мнение о том, что [только] подобное может быть познаваемо подобным... (117) Демокрит дает следующее учение об одушевленных [существах] и неодушевленных [предметах]. «Животные, говорит он, соединяются с животными одного и того же вида, как [например] голуби с голубями и журавли с журавлями, и у [всех] прочих неразумных

145. *Диог.*, IX, 44, FVS⁴, II, 13, 18—24.
146. *Плутарх*, «Strom.», 7 (Dox. 581).
147. *Симпл.*, «De coelo», 202, 16, FVS², 347, 12.
148. *Аэций*, IV, 19, 13, Dox. 508.

[животных] дело обстоит точно так же. Равным образом [то же самое можно сказать] относительно неодушевленных [предметов], как можно видеть на примере просеивания семян и на примере камешков на морских берегах: а именно [в первом случае] при вращении веялки отдельно ложатся чечевицы с чечевицами, ячменные зерна с ячменными, [во втором случае] под действием прибоя волн продолговатые камешки сбрасываются в одно место с продолговатыми, круглые же—[в одно место] с круглыми, точно сходство вещей имеет какую-то силу соединять их вместе». Вот как учит Демокрит.

150. Некоторые назвали атомами неразрушимые мельчайшие тела, бесконечно многие по числу, и предположили некоторое пустое место, не ограниченное по величине. Вот эти-то атомы, говорят они, носясь самопроизвольно, как попало, в пустом пространстве, случайно сталкиваются между собой вследствие беспорядочного быстрого движения и сплетаются [друг с другом], так как, будучи весьма разных форм, они сцепляются между собой, и таким образом атомы производят и мир и [все] явления в нем, или, лучше сказать, [производят] бесчисленные миры. Таково было мнение Эпикура и Демокрита.

151. «Вихрь разнообразных форм (т. е. атомов) отделился от всего» [говорит Демокрит].

152. Потом ты прибегаешь к тем физикам, которые наиболее осмеиваются в Академии, ты уже становишься их последователем и ссылаешься на учение Демокрита, что миры бесчисленны и притом некоторые не только подобны друг другу, но во всех отношениях совершенно и абсолютно одинаковы, так что

149. *Секст*, «Adv. mathem.», VII, 116.

150. *Дионисий*, у Евсевия, «Praep. Evan.», XIV, 23, 2, 3, FVS[4], II, 23, 41 сл.

151. *Симпл.*, «Phys.», 327, 24, FVS[4], II, 94, 20 сл.

между ними решительно никакого различия (и таких миров бесчисленное множество), и равным образом люди [повторяются как совершенно одинаковые бесчисленное количество раз].

153. «Ибо, говорит [Александр], мир распадается и разрушается не в космическое вещество, которое способно [снова] стать миром, но в другой мир, и так как миры бесчисленны и сменяют друг друга, то нет необходимости, чтобы происходило возвращение к тому же самому миру». Последнего мнения придерживались последователи Левкиппа и Демокрита... Миры Демокрита, переходящие в другие миры, которые состоят из тех же самых атомов, тождественны [с мирами, из них возникающими,] по виду, если они и не те же самые в смысле нумерическом.

154. Демокрит: гибель мира происходит вследствие того, что большее разрушает меньшее.

155. Абдеритянин Демокрит, сын Дамасиппа, сказал, что мир бесконечен и лежит над пустотой.

156. Демокрит учит одинаково с Левкиппом о стихиях [элементах], о полном и пустом, называя *полное* бытием, *пустое*—небытием. Он полагал, что сущие [атомы] движутся в пустоте всегда. Миры бесчисленны и различны по величине. В некоторых [мирах] нет ни солнца, ни луны, в некоторых [солнце и луна]—бо́льших размеров, чем наши, а в некоторых—их больше и числом. Расстояния между мирами не равны, между некоторыми—большие, между другими—меньшие, и одни миры [еще] растут, другие находятся в расцвете, третьи уже разрушаются, и [в одно и то же время] в одних местах миры возни-

152. *Цицерон*, «Acad. pr.», 17, 55, FVS[4], II, 31, 22—26.
153. *Симпл.*, «De coelo», p. 310, 5, FVS[4], 31, 27—32.
154. *Аэций*, II, 4, 9, (Dox. 331), FVS[4], II, 31, 35—36.
155. *Епифаний*, «Adv. haer.» 2, 9 (Dox. 590), FVS[4], II, 53, 37 сл.

кают, в других разрушаются. Погибают же они друг от друга, сталкиваясь [между собой]. Некоторые миры не имеют животных и растений и вовсе лишены влаги.

157. Мир есть некоторая окружность, ограниченная небом. Она объемлет звезды, землю и все явления. Она является «отрезком от бесконечного» и заканчивается в границе или в тонком или в плотном (когда эта граница разрушается, то разрушается и все, заключающееся в ней). Грань эта или вращается или неподвижно пребывает; имеет форму или округлую, или треугольную, или же любую другую: существуют всякого рода возможности. Ибо ни одно из [чувственных] явлений не противоречит этому [нашему] миру, а границу его постигнуть невозможно.

Надо также допустить, что таких миров бесконечное множество и что такой мир может возникнуть также и в междумирии (так мы называем пространство между мирами, где оно очень разрежено), а не в «*великой*» и «*чистой*» пустоте, как говорят другие ⟨Левкипп и Демокрит⟩,—ведь нужные семена могут истекать от одного мира или междумирия, или от нескольких [миров и междумирий] и производят понемногу, смотря по обстоятельствам, прибавления, образования и перемещения...

158. Не следует думать, что [для образования мира] достаточно, чтобы возникло [как думает Демокрит] одно «*скопление*» [атомов],—или чтобы «*вихрь*» в пустоте, в которой возможно, согласно предположению, возникновение мира, должен в силу необходимости увеличиваться и чтобы он увеличивался до тех пор, пока не натолкнется на другое [скопление] и вихрь, как говорит один из так назы-

156. *Ипполит* «Refut.», I, 13 (Dox. 565), FVS[4], II, 23, 21—29.

157. *Эпикур*, «Epist. ad Pyth.», Диоген Л., X, 88 сл.

ваемых физиков [Демокрит]... Солнце, луна и прочие светила не возникли [отдельно] сами по себе и не были [лишь] потом вовлечены в [нашу] мировую систему: они возникли вместе с нею...

МАТЕМАТИКА

159. Итак, еще смотри, как Хрисипп ответил Демокриту, который естественным образом метко усмотрел следующую апорию: «Если пересечь конус параллельно основанию плоскостью, то как следует мыслить о поверхностях сечений: будут они равными или неравными! Ведь если они неравны, то конус будет неправильной [фигурой], так как [в этом случае] он будет заключать в себе много ступенеобразных выступов и [следовательно] неровностей; если же они равны, то отрезки будут равными, и конус окажется имеющим форму цилиндра, так как он будет сложен из равных, а не из неравных кругов, что есть величайший абсурд».

160. [Архимед Эратосфену]: «...Я счел полезным развить и изложить тебе в этой книге особенный метод, которым ты сможешь воспользоваться как руководством для исследования при помощи механики некоторых геометрических вопросов. Этот метод, по моему убеждению, также полезен для доказательства этих самых теорем, и многое, что я раньше выяснил при помощи механики, я потом доказал посредством геометрии... Легче конечно найти доказательство, когда мы посредством этого метода составим себе представление об исследуемом вопросе, чем сделать это без такого предварительного представления. Так например в доказательстве известного положе-

158. Там же, Диог. Л., X, 90.

159. *Плутарх*, «De comment. not.», 39 p. 1079 E, FVS[4], II 90, 8 сл.

ния, что *конус и пирамида составляют треть, конус—цилиндра и пирамида—призмы, когда у них общие основания и равные высоты*, впервые доказанного Эвдоксом, немалую часть заслуги необходимо также признать за Демокритом, который был первым, выразившим без доказательства эти предложения о вышеупомянутых телах».

161. Подобно тому, как некоторые [атомисты] слагали вещи из мельчайших частей, так точно делали и они [неопифагорейцы] и, таким образом, единица становится [у последних] материей чисел.

Благодаря чему надо видеть в едином начало? Говорят, оно таково потому, что не подлежит делению...

Ведь и говорить о неделимых величинах неправильно, и [даже] если бы это было допустимо в какой угодно степени, во всяком случае единица величины не имеет; а с другой стороны, как возможно, чтобы [пространственная] величина слагалась из неделимых частей [как учат атомисты]?

161а. Ведь некоторым образом и они <Левкипп и Демокрит> все сущее считают числами и все производят из чисел.

161б. [О прибавлении и отнятии;] Все бывает бесконечным или через [непрекращающееся] прибавление или [непрекращающееся] отнятие, или через то и другое вместе.

161в. Рассуждая о неделимых телах, они <Левкипп и Демокрит> неизбежно должны были оказаться в конфликте с математикой.

160 *Архимед*, Περὶ τῶν μηχανικῶν θεωρημάτων πρὸς Ἐρατοσθένην ἔφοδος, ed. Heiberg. (Herm. 42, 245), «О теоремах механики послание к Эратосфену»; пер. Тимченко.

161. *Аристотель*, «Metaph.», XIII, 1083 b, перевод А. В. Кубицкого.

161а. *Аристотель*, «De caelo» Г, 4, 303 а 4.

161б. *Аристотель*, «Metaphys.» 1, XI, 10, 1066а, 35.

161в. *Аристотель*, «De caelo», Г, 4, 303 а 2.

161г. Некоторые сделали уступку обоим учениям: одному, что все едино... другому [Демокрита], признав неделимые величины, получаемые путем дихотомии [деления на два].

161д. То, что [действительно] одно, не может быть дано одновременно в нескольких местах.

Невозможно, чтобы два тела находились в одном месте.

161е. Однако способ рассуждения Зенона очень груб; ведь вполне возможно, чтобы существовало неделимое и притом так, чтобы можно было защищать это утверждение [вместе с Демокритом] как само по себе, так и против зеноновых рассуждений; ибо, если такое неделимое присоединять как единое, оно, хотя и не [может] увеличить, однако способно умножить. Тем не менее остается вопрос: как из одного подобного неделимого или нескольких таких неделимых получится величина? [Предполагать] это—все равно, что признавать линию за совокупность точек.

161ж. Как же следует рассматривать сущность в едином и в точке? Ведь каждой сущности свойственно возникновение,—точка же не появляется путем [постепенного] возникновения, ибо точка есть деление <как считает Демокрит>.

162. Основной вопрос при обсуждении всех этих трудностей заключается в следующем: «Подвергаются ли вещи возникновению, изменению, росту и какому-либо противоположному изменению, благодаря тому, что первичные «сущности» являются неделимыми величинами? Или последние не явля-

161г. *Аристотель*, Phys. А 3, 197 а 1.

161д. *Аристотель*, «Metaph.» VII, 13 1040в 20 и XIII, 2 1076 а 37.

161е. Там же, II 4, 1001в 25.

161ж. Там же, XI, 3 1060 в 20.

ются неделимыми величинами?.. И далее, если первичные сущности—неделимые величины, являются ли они [протяженными] телами, как утверждают Демокрит и Левкипп? Или они—плоскости, как говорит Платон в «Тимее»? Делить тела на плоскости, но не дальше—ведь это нелепо... Гораздо больше можно сказать в пользу той точки зрения, что они—неделимые величины. Однако даже в этом случае получаем нелепость. Тем не менее возможно, как мы сказали, производить из них [изменение и возникновение] путем «поворота», «соприкосновения» и многообразия «форм», как это делает Демокрит.

Но возможность [даже] такого выведения [изменения и возникновения и т. д.] не существует вовсе для тех, кто разделяет тела на плоскости. Из наложения плоскостей друг на друга ничего у них не получится, кроме [абсолютно] непрерывных тел: они даже не пытаются производить из них какое-нибудь качество.

[Эти два взаимно] оспаривающих подхода к предмету могут иллюстрировать нам, как велико различие между естественно-научным и [чисто] логическим методом [исследования]. В то время как Платон доказывает, что должны быть неделимые [протяженные] величины на том основании, что в противном случае «треугольник будет больше, чем единица», Демокрит повидимому был убежден в силе доводов, [требующих] проникнуть в предмет [глубоко] внутренним и естественным путем.

Итак, пусть тело делимо до бесконечности, и допустим, что оно разделено. Что же тогда останется? Величина? Нет: это невозможно, так как это было бы нечто неразделенное, между тем как по предположению тело делимо до бесконечности. Но если допустить, что не останется ни тело, ни [протяженная] величина, а деление еще происхо-

дит, тогда составные части тела будут или точками [т. е. не будут иметь протяженности] или полным ничто. Если его составные части [представляют собою] ничто, тогда и возникновение могло бы происходить из ничего и само оно существовало бы как [нечто], составленное из ничего: таким образом и все тело будет вероятно только видимостью.— Если же тело состоит из точек, получается та же нелепость: оно не будет обладать протяженностью.

(316 б I). Но допустим, что, когда тело разделено, мы извлекли мельчайшее *сечение*—так сказать, песчинку—и что в теле в этом смысле «исчезает» протяженная величина... Но если применить то же соображение, [можно спросить:] в каком же смысле это сечение делимо?

Если то, что исчезает, было не телом, а отделимым свойством или качеством, а протяженная величина определяется как точки или *касания*, то это нелепо. Ибо протяженная величина должна будет складываться из элементов, которые не имеют протяженной величины. Кроме того, где будут точки? И будут ли они неподвижны или подвижны? Ведь каждое *касание* есть всегда касание каких-то двух вещей, так что всегда должно быть нечто кроме касания или деления или точки.

Вот каковы трудности, вытекающие из предположения, что каждое тело делимо до бесконечности.

(316 в 15) Итак, невозможно, чтобы протяженные тела состояли из точек или касаний; поэтому (необходимо) должны существовать неделимые протяженные величины и тела <как учат атомисты>. Правда, допустив последнее, мы [вновь] оказываемся перед лицом одинаково неприемлемых выводов, разобранных нами в других работах.

162. *Аристотель*, De gen. et. corr. 1,2 315 в, 26 и 316 а 3 сл.

162а. Невозможно, чтобы нечто непрерывное состояло из неделимого [как полагает Демокрит], как например линия—из точек, если только линия непрерывна, а точка—неделима.

163. Из говорящих об атомах одни учат, что существуют неделимые тела, как Левкипп и Демокрит,—другие, что существуют неделимые линии, как Ксенократ.

163а. Откуда получаются точки в том, в чем они находятся. Правда с этим родом (бытия) и боролся Платон, как с геометрическим учением [Демокрита], а началом линии называл, и он неоднократно указывал на это,—неделимые линии.

163б. Если же вселенная не есть [нечто единое] непрерывное, но, как говорят Демокрит и Левкипп, разделяется пустотой, то необходимо должно быть единое движение у всех [частей ее]. Ибо [в этом случае] она разделена [на части] по [определенным] формам. Природа же [этих частей], по их учению, едина, подобно тому как если бы каждая отдельная [частица] была золотом.

163в. Люди думают, что пустота есть промежуток, в котором нет никакого чувственно-воспринимаемого тела. Полагая, что бытие все телесно, они утверждают, что то, в чем совершенно ничего нет, это есть пустота. Поэтому [они думают, что] наполненное воздухом есть пустота. Итак, не следует ли показать, что воздух есть нечто, но что нет иного промежутка между телами, ни самостоятельно существующего [отдельно от тел], ни существующего актуально [в телах], который разделял

162а. «*Phys.*» VII 231 а 24.

163. *Схолии* «in Arist» ed. Brandis p. 469, 614 (O. Apelt, «Beitr. zu Gesch. d. griech. Phil.» S. 266).

163а *Аристотель*, «Metaphys.», A. 9, 990 a 20.

163б. *Аристотель*, «De caelo», A 6, 275 в 29.

бы тело [вселенной], вследствие чего оно было бы не непрерывно [несплошное], как говорят Демокрит, Левкипп и (*213в*) многие другие из физиологов, и также, существует ли что-нибудь вне тела вселенной, которое непрерывно. Итак, они не прямо подходят к проблеме, но скорее с [предвзятым] утверждением, что [пустота] существует. Во-первых, они говорят, что пространственного движения не могло бы быть [без пустоты] (пространственное же движение есть—по их учению—перемещение и увеличение). Вот таков первый способ их доказательства, что существует некоторая пустота. Во-вторых, [существование пустоты они доказывают тем], что некоторые [вещи] являются сгущающимися и сжимающимися... В-третьих, и увеличение, как кажется всем, происходит при посредстве пустоты... Подтверждением [в-четвертых, они считают] также опыт, производимый ими над золой, которая принимает в себе такое же [количество] воды, сколько и пустой сосуд.

164. Невозможно [как утверждает Антифонт], чтобы какая-либо прямая<имеется в виду одна сторона вписанного в круг многоугольника, число которых бесконечно увеличивается>совпала с кривою [окружности]; ведь вне ее находящиеся прямые должны соприкасаться с ней [лишь] в одной точке [как касательные], а находящиеся внутри—[лишь] в двух, но не более [как секущие]. И [если даже допустить], что лежащую между прямою и окружностью плоскость будут делить до бесконечности, то ее не исчерпают и никогда не достигнут круга. А если достигнут, то это противоречило бы принципу геометрии, гласящему, что величины делимы до бесконечности. О том, что именно *этот* принцип

163в. *Аристотель*, «Phys.» 6, 213 а 27.

отвергал Антифонт, говорит и Эвдем (которому мы обязаны первой историей греческой математики).

165. Таким образом очевидно, что из приведенных [в пользу учения о неделимых линиях] доводов не следует ни необходимость существования неделимых линий, ни их вероятность. Из последующего это станет еще более очевидным...

(I) (147,4) Далее все линии [отрезки] были бы в таком случае соизмеримыми (σύμμετροι). Ибо все они были бы измеримыми при помощи неделимых [линий], как те, которые соизмеримы [просто] по длине, так и те, которые соизмеримы [только] в квадрате. [Действительно] линии-атомы все соизмеримы по длине,—ведь они равны, а значит они соизмеримы и в квадрате. Но в таком случае каждый квадрат был бы рациональным...

(II) (147,12) Далее, раз из трех данных прямых образуется треугольник, то треугольник [можно] составить также из трех линий-атомов [неделимых]. Но в каждом равностороннем [треугольнике] высота [проведенная из вершины] проходит через середину [основания], а следовательно—и через середину неделимой [линии].

(III) Далее, если из не имеющих частей [линий] образовать квадрат и провести диагональ и опустить перпендикуляр [из одного из свободных углов на диагональ], то сторона квадрата в квадрате равна квадратам перпендикуляра и половины диагонали [взятым вместе], так что она [сторона квадрата] вовсе не является самым малым отрезком.

(IV) (148,6) Далее присоединение одной [неделимой] линии [к другой] не могло бы увеличить всей линии. Ибо неделимые [линии], взятые в совокупности, не образуют ничего большего.

164. *Симпл.*, «Phys.», 54.

(V) Далее, раз из двух неделимых [линий] не может быть образована [одна] непрерывная [линия], ибо все непрерывное должно допускать многократное деление, а всякая линия, исключая неделимую линию [как признается], непрерывна, то не может существовать неделимых линий.

(VI) (149,13) Далее [в этом случае] не во всякой линии [имелась бы] точка. А именно неделимая линия [не могла бы] содержать точки, ибо если бы она содержала только одну точку, то линия [сама] была бы точкой, а если бы—несколько [точек], то она была бы делима. А если бы в неделимой линии не было ни одной точки, то их вообще не имелось ни в одной линии, ибо все прочие [линии составлены] из неделимых линий.

(VII) (150,1) Далее граница линии была бы линией, а не точкой. Действительно, граница—это есть [нечто] последнее, т. е. неделимое. Но если бы граница была точкой, то и неделимая линия имела бы своей границей точку, и одна линия была бы больше другой на одну точку...

(150,7) Чем вообще отличается точка от линии? Неделимая линия не обладает, кроме имени, никакими характерными признаками, отличающими ее от точки... (150,17) Но из этих [доводов] ясно, что линия не может также [состоять] из точек. Ибо большая часть доводов подходит почти также [к точкам, как и к неделимым линиям]...

(VIII) (154,4) Далее все тогда разлагалось бы и разрешалось на точки, и точка [была бы] частью тела, ибо [согласно теории] тело состоит из плоскостей, плоскости—из [прямых] линий, а линии—из точек...

165. [*Аристотель*], «De lineis insec.», ed. O. Apelt, op. cit. 1888, s. 139—157, 38, p. 146, 16. В аргументе (I) имеется в виду каждый квадратный корень. Вилейтнер замечает: «Ра-

166. Другие же, отвергшие делимость до бесконечности на том основании, что мы не можем делить до бесконечности и этим путем удостовериться в бесконечности деления, говорили, что тела состоят из неделимых и делятся до [этих] неделимых. Левкипп и Демокрит считают причиной неделимости первотелец не только непроницаемость [их], но также малость и отсутствие частей. Эпикур же, живший позже, [уже] не считает их не имеющими частей, а говорит, что они неделимы [только] вследствие непроницаемости.

зумеется, греку неизвестны никакие иные иррациональности, кроме иррациональности квадратного корня, которая уничтожается путем возведения в квадрат. Выражаясь современным языком, в этом случае рациональным было бы не только число 3, но и число $\sqrt{3}$, ибо квадрат с площадью 3 имел бы стороны, состоящие из линии атомов, и, значит, $\sqrt{3}$ должен быть соизмеримым с 3, ибо общей мерой является как раз линия-атом. Различие между рациональным и иррациональным тогда исчезло бы». Мы даем по переводу А. П. Юшкевича книги H. Wileitner «Math. Quellenbücher», Verl. 1928, «Хрестоматия по истории математики» ГНТИ, 1932, делая вставки по сверке с греческим оригиналом. В аргументе (IV) мы находим отрицание математического «бесконечно-малого». В аргументе (V)—отрицание непрерывности. Вилейтнер говорит по этому поводу: «Атомизм находится в принципиальном противоречии с непрерывностью. Это—как раз то, что ныне отделяет так называемых формалистов (Гильберт) от интуиционистов (Броуер). Современная теория непрерывности в конечном счете атомистична, ибо она основывается на теории иррациональных чисел (которым соответствуют точки на отрезке). Интуиционисты, наоборот, являются представителями, так сказать, интуитивной непрерывности; с их точки зрения отрезок не только не состоит из точек, но и не может быть разложен на точки».

Вилейтнер в связи с этим напоминает, что Аристотель в «Физике», V, 3 определяет непрерывность следующим образом: «Я говорю, что нечто непрерывно (буквально: связано), если границы двух вещей, которыми они соприкасаются, совпадают и, как говорит уже самое название, связаны».

166. *Симпл.*, «Phys»., p. 925, 10.

167. Сначала Агатарх в Афинах, когда Эсхил ставил трагедию, сделал сцену и оставил сочинение о ней. Под влиянием его Демокрит и Анаксагор написали о той же самой вещи, каким образом для остроты зрения и наилучшего распространения лучей линии должны соответствовать установленному в определенном месте центру, чтобы известные изображения зданий на живописи сцен представляли лишь наружный вид предмета, остающегося [в остальной части] скрытым, и чтобы изображения на прямых плоских фасадах казались—одни удаляющимися, другие—выдающимися вперед.

АСТРОНОМИЯ

Из остатков астрономического календаря («Парапегмы»).

168. Что касается естественных явлений, то Фалес Милетский, Анаксагор Клазоменский, Пифагор Самосский, Ксенофан Колофонский, Демокрит Абдеритский оставили размышления о законах, управляющих этими явлениями по природе вещей, и о способе их действия. Следуя сделанным ими открытиям восхода и заката звезд и знамений погоды, Эвдокс, Эвктемон, Метон, Филипп, Гиппарх, Арат и прочие создали из астрономии науку о календаре и оставили ее разработанной для потомства... Я изложил, какие существуют в мире стройные сочетания звезд и какие фигуры они образуют, [причем все эти узоры] вытканы природою и божественным умом, как полагал физик Демокрит. Но [я описал] только те созвездия, восходы и закаты, которые мы в состоянии замечать и созерцать глазами.

167. *Витрувий*, VII, praef. II, FVS[4], 46, A 39.

168. Там же, 6, 3, и IX 5, 4, FVS[4], II, 63, 1 сл.

Ср. *Диоген*, V, 43: «Сочинение Теофраста: «Об астрологии Демокрита», одна книга. «Парапегма»—медная или

169. Существует также [мировой год] год Филолая... И [мировой] год Демокрита, состоящий из 82 лет с 28 добавочными месяцами [как у Калиппа].

170. И Ферекид в «Теологии» и также Демокрит в книгах: «Об астрономии» пользуются постоянно [формами]: ἐμεῦ и ἐμέο.

171. По Эвдоксу и Демокриту, зимнее солнцестояние празднуется иногда 20-го, иногда 19-го. От осеннего равноденствия до зимнего солнцестояния по Эвдоксу—92 дня, по Демокриту—91 день, по Эвктемону—92 дня.

172. Анаксимен, Анаксагор и Демокрит говорят, что плоская форма есть причина того, что она <земля> пребывает [в неподвижности]. Ибо она не рассекает лежащий под нею воздух, но замыкает, будучи плоской.

173. Что касается движений светил, то возможно, что они происходят вследствие кругового вращения всего неба в целом... Повороты солнца и луны может быть возникают вследствие косого положения неба, каковое [положение] небо вынуждено было принять с течением времени... Или они могут возникнуть так же и по той причине, что с самого начала эти светила захватил такого рода вихрь, что они стали двигаться спиралеобразно.

мраморная доска с перечислением дней солнечного года по зодиаку вместе с обычными указаниями погоды. Рядом с днями находились пустые места, куда можно было вставлять дни гражданского месяца. Здесь и дальше—остатки астрономического календаря.

169. *Ценэорин*, 18, 8, FVS[4], II, 62, 12 сл.

170. *Аполлоний*, «De pronom.», 65, 15 Schneid., FVS[4], II, 62, 15 сл. Слитная и неслитная форма от «мой», «моего» и т. д.

171. *Эвдокс*, «Ars astr.», столб. 22, 24, p. 25 Blass, FVS[4], II, 63, 12 сл.

172. *Аристотель*, «De caelo», B 13, 294 в 13.

173. *Эпикур*, «Ad Herod.» Диоген Л., p. X, 92—93 (ср. Usener, p. 402 Index).

173а. Он [Демокрит] говорит о возникновении солнца и луны. Сами по себе [вначале] носились они, еще не имея вовсе теплой природы, причем луна вообще не имела весьма светлой [природы], но напротив естество ее было совершенно похоже на природу земли и [тел] на ней. А именно—каждое из этих светил (т. е. солнце и луна) сперва были сами по себе вне мира в качестве некоторого [внешнего] придатка к нему, и [лишь] позже с увеличением круга солнца был вовлечен [в наш мир] огонь, заключавшийся в этом круге.

174. [*О солнцестояниях*]: Демокрит: повороты солнца происходят вследствие вихря, который носит его кругом.

175. [Луна], говорит Демокрит, становясь по прямой линии к светящему солнцу, перехватывает [свет его] и заслоняет солнце. Таким образом можно было бы ожидать, что она сама будет светиться, отражая его, [однако на самом деле] ей далеко до этого. А именно—в указанном случае она часто и сама по себе бывает невидима.

176. Почему луна кажется похожей на землю? Демокрит: [причина этого] некоторая тень от высоких мест на ней, ибо она имеет долины и возвышенности.

173а. *Плутарх*, «Strom.», 7, FVS^4, II, 23, 12 сл.

174. *Аэций*, II, 23, 7 (Dox, 353), FVS^4, II, 23—25.

175. *Плутарх*, «De fac. in orb. lun.» 6 p. 929 c, FVS^4, II, 32, 25 сл. Вместо «по прямой линии»—«прямо напротив»: Целлер; «в прямом направлении от нас»: А. О. Маковельский так переводят «κατὰ στάθμην». Замечание Демокрита восходит к наблюдениям вавилонских астрологов, что не при всякой фазе луны непосредственно очевидно, что освещенная ее часть заимствует свет от солнца (См. Rob. Eisler, Babyl. Astrologenausdrücken bei Demokrit, Brl. 1917). См. также у нас стр. 181 (Лукреций, V, 727).

176. *Аэций*, II, 25, 9 FVS^4, II 32, 27—29 Dox. 355; «О луне» Аэций, II 30, 3 Dox. 361.

177. [О сущности светил] Демокрит: они—камни.

178. О порядке расположения светил.—Демокрит: сперва неподвижные звезды, за ними—планеты, за последними—солнце, Венера, луна.—[Левкипп:] Круг солнца—самый внешний, круг же луны—самый близкий к земле, [круги] же прочих [светил] находятся между ними. Все светила горят вследствие быстроты движения, солнце же воспламеняется и звездами. Луна же имеет небольшое [количество] огня. Затмения же солнца и луны происходят ***. Косое направление зодиака произошло вследствие того, что земля наклонилась к югу. [Страны] у северного полюса всегда покрыты снегом, весьма холодны и скованы льдом. Солнце затмевается редко, луна же постоянно вследствие того, что круги их неравны. И как есть у мира рождение, так [у него есть] и рост, гибель и уничтожение в силу некоторой необходимости; а какова последняя, он не разъясняет.

179. Демокрит: солнце—раскаленное железо или раскаленный камень.

180. Солнце Демокрит считает громадным [по размерам].

181.

Ныне движения звезд воспоем мы с тобою причину.
Прежде всего, если круг обращается неба великий,
Необходимо признать нам, что оба конца его оси
Воздух гнетет и ее замыкает снаружи и держит;
Сверху ж потоком другим он течет в направлении том же,
В коем, мерцая, бегут созвездия вечного мира;

177. *Аэций*, II, 13, 4 Dox. 341, о сущности светил: FVS[4], II 31, 37.

178. *Аэций*, II, 15, 3 Dox. 344: FVS[4], II, 32, 2—3. Мнение Левкиппа—Диог. Л., IX, 33. (83, 10: в рукописи—разрыв по чтению Дильса).

179. *Аэций*, II, 20, 7 Dox. 349, FVS[4], II, 32, 4.

180. *Цицерон*, «De fin». 6, 20.

Или же снизу он круг небесный вращает обратно,
Так же, как реки вертят водяные колеса с ковшами,
Но допустимо и то, что весь небосвод пребывает
Вечно недвижен, тогда как несутся блестящие звезды,
Иль потому, что эфира стремительный ток, заключенный,
Выхода ищет себе и крутится вверху он и катит
Всюду огни и несет по Суммановым областям неба;
Иль, притекая извне из другого источника, воздух
Гонит, вращая, огни, или сами скользить они могут
В том направленьи, куда привлекает и манит их пища,
Тело питая свое огневое на небе повсюду,
Трудно наверно решить: какая же действует в нашем
Мире причина, но то, что возможно и что происходит
В разных вселенной мирах, сотворенных на разных началах,
Я объясняю и ряд излагаю причин, по которым
Может движение звезд совершаться в пространстве вселенной.
Всё же из этих причин непременно одна побуждает
Звезды к движенью и здесь; но какая—предписывать это
Вовсе не должен тот, кто исследует всё постепенно.
Далее, чтобы земля в середине покоилась мира,
Мало-по-малу легчать, уменьшаяся в собственном весе,
Следует ей и иметь естество под собою другое,
Испокон века в одно сплочённое целое тесно
С мира частями воздушными, где она в жизнь воплотилась.
Вот почему и не в тягость земля и не давит на воздух
Так же, как члены его человеку любому не в тягость,
Как голова не обуза для шеи, и нам не заметно,
Что опирается всей своей тяжестью тело на ноги.
Если же тяжесть извне на нас налегает, то часто
Мы изнываем под ней, будь она и во много раз легче;
Крайне существенно нам учитывать, где что возможно.
Так что не вторгалась земля, точно чуждое нечто, внезапно

В чуждый ей воздух извне, откуда-то в нем оказавшись,
Но вместе с ним зачалась от начала созданий мира,
Частью известной его, как у нас наши члены, являясь.

Кроме того, если гром потрясает раскатом внезапным
Землю, она и сама всё то, что над нею, колеблет.
Этого сделать никак не могла бы, не будь она тесно
С мира частями воздушными связана так же, как с небом.
Ибо на общих корнях она держится с ними, и вместе

Испокон века в одно они целое сплочены тесно.
Да и не видишь ли ты, что тела великую тяжесть
Сущность тончайшая нашей души поддерживать может
В силу того, что в одно они целое сплочены тесно?
Чтó, наконец, приподнять может быстрым скачком наше тело,

Если не сила души, которая членами правит?
Видишь ли, мощью какой обладает и тонкая сущность,
Ежели с телом она тяжелым сплотилась,—как воздух
Сплочен с землей, или сила души с человеческой плотью?
Солнечный диск, как и жар, исходящий от солнца, не могут

Больше значительно быть, или меньше, чем кажется чувствам,
Ибо, с какого огни расстояния свет не бросали б
И не вдыхали бы жар раскаленный во все наши члены,
Пламя в составе своем ничего не теряет при этом,
И отдаленность огня не являет его уменьшенным.

Значит, коль свет и тепло, изливаясь обильно из солнца, (573)
Наших касаются чувств и пространства земли озаряют, (570)
Солнце нам видно с земли в его настоящих размерах, (571)
И полагать, что оно или больше иль меньше, не должно. (572)

Да и луна,—безразлично: несется ль она, озаряя
Светом присвоенным всё, или собственный свет излучает,—
Что бы там ни было—всё ж и она по размерам не больше,
Чем представляется нам и является нашему взору,
Ибо всё то, что в большом отдаленьи, сквозь воздуха толщу

Мы наблюдаем, скорей представляется в облике смутном,
Чем в уменьшенных чертах. Потому и луну непременно,
Раз ее облик и вид представляется ясным и четким,
Видеть отсюда должны мы на небе такою же точно,
Как она есть по своим очертаньям краев и размерам.

Также эфира огни, наконец, что ты видишь отсюда,
(Как и земные огни, которые всюду мы видим,
Ежели явственно их трепетанье, коль пламя их видно,
Кажутся лишь иногда измененными самую малость
В сторону ту иль другую, поскольку они отдаленны),—
Могут на деле совсем незначительно быть или более
Или же меньше того, чем кажется нашему глазу.

Также не должно тому удивляться, как может такое
Малое солнце давать такое обилие света,
Чтобы волнами его и моря, и все земли, и небо
Полнить и всё заливать потоком горячего жара,
Ибо возможно, что здесь единственный в мире источник
Света открыт и лучи изливает он мощной струею,
Если из мира всего скопляются жара стихии
Здесь, отовсюду сходясь, и сюда собираются вместе
В общий единый родник, тепло изливающий всюду.
Разве не видишь: порой орошает и малый источник
Водной струею луга и равнины кругом заливает?

Также возможно и то, что от солнца огня небольшого
Воздух объемлется весь раскаленным, пылающим зноем
Если допустим, что он настолько к огню восприимчив,
Что распаляется весь при малейшем воздействии жара
Так же, как видим порой, и солома и колос на ниве
Сразу от искры одной загораются в общем пожаре.

Может быть, также небес светильник розовый—солнце
Множеством жарких огней обладает невидимых нами,
Что окружают его совершенно без всякого блеска,
Лишь умножая своей теплотою лучей его силу.

Также нельзя привести простой и единой причины
Для объясненья того, как солнце из дальних пределов
К зимнему знаку идет Козерога, а там, повернувши,
Вновь к остановке своей на тропике Рака подходит;
Или того, почему луна в один месяц проходит
Тем же путем круговым, что солнце в год пробегает.
Этим явлениям дать простого нельзя объясненья.

Можно, во-первых, считать, что всё это так происходит,
Как полагает о том Демокрита священное мненье,
То есть, чем ближе к земле проходят светила, тем меньше
Могут они увлекаться вращеньем небесного вихря,
Ибо стремленье его и напор, постепенно слабея
Книзу, становятся меньше; поэтому мало-по-малу
Солнце всегда отстает от движения звездного круга,
Ниже гораздо идя пылающих в небе созвездий.

А еще больше луна: чем путь ее ниже проходит,
Дальше от неба лежит и ближе к земле расположен,
Тем еще меньше она поспевать за созвездьями может,
Ибо слабее тот вихрь, которым луна, увлекаясь,
Ниже, чем солнце, идет, и скорее небесные знаки
Все обгоняют ее и вокруг нее мимо несутся.
Тут-то и кажется нам, что луна достигает скорее
Каждого знака опять, ибо к ней возвращаются знаки.

Но допустимо и то, что от полюсов мира противных
Воздух потоком двойным в положенный срок вытекает.
Может он солнце теснить, прогоняя от летних созвездий
До самого поворота к зиме и до стужи холодной,
И от холодных теней ледяных отгонять его снова
В жаркие лета края, обратно к созвездиям знойным.
Можно считать, что подобным путем луна и планеты,
Долгие годы свои обращая по долгим орбитам,
Воздуха током двойным подвигаются в неба пространствах.
Разве не видишь, что так, противным гонимые ветром,
Тучи вверху и внизу идут в направленьи противном?

Так почему ж по кругам необъятным эфира не могут
Эти светила нестись, противным гонимые вихрем?

Ночь же туманною мглой покрывает страны земные,
Или когда, совершив свой бег продолжительный, солнце
К неба подходит краям и гаснет, огни выдыхая,
Долгим путем изнурив и разбив их о воздуха толщу,
Иль потому, что оно под землю уводится силой
Той же, какая его над землей заставляет вращаться.
Также, в положенный срок появляясь на небе, Матута
В розовом свете зарю разливает повсюду в эфире
Иль потому, что, пройдя под землей, то же самое солнце
Небо спешит упредить, лучами его зажигая,
Иль потому, что огни и тепла семена неизменно
Утром в положенный срок во множестве сходятся вместе,
Новое солнце всегда заставляя опять возгораться.
Это, как носится слух, наблюдается с Иды вершины.
Там пред рассветом огни врассыпную летящие видны?
Сходятся шаром потом они будто и круг образуют.
Но вызывать не должно при этом у нас удивленья
То, что огня семена способны стекаться совместно
В точно положенный срок и блеск восстанавливать солнца.
Видим же мы, что в положенный срок совершается много
Всяких явлений других; в положенный срок зацветает
Лес, и в положенный срок с деревьев цвет опадает;
Да и зубам выпадать в положенный возрастом также
Срок надлежит, и пушку, на щеках появляясь, одеждой
Мягкою их покрывать и мягкой расти бородою.
Молнии, снег и дожди, наконец, и ненастье и ветры
Все наступают в году в достаточно точное время,
Ибо, когда таковы изначальные были причины,
И оказались такими все вещи с рождения мира,
То и теперь они вновь возвращаются в точном порядке.

Так же возможно, что дни прибывают, а ночи хиреют,
И уменьшается свет, когда прибавляются ночи,
Иль потому, что в эфирных краях то же самое солнце,
Что под землею бежит и над нею, неравные дуги
Чертит, орбиту свою деля не на равные доли:
Что от одной из долей оно отняло, то прибавляет
К доле орбиты другой, при обратном в нее возвращеньи,
Вплоть до того как дойдет до небесного знака, где узел
Года сияние дней уравняет с ночными тенями.
Ибо в средине пути, между Северным ветром и Южным,
Солнце равно отстоит от своих поворотов на небе
В силу того положенья, что Круг Зодиака имеет,
Где завершает свои обороты годичные солнце,
Небо и страны земли освещая косыми лучами,
Как объясняют нам те, которые области неба
Все разделили, на нем наметив отдельные знаки.
Иль потому, что в известных местах может гуще быть воздух,
И оттого под землей застревает и медлит восходом
Трепетный солнечный свет, нелегко пробиваясь наружу.
Так объясняется то, что тянутся долго зимою
Ночи, пока не блеснет лучистого утра сиянье.
Или еще потому, что со сменою времени года
Медленней или быстрей сливаться огни начинают.
Вот почему говорят, как мне кажется, сущую правду, (704)
Кто полагает, что солнце восходит на месте известном, (703)
<Где ежедневно оно возгорается снова и снова>. (704a)
Может луна блестеть, ударяема солнца лучами,
День ото дня свой лик обращая всё больше и больше
К нашему взору, по мере того как отходит от солнца
До полнолунья, когда напротив него засверкает
И на восходе своем увидит его заходящим.
Мало-по-малу затем ей приходится как бы обратно
Прятать от взоров свой свет, когда она круг завершает,

К солнца спускаясь огню по другой стороне Зодиака.
Так представляется тем, кто считает луну шаровидной,
Напоминающей мяч и бегущею ниже, чем солнце.

Но допустимо и то, что, собственный свет излучая,
Катится в небе луна и дает изменения блеска.
Ибо возможно, что с ней вращается тело другое,
Что заступает ей путь, постоянно от нас заслоняя;
Нам же не видно оно, ибо мчится лишенное света.

Может вращаться луна и как шар или, если угодно,
Мяч, в половине одной облитый сияющим блеском,
При обращеньи своем являя различные фазы,
Вплоть до того как она откроется нашему взору
Той стороною, где вся сверкает пламенем ярким,
Мало-по-малу затем обращаясь вспять и скрывая
Всю светоносную часть своего шаровидного тела.
Так вавилонские нам указуют халдеи, сужденьем
Этим низвергнуть стремясь ученье других звездочетов.
Будто нельзя допустить, что возможно и то и другое,
Иль, что учение то нисколько не хуже, чем это.

Иль почему, наконец, невозможно луне нарождаться
Новой всегда и менять свои фазы в известном порядке.
И ежедневно опять исчезать народившейся каждой,
Чтобы на месте ее и взамен появлялась другая,—
Было бы трудно найти основанье и довод бесспорный:
Может ведь многое вновь нарождаться в известном порядке.

Вот и Весна и Венера идет, и Венеры крылатый
Спутник грядет впереди, и Зефиру вослед перед ними
Шествует Флора—их мать, и цветы на пути рассыпая,
Красками пышными все наполняет и запахом сладким.
Знойная следом жара и пыльная спутница Лета,
С нею Церера идет, и годичные дуют Бореи.
Осень затем настает и шествует Эвиус-Эван.
Следуют после того и погоды и ветры другие:

Громом гремящий Волтурн и Австр, блистающий молньей.
Солнсворот наконец приносит снега и в Морозе
Вновь цепенеет Зима и стучат ее зубы от стужи.
Что ж удивляться тому, что в положенный срок зарождаться
Может луна, и опять в положенный срок исчезает,
Если в положенный срок появлются многие вещи?
И омраченья луны и солнца затмения также
Могут, как надо считать, совершаться по многим причинам.
Ибо коль может луна от земли загораживать солнца
Свет и на небе главу возвышать, между ним и землею
Темный свой выставив диск навстречу лучам его жарким,
Разве нельзя допустить, что на то же способно иное
Тело, что может скользить навеки лишенное света?
Иль почему же нельзя, чтоб теряло огни, угасая,
Солнце в положенный срок и сызнова свет возрождало,
В тех областях проходя, где пламени воздух враждебен,
Где потухают огни и где они временно гибнут?
Далее, если земля лишать в свою очередь света
Может луну и собой загораживать солнце, покуда
Конусом тени луна суровым скользит в новолунье,
Разве нельзя допустить, что тогда под луной пробегает
Или над солнцем скользит какое-то тело иное,
Чтò прерывает лучи и теченье обильное света?
Если ж луна наконец своим собственным блеском сверкает,
То почему ж не тускнеть ей в какой-нибудь области мира,
Где ее собственный свет препятствия всюду встречает?
Ныне тебе объяснив, на каких основаниях может
Все совершаться и быть в лазури великого мирэ;
Как о теченьи луны и различных движениях солнца
Можно судить, какая причина и сила их движет.
Как они могут порой исчезать при закрытии света.

И во внезапную тьму погружать неожиданно земли,
Будто смежая глаза, и снова затем открывать их,
Все озирая кругом, озаренное ярким сияньем,—

Я возвращаюсь теперь к младенчеству мира и мягким
Пашням земли и к тому, что они при начале творенья
Вызвать решили на свет и доверить изменчивым ветрам.

182. [Демокрит:] Земля нашего мира возникла раньше светил: луна расположена внизу, затем солнце и далее неподвижные звезды. И самые планеты имеют неодинаковую высоту. Наш мир находится в расцвете, не будучи в состоянии более принимать [в себя] что-либо извне.

183. [О млечном пути]. Анаксагор и Демокрит говорят, что млечный путь есть свет некоторых звезд. А именно—солнце, уходя ночью под землю, освещает все те звезды, которые находятся по ту сторону земли; [тогда] собственный свет последних становится незаметным, говорят они, так как ему мешают солнечные лучи. Что же касается всех тех звезд, которые затемняет заслоняющая тень земли, так что они не освещаются светом солнца, у этих их собственный свет видим, это и есть млечный путь.

184. Демокрит [о млечном пути:] это есть соединение света множества малых, расположенных рядом звезд, которые взаимно освещают друг друга вследствие густого расположения их.

185. Другие же говорят, что он состоит из весьма малых звезд, близко расположенных одна от другой и кажущихся нам соединенными вследствие [боль-

181, *Лукреций*, V, 509 сл.

182. *Ипполит*, «Refut.»,I.13,Dox. 565; FVS[4],II. 23, 28—34.

183. *Аристотель*, «Meteor», A 8, 349 a 25, FVS[4], II, 32. 31 сл., здесь приводится Александром к этому месту, p. 37, 23.

184. *Аэций*, III, I, 6, Dox. 365 «О млечном пути».

шого] расстояния от неба до земли, как если бы кто-нибудь рассыпал множество крупинок соли.

186. Ни Анаксагор, ни Демокрит в «Великом диакосмосе» не думают, чтобы светила были живыми существами.

187. Анаксагор, Демокрит и Клеанф полагают, что все светила движутся с востока на запад.

188. Солнце и луна состоят из гладких и круглых телец, также и душа [состоит из таких же атомов].

189. О кометах Анаксагор и Демокрит говорят, что звезда, называемая «кометой» <т. е. «длинноволосой» или «с хвостом»>, есть *«совместное появление»* планет. Последние же суть планета Кроноса <Сатурн>, планета Зевса <Юпитер>, планета Афродиты <Венера>, планета Ареса <Марс> и планета Гермеса <Меркурий>. А именно—всякий раз, как они появляются вблизи друг друга, они производят оптический обман, будто они на самом деле касаются друг друга и будто [перед нами] находится одна звезда, так называемая «комета». Итак, они называют *«совместным появлением»* оптическую иллюзию, возникшую от встречи всех [планет], так что [получается обманчивый образ] одной звезды.

190. Также Демокрит, самый тонкий из всех древних [мыслителей], высказывает догадку, что есть много звезд, которые блуждают, но он не установил ни числа их, ни имен, так как еще не были познаны движения пяти звезд [планет].

185. *Ахилл*, Isag. 24 p, 55, 24 M: «О млечном пути», FVS^4, II, 32, 39—42.

186. *Ахилл*, Isag. in Arat. I, 13, FVS^4, 46 A 79.

187. *Аэций*, II, 16 I. FVS^4, 46 A 78.

188. *Диоген*, IX, 4 FVS^4, II, 13, 24—25.

189. *Александр* к «Meteor». Аристотеля, p. 26, II, FVS^4, II, 32, 43 сл.

190. *Сенека*, Nat. quaest. VII, 3, 2.

191. Парменид, Демокрит: Земля пребывает в равновесии вследствие равного расстояния отовсюду, ибо нет причины, которая бы заставила ее скорее склониться в одну сторону, чем в другую. Вследствие этого она может сотрясаться, но не двигаться.

192. Демокрит: [земля, рассматриваемая в отношении] ширины имеет форму диска, посредине же она—полая.

192a. Обитаемую [часть] земли стоик Посидоний и Дионисий называют пращевидной, Демокрит же—продолговатой.

193. Демокрит: Вначале земля блуждала вследствие своей малости и легкости, с течением же времени, сделавшись плотнее и тяжелее, она перешла в неподвижное состояние.

МЕХАНИКА

193a. Ученики Демокрита и позже Эпикур говорят, что атомы, будучи все одинаковы по природе, имеют вес; вследствие же того, что некоторые [атомы] более тяжелы, более легкие или, когда одни опускаются, выталкиваются и уносятся вверх, и таким образом — говорят они — «кажется, что одни [атомы] легки, другие — тяжелы». «Последователи Демокрита полагают, что все имеет вес, но вследствие того, что огонь имеет меньший вес, он вытесняется опережающими (его телами) и уносится вверх и по этой причине кажется (легким). Они полагают, что существует только одно тяжелое и оно всегда несется к центру».

191. *Аэций*, III, 15, 7, Dox. 380.
192. *Аэций*, III, 10, 5, Dox. 378; «О форме земли» FVS[1], II, 33 26—29.
192a. *Евстафий*, Комментарий к Гомеру, Н. 446, р. 690. См. FVS[4], II, 33, 27.
193. *Аэций*, III 13, 4, Dox. 378. FVS[4], II, 33, 30 сл.
193a. *Симпл.* «De caelo». 569,5 и 712,27. FVS[4], II, 27,39 сл.

193б. [*Против Демокрита Эпикур*]:«В самом деле необходимо, чтобы атомы обладали равной скоростью, когда они несутся через пустоту при отсутствии всякого сопротивления. Ведь большое и тяжелое тело не будет нестись скорее малого и легкого, когда ничто не оказывает им сопротивления, и малое (не будет нестись) медленнее большого, так как все имеет соразмерное движение, когда ничто не оказывает сопротивления».

194. «Если кто-нибудь воспользуется учением Демокрита, говоря, что у атомов нет никакого свободного движения, так как они лишь сталкиваются друг с другом, и что все повидимому движется по необходимости вниз, то мы скажем ему: «Разве не знаешь ты, кто бы ты ни был, что в атомах есть и некоторое свободное движение, которого Демокрит не нашел, Эпикур же вывел на свет, [а именно:] отклонение движущихся [атомов] в сторону, [но] как можно показать [это] на основании чувственного опыта?»

194а. Что в физике Эпикура не от Демокрита? Ведь хотя кое-что он изменил, как немного выше я сказал об отклонении атомов, однако большей частью он учит тому же самому об атомах, о пустом пространстве, об образах, о бесконечности пространства и о бесчисленных мирах, об их возникновении и гибели, вообще обо всем, относящемся к закону природы.

195.

Если же думает кто, что тела тяжелее способны,
В силу того, что быстрей в пустоте они мчатся отвесно,
Сверху на легкие пав, вызывать и толчки и удары,
Что порождают собой движения жизни, то, право,
Бродит от истины он далеко в заблужденьи глубоком,

193б. *Эпикур*, Письмо к Герод., Диог. Л., X, 61.

194. *Диоген из Эноанды*, фр. 80, 81 col. 33, FVS[4], II, 25, 30—35.

194а. *Цицерон*, «De nat. deor.», I, 26,73, FVS[4], 25—26, 1—4.

Ибо всё то, что в воде или в воздухе падает редком,
Падать быстрее должно в соответствии с собственным весом
Лишь потому, что вода или воздуха легкая сущность
Не в состояньи вещам одинаковых ставить препятствий,
Но уступают скорей имеющим большую тяжесть.
Наоборот, никогда никакую нигде не способна
Вещь задержать пустота и явиться какой-то опорой,
В силу природы своей постоянно всему уступая.

196. Однако долгое время сам Эпикур называл себя демокритовцем, как сообщают другие, а также один из самых выдающихся учеников Эпикура Леонтий, который в письме к Ликофону говорит, что Эпикур почитал Демокрита, потому, что тот раньше его достиг правильного знания; впрочем вся наука [эпикурейская] вообще называлась демокритовской, ввиду того что Демокрит первый нашел эти начала в природе. Метродор же в сочинении: «О философии» прямо сказал, что если бы Эпикура не научил Демокрит, то сам он не дошел бы до мудрости.

196а. Демокрит приписывал [атомам] два свойства: величину и форму; Эпикур же к ним прибавил третье—вес. Ибо необходимо, говорил последний, чтобы тела двигались в силу тяжести.

196б. Демокрит говорит, что первотела (т. е. «плотное») не имеют веса, движутся же в беспредельном от взаимного удара; [по его мнению] возможно, чтобы атом по величине равнялся миру.

197. Отклоняется,—говорит он,—атом. Прежде всего почему? Ведь разную силу движения они имели у Демокрита и у тебя, Эпикур; у Демокрита силу внешнего толчка, которую он называет «ударом», у тебя же, Эпикур, силу тяжести и веса.

195. *Лукреций*, II, 225 сл.
196. *Плутарх*, «Adv. Colot», 3, p. 1108, FVS[4], II, 26, 8—15.
196а. *Аэций*, I, 3,18. Dox. 285.
196б. Там же 12,6, Dox. 311.
197. *Цицерон*, «De fat», 20,24.

197а. Демокрит, утвержая, что атомы по природе неподвижны, говорит, что они движутся вследствие удара.

198. Демокрит признавал один род движения — движение от *«сотрясения»*.

198а. Бесконечности не должно приписывать то, что обычно считается верхом или низом, так как не существует самого высшего и самого низшего [места во вселенной]. Мы знаем, что, откуда мы бы ни стали вести [линию] вверх над нашей головой, мы никогда не будем иметь того конечного пункта [куда приходит эта прямая]: точно так же [никогда] не является нам и то, что находится в самом низу [линии], которая мыслится [продолженной] вниз до бесконечности. Но если нет абсолютного верха и низа, то, с другой стороны, совершенно невозможно представить себе, чтобы что-нибудь одновременно находилось и выше и ниже в отношении к одному и тому же пункту. Таким образом приходится принять любое одно движение в качестве того, которое мыслилось бы идущим вверх в бесконечность, и соответственно этому также любое одно движение в качестве идущего вниз <извлечение из Демокрита>.

199. Разногласие между ними заключалось лишь в том, что первый <Эпикур> признавал все атомы весьма малыми и потому чувственно невоспринимаемыми, тогда как Демокрит полагал, что есть некоторые атомы весьма больших размеров. Но оба они говорят, что атомы существуют и так называются вследствие своей несокрушимой твердости.

197а. *Симпл.*, «Phys.», 42,10.

198. *Аэций*, I, 23,3, Dox. 319.

198а, *Эпикур* у Диог. Л., X, 60.

199. *Дионисий* у Евсевия, «Р. Е.», XIV, 23 сл., FVS[4], II. 23,25 сл.

199а. Однако не следует [как Демокрит] полагать, что атомы бывают всевозможных размеров, чтобы не впасть в противоречие со свидетельством чувственного опыта, некоторые же различия величин их должно признавать.

200. Относительно всего этого [плавания по поверхности воды металлических пластинок и т. п.] признавать причину в том, в чем признает Демокрит, неправильно. А именно — последний говорит, что поднимающиеся вверх теплые [струи] воды удерживают [на поверхности] из имеющих тяжесть [предметов] широкие [пластинки, между тем как] узкие проваливаются [вниз на дно].

Ибо последние [встречают] немного сопротивляющегося [их движению вещества]. Следовало бы, чтобы еще более это имело силу в воздухе, как и сам он <Демокрит> принимает. Однако, приняв [*это* положение], он уничтожает его оговорками. А именно — он говорит, что *«поток вверх»* (σοῦν) бывает не в одном направлении, причем он употребляет слово «σοῦν» для обозначения движения несущихся вверх тел.

Ср. Галилей «О телах, плавающих в воде»: «Затем он <Аристотель> переходит к опровержению Демокрита, который, по его свидетельству, предполагал, что некие атомы огня, непрестанно восходящие в воде, толкают вверх и поддерживают такие тяжелые тела, которые довольно широки, в то время как тела узкие опускаются вниз, так как им противодействует и толкает их малое количество названных атомов... Я не скажу здесь, что признанная Демокритом причина была истинной; скажу только, что она, как мне кажется, недостаточно опровергается Аристотелем, когда он говорит-

199а. *Эпикур* у Диог. Л. X. 55 р. 15,12, Usen.

рит, что если бы было правильно, будто восходящие горячие атомы поддерживают тяжелые, но достаточно широкие тела, то они должны были бы проявлять себя более в воздухе, нежели в воде, потому что, по мнению Аристотеля, эти горячие тельца должны с большей силою и быстротою восходить в воздухе, нежели в воде.

Если постановка вопроса Аристотелем именно такова, как мне кажется, то я полагаю, что он дает повод заподозрить его в заблуждении и даже не одном. Во-первых, едва ли правильно, что горячие тельца, будь они частицами огня или его парами, или вообще каким-либо легким веществом, восходящим вверх даже в воздухе, будут подниматься вверх в воздухе быстрее, чем в воде: совершенно обратно, они должны двигаться более стремительно в воде, чем в воздухе, как я уже доказывал выше... Положение, выдвигаемое Аристотелем против Демокрита, что если восходящие атомы огня поддерживают тяжелые тела, имеющие широкую фигуру, то это действие их должно проявляться более в воздухе, чем в воде, потому что такие тельца быстрее движутся в воздухе, нежели в воде,—нехорошо, ибо должно происходить как раз обратное, так как частицы эти в воздухе поднимаются медленно и кроме того, что движутся медленнее, идут не сплоченно, как в воде, но разъединяются и, как говорится, рассеиваются, а потому, как хорошо выражается Демокрит в заключение своего предложения, не толкают и не оказывают воздействия совокупно.

Во-вторых, заблуждается Аристотель, когда полагает, что названные тяжелые тела должны легче поддерживаться восходящими горячими частицами в воздухе, нежели в воде, не принимая во внимание, что тела эти в воздухе тяжелее, чем в воде, так что например, если какое-либо тело весит 10 фунт.

в воздухе, то в воде оно может быть и не весит 0,5 унции; как же может быть, что его легче поддержать в воздухе, чем в воде? Из этого заключаю, что по этому частному вопросу Демокрит рассуждал лучше, нежели Аристотель. Но я вовсе не хочу сказать, что рассуждения Демокрита правильны...

Возвращаясь к Аристотелю, скажу: мне кажется, что он тем менее основательно опровергает Демокрита, что тот же Демокрит, по словам самого Аристотеля, не приводит тех положений, против которых он выступает; возражать Демокриту, утверждая, что если бы восходящие горячие тельца были тем, что поднимает тонкие пластинки, то гораздо более весомое тело должно было бы выталкиваться и подниматься ими в воздухе, значит выказать желание сразить Демокрита, несовместимое с тонкостью основательного рассуждения. То же желание Аристотеля проявляется и в других случаях, мало чем отличаясь от настоящего места, а именно в отделе, предшествующем тому, который мы разбираем, где он пытается опровергнуть того же Демокрита, когда тот, не удовлетворяясь одним названием, желает подробнее определить, что такое тяжесть и легкость, т. е. причина опускания вниз и восхождения кверху, и вводит понятия полного и пустого, придавая последнее свойство огню, почему он движется кверху, а первое—земле, почему она опускается, и присваивает затем воздуху более огня, а воде—более земли. Аристотель, желая найти для движения вверх причину положительную, а не просто, как Платон или другие древние, отрицание или отсутствие свойства, в каком отношении находится пустое к полному,—аргументирует против Демокрита, говоря: если верно то, что ты полагаешь, то следовательно найдется такой объем воды, который будет содержать более огня, чем малый объем воздуха, и большой объем

воздуха, который будет иметь больше земли, чем малый объем воды, вследствие чего следовало бы, что большой объем воздуха быстрее будет опускаться вниз, нежели малое количество воды; этого однако никогда не случается, и следовательно рассуждения Демокрита ошибочны. Но, по-моему, доктрина Демокрита остается неопровергнутой таким рассуждением; напротив манера Аристотеля выводить заключения мало убедительна... В рассуждении Аристотеля более ошибок, чем в рассуждениях Демокрита...»

МЕТЕОРОЛОГИЯ

201. Передают, что Демокрит, который первый постиг и показал связь неба с земными явлениями (причем богатейшие из граждан с пренебрежением смотрели на этот труд его), предвидя будущую дороговизну масла на основании [наблюдений над] восходом [созвездия], Вергилий (каким образом—это мы выше сказали и теперь указываем яснее) скупил все масло во всей стране при значительной в то время дешевизне маслины, ввиду надежд [на ее урожай]. Этому поступку его удивлялись те, кто знал, что он выше всего ставил не стяжание, а спокойное занятие науками. Когда же обнаружился результат дела и последовал огромный приток денег [к Демокриту], последний вернул доход владельцам [маслины], которые в своей беспокойной жадности раскаивались [в совершенной ими сделке]... Он же был доволен тем, что доказал, что ему легко было бы разбогатеть, если бы он пожелал.

200. *Аристотель*, «De caelo», Δ6, 313 a, 21, FVS[4], II, 33, 30 сл., перевод отрывка из Галилея А. Н. Долгова. Мы сделали исключение в отношении Галилея, приведя отрывок из его книги, ввиду исключительного исторического интереса отрывка.

201. *Плиний*, «Hist. nat.», XVIII, 273, FVS[4], II, 16, 10 сл.

201а. За то, что он много предсказывал по наблюдениям над небесными явлениями, Демокрит был прозван «Мудростью». Так например, когда его дружески принял к себе брат Дамас, по некоторым звездам он предсказал продолжительный ливень. И вот, послушав его, они собрали плоды (как раз было время собирать хлеб на гумнах), другие же все потеряли вследствие неожиданно разразившегося продолжительного дождя.

202. Передают, что тот же самый Демокрит посоветовал своему брату Дамасу, когда еще была сильная жара, чтобы тот перестал жать и поспешно свез сжатый хлеб под кровлю, а несколько часов спустя предсказание его было подтверждено яростным дождем. Демокрит полагал, что зима будет такая же, каким был самый короткий день в году и 3 дня до него и после него; подобным же образом, каким был самый длинный день [в году и 3 дня до него и после него, определяют, таково же] будет лето... Одинаково думают [что бывает редко] Филипп, Демокрит, Эвдокс, что за 4 дня до октябрьских календ <28 сентября> восходит утром Козочка и за 3 дня до [тех же] календ <29 сентября> — Козлята.

203. Демокрит: гром [возникает] из неравномерно составленной [смеси атомов], которая разрывает окружившее ее облако для своего движения вниз. Молния же [есть] столкновение облаков, при котором [те облака], которые способны породить огонь, сгущаясь, протискиваются через разреженные со многими скважинами [облака] и вызывают трение. Удар же молнии [бывает] всякий раз, когда из этих [облаков] более чистых, более тонких, более гладких «*плотно соединенных*» <сращенных>, как он

201а. *Климент*, «Stom.», VI. 32, FVS[4], 354, 44 сл.
202. *Плиний*, «Hist. nat.», XVIII, 341. 231, 312. FVS[2], 355, 1—4.

сам пишет, и способных к порождению огня, насильно вызывается стремительное движение. Зарницы же [возникают], когда устремляются в потоке вниз имеющие наибольшее число скважин соединения огня, которые до этого были задержаны изобилующими скважинами местами и своими собственными облачками, [а теперь усилились] собранные в одно тело вследствие разнообразной примеси.

204. «О разливе Нила». Демокрит: когда снег, лежащий на севере, вследствие наступления лета тает и превращается в воду, то из сгущения испарений образуются облака. Когда же последние сгоняются на юг и [приносятся] в Египет пассатными ветрами, [там] происходят проливные дожди, от которых разливаются озера и река Нил.

204а. [Календарь приблизительно II века до н. э.] (Скорпион). На 4-й день, по Демокриту, Плеяды заходят на заре. Обыкновенно дуют холодные ветры и бывают уже холода и иней. Деревья начинают сильно терять листья.

На 13-й день, по Демокриту, [созвездие] Лиры восходит одновременно с восходом солнца. Воздух обыкновенно бывает холодным.

(Стрелец). На 16-й день, по Демокриту, Орел восходит одновременно с солнцем. Это ознаменовывается обыкновенно громом, молнией и дождем или ветром или и тем и другим вместе,—последнее случается большей частью.

(Козерог). На 12-й день, по Демокриту, обыкновенно дует (южный и влажный ветер с дождями и туманами).

203. *Аэций*, III, 3, 11, Dox. 369, FVS[4], II, 33, 8 сл.

204. *Там же*, IV, I, 4, FVS[4], II, 34, 22—26, Dox. 385: «О разливе Нила» Демокрит. О Демокрите как источнике сочинения Аристотеля: «О разливе Нила» см: *Bolchert*, «N. Jahrb. f. Phil.,» XIV, 1911, 150.

(Водолей). На 3-й день, по Эвктемону, дождливая погода, по Демокриту — день несчастный, погода ненастная.

На 16-й день, по Демокриту, начинает дуть Зефир (западный ветер) и продолжается 43 дня от солнцестояния.

(Рыбы). На 4-й день начинаются, по Демокриту, дни с *переменчивой* погодой, так называемые гальциониды.

В 14-й день, по Демокриту, дуют холодные ветры, называемые *птичьими*; [эти ветры] длятся самое большее 9 дней <птичьими назывались северные ветры, с которыми прилетали птицы>.

(Овен). По Демокриту, Плеяды скрываются с восходом солнца и бывают невидимы 40 ночей.

(Близнецы). На 10-й день, по Демокриту, бывает дождь. На 29-й день начинает восходить Орион и обычно служит предзнаменованием дождя.

204б. Демокрит говорит: Ветер бывает, когда в тесном пустом пространстве находится много телец, которые он называет атомами. Напротив, бывает тихое и спокойное состояние воздуха, когда в значительном пустом пространстве находится немного телец. Ибо, подобно тому как на площади или в городе, пока малолюдно, гуляют без шума, а где собирается густая толпа, там происходят столкновения вследствие встречи одних с другими, так и в том пространстве, которое нас окружает, когда незначительное место наполнено множеством тел, то по необходимости одни [тела] наталкиваются на другие,

204а. *Гемин*, Isag., FVS[4], II, 63, 16 сл., p. 218, 14. Гальционидами назывались 14 зимних дней, в которые вьют себе гнезда зимородки — род морской птицы. Пляды — созвездие из семи звезд, восходящее в Греции в мае и заходящее в начале ноября. Арктур — звезда в созвездии Волопаса, видимая в Греции в начале сентября.

ударяют, отталкиваются, сплетаются и сжимаются, вследствие этого возникает ветер, когда те [тела], которые боролись, устремились [наконец в какую-нибудь одну определенную сторону], и те, которые долго находились в состоянии колебания, поддались [в одну какую-нибудь сторону]. Но там, где в большом просторе обращается незначительное число тел, там они не могут ни толкать [других], ни [сами] быть толкаемы.

205. Огонь молнии удивителен по величайшей чистоте и тонкости, и он весь имеет рождение прямо из чистой и святой сущности; если что-нибудь смешается с ним влажное или землеподобное, то вследствие быстроты его движения [эта примесь] сбрасывается и очищается. «То, что не Зевсом ниспослано, как говорит Демокрит, не хранит чистого сияния небесного».

206. Зевс приказал северному ветру сильно дуть, показывая дождем влажный путь Арктура. Так он сказал вследствие того, что во время восхода Арктура льются сильные дожди, как говорит Демокрит в сочинении: «Об астрономии» и Арат.

206а. И [календарь] этот [составил] Клодий, [взяв] из священных учений у тусков. И не только он сам [участвовал в выработке календаря], но и Эвдокс в значительной мере, раньше их всех Демокрит, а также римлянин Варрон <и т. д.>

206б. И я надписал знаки их [т. е. предзнаменования погоды] и разместил их, следуя египтянам,

204б. *Сенека*, «Nat. quaest.», V, 2, FVS^4, II, 33, 16 сл.

205. *Плутарх*, «Quaest. conv.», IV, 2, 4, p. 665, FVS^2, 411, 29 сл.

206. *Схолии к Аполлонию Родосскому*, B, 1008, FVS^4, II, 64, 8 сл.; Арат—«Phaen.» 74.

206а. *Календарь Клодия*, «In Lydus deiost. ex. Wachsm.», 2, p. 157, 18, FVS^4, II, 64. 12 сл.

Досифею... *Демокриту.* Из них египтяне наблюдали у нас... Демокрит [производил наблюдения] в Македонии и Фракии. Поэтому, пожалуй, наиболее применимы египетские знаки к местностям, лежащим около этой параллели... знаки же Демокрита, по которому самый продолжительный из дней состоит из 15 час...

(14 сентября). По Демокриту из Абдер, [этот день] имеет свой знак [погоды], и в этот день улетает ласточка.

(26 сентября). По Демокриту, дождь и беспорядочные ветры.

(5 октября). По Демокриту: свирепствует буря, — время посева.

(29 октября). По Демокриту—холод или иней

(13 ноября). По Демокриту, буря на суше и на море.

(27 ноября). По Демокриту, [в этот день] обыкновенно небо и море неспокойны.

(5 декабря). По Демокриту—буря.

(10 декабря). По Демокриту, гром, молния, дождь, ветры.

(27 декабря). По Демокриту, сильная буря.

(29 декабря). По Демокриту, имеет свой знак погоды.

(4 января). По Демокриту, обыкновенно—Нот (южный ветер).

(20 января). По Демокриту, идет дождь.

(24 января). По Демокриту, сильная буря.

(6 февраля). По Демокриту, начинает дуть Зефир (западный ветер).

(8 февраля). По Демокриту, дует Зефир.

(24 февраля). По Демокриту, дни с переменчивой погодой, так называемые гальциониды.

(7 марта). По Демокриту, холодные ветры. Птичьи [ветры] на 9 дней.

(18 марта). По Демокриту, имеет свой знак погоды, ветер холодный.

(27 марта). По Демокриту, имеет свой знак погоды.

(24 апреля). По Демокриту, имеет свой знак погоды.

(28 мая). По Демокриту, дождливая погода.

(3 июня). По Демокриту, бывает дождь.

(22 июня). По Демокриту, имеет свой знак погоды.

(28 июня). По Демокриту, Зефир и дождь утром, затем первые северные ветры на 7 дней.

(16 июля). По Демокриту, дождь, порывы ветра.

(26 июля). По Демокриту и Гиппарху, южный ветер и зной.

(19 августа). По Демокриту, дождь и ветер.

207. [*Календарь погоды*] (15 января). Демокрит говорит: бывает юго-западный ветер с дождем.

(18 января). Демокрит говорит, что заходит Дельфин, и обыкновенно бывает поворот.

(23 января). Демокрит говорит, что [в этот день] дует юго-западный ветер.

(17 марта). Демокрит говорит, что в день Вакханалий заходят Рыбы.

(2 сентября). Демокрит говорит, что в этот день меняется направление ветров и бывает дождь.

(6 октября). Демокрит говорит, что восходят Козлята и дует северный ветер.

(25 ноября). Демокрит говорит, что солнце бывает в [созвездии] Стрельца.

206б. *Птолемей* «Astron. apparit. epileg.», p. 275, I, FVS[4], II, 64, 16 сл.

207. *Иоанн Лидийский Лаврентий*, «De mens.», IV, 16 сл., FVS[4], II, 65, 13.

ГЕОЛОГИЯ

208. Демокрит: вследствие того, что южная [часть] окружающей [землю] атмосферы слабее, земля, увеличившись в этом направлении, склонилась к югу. Северные [части у земли]—чистые, южные же—смешанные. Поэтому-то [у земли] большая тяжесть в направлении той [ее части], где она изобилует плодами и где она увеличивается.

209. Демокрит говорит, что земля, будучи полна воды и принимая сверх того в себя много дождевой воды, в силу этого приходит в движение. А именно, когда дождевой воды становится слишком много вследствие того, что полые места не в состоянии [уже более] вмещать ее в себя, она, вынуждаемая [создавшимся положением], производит землетрясение; а также, когда земля начнет высыхать и образуется тяготение [масс материи] к пустым местам из более полных, то [эта] происходящая перемена приводит землю в движение.

210. Итак, в особенности сильное разногласие вызвал [вопрос] о происхождении соленого вкуса [морской воды]. А именно—одни говорят, что [это] остаток первоначальной влаги, после того как весьма большая часть вод [испарилась]. Другие же [говорят, что это] пот земли. Демокрит же, как кажется, объясняет происхождение его одинаково [с происхождением соленых вод] в земле. Так солей и щелочных солей... <дальше недостает 5 строчек>... Он говорит, что вследствие гниения... в жидкости сходные [части] собираются вместе, подобно тому как [это происходит] во всем, и таким образом возникло море и все прочие соленые [воды], так как однородные [вещества] были собраны в одно место...

208. *Аэций*, III, 12, 2, Dox. 377, FVS^{4}, II, 33, 32—35.
209. *Аристотель*, «Meteor.», B, 7, 365 a, FVS^{4}, II, 33, 36 сл.

А что море состоит из однородных [веществ], это явствует и из других соображений. В самом деле ни ладан, ни сера, ни гладыш, ни квасцы, ни асфальт, ни [вообще] все ценное и достойное удивления, не встречается во многих местах земли. Из этого легко усмотреть по крайней мере, по какой причине он, считая море частью мира, говорит, что тем же самым способом возникли достойные удивления и самые необычайные [вещи] природы, как будто бы в земле нет множества различий. Ведь для того, кто образует соки при помощи форм [т. е. атомов] и соленую воду выводит из больших угловатых [атомов], вполне разумно, чтобы соленая [вода] на поверхности земли возникла тем же самым способом, как и [соленая вода] в море.

211. Следует сказать еще о соленом вкусе [моря] и [о том], всегда ли вкус морской воды один и тот же или [раньше] морская вода не была [соленой] и [в будущем] не будет, но соленый вкус получился [в результате] иссякания [вод]. Ибо так думают некоторые. Итак, повидимому, все согласны в том, что [соленая вода моря] возникла, как и весь мир. В самом деле вместе [с миром] они считают ее возникшей. Таким образом ясно, что если вселенная вечна, то и относительно моря должно думать так же. Но считать, что [море] уменьшается количественно, как говорит Демокрит, и наконец иссякнет,—(совершенно) нелепо; это, как кажется, ничем не отли-

210. *Папирус* (Hiben Papyr., 16, p. 62, Grenfell—Hunt, столбец II, FVS^4, II, 34, 27 сл. (*писан при Филадельфе, представляет собой вероятно фрагмент из сочинения Теофраста: «О воде»* (*Диоген*, V, 45).

Столбец I дополняется Дильсом (FVS^4, II, 34 Anm.) по Александру «Meteorol.», 67, 3, сл. Теофраст «Phys. Opin». Фрагмент 23, разъясняется из сопоставления с Аристотелем, «Meteor.» I, 379, 6, 4, где говорится: «Часть моря, отделившаяся [от целого], быстро загнивает».

чается от сказок Эзопа. А именно: последний сочинил, будто Харибда, дважды проглотив [первобытное море, покрывавшее всю землю], сделала видимыми сперва горы, затем острова; если же еще раз она проглотит [море], то сделает землю совершенно сухой. Разумеется Эзопу, сердившемуся на корабельщика, прилично было рассказывать такую сказку, но ищущим истину это не подобает. Ибо по той самой причине, по которой оно [соленое море] пребывало вначале, будьто вследствие тяжести, как говорят некоторые из них... очевидно, что по этой самой причине оно должно пребывать и остальное время. <Предание, на которое выше сделана ссылка, следующее:> Сперва возникли Хаос и Вода. Зевс же, желая также открыть стихию земли, уговорил Харибду трижды хлебнуть море. И вот она после первого глотка сделала видимыми горы, во второй же раз хлебнув, обнажила и долины. Если же вздумается и в третий раз выпить воды, то нам <кораблестроителям> станет бесполезным наше искусство.

212. Если элементы неделимы [атомы], то невозможно, чтобы воздух, земля и вода различались по количеству. Ведь поэтому невозможно, чтобы они возникали друг из друга. Дело в том, что самые большие тела выделяются вследствие того, что отстают (от других), и таким образом, по его словам, вода, воздух и земля возникают друг из друга.

213. [О землетрясении]. [По этому вопросу] высказывались Анаксагор Клазоменский, до него Ана-

211. *Аристотель*, «Meteor.», B. 3, 356 b 4, FVS[4], II, 35, 11—24. Ссылка на Эзопа см. f. 19, ed. Halm.

212. *Аристотель*, «De caelo», Г, 2, 303 a, 25, FVS[4], II, 27, 35—38. μεγέθει καὶ μικρότητι.

ксимен Милетский, а позже их обоих абдеритянин Демокрит.

214. [Из Посидония]. (1) Демокрит признает множественность [причин землетрясений]. А именно: он утверждает, что движение иногда производится воздухом, иногда водой, иногда и тем и другим, и вот как он изображает это: «Некоторая часть земли — полая; в нее стекается бо́льшая масса воды. Из этой [массы воды] некоторое количество более чисто и прозрачно, нежели остальные [части воды]. Когда нахлынувшей тяжестью [вновь прибывающей воды] она бывает отброшена, она ударяется о землю и приводит последнюю в движение; ведь она не может притти в состояние волнения без движения того, обо что она ударяется»... (2) «Когда [вода] собралась в одном месте и больше там не может быть принята, она стремится [оттуда] куда-нибудь и открывает [себе] путь сперва тяжестью, затем силою своего натиска. Будучи долго заключенной, она не может выйти иначе, как через покатость, и не может падать в прямом [направлении] тихо и без сотрясения того, через что или на что она падает. (3) Если же она остановится после того, как уже начала двигаться в каком-нибудь месте, и вся сила [потока] реки возвратится назад к себе, то происходит давление ее на смежную землю, и та часть последней, которая наиболее грозит падением, потрясается ею. Сверх того — иногда земля, размягченная жидкостью, которую она приняла внутрь, оседает глубоко, и само дно повреждается: в этом случае сдавливается та часть, на которую наиболее давит тяжесть льющихся вод. (4) Иногда воздух гонит волны, и если его порыв слишком силен, то он приводит в движение ту,

213. *Аристотель*, «Meteor.» B, 7 «О землетрясении», p. 365 a 17, FVS[3], 353, 23—25.

разумеется, часть земли, куда он бросил согнанные им воды; иногда [воздух], будучи сброшен в земные проходы и ища выхода [из них], приводит все в движение; но, подобно тому как земля удобопроходима для ветров, так воздух слишком тонок, чтобы его можно было [куда-нибудь] не пустить, и слишком силен, чтобы его можно было остановить, когда он приведен в сильное и быстрое движение».

215. Почему камни отвердевают скорее от теплых вод, нежели от холодных? Не потому ли, что камень образуется вследствие исчезновения влаги, влага же скорее исчезает от тепла, чем от холода? Итак, камни образуются вследствие теплоты; так и Эмпедокл [и Демокрит] возникновение скал, камней и горячих источников [объясняют этой причиной].

216. Причины этой крепости камней многие решились указать: из более древних мудрецов—Анаксагор, Эмпедокл и Демокрит.

217. Демокрит же и некоторые другие говорят, что стихии имеют души и что души сами являются причиной порождения камней: поэтому Демокрит говорит, что в камне есть душа, подобно тому как [она есть] в любом другом семени вещи, которая должна родиться, и что, порождая камень, она приводит в движение внутренний жар самой материи таким способом, каким мастер движет молот для того, чтобы сделать топор и пилу.

218. В горной части Индии есть река Сила, против течения которой ничто не плывет. Демокрит этому не верит, так как он объездил значительную часть Азии. И Аристотель не верит.

214. *Сенека.*, «Nat. quaest.», VI 20, FVS[4], II, 34, 3 сл.
215. [*Аристотель*], «Probl.», 24, FVS[4], II, 937 a II.
216. *Пселл.*, «De lap.», p. 38 Bernard, FVS[4], 21, A 69.
217. *Альберт Великий*, «De lapid.» I, 4, FVS[4], II, 53, 13 сл.
218. *Страбон*, XV, p. 703, FVS[4], 354, 1—6.

219. Затем [после Анаксимандра, Гекатея и Гелланика] (1) Дамаст Сигейский, передавший весьма многое из учений Гекатея, начертил карту кругосветного плавания. Наряду с ним Демокрит, Эвдокс и некоторые другие занялись составлением карт движений и плавания вокруг земли. (2) Итак, древние изображали обитаемую часть земли круглою, посредине же, по их мнению, лежит Эллада и посредине последней Дельфы. Последние—пуп земли. Первый же Демокрит, многосведущий муж, познал, что земля продолговата и что длина ее в полтора раза больше ширины. С ним согласен в этом и перипатетик Дикеарх.

220. Река каждый год, разливаясь, меняет вид полей, а от этого между соседями возникают всякие споры о межах, которые нельзя разобрать, если с помощью геометрии не будут справедливо проведены межи <извлечение из книги Демокрита по истории культуры>.

БОТАНИКА

221. [Рост растений]. Как объясняет Демокрит, прямые [растения] живут менее продолжительное время и раньше прозябают, чем [растения] кривые, по тем же самым причинам, а именно—у одних пища, от которой произрастание и плоды, передается быстро, а у других медленно вследствие того, что надземная часть их неудобна для быстрого течения пищи, но одни лишь корни получают пользу от этого. И в самом деле эти растения имеют длинные и толстые корни. По нашему мнению, все это он неправильно объясняет. Также он говорит, что корни прямых растений слабы. По указанным двум

219. *Агафемер* I. 2, FVS[4], II, 65, 22 сл.
220. *Диодор Сицилийский*, I, 39. Ср. отр. 159—167.

причинам они трескаются, и приходит гибель дерева. А именно, вследствие того что [в эти прямые растения] от верхней [части] быстро приходит к корням и холод и жар, и корни, будучи слабыми, [этого] не выдерживают. Вообще же многие из таких растений начинают снизу портиться вследствие слабости корней. Кроме того надземные части приводят в движение корни, вследствие чего последние разрываются и повреждаются, и от этого бывает гибель всему дереву. Итак, вот что говорит Демокрит.... Может быть, следует принять прямое направление пор, как Демокрит? Ведь движение [здесь] быстрое и свободное от препятствий, как он говорит.

ЗООГОНИЯ

222. Демокрит: животные возникли вследствие соединения форм, не имеющих членов... когда впервые влага стала рождать живые существа. <[Ср. с Эмпедоклом, который утверждал, что] «первые животные и первые растения совсем не родились целыми, но отдельными частями, не могущими быть приложенными; во-вторых, произошли собрания частей, как в картинах фантазии, в-третьих, появились цельные тела»>.

223. Но и животные есть как бы некоторый *микрокосм*, как говорят древние мужи, искусные в познании природы [Демокрит и др.].

224. Из бескровных [животных] ни одно не имеет внутренностей [сердца, печени и легких]. Демокрит же, как кажется, неправильно учил о них, если только [в самом деле] он был того мнения, что [эти]

221. *Теофраст*, «De caus. pl.», II, 11, 7 сл., FVS[4], II, 52, 36 сл.

222. *Аэций*, V, 19, 6, Dox. 431.

223. *Гален*, «De usu partium», III, 10.

внутренности их незаметны вследствие малости бескровных животных.

225

Существуют животные, кои столь малы,
Что уж третья их часть незаметна для нашего глаза.
Должно судить из того, как ничтожен размер их желудка,
Как невелики комочки сердец, их глаза, все их члены,
Все их суставы...

226. Пауки могут плести паутину тотчас по рождении, не изнутри, так как [в этом случае материалом, из которого они ткут паутину,] был бы остаток от пищеварения,—это было мнением Демокрита,— но из [своего] тела, подобно тому как [образуется] скорлупа [у некоторых животных] или колючки, как у ежей.

227. [Демокрит] говорит, что причина вырастания рогов у оленей следующая. Признавая, что желудок у них весьма теплый, он говорит, что жилы, рассеянные у них по всему телу, от природы самые тонкие, и кость, заключающая мозг, весьма тонкая, в роде кожи, и нежная, а жилы, идущие снизу отсюда до верхушки головы, весьма толстые. Итак, пища, особенно самая питательная часть ее, передается вверх весьма быстро, и *жир в них*, говорит он, *выходит кругом наружу*, и сила пищи через жилы устремляется в голову. Поэтому и вырастают рога, орошенные обильной влагой выступающего наружу жира. Эта влага, постоянно притекая, выталкивает то, что было прежде на том месте. И вот влага, дер-

224. *Аристотель*, «De part. anim.» G 4, 665 a 30, FVS[4], II, 50, 7 сл.

225. *Лукреций*, IV, 116 сл., FVS[4], II, 50, 9.

226. *Аристотель*, «Hist. anim.», I 39, p. 623 a 30, FVS[4], II, 50, 13—15.

жащаяся вверху на поверхности тела, становится сухой, так как воздух, охлаждая, делает ее твердой и обращается в рог, между тем как влага, находящаяся внутри, будучи еще закрытой, мягка. И первая влага делается твердой вследствие охлаждения извне, между тем как мягкая [влага] пребывает [мягкой] вследствие внутренней теплоты. Итак, приращение нового рога выталкивает более старый как лишний, так как находящийся внутри давит его, желая его вытеснить, и при этом причиняет боль и усиленно толкает, как будто очень торопится быть орошенным и выступить наружу. В самом деле влага, делающаяся твердой от охлаждения и идущая снизу, не может оставаться в покое. Ведь она и сама отвердевает и выталкивается тем, что перед нею. И большая часть вытесняется внутреннею силою, некоторые же [части], уже окруженные молодыми побегами и мешающие быстрому бегу, животное сбрасывает во время бега вследствие быстрого движения. [Так] одни части уничтожаются, а другие, готовые выйти наружу, природа выводит [на свет].

228. У оскопленных быков, говорит Демокрит, вырастают кривые, тонкие и длинные рога, а у нехолощенных вырастают рога, толстые у основания, прямые и не столь длинные. И еще он говорит, что [нехолощенные быки] являются широколобыми в большей мере, чем многие другие животные, в этом месте у них находится много жил, и поэтому кости от последних расщепляются. И рога у них вырастают более толстые, и это обстоятельство раздвигает у животного в ширину вышеуказанную часть тела [лоб]. Оскопленные же быки, имея малую окружность основания рогов, имеют и менее широкий лоб, говорит он.

227. *Элиан*, «Historia natur.», XII, 18, FVS[4], II, 51, 9 сл.
228. Там же, XII, 19, FVS[4], II, 51, 29 сл.

229. Безрогие быки, не имеющие на верхней части головы «*гнезда*» (как выражается Демокрит, обозначая этим словом впадину), становятся неприкрытыми и лишенными средств защиты, так как у них вся кость крепка и не может принимать в себя стекающихся соков. И жилы, находящиеся у них под этой костью, будучи хуже питаемыми становятся тоньше и слабее. И шея безрогой породы быков по необходимости более высохшая. Ведь и ее жилы более тонкие и следовательно менее сильные. Все же коровы родом из Аравии—с прекрасными рогами, и у них, говорит он, *обильный приток соков* служит пищей для прекрасного роста рогов. Безрогие же [коровы] и все те, которые принимают влагу, кость имеют более твердую, весьма слабо принимают в себя соки. Говоря короче, приток [соков] есть причина роста рогов. А этот приток доставляют жилы, когда их весьма много и они очень толсты и несут в себе столько влаги, сколько только в состоянии вместить.

230. Демокрит... рыбы питаются не соленой морской водой, но пресной водой, прилежащей к морю.

231. Так как [лев] заключает в себе много тепла, он боится огня (света). Поэтому он не закрывает глаз ни тогда, когда засыпает, ни тогда, когда рождается, как говорит Демокрит.

232. Демокрит говорит, что из животных один только лев рождается с открытыми глазами, как будто чем-то уже разъяренный и готовый от мучений сделать что-нибудь необыкновенное.

233. Сова... птица, имеющая самое острое зрение, она может видеть ночью. Демокрит же сообщает, что из животных плотоядных с кривыми ког-

229. *Элиан*, Ibidem, XII, 20, FVS[4], II, 51, 36.
230. *Элиан*, Ibidem, IX, 64, FVS[4], II, 52, 7 сл.
231. *Схолии к Гомеру* T k λ 554 FVS[4], II, 52, 9.
232. *Элиан*, Ibidem, V, 39.

тями сова одна только не рождает [детей] слепыми, так как она имеет в своих глазах много огня и тепла: это [огонь и тепло], будучи очень острым и [легко] проникающим, разделяет и соединяет зрение. Поэтому-то и в безлунные ночи сова видит при помощи огня глаз.

234. Демокрит наилучше объясняет причину, почему петухи перед рассветом поют. А именно—когда пища прогнана от сердца, распределена по всему телу и размягчена, они, удовлетворенные [наступившим] покоем [тела], издают крик.

235. Демокрит говорит, что свинья и собака суть многорождающие, и при этом указывает в качестве причины [этого] на то, что у них много маток, много мест, могущих принимать [в себя] сперму. [Детородное] семя не с одного раза наполняет все эти [места], но эти животные сочетаются дважды и трижды для того, чтобы соединение наполнило [спермой] части, приемлющие семя. Мулы же, говорит Демокрит, не рождают. Дело в том, что у них нет таких маток животных, но они [имеют матки] иного вида, которые вовсе не могут воспринимать в себя семя. Дело в том, что мул не есть произведение природы, но человеческой изобретательности и дерзости, это, так сказать, искусственный продукт воровского прелюбодеяния. «Кажется мне, говорит Демокрит, что сначала случайно осел насильственно оплодотворил лошадь, а затем люди, наученные этим насильственным [оплодотворением], приобрели уменье случать их». В особенности ливийские ослы, будучи весьма большого роста, вскакивают на кобылиц с недлинной гривой, остриженных. Дело в том, что кобылица, отличающаяся красотой благодаря [длинной] гриве,

233. *Этимология генуэзская*, FVS[4], II, 52, 13 сл.
234. *Цицерон*, «De divin.» II, 26, 57, FVS[4], II, 52, 18 сл.

не станет ожидать такого супруга: так говорят мудрецы об их браках.

236. Весь род мулов бесплоден. Причину этого, поскольку о ней говорят Эмпедокл и Демокрит — первый неясно, второй более правильно, усматривают неправильно. А именно — они ко всем одинаково применяют доказательство относительно совокупления вопреки сродству...

237. Демокрит говорит, что поры [в семени] мулов разрушены в матках вследствие того, что начало возникает [в этом случае] не из сродных животных.

238. Демокрит сказал, что уроды возникают вследствие того, что сливаются два [рода] семени: одно — устремившееся [в матку] раньше, и другое — позже. И последнее вслед за первым попадает в матку, так что они срастаются, и искажаются [будущие] члены тела. У птиц же, говорит он, так как у них бывает быстрое [многократное] соитие, всегда яйца и цвет [содержимого их] искажаются.

239. Демокрит говорил, что яйца птиц — уроды. А именно он говорил, что так как [у птиц] соитие бывает поспешным и многократным в течение одного часа, то входит много спермы, и вследствие этого одна часть яйца бывает белая, другая желтая.

240. Массагеты, как говорил Геродот [I, 216], вешают перед собой колчан и затем открыто совокупляются мужчина с женщиной, и, если бы даже все видели их, они не обращают на это никакого внимания. Совокупление же верблюдов никогда

235. *Элиан*, «Historia natur», XII, 16, FVS^4, II, 50, 25 сл.
236. *Аристотель*, «De gen. anim.» B, 8, 747 a 24.
237. *Аристотель*, Ibidem, B, 8, 747 a 29.
238. *Аристотель*, Ibidem, 34, 769, b 30, FVS^4, II, 49, 37 сл.
239. *Филопон*, 186, 10, FVS^4, II, 50, примечание.

повидимому не бывает явным, и нет свидетелей, которые бы видели, как происходит случка верблюдов. Но назовем ли мы это стыдом или тайным даром природы, исследовать это явление и объяснить его причины мы предоставим Демокриту и прочим, которые способны думать о темных и не поддающихся [научному] объяснению [предметах]. Уже и пастух [с пастушкой] удаляются куда-нибудь, когда почувствуют влечение к взаимному сближению,—они как бы удаляются от окружающих в спальню новобрачных.

АНТРОПОГОНИЯ

241. По мнению Демокрита, первые люди произошли из воды и ила.

242. Стоики говорят, что мир и все, что в нем, возникли для людей; тому же самому учат нас божественные письмена. Следовательно заблуждался Демокрит, который полагал, что [люди] произросли из земли наподобие червяков, без всякого творца и без всякого разумного основания.

243. Демокрит же, подражая грому Зевса и «говоря следующее обо всем», попытался высказать [понятие] о человеке, но не мог сказать ничего большего, кроме неискусного определения, [а именно], он сказал: «*Человек есть то, что все мы знаем*».

244. В начале образования вселенной небо и земля имели один вид благодаря смешению их вещества. Но после взаимного отделения тел весь мир принял зримый в нем порядок, воздух пришел в непрестанное колебание, и огненная часть воз-

240. *Элиан*, «Historia natur», VI, 60, FVS[4], II, 50, 16—24.
241. *Цензорин*, 4, 9, FVS[4], II, 49, 6—11.
242. *Лактанций*, «Inst. div», ed. Brandt, VII, 7, 9, FVS[4], II, 49, 9.
243. *Секст*, «Adv. math.», VII, 265, FVS[4], II, 9, 3, 17 сл.
244. *Диодор*, 17, 9, FVS[4], II, XI, 16, см. у нас в комментариях, стр. 274 сл.

духа поднялась на самую высоту метеоров: такое вещество благодаря легкости обыкновенно вверх стремится. Вот по какой причине солнце со множеством других светил и впредь носится во всеобщем вихре. [Вещество же] ила и грязи, соединившись с влажностью, пристало в одно место благодаря тяжести. Вращаясь и закручиваясь, оно произвело из влажности море, а из твердейших частей землю, но весьма еще жидкую и рыхлую. [Последняя] от осветившего ее впервые солнечного огня осела. От солнечного жара поверхность земли вздулась, а некоторые влажные вещества во многих местах на ней поднялись и образовались наподобие прыщей, покрытых тонкой кожей, как это и теперь, в болотистых местах и мхах, случается видеть, когда после холода вдруг наступает жара, и воздух быстро изменяется. Таким образом жизнь порождалась влажными телами благодаря теплоте—точно благодаря семени своему; ибо ночью от влажности воздуха [такое тело] получало приращение, а днем отвердевало от солнечного зноя, когда же вследствие приращения каждого [из тел] плод [заключающийся] в теле, приходил в совершенство и, сгорая, разрывалась кожа плода, то [оттуда] показывались разнообразные виды животных. Те из последних, которые имели в себе больше других теплоты, поднялись наверх, те же, которые имели в себе больше земные вещества, оказались в числе пресмыкающихся и других животных на поверхности земли. Животные же влажного естества, названные плавающими, устремлялись в *сродное себе место.* А так как время от времени земля от солнечного зноя и воздуха совсем иссохла, то напоследок оказалась неспособной производить больших животных; все одушевленные существа стали рождаться уже от взаимного смешения.

Кажется, по вопросу о природе вселенной и Эврелит согласен с тем, что выше приведено, так как он был учеником физика Анаксагора. А именно — в «Меганиппе» он полагает следующим образом: «Не мой вымысел, но от своей матери [я слышал], что [некогда] небо и земля были одной формой. После того как они отделились друг от друга, образовав две [отдельные вещи], они рождают все и произвели на свет деревья, птиц, зверей и смертный род, который питает морская вода».

Если в подобной способности земли производить тогда животных некоторые начнут сомневаться, то египтяне с своей стороны доказывают [это тем], что продолжается у них и доныне. Ибо в Фиваиде, в Египте, когда Нил разливается, от размякшей земли и от наступившего внезапно солнечного зноя, благодаря которому поверхность земли во многих местах гнить начинает, родится бесчисленное множество мышей. Таким образом, говорят они, можно видеть, что из земли окрепшей, когда воздух теряет прежнее свое строение и умеренность, родятся животные. А из этого можно заключить, что подобным образом и в первичном происхождении всех вещей различные виды животных родились из земли. Вот какого мнения были древние относительно первоначального происхождения всех видов.

245

Ни светоносного круга высоколетящего солнца
Не различалось тогда, ни созвездий великого мира,
И ни морей, ни небес, ни земли, ни воздуха также,

Как ничего из вещей, схожих с нашими, не было видно.
Был только хаос один и какая-то дикая буря
Всякого рода начал, беспорядок нестройный которых

Все промежутки, пути, сочетания, тяжесть, удары,
Встречи, движения их возмущал, затевая сраженья;

Так как, при разнице форм и в силу несходства в фигурах
Ни съединенными так им нельзя было всем оставаться,
Ни произвесть меж собою каких-либо стройных движений.(445)
Врозь разбегаться затем стали разные части, со сходным (437)
Сходное в связи входить и мир разграничивать стало, (438)

Члены его разделять и делить на великие части.
Стало тогда от земли отдаляться высокое небо,
Стали моря отходить, обособившись водным пространством.
И выделяться огни стали чистые в дальнем эфире.
Стали сначала земли тела отдельные купно,—

Так как они тяжелы и сцеплены крепко,—сходиться,
Все в середине и в самом низу места занимая.
Чем они больше и больше, сцепляясь друг с другом, сходились,
Тем и сильней выжимали тела, что моря образуют,
Звезды, солнце, луну и стены великого мира:

Это ведь всё состоит из семян и круглее и глаже
И заключает в себе элементы значительно мельче,
Чем у земли. Потому через скважины пористой почвы
Вырвался первым эфир огненосный и вместе с собою
Много увлек он огней, поднимаясь с легкостью кверху

Тем же примерно путем, как случается часто нам видеть
Утром, когда по траве, окропленной росою алмазной,
Пламенем алым блестят лучи восходящего солнца,
И выдыхают туман озера и вечные реки,
Да и земля иногда в это время как-будто дымится.

Только лишь всё это, ввысь поднимаясь, сливается вместе,
Сплоченным телом вверху облака небосвод обвивают.
В те времена и эфир, точно так же, текучий и легкий,
Сплоченным телом своим окруженный во свод изогнулся.
Вширь распростершись везде, растекаясь по всем направленьям,

Всё остальное в своих заключил он объятиях жадных.
Следом за ним зародились зачатки и солнца с луною.
Коих вертятся шары посредине в пространстве воздушном,
И ни земля не присвоила их, ни эфир необъятный,
Ибо ни столь тяжелы они были, чтоб вниз опуститься,
Ни настолько легки, чтобы выскользнуть к высшим пределам,
Как бы живые тела образуют они посредине
И представляют собой мироздания целого части.
Это же мы наблюдаем в себе: в состояньи покоя
Могут быть члены одни, между тем как другие в движеньи.
Сразу же после того, как отторглось всё это внезапно,—
Там где простерлась теперь океана лазурная область,—
Вниз провалилась земля и пучиной соленой залилась.
День ото дня, чем сильней и огонь раскаленный эфира,
Так же и солнца лучи отовсюду давили на землю,
Так что, под градом ударов на все ее крайние части,
Плотно сбивалась она, постепенно сгущаяся к центру;
Тем изобильнее пот у нее выжимался из тела,
Влагой соленой моря и водные полня равнины;
Тем изобильней тогда множество вон улетало
Жара и воздуха тел, далеко над землей поднимаясь,
И уплотняло вверху обители светлые неба.
Стали поля оседать, вырастали высокие горы
Кверху подъемом своим: ведь нельзя было снизиться скалам,
Как и нельзя было всей равномерно земле опуститься.
Так утвердилась земли, сгустившися, грузная масса,
Будто бы ил из всего мирового пространства тяжелый
Стекся на самое дно и осел наподобие гущи.
Море же, воздух затем, а затем и эфир огненосный
С телом прозрачным своим—остались смешения чужды.
Всё это легче одно другого, а самый текучий,
Как и легчайший, эфир плывет над потоком воздушным
И не мешает свое текучее тело с мятежным

Воздуха током совсем; допускает он всё там свирепым
Вихрям крутить; допускает вздыматься там бурям нестройным,
Сам увлекая огни свои в стройном и плавном стремленьи.
То, что эфир может течь равномерно, единым напором,
Понт указует нам—море, текущее стройным потоком,
Вечно и плавно скользя неуклонно в одном направленьи.
…В самом начале травой всевозможной и зеленью свежей
Всюду покрыла земля изобильно холмы и равнины;
Зазеленели луга, сверкая цветущим покровом.
Там и породам различным деревьев на воздухе вольном
Дан был простор состязаться в своем необузданном росте.
Как обрастают сперва пушком, волосами, щетиной
Четвероногих тела и птиц оперенные члены,
Так молодая земля травой и кустами сначала
Вся поросла, а потом породила и смертных животных
Множество, разным путем и в условиях разных возникших.
Ибо не могут никак животные с неба свалиться,
Или из заводей выйти соленых земные созданья.
Вот почему остается признать, что заслуженно носит
Матери имя земля, ибо всё из земли породилось.
Много еще и теперь из нее выходит животных,
Влагой дождей воплощенных и жаром горячего солнца.
Не мудрено, что крупней были твари тогда, да и больше
Их порождалось, землей молодой и эфиром взращенных.
Прежде всего окрыленные птиц разновидных породы
Яйца бросали свои, вылупляясь весенней порою,
Так же, как сами теперь вылезают из тонких личинок
Летом циклады, ожить и сыскать пропитанье желая.
Тут же земля создала поколения первые смертных,
Ибо в полях и тепла изобилие было и влаги.
Всюду поэтому, где представлялось удобное место,
В почву корнями вцепясь, вырастали утробы; когда же
Их разверзали, созрев в урочное время младенцы,

Влаги стремясь избежать и на воздух выбраться вольный,
Тотчас природа туда обращала все поры земные
И заставляла из них изливаться по жилам открытым
Сок с молоком однородный, как ныне у женщины каждой
Грудь ее после родов молоком наливается сладким,
Ибо питанья приток к сосцам устремляется сразу.
Пищу давала земля: тепло заменяло одежду
Детям, и ложе—трава, обильная мягкой подстилкой.
Юный тогда еще мир не давал ни моровов жестоких,
Ни непомерной жары, ни ветров неистовой силы:
Всё ведь растет постепенно и мало-по-малу мужает.

Да, повторяю опять, очевидно заслуженно носит
Матери имя земля, потому что сама сотворила
Весь человеческий род и в урочное время извергла
Всякого рода зверей, по нагорным носящихся высям.
И одновременно птиц всевозможных, летающих в небе.
Но, потому что рожать без конца никому невозможно,
Стала неплодной она, утомившись, как жены, с годами.
Ибо природу всего мироздания время меняет:
Из одного состояния всё переходит в другое,
Не остается ничто незыблемым—всё преходяще,
Все претворяет природа и всё заставляет меняться.
Тут истлевает одно и чахнет, с годами слабея,
Там же другое цветет, выходя из ничтожества к блеску.
Так изменяет природу всего мироздания время,
И переходит земля в состоянье одно из другого.
То, что давала, не даст, а дает, чего не было раньше.

Много и чудищ тогда земля сотворить попыталась
Необычайного вида и странного телосложенья:
Женомужей, непричастных ни полу тому, ни другому,
Или уродов без ног, или вовсе безруких напротив,
Или безротых немых и безглазых слепых, порождая
Даже таких, у которых на теле все члены сцепились,

Так что ни делать они не могли ничего, ни податься,
Чтобы избегнуть беды иль достать то, что было им нужно.
Всяких других создавала она и страшилищ и чудищ—
Тщетно: природа запрет на развитие их наложила.
Были не в силах они ни жизни расцвета достигнуть,
Ни пропитанье добыть, ни в объятьях слиться любовных.

246. Итак, если существование каждого из животных и каждой из частей [их тела] заключается в их внешней фигуре и цвете, в таком случае, пожалуй, Демокрит прав. Действительно повидимому таково было его мнение. По крайней мере он говорит, что всякому ясно, что такое по форме [своей] есть человек, так как-де он известен [всем] по своей внешней форме и цвету. Но ведь и умерший имеет ту же самую внешнюю форму, однако он—не человек. [Ср Эпикур:] «Человек есть определенная внешняя форма, наделенная одушевленностью».

247. И подобно тому как во вселенной мы видим, что одни [вещи] только управляют, как например божественные, другие—и управляют и управляются, как например человеческие [а именно—они и управляются божественными и управляют неразумными животными], третьи же—только управляются, как например неразумные животные, так и в человеке, который есть, по Демокриту, *микрокосм*, наблюдается то же самое. И [в человеке] одни [части] только управляют, как разум, другие же повинуются и управляют, как сердце... третьи же только повинуются, как вожделение.

245. *Лукреций*, «О природе вещей», V, 422.

246. *Аристотель*, «De part. anim.». A I 640 в. 29, FVS^{4}, II, 94, 3 сл., Эпикур—фр. 310—мнение приведено у Sext. Empir, VII, 267.

247. *Давид*, Prol. 38, 14, FVS^{4}, II, 72, 3 сл.

ЭМБРИОЛОГИЯ

248. [Демокрит:] «Совокупление есть преходящая апоплексия. Ибо из человека выделяется и отторгается человек, и [как] от некоторого удара [происходит] отделение человека [от человека]».

249. Сперма выделяется, как говорят Платон и Диокл, из головного и спинного мозга. Праксагор же, напротив, Демокрит и Гиппократ [говорят, что] из всего тела. А именно Демокрит говорит: «*Человек выбрасывается* из всего человека»<текст здесь испорчен>.

250. Когда матка примет попавшее в нее семя и скроет его, семя как бы пускает там корни. Ибо, как говорит Демокрит: «Во чреве матери прежде всего образуется пупок, который представляет собой как бы место, куда брошен якорь, противодействующий колебанию и блужданию; [этот пупок служит] причалом и прицепой для зародыша и его будущего развития». [Когда это произойдет] природа закрывает месячные, очищающие каналы у женщин.

251. Стратон и Демокрит: [не только вещество спермы], но и сила ее есть тело.

252. [Тело ли сперма?] Левкипп и Зенон: тело. А именно—она есть оторванный кусок души.

253. Демокрит: [сперма исходит] от тела в целом и от важнейших частей его, как-то: костей, мяса и мускулов.

248. 32. *Климент*, Paed., 94, I, 241, 9, Ипполит, Ref., VIII, 14 p. FVS^4, II, 71, 8 сл.

249. *Гален*, Defin. med. 439, FVS^4, II, 84, 26 сл.

250. *Плутарх*, «De amore prol.» 3 p., 495 E, FVS^4, II, 88, 18 сл.

251. *Аэций*, V, 4, 3, Dox. 417, FVS^4, II, 49, 12 сл.

252. *Аэций*, V, 4, I, Dox 417.

253. *Аэций*, V, 3, 6 Dox. 417, FVS^4, II, 49, 14—16.

254. Эпикур и Демокрит: и самка испускает семя; дело в том, что она имеет загнутые назад яички; поэтому она имеет и стремление к совокуплению.

255. Абдеритянин Демокрит говорит, что различие женского и мужского пола возникает в матери, однако (по его мнению) не [преобладанием] тепла и холода определяется [формирование] самки и самца, но в зависимости от того, чья сперма одерживает верх, истекая от той части тела, которой отличаются друг от друга женский и мужской пол.

256. В зависимости от того, чье начало от двух родителей раньше займет место, природа того [из них] и передается [ребенку], сказал Демокрит.

257. Демокрит: общие части [тела ребенка]— от кого случится, отличительные же—от того из родителей, кто возобладает [при зачатии].

258. В матке, как корни, сходятся те жилки, посредством которых зародыш получает пищу. Ибо для этого пребывает в матке живое существо, а не для того, чтобы, как говорит Демокрит, члены его формировались в соответствии с членами беременной.

259. Демокрит, Эпикур: зародыш в матке питается через рот. Поэтому тотчас по рождении он устремляется ртом к соску. Ибо и в матке находятся некоторые соски и уста, посредством которых зародыш питается.

260. Все те, которые, как Демокрит, говорят, что [при развитии зародыша] сперва выделяются на-

254. *Аэций*, V, 5, I, Dox. 418, FVS[4], II, 49, 17—18.
255. *Аристотель*, «De gen. anim.», I, 764 a 6, FVS[4],II, 49, 19—25.
256. *Цензорин*, 6, 53, FVS[2], II, 49, 23.
257. *Аэций*, V, 7, 6, Dox. 420.
258. *Аристотель*, «De gen. anim.», B 4. 740 a 33, FVS[4] II 49, 26—33.
259. *Аэций*, V, 16, I, Dox. 426,

ружные части животных, а потом внутренние, говорят неправильно.

261. [Что прежде всего образуется в ребенке?]. Демокрит: живот с головой, так как они заключают в себе в наибольшей степени пустоты.

262. В южных странах зародыши скорее выходят [на свет], чем в северных, говорит Демокрит—и справедливо. Дело в том, что тела у беременных от южного воздуха расслабляются и расширяются. Итак, вследствие того что тело раздалось и не имеет тесного соединения, зародыш свободно движется [в нем] и, нагреваясь, проскальзывает сюда и туда и легче выходит [из тела матери]. Если бы был холод и дул северный ветер, то зародыш сделался бы плотным, был бы неповоротливым и не трясся бы во все стороны, как бы от прибоя волн. А так как [в последнем случае] он пребывает в спокойном состоянии, то вследствие этого пребывания в покое он силен и крепок и имеет достаточные силы для того, чтобы родиться в соответственное природе время. Итак, «в холоде», говорит абдеритский [философ], зародыш пребывает [в течение надлежащего времени], а в «теплоте» он большей частью выкидывается [преждевременно]. Он говорит, что когда увеличивается жар, то по необходимости расходятся и жилы и члены.

МЕДИЦИНА

263. Итак, о зубах сказал и Демокрит... А именно он говорит, что зубы выпадают вследствие того, что они преждевременно появляются у живых существ. Только тогда, когда последние созревают, зубы вырастают, так сказать, по природе. В качестве же при-

260. *Аристотель*, «De gen. anim.», B 4, 740 a 10, FVS[4], II, 49, 34 сл.

261. *Цензорин*, 6, I, Dox. 190.

262. *Элиан* «Historia natur.», XIII, 17, FVS[4], II, 50, 39 сл.

чины того, что они появляются преждевременно, он указывает на кормление грудью.

264. И после этого, говорит [Асклепиад], что Демокрит, как передают, не принимал пищи в течение 4 дней и уже находился при смерти, когда по просьбе некоторых женщин продержаться еще несколько дней, чтобы праздновавшиеся в эти дни Тесмосфории не принесли несчастья, приказал, говорят, отнести себя, посадить к хлебам, чтобы вдыхать возникающий у печей пар. И вот Демокрит, втягивая в себя пар от печи, укрепляет свои силы и живет в этот остаток времени.

265. Итак, нужно в окисшее вино насыпать ячменной крупы или [положить туда] сухого хлеба или кидонских яблок или мирты и тому подобного. Ибо все они поддерживают силу истощенного тела, как доказывают разум и пример отсроченной смерти Демокрита, которую молва сделала общеизвестной.

266. [О волнообразном и червеобразном пульсе]. Общее, от чего и название у них обоих, при волнообразном пульсе волны как бы подымаются по артерии одна за другой, при червеобразном же [пульсе] движение их похоже на движение гусеницы, извивающейся наподобие волн, как и Демокрит где-то говорит, трактуя о таких животных, «которые в своем движении волнообразно блуждают».

263. *Аристотель*, «De gen. anim.» K 8, 788, FVS⁴, II, 50, 3 л.

264. *Аноним лондонский*, с. 37, 34 сл. Этот анекдот взят вероятно из книги пародий «О смерти», откуда обычно делал извлечения Гермиппа. Автор основывается на изречении Демокрита: «Во вдыхании и выдыхании заключается жизнь и смерть» (см. стр. 54,4—5). См. Diels, Herakleitos, 1909, S. 3.

265. *Целий Аврелий*, «Acut. morb.», II, 37.

266. *Гален*, «De diff. puls.», I, 25, VII, 55, FVS⁴, II, 85, 13 сл.

237. Жилами он называет не те [предметы], которые обычно называются, но артерии. И Демокрит называет движение артерий «биением жилы» [биением пульса?].

268. Если бы мне казалось, что кто-нибудь из ранее написавших об образе жизни человека, поскольку это относится к здоровью, написал все с правильным знанием... то я мог бы удовольствоваться... и мог бы пользоваться этим [извлечение из Демокрита].

---

267. *Эротиан*, p. 131, 12, FVS[4], II, 84, 11 сл.

268. См. *Трасил*, XII, 2 у Диогена Лаэрт. «Об образе жизни, или диэтетика», сочинение Демокрита. Приводится место из Гиппократа «Об образе жизни» начало: FVS[4], II, 69, 1 сл.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕХНИКИ

О ПЕРВЫХ ЛЮДЯХ

269. О первых людях древние философы сообщают, что они вели жизнь грубую и звериную; выходя на пастбища и кочуя, они питались обильнейшими естественными кормами земли и случайными плодами деревьев. А так как звери их беспокоили и вредили им, то они, научась на опыте помогать друг другу и от страха собравшись вместе, вскоре познали в себе природное единство. Голосом же еще диким и ничего не значащим мало-по-малу начав произносить слова раздельно и каждую надлежащую вещь изображать знаками, они научились выражать речью знание всех вещей. Но так как таким образом люди собирались вместе по всему свету, то они составляли [в разных местах разные] не однозвучные слова; поэтому они не одинаково говорили, отчего произошли различные виды и всякого рода языки. От [этих] первых сборищ все народы ведут свое происхождение. Действительно первые люди, когда еще ничего полезного для человека не было изобретено, вели трудную жизнь: они не имели еще ни до-

269. Диодор Сицилийский, I, 8, 1, ср. FV-S[4], II, XII, 3 сл.

мов, ни одежды, не знали употребления огня, не было упорядоченного образа жизни. Так как они еще не знали, что надо носить пищу домой, плодами земными не запасались для своего содержания. Поэтому многие зимой погибали от чрезвычайной стужи, и многие—с голоду. Постепенно, научась благодаря опыту, они стали уходить в зимнее время в пещеры, запасать впрок плоды и, познав свойства огня и другие выгоды от употребления его, начали изобретать искусства и извлекать пользу от общественной жизни. Словом, борьба за существование научила людей всему. [извлечение из книги Демокрита].

270. Та же порода людей, что в полях обитала, гораздо
Крепче конечно была, порожденная крепкой землею.
Остов у них состоял из костей и плотнейших и бóльших;
Мощные мыщцы его по мясу прочнее скрепляли.
Мало доступны они были действию стужи и зноя

Или еды непривычной и всяких телесных недугов.
Долго, в течение многих кругов обращения солнца
Жизнь проводил человек, скитаясь, как дикие звери.
Твердой рукою никто не работал изогнутым плугом,
И не умели тогда ни возделывать поле железом,

Ни насаждать молодые ростки, ни с деревьев высоких
Острым серпом отрезать отсохшие старые ветви.
Чем наделяли их солнце, дожди, что сама порождала
Вольно земля, то вполне утоляло и все их желанья,
Большею частью они находили себе пропитанье

Между дубов с жолудями, а те, что теперь созревают,—
Арбута ягоды зимней порою и цветом багряным
Рдеют, ты видишь,—крупней и обильнее почва давала.
Множество кроме того приносила цветущая юность
Мира и грубых кормов для жалких людей в изобильи.

А к утолению жажды источники звали и реки,
Как и теперь, низвергаяся с гор, многошумные воды
Жаждущих стаи зверей отовсюду к себе привлекают.
И наконец, по лесам пробираясь, они занимали
Капища нимф, из которых, как ведомо было им, токи
Плавно скользящей воды омывают влажные скалы,
Влажные скалы, росой над зеленым покрытые мохом,
Частью же, вон вырываясь, бегут по открытой равнине.

Люди еще не умели с огнем обращаться, и шкуры,
Снятые с диких зверей, не служили одеждой их телу;
В рощах, в лесах или в горных они обитали пещерах
И укрывали в кустах свои заскорузлые члены,
Ежели их застигали дожди или ветра порывы.

Общего блага они не блюли и в сношеньях взаимных
Были обычаи им и законы совсем неизвестны.
Всякий, добыча кому попадалась, ее произвольно
Брал себе сам, о себе лишь одном постоянно заботясь.
И сочетала в лесах тела влюбленных Венера.
Женщин склоняла к любви либо страсть обоюдная, либо
Грубая сила мужчин и ничем неуемная похоть,
Или же плата такая, как жолуди, ягоды, груши.
На несказанную силу в руках и в ногах полагаясь,
Диких породы зверей по лесам они гнали и били
Крепким тяжелым дубьем и бросали в них меткие камни,
Многих сражали они, от иных же старались укрыться.
Телом своим загрубелым, подобно щетинистым вепрям,
На-земь валилися спать нагишом с наступлением ночи
И зарывались в листву или ветви густые с деревьев.

С воплями громкими дня или солнца они не искали,
В мраке ночном по полям пробираясь, объятые страхом,
Но ожидали в молчаньи и в сон погрузившись глубокий,
Как небеса озарит светильником розовым солнце.
Ведь с малолетства уже присмотрелись они и привыкли,
Что нарождаются свет и потемки друг другу на смену,
А потому никогда не могло появиться сомненье

Иль опасенье у них, чтобы вечная не распростерлась
Ночь над землею и свет от солнца не сгинул навеки.
Больше заботы им то причиняло, что дикие звери
Часто тревожили их, не давая несчастным покоя.
Крова лишаясь, они из-под каменных сводов бежали
При появленьи могучего льва иль вспененного вепря
И уступали глухой полунóчью свирепым пришельцам,
В ужасе диком, свои листвою покрытые ложа.
Да и не чаще тогда, чем теперь, поколения смертных
Сладостный свет бытия оставляли со стоном печальным.
Правда, тогда человек, в одиночку попавшийся, чаще
Пищу живую зверям доставлял и зубами пронзенный
Воплем своим оглашал и леса, и дубравы, и горы,
Видя как мясом живым он в живую уходит могилу.
Те же, кому удавалось спастись и с объеденным телом
Прочь убежать, закрывая ладонью дрожащею язвы
Гнусные,—Орка потом ужасающим криком на помощь
Звали, доколе их боль не лишала жестокая жизни,
Их беспомощных, не знавших, чем надо залечивать раны.
Но не губила зато под знаменами тысяч народа
Битва лишь за день один. Да и бурные Понта равнины
Не разбивали судов и людей о подводные камни.
Даром напрасно, вотще вздымаяся, море бесилось
Часто и так же легко оставляло пустые угрозы.
И не могли никого коварные Понта соблазны
Гладью спокойной прельстить и завлечь, улыбаясь волнами.
(Дерзкое людям совсем мореходство неведомо было).
Скудная пища тогда предавала слабевшие члены
Смерти. Напротив теперь излишество нас убивает.
Те наливали себе по неведенью часто отраву
Сами, а ныне другим дают ее с бóльшим искусством.
После, как хижины, шкуры, огонь себе люди добыли,
После того как жена, сочетавшися с мужем, единым

<Стала хозяйством с ним жить, и законы супружества стали> (1012 a)
Ведомы им, и они потомство свое увидали,
Стал человеческий род тогда впервые смягчаться.
Зябкими сделал огонь их тела, и они перестали
Так уж легко выносить холода под небесным покровом.
Да и Венера их мощь ослабляла, и ласкою детям
Грубый родителей нрав сломить без труда удавалось.
Там и соседи сводить стали дружбу, желая взаимно
Ближним не делать вреда и самим не терпеть от насилья.
Требуя к детям притом снисхожденья и к женскому полу,
Смутно давали понять движеньями тела и криком,
Что сострадательным быть подобает ко всем слабосильным.
Правда, достигнуть нельзя было всюду согласья, но всё ж
Добрая часть людей договоры блюла нерушимо.
Иначе весь человеческий род уж тогда бы пресекся,
И не могли бы досель поколенья его размножаться.

271. Пожалуй мы смешны, превознося животных за [то, что они] научили нас. «От животных, говорит Демокрит, мы путем подражания научились важнейшим делам: [а именно, мы—ученики] паука, [подражая ему] в ткацком и портняжном ремеслах, мы ученики ласточки—в построении жилищ, и певчих птиц, лебедя и соловья—в пении».

272. [Следы учений Демокрита у Ксенофонта по вопросу, как следует вести сельское хозяйство?]. Природа сама научает нас сельскому хозяйству, и люди должны лишь подражать ей. Так виноградная лоза, если вблизи ее находится дерево, обвивается вокруг него, научая таким образом людей ставить

270. *Лукреций*, V, 925 сл.

271. *Плутарх*, «De sollert. anim.», 20, p. 974 A, FVS[4], II, 90, 3 сл.

ей палки: когда кисти винограда еще нежны, то они покрыты листьями, и это дает нам указание, что должно в это время покрывать тенью те кисти, которые нагреваются солнцем.

[*Ср. Платон*:] В слогах и в буквах осуществляется подражание природе [составляющее основу всякого имени, позволяющее именно выражать сущность предмета].

[*Ср. Аристотель:*] И природа стремится к противоположностям и из них, а не из подобных вещей, образует созвучие. Так в самом деле—она сочетала мужской пол с женским, а не каждый из них с однородным, и таким образом первую общественную связь она образовала через соединение противоположностей, а не посредством подобного. Также и искусство, повидимому подражая природе, поступает таким же образом. А именно—живопись делает изображения, соответствующие оригиналам, смешивая белые, черные, желтые и красные краски. Музыка создает единую гармонию, смешав в совместном пении различных голосов звуки высокие и низкие, протяжные и короткие. Грамматика из смеси гласных и согласных букв создала целое искусство [письмо]. Та же самая [мысль] была высказана у Гераклита Темного: «[неразрывные] сочетания образуют целое и нецелое, сходящееся и расходящееся, созвучие и разногласие; из всего одно и из одного все [образуется]».

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

273. Кроме того тот, кто, по нашему мнению, является образцовым сельским хозяином, если даже он и не владеет в совершенстве искусством и в [позна-

272. *Ксенофонт*, «Oikon», XV к. Praechter. Hermes, 1915. Слова Платона взяты из «Кратила», 424 E. Слова Аристотеля взяты из [*Аристотель*] «De mundo», 5, 396 в 7.

нии] природы вселенной не достиг проницательности Демокрита или Пифагора [...и. т. д.].

274. С древних пор существует разногласие, в какую сторону [горизонта] должны быть обращены виноградники... Демокрит и Магон рекомендуют, чтобы они были обращены на север, так как они полагают, что виноградники, обращенные на север, приносят наибольший урожай, хотя по качеству вина они не будут первыми.

275. Демокрит в книге, озаглавленной «О земледелии», полагает, что неразумно поступают те, которые строят ограды для садов, ибо ограда, сооруженная из глины, не может быть прочной и обычно разрушается дождями и бурями, а стена из камня требует издержек, не соответствующих значению сооружения. Если кто-нибудь пожелал бы обнести [такой стеной] обширный участок, то понадобилось бы [затратить на это] громадные средства.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА

276. Мнения Кратила держался Пифагор и Эпикур, [мнения] Гермогена—Демокрит и Аристотель.., Пифагор намекает, что имена [вещам] дает душа, которую надо отличать от ума. Да и самые вещи не существуют, как ум, первично, но последний заключает в себе их образы и выражающие сущность вещей слова; слова исходят, словно «*статуи*» [сущих вещей] в качестве имен, являющихся подражанием умственным видам и числам. Итак, последнее [виды и числа] у всех есть от ума, который познает самого себя и обладает мудростью, называние же [происходит] от души, подражающей уму. В самом деле, как говорит Пифагор, образовывать имена вещей может

273. *Колумелла*, «De re rust.», 32, FVS[4], II, 69, 8 сл.
274. *Колумелла*, Ibidem, III, 12, 5, FVS[4], 69, 12 сл.
275. *Колумелла*, Ibidem, XI, 3, 2, FVS[4], II, 69, 16 сл.

не всякий, кому вздумается, но лишь тот, кто видит ум и естество сущего. Итак, имена—по природе. Демокрит же говорит, что имена—продукт условного соглашения между людьми, и доказывает это четырьмя аргументами-доводами: 1) *На основании одноименности.* Ибо различные вещи называются одним и тем же именем. Следовательно имя—не по природе. 2) *На основании многоименности.* Если различные имена прилагаются к одной и той же вещи и она называется то одним, то другим именем, то [быть именем по природе] невозможно. 3) В-третьих, на *основании перемены имен.* Ибо почему мы переименовали Аристокла Платоном, Тиртама же—Теофрастом, если имена—по природе? 4) *На основании недостатка подобных* [*имен*]. Почему от «мышления» мы говорим «мыслить», а от «справедливости» мы уже не производим [подобным же образом] другого имени. Следовательно имена—по случаю, а не по природе. Сам же он называет свой первый аргумент «многозначным», второй—«равносильным», третий—метонимическим («переименованным») и четвертый—«безымянным».

277.

Что же до звуков, какие язык производит,—природа
Вызвала их, а нужда подсказала названья предметов
Тем же примерно путем, как и малых детей, очевидно
К телодвиженьям ведет неспособность к словам, понуждая
Пальцем указывать их на то, что стоит перед ними.
Чувствует каждый, на что свои силы способен направить;
Прежде еще чем на лбу у теленка рога показались,
Он уж сердито грозит и враждебно бодается ими;
И не успели еще зародиться ни когти, ни зубы
У молодого потомства пантер и у львят, как они уж

276. *Прокл*, «In Cratyl.», 16 p. Boiss, FVS[4], II, 681 сл.

Когтем и лапою бьют и пускают в защиту укусы.
Птичий весь, далее, род полагается, видим, на крылья

И охраняет себя движением трепетным перьев.
А потому полагать, что кто-то снабдил именами
Вещи, а люди словами от него научилися первым—
Это безумие; ибо раз мог он словами означить
Всё и различные звуки издать языком, то зачем же

Думать, что этого всем в то же время нельзя было сделать?
Кроме того, коли слов и другие в сношеньях взаимных
Не применяли, откуда запало в него представленье
Пользы от этого, или возникла такая способность,
Чтобы сознанье того, что желательно сделать, явилось?

Также не мог он один насильно смирить и принудить
Многих к тому, чтоб они названья вещей заучили.
Да и ко слову глухих нелегко убедить и наставить
В том, что им надобно сделать; они бы никак не стерпели
И не снесли бы того, чтобы их ушам понапрасну

Надоедали речей дотоле неслыханным звуком.
Что же тут странного в том, наконец, если род человеков,
Голосом и языком одаренный, означил предметы
Разными звуками все, по различным своим ощущеньям?
Ведь и немые скоты и даже все дикие звери

Неодинаковый крик испускают, а разные звуки,
Если охвачены страхом, иль чувствуют боль или радость.
В этом путем наблюдений простых ты легко убедишься.
Если Молосские псы в раздражении огромною пастью
Мягкою только ворчат, оскаливши крепкие зубы,

То по-иному звучат их сдавленной злости угрозы,
Чем если лают они и голосом всё наполняют.
Также когда языком щенят они с нежностью лижут,
Или же лапами их тормошат и хватают пастью,
Будто кусая, но к ним едва прикасаясь зубами,

То по-иному совсем они тявкают с ласковым визгом,
Чем если в доме одни они воют, иль с жалобным воплем,
Телом припавши к земле, от побоев хотят увернуться.
Разве не видно затем и в ржании разницы также,
Юный когда жеребец, преисполненный силы, беснуясь.
Носится между кобыл, крылатым пришпоренный бегом,
Иль когда храп из ноздрей раздутых пускает при битве,
Или же попросту ржет иногда, содрогаясь всем телом?
Да и крылатая птиц, наконец, разновидных порода—
Ястреб, гагара, скопа́,—когда они по̀-морю ищут
В волнах соленых себе пропитанье и корм добывают,
То по-иному совсем кричат в эту пору обычно,
Чем если спорят за корм или борются с самой добычей.
Также иные из них с переменой погоды меняют
Хриплое пенье свое, например ворон долговечных
Племя и воронов стаи, когда (говорят) призывают
Сырость они и дожди, или ветр накликают и бури,
Стало быть, коль заставляют различные чувства животных
Даже при их немоте испускать разнородные звуки,
Сколь же естественней то, что могли первобытные люди
Каждую вещь означать при помощи звуков различных?

278. Следует признать также, что вещами, окружающими его, человек многому научается и принуждается ко всякого рода действиям. Прежде всего он исследует те, что ближе всего к нему. Исследования этого рода протекают у одних быстрее, у других медленнее, и бесконечно долгие времена длится все это умственное развитие человечества, согласно этому и обозначения нашего языка, слова образовались не путем условного соглашения [между людьми, как думает Демокрит], но производимое при произнесении слова сообразно с особенностями данного племени

277. Лукреций, V, 10, 28 сл.

и индивидуальностью способа своего представления дуновение воздуха [изо рта] всякий раз определялось всеми душевными индивидуальными способностями самого индивидуума, а также прежними накопившимися представлениями и в зависимости от различных географических условий. Вот этим и объясняется теперь различие языка у различных народов.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РЕЛИГИИ

279. В старину думали, что колдуньи снимают с неба луну и солнце. Поэтому до времени Демокрита многие называли затмение «*снятиями*» (луны или солнца).

280. Демокрит: «Некоторые люди, ничего не зная о разрушении смертной природы [человека], терзаемые сознанием дурно проводимой жизни, мучатся в течение [всей] своей жизни, [пребывая] в треволнениях и страхах, и измышляют лживые басни о том, что будет после смерти».

281. По мнению некоторых, мы пришли к представлению о богах, размышляя над чудесными явлениями в мире: кажется, этого именно мнения держится и Демокрит. А именно он говорит, что древние, наблюдая небесные явления, как-то: гром, молнии, перуны, сближения звезд, затмения солнца и луны, приходили в ужас и полагали, что виновники этого—боги.

278. *Эпикур*, «Письмо к Геродоту», Диог. Л. X. 75 и сл.

279. *Схолии к Аполонию Родосскому*, Г. 533, FVS[4], II, 92, 16 сл.

280. *Стобей*, IV, 52, 40, FVS[4], II, 121, 11 сл.

281. *Секст*, IX, 24, FVS[4], II, 30, 13 сл. «Сближения звезд» —кометы. Это сообщение, заимствованное Секстом из сочинения Посидония: «О богах», как показывает стиль, несмотря на слова «он говорит», передает не собственные слова Демокрита, а только их смысл (FVS[4], II, 30).

282. *Филодем*, «О благочестии», 5 а—с, р. 69 Gomperz.

282. Лето [на земле], зима, весна, осень и все [прочее] такое свыше ниспосылается. Поэтому познавшие то, что [в действительности] совершается, чтят их. Не кажется мне [чтобы] Демокрит, как некоторые <текст испорчен>...

283. С другой стороны, к тому, что гниет, испытывается отвращение, по Демокриту, вследствие [неприятного] ощущения, доставляемого [гниющими телами] обонянию, и вследствие безобразия [их для зрения]. Ибо к такому состоянию приводится все, если бы даже при смерти они обладали дородностью и красотой... И не обращают внимания, что все— в том числе и такие дородные, как Милон—в короткое время становятся скелетами и в конце концов разрешаются в первичные вещества. Очевидно, что [нечто], аналогичное сказанному, должно быть высказано и относительно дурного цвета и вообще безобразия. Итак, самое пустое—это печалиться от того, что [наши] похороны не будут роскошными и многолюдными, но бедными и случайными... Всякий раз, когда человек начинает ясно думать о [своей] смерти, она представляется ему чем-то невероятным. По этой причине люди откладывают составление духовного завещания и, будучи захвачены [смертью] врасплох, принуждены [в смертный час] «иметь двойные заботы», как говорит Демокрит. <То же в переводе Г. *Дильса*: Люди в своей обычной боязни смерти избегают думать о смертном часе и писать завещание. Они бывают застигнуты ею совершенно неожиданно и вынуждены поспешно, по выражению Демокрита, «*накладывать себе двойные порции*». То же в переводе *Н. Нестле*: «Если когда-либо смерть является ясно перед глазами людей, то она предстает перед ними неожиданно. Поэтому они не решаются составлять завещание, но чувствуют себя застигнутыми врасплох и считают необходимым *удвоить свои наслаждения*>.

284. О богах, дорогой мой, подобного рода люди <демокритовцы> утверждают прежде всего следующее: боги существуют не по природе, а вследствие искусства и в силу некоторых законов, причем боги различны в разных местах сообразно с тем, какими каждый народ условился их считать при возникновении своего законодательства... Отсюда внедряются в молодых людях нечестивые воззрения, будто нет тех богов, признавать которых предписывает закон.

285. [Демокрит говорит:] Некоторые из ученых людей, простирая руки туда, где находится, как мы, эллины, теперь говорим, воздух, возглашают: «Все Зевс сам решает и все он знает и [все] дает и отнимает он, и он царь над всем».

286.

Ну, а причину того, что богов почитанье в народах
Распространилось везде, города алтарями наполнив,
И учредились обряды торжественных богослужений,
Ныне в особых местах совершаемых в случаях важных,
Также откуда теперь еще в смертных внедрен этот ужас,
Что воздвигает богам все новые капища всюду
На протяженьи земли и по праздникам их наполняет,—
Все это здесь объяснить не составит больших затруднений.
Дело ведь в том, что уж в те времена поколениям смертных
Дивные лики богов случалось и бодрствуя видеть
Иль еще чаще во сне изумляться их мощному стану.
Чувства тогда приписали богам, потому что казалось
Телодвиженья они совершали и гордые речи,
Шедшие к их красоте лучезарной и силе, вещали.

283. *Филодем*, «De morte», 29, 27, Mekler, FVS[4], II 55, 22 сл.

284. *Платон*, «Законы», 889 E.

285. *Климент*, «Proptr.» 68, 152, 16 Stähl. «Strom.», V, 103, FVS[4], II, 70, 14 сл.

Вечной считалась их жизнь, потому что всегда неизменным
Лик оставался у них и все тем же являлся их образ;
Главным же образом мощь почиталась их столь непомерной,
Что одолеть никакой невозможно, казалось, их силой.
И потому несравненным богов полагали блаженство,
Что не тревожит из них ни единого страх перед смертью.
И в сновиденьях еще представлялося людям, что боги
Много великих чудес совершают без всяких усилий.
Видели кроме того, что вращение неба и смена
Года различных времен совершаются в строгом порядке,
Но не могли распознать, почему это так происходит,
И прибегали к тому, что богам поручали все это,
Предполагая, что все направляется их мановеньем.
В небе жилища богов и обители их помещали,
Видя, что ночь и луна по небесному катятся своду,
День и ночь, и луна, и ночи суровые знаки,
Факелы темных небес и огней пролетающих пламя,
Солнце и тучи, и снег, и град, и молньи, и ветры,
Бурей стремительный вихрь и грозные грома раскаты.
О, человеческий род несчастный! Такие явленья
Мог он богам приписать и присвоить им гнев беспощадный!
Сколько стенаний ему, сколько нам это язв причинило,
Сколько доставило слез и детям нашим и внукам!
Нет, благочестье не в том, что пред всеми с покрытой главою
Ты к изваяньям идешь и ко всем алтарям припадаешь.
Иль повергаешься ниц, или, длани свои простирая,
Молишься храмам богов, иль обильною кровью животных
Ты окропляешь алтарь, или нижешь обет на обеты,—
Но в созерцаньи всего при полном спокойствии духа.
Ибо когда мы глаза подымаем к небесным пространствам.
Видя в мерцании звезд высоты эфира над нами,
И устремляется мысль на луны и на солнца движенья,
То из-под гнета других мучений в груди начинает
Голову вверх подымать, пробуждаясь, такая забота:
Нет ли над нами богов, безграничная мощность которых

Разным движеньем кругом обращает блестящие звезды?
Скудость познания мысль беспокоит тревожным сомненьем,
Именно: было иль нет когда-то рождение мира,
И предстоит ли конец, и доколь мироздания стены
Неугомонный напор движения выдержать могут;
Иль по воле богов, одаренные крепостью вечной,
Могут, в теченьи веков нерушимо всегда сохраняясь,
Пренебрегать необъятных неков сокрушительной силой?
Иль у кого же тогда не спирает дыхания ужас
Пред божеством, у кого не сжимаются члены в испуге,
Как содрогнется земля, опаленная страшным ударом
Молньи, а небо кругом огласят громовые раскаты?
И не трепещут ли все племена и народы, и разве
Гордые с ними цари пред богами не корчатся в страхе,
Что и за гнусности все, и проступки, и наглые речи
К ним подошло наконец тяжелое время расплаты?
Также над морем когда проносясь, сокрушительной силой
Ветер неистовый мчит по волнам предводителя флота,
Все легионы его и слонов вместе с ним увлекая,
Разве тогда не дает он обетов богам и, объятый
Страхом, не молит он их о затишье и ветре попутном?
Тщетно: подхваченный вдруг ураганом неистовым, часто
Он, несмотря ни на что, уносится к заводям смерти.
Так все деянья людей сокровенная некая сила
Рушит, а пышные связки и грозные с ними секиры
Любо, как видно, ей в прах попирать и посмешищем делать.
И наконец, когда вся под ногами колеблется почва,
Падают или грозят города потрясенные рухнуть,—
Что же тут странного в том, если так поколения смертных
Уничижают себя и всецело богам оставляют
Чудные силы и власть управления всею вселенной?

286. *Лукреций*, «О природе вещей», V, 1148 сл.

287. Демокрит говорит, что «*к людям приближаются некоторые идолы* [образы] и из них одни благотворны, другие зловредны. Поэтому он и молился, «*чтобы ему попадались счастливые образы*». Они—громадных размеров, чудовищны [на вид] и отличаются чрезмерной крепостью, однако не бессмертны. Они предвещают людям будущее своим видом и звуками, которые они издают. Исходя из этих явлений, древние пришли к предположению, что существует бог, между тем как [на самом деле] кроме них не существует никакого другого бога, который обладал бы бессмертной природой.

288. Вот тебе в качестве первого попавшегося примера Стратон Лампсакский, который дает тому богу свободу (свободу, правда, от подлинно великого дела, но когда жрецы имеют свободу от богов, насколько справедливее иметь свободу *от всякого дела* самим богам): он говорит, что он не нуждается в услуге богов для образования мира; все, что только существует, сделано—учит он—природой... Он учит [о богах] не так, как тот известный [философ], который говорит, что эти [вещи] образовались из шероховатых, гладких, усаженных крючками и крючковидных тел с присоединением пустого пространства: он полагает, что это—сын Демокрита, не дающего учения, но высказывающего [*свои*] желания. Сам же он (Стратон), объясняя отдельные части мира, учит, что все, что только или существует или совершается, делается или сделано естественными силами и движениями.

289. Демокрит: бог есть ум в шарообразном огне.

287. *Секст*, «Adv. mathem.», IX, 19, FVS[4], II, 94, 12 сл.

288. *Цицерон*, «Ac. pr», 37, 121, FVS[4], II, 31, 14—21.

289. *Аэций*, 1, 7. 16 Dox. 302, FVS[4], II, 29, 38 сл. Это странное свидетельство несколько разъясняется в следующем отрывке Тертуллиана (стр. 151,1—3).

290. Демокрит предполагает, что боги возникли вместе с остальным горным огнем, подобием которого Зенон считает природу.

291. Что же разве не находится в величайшем заблуждении Демокрит, когда он относит к числу богов то образы с их круговыми движениями, то ту природу, которая дает и испускает образы, то наш рассудок и ум? Когда он на том основании, что ничто не остается постоянно [в одном и том же] положении, отрицает существование чего бы то ни было вечного, то разве [этим своим утверждением] он не отрицает вовсе бога, делая невозможным какое бы то ни было представление о нем?

291a. Мне по крайней мере кажется, что Демокрит, первоисточниками которого великий муж Эпикур оросил свои сады, колеблется [в своем взгляде] на природу богов. А именно: то он полагает, что во вселенной находятся образы, одаренные божественностью, то он говорит, что боги суть умственные начала, находящиеся в той же вселенной, то [принимает в качестве богов] живые образы, которые обычно или помогают или вредят нам, то [считает богами] некие громадные образы столь больших размеров, что они извне окружают весь мир; все эти [мнения] скорее достойны отечества Демокрита [как родины глупцов], нежели самого Демокрита.

292. [Почему мы менее всего верим сновидениям поздней осени?] Фаворин... взяв известное древнее учение Демокрита, как бы извлекши его из дыма, которым оно было затемнено, смог очистить его и прояснить... А именно он положил в основание общеизвестное учение Демокрита: «идолы [образы] через поры погружаются в тело и, поднимаясь [в них],

290. *Тертуллиан*, «Ad nat.», 11, 2, FVS[4], II, 29, 70 сл.
291. *Цицерон*, «De nat. deorum», I, 12, 29.
291a *Там же*, 1, 43, 120.

производят сновидения. Блуждают эти [образы], исходя со всех сторон от утвари, от платья и растений — в особенности же от животных, вследствие [их] «большого колебания» [подвижности] и теплоты, причем [эти образы] не только по своей форме представляют копии тела [от которого они исходят]» (так полагает и Эпикур, который до сих пор следует Демокриту в его учении, дальше же он оставляет его), но [эти образы] принимают также выражения душевных движений в каждом [живом существе, от которого они исходят], выражения его решений, нравов и страстей, [и вот] вместе с ними (с этими выражениями) они уносятся и попадают [в наши тела и там], как будто одушевленные, они говорят и сообщают принимающим их (нашим телам) мнения испустивших их [существ], их мысли и стремления, всякий раз когда они <идолы>, сохраняя изображения [тел] неповрежденными и неслиянными, примешивают [их к нашим телам]. Это же главным образом делается через посредство ровного воздуха, так как [в этом случае] движение у них бывает беспрепятственное и быстрое. Поздняя же осень, когда деревья теряют листья, имея большую неровность и шероховатость [воздуха], искажает идолы [образы], производит в них всевозможные изменения, уменьшает и ослабляет ясность их, которая помрачается вследствие медленного их движения, точно так же, как с другой стороны [идолы], вылетающие в большом количестве от [лиц], пылающих страстью и сильно возбужденных и быстро несущихся, производят свежие и ясные видения.

293. Однако не следовало бы оставить без внимания учение Демокрита, который, называя их

292. *Плутарх*, «Quaest. conv.», VIII, 10, 2, p. 734, FVS[4], II, 30, 23 сл.

[демонов] идолами [образами], говорит, что ими полон воздух.

294. Демокрит: [сон есть] недостаточный приток воздуха.

295. Демокрит: сновидения возникают вследствие близости идолов [образов].

296. Итак, примем ли мы, что души спящих сами по себе во сне приходят в движение или, как полагает Демокрит, приводятся в движение пришедшим извне видением.

297. Верить в бесчисленных богов... или, как было угодно Демокриту, всего только в двух [богов]— Кару и Милость.

298. Итак, Ксенократ Халкедонский не предполагает вообще [никакого] представления о божестве у неразумных [животных]. Демокрит же, если бы он даже этого не хотел, [должен] признать [наличность представления о боге у животных] в интересах последовательности своих учений. А именно — одни и те же образы, [исходящие от] божественной сущности, попадают как к людям, так и к неразумным животным.

299. Почему у Сократа столь великое благоговение перед именами богов? Не потому ли, что с древних времен посвящаются подобающие [имена] богам—каждому соответствующее ему имя—и бессмысленно изменять то, что не изменяется, или потому, что имена принадлежат им по природе, согласно учению, данному в «Кратиле», или [наконец]

293. *Диалог* «Гермипп» анонима (p. 26,c13) Kroll, FVS[4], II, 31, 5—8.

294. *Тертуллиан*, «De an.» 43, FVS[4], II, 48, 29 сл.

295. *Аэций*, V, 2, I, Dox. 416.

296. *Цицерон*, «De div»., II, 58, 120, FVS[4], II, 48, 32—34.

297. *Плиний*, N. H., II, 14, FVS[4], II, 30, 21—22.

298. *Климент*, «Strom.», V. 88 p. 698 p., «FVS[4], II, 31, 6—13.

потому, что [эти имена] суть *«звучащие статуи»* богов, как говорит Демокрит.

300. Имя Зевса есть символ и звуковой образ творческой сущности, вследствие того что первые люди положили вещам имена в избытке мудрости: они, как наилучшие ваятели, открыли силы богов посредством [придаваемых им] имен, служащих как бы образами их [богов].

301. Афиной-Тритогенеей у Демокрита называется мудрость. Ибо из мудрости вытекают следующие три [способности]: выносить прекрасные решения, безошибочно говорить и делать то, что следует.

302. Демокрит, объясняя образование слова «Тритогенея», говорит, что от мудрости получаются следующие три [плода]: [дар] хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо делать.

303. Как полагает Демокрит, древние умно учили, что нужно рассматривать внутренности жертвенных животных, из состояния и цвета которых можно воспринимать знамения благосостояния и гибели, а иногда даже [можно узнать], бесплодны ли бу́дут поля или плодородны.

ИСКУССТВО

303a. Итак, Демокрит, муж, который был среди древних не только величайшим естествоиспытателем, но и никому не уступал в обширности круга исследований, говорит, что *«музыка есть младшее из искусств»*, и объясняет это тем, что ее породила не

299. *«Олимпиодор*, «In Plato Phileb.», p. 242, Stallb., FVS[4], II, 87, 3—12.

300. *Гиерокл*, «Pythagoreus ad c. aur.», 25.

301. *Этимология* «Orion.», p. 153, 5, FVS[4], II, 56, 14 сл.

302. *Схолии*, Genev., I, III, Nic.

303. Из *Посидония* (ср. отр. 271—273).

нужда, но родилась она от развившейся уже роскоши.

ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

304. В политике, утверждают они, разве лишь незначительная какая-нибудь часть имеет общее с природой, большая же часть—с искусством. Стало быть и всякое законодательство будто бы обусловлено не природой, а искусством; вот почему его пояснения и далеки от истины... Прекрасным по природе является одно, а по закону—другое; справедливого же вовсе нет по природе <так о демокритовцах>.

305.

Некие люди затем избранью властей научили
И учредили права, дабы люди держались законов.
Род же людской до того истомился насилием вечным
И до того изнемог от раздоров, что сам добровольно
Игу законов себя подчинил и стеснительным нормам.
Каждый ведь сам за себя порывался во гневе жесточе
Мстить, чем теперь это нам дозволяет закон справедливый,
И потому опротивела жизнь при насилии вечном.
Страх наказаний с тек пор омрачает все прелести жизни.
В сети свои произвол и насилие каждого ловят,
Обыкновенно к тому, от кого изошли возвращаясь:
Жить тому нелегко спокойной и мирною жизнью,
Чьи нарушают дела договоры всеобщего мира.
Пусть и богов и людей ему обмануть удается,
Все ж утаить навсегда преступления нету надежды,

303а. *Филодем* «De music.» 31 р. 108, 29, Kemke, FVS[4], II, 87, 19 сл.
304. *Платон*, «Законы», 889 Е.

Ибо невольно, во сне говоря иль в бреду при болезни,
Многие сами себя выдавали, бывало, нередко,
И открывали свои сокровенные долго злодейства.

306. Веленья законов надуманы, тогда как веленьям природы присуща внутренняя необходимость. Вдобавок веленья законов не суть нечто прирожденное, но результат соглашения, тогда как веленья природы суть нечто прирожденное, а не результат соглашения. Преступающий законы, если ему удастся совершить свой поступок втайне от других участников соглашения, освобождается и от надзора и от наказания; если не удастся, не освобождается. Что же касается того, что соприсуще нашей природе, то стоит только кому-нибудь в чем-нибудь попытаться действовать вопреки ему, не считаясь со своими действительными силами, как его постигает беда, которая ничуть не уменьшается от того, что это произойдет втайне от всех других людей, и ничуть не увеличится, если даже все люди будут это видеть <извлечение из Демокрита>.

307. Некоторым [философам-демокритовцам] кажется природной первосущностью тел то, что искони присуще ей в естественном, не обработанном виде, как например природа скамьи—дерево, статуи—медь. Антифонт приводит в доказательство этого то, что если закопать скамью и если удастся оживить черенок, чтобы он пустил ростки, то он становится уже не скамьей, а деревом, так как облик, приданный законом и искусством, соприсущ *случайно*, а первосущностью является то, что остается постоянно при всех превратностях судьбы.

305. *Лукреций*, «О природе вещей», V, 1131 сл.

306. *Антифонт*, «Oxyr. pap.» col. (пер. С. Я. Лурье), FVS^4, II, p. XXXI.

307. *Аристотель*, «Phys.» II p. 193 a 9 Bek. (пер. С. Я. Лурье), FVS^4, II p. XXI сл.

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ, МОРАЛИ И ФИЛОСОФИИ

308. Теопомп говорит, что согласно учению магов люди вновь оживут и будут бессмертны, и все сущее будет постоянно повторяться в своих круговоротах. Это сообщает также и Эвдем Родосский. Гекатей же говорит, что, по ученью [магов], и боги—[существа] рожденные. Солеец же Клеарх в сочинении «О воспитании» говорит, что и гимнософисты произошли от магов. Некоторые же утверждают, что и иудеи происходят от них. Кроме того писавшие о магах осуждают Геродота [за допущенное им искажение истины]. [Они говорят, что] Ксеркс не мог пускать стрелы в солнце, ни налагать цепи на море, так как маги научили его, что [солнце и море]—боги. Но что касается статуй, то весьма правдоподобно, что он их разрушал. (10) Философия египтян учит следующим образом. Она учит, что начало вещей—материя; затем из нее выделились 4 элемента и образовались разнообразные живые существа. Боги же суть солнце и луна, первое [у них] называется Озирисом, вторая—Изидой. В качестве символов их они употребляли жука, дракона, ястреба и других (животных), как сообщает *Манетон* в «Кратком изложении физики» и *Гекатей* в первой книге «О философии египтян». Они [в честь богов] сооружали колонны и храмы, так как не знали образа богов. (1)1 Мир [по учению их] имеет начало и конец во времени; форма его—шарообразная. Звезды суть и огонь, и разные события на земле происходят вследствие их [различного сочетания]. Лунное затмение бывает, когда луна попадает в тень земли. Душа не уничтожается и входит все в новые тела. Дожди образуются вследствие изменения воздушного течения. Объясняли они и другие явления природы, как сообщают Гекатей и Аристагор. Установили они и законы, касающиеся правосудия, и приписали их

Гермесу. Полезных животных они обожествляли. Передают также, что они изобрели геометрию, астрономию и арифметику [извлечение из Демокрита].

309. Египтяне, жившие в [глубокую] старину, устремив свой взор на мир и на природу вселенной, пришли в страх и изумление и приняли, что существуют два вечных и первоначальных бога—солнце и луна: первого они назвали Озирисом, вторую—Изидой... (5) Они признают, что эти боги управляют всем миром, питая и взращивая все при посредстве трех времен года—весны, лета и зимы, которые, невидимо двигаясь, совершают круговращение. Эти [времена года], представляя по природе полную противоположность друг другу, делают год, обладающий прекраснейшей гармонией. Природа же вышеупомянутых богов в высшей степени содействует рождению всего живого, так как один из них [состоит] из огненного [вещества] и дыхания, другая же—из влажного и сухого [вещества], и оба вместе—из воздуха. [Вот почему] от них все [существа] рождаются и питаются. (6) Поэтому и все тело природы вселенной сделано из солнца и луны, [основных] же частей ее [природы вселенной] пять вышеуказанных: дыхание, огонь, сухое, влажное и наконец—воздушное. Подобно тому как у человека мы насчитываем голову, руки, ноги и прочие части, точно так же все тело мира состоит из вышеупомянутых частей [12, 1]. Из этих частей каждую они признали богом и каждой из них дали особое имя соответственно [ее] свойству, причем египтяне первые стали употреблять членораздельную речь. (2) Итак, дыхание они назвали Зевсом... (3) Огонь же они назвали Гефестом, если перевести на другой язык, и признали, что он—великий бог и ока-

308. *Гекатей из Абдер*, «О философии египтян», см. Диог. Л., 1, 9 сл.

зывает большое содействие всему в рождении и росте до полного созревания. (4) Землю же они считали как бы некоторым сосудом для [всего] рождающегося и назвали ее матерью... (5) Влажное же древние назвали, как говорят, Океаном, что в переводе значит кормилица... (7) Воздух же, говорят, они назвали Афиной, если перевести слово... (9) Они говорят, что вышеупомянутые пять богов ходят по всей земле, являясь людям в формах священных животных, иногда же бывает, что они облекаются в формы людей или некоторых других существ... [13,1] Они говорят, что от них родились другие земные существа, в начале бывшие смертными, [затем] вследствие ума и вообще благодеяний, оказанных ими людям, заслужившие бессмертие; из них некоторые были и царями в Египте. Если перевести их [имена], то некоторые оказываются одноименными с небесными [богами], другие же имеют свое особое имя: [эти имена]—Гелиос, Кронос, Рея, еще Зевс, называемый некоторыми Аммоном, кроме того Гера и Гефест, еще Гестия и наконец—Гермес. Первым царем в Египте был Гелиос, одноименный с небесным светилом. (3) Некоторые же из жрецов говорят, что первым царствовал в Египте Гефест, который изобрел огонь... (4) Затем стал править Кронос. Он, женившись на своей сестре Рее, родил, согласно некоторым из мифологов, Озириса и Изиду, согласно же большинству их, Зевса и Геру, которые вследствие своей доблести стали царствовать над всем миром [и т. д. учение о богах; далее следует география (с некоторыми посторонними сведениями), история царей и философия].

309. *Диод. Сиц.*, 11,1 сл.

ЛОГИКА И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ЭМПИРИЗМ

310. Некоторые из древних мыслителей <Парменид и др.> учили, что бытие по необходимости должно быть единым и неподвижным. Ибо (говорят они) пустота есть нечто несуществующее, а движение невозможно, если пустота не существует, а если не существует того, что могло бы вещи разъединять, то не существует и множественности. Таким образом, основываясь [только] на этих рассуждениях, они оставляли без внимания [факты] чувственных восприятий и [совершенно] отвергали их, потому-то, по их мнению, будто бы мы должны следовать [теоретическому] рассуждению.

Вот каким образом и в силу каких причин высказались некоторые об истине... Левкипп же и Демокрит, напротив, в своем изучении вселенной следовали наилучшему методу: исходить лишь из того, что имеется налицо в самой природе, [такой], как она есть [в действительности]. Левкипп имел достаточно оснований для [своего] убеждения, что [только] его собственное учение согласуется с тем,

310. *Аристотель*, «De gen. et corr.» A, 8, 325, a 2, 325, a 23, 325 a 1.

о чем свидетельствует чувственное восприятие, и в частности не отрицает ни разрушения, ни возникновения, ни движения, ни множественности вещей.

ОБ ОЩУЩЕНИЯХ

О СУБЪЕКТИВНОСТИ ОЩУЩЕНИЙ

311. Демокрит и весьма многие из натурфилософов, говорящие об ощущениях, делают одну величайшую нелепость. А именно они все чувственно воспринимаемое сводят к осязаемому. Но если это так, то очевидно, что каждое из других ощущений есть особый вид осязания.

312. Ведь само это прежде всего требует некоторого исследования, а именно: должно ли [все] сводить к чувственным впечатлениям или, как Демокрит, к формам [атомам], из которых возникают всякие вещи.

313. Относительно ощущения Демокрит не определяет, производится ли оно противоположным или подобным. Ведь если он полагает, что ощущение возникает от изменения, то, казалось бы [ему следовало бы принять, что ощущение производится] различным. Дело в том, что подобное не изменяется подобным. С другой стороны, если он полагает, что ощущение и вообще изменения возникают от того, что [мы] испытываем воздействие извне, и если, по его учению, невозможно, чтобы нетождественные [вещи] испытывали воздействия [друг друга], но если даже различные [вещи] действуют [одна на другую], то они действуют, не поскольку они различны, но поскольку в них есть что-нибудь тождественное, то [на основании этого как будто следует, что, по

311. *Аристотель*, «De sensu», 4, 442, a, 29, FVS[4], II, 38, 20—23.
312. *Теофраст*, «De caus.» VII, 1,2, FVS[4], II, 38, 23—25.

его мнению, ощущение вызывается] подобным. Поэтому о его взглядах на этот вопрос [вызывается ли ощущение противоположным или подобным] можно думать и так и иначе. Он же пытается дать учение о каждом из ощущений в отдельности.

314. Равным образом [внешние] формы, цвета, величины, вес и все прочее, что испытывается в теле в качестве присущих ему [свойств], [безразлично будут ли они] находиться во всех телах или [только] в видимых и [вообще] чувственно воспринимаемых, не должно считать самостоятельными сущностями. Ведь мыслить это невозможно. Но также нельзя считать их [как Демокрит] и вовсе не существующими.

315. «[Лишь] в общем мнении [существует] цвет, в общем мнении—сладкое, в общем мнении—горькое, в *действительности* [существуют только] атомы и пустота». Так говорит Демокрит, полагая, что все ощущаемые качества возникают из соединения атомов, [они существуют лишь] для нас, воспринимающих их, по природе же нет ничего ни белого, ни черного, ни желтого, ни красного, ни горького, ни сладкого. Дело в том, что «*в общем мнении*» у него значит то же, что «*согласно с общепринятым мнением*» и «*для нас*»—не по природе самих вещей; природу же самих вещей он в свою очередь обозначает выражением «*в действительности*», сочинив термин от слова «*действительное*», что значит: «*истинное*». Весь смысл самого [этого] учения должен быть таков. [Лишь] у людей признается что-либо белым, черным, сладким, горьким и всем прочим в этом роде, по истине же все есть «*нечто*» и «*ничто*». И это опять—его соб-

313. *Теофраст*, «De sensu», 49 сл., Dox. 513, FVS[4], II, 40, 24—31.

314. *Эпикур*, «Ad Herod», у Диог. Л., X, 68. Ср. Bailey, Epicurus, Oxford 1926, p. 200.

ственные выражения, а именно—он называл атомы «*нечто*», а пустоту—«*ничто*».

315а. По общему мнению—все [существует] лишь [в зависимости] от способа познания, а в действительности—одни лишь элементы.

316. Демокрит иногда отвергает чувственно воспринимаемые явления и говорит, что ничто из них не является по истине, но лишь по мнению; по истине же существуют атомы и пустота. А именно он говорит: «*Лишь в общем мнении существует сладкое, в мнении—горькое и в мнении—теплое, в мнении—холодное, в мнении—цвет, в действительности же существуют атомы и пустота*». Это значит: чувственно воспринимаемые явления общим мнением признаются существующими, но на самом деле они не существуют, а существуют только атомы и пустота. (136) В «Подтверждениях» он, хотя и обещал придать ощущениям силу достоверности, однако ничуть не меньше осуждает их. А именно он говорит: «*В действительности мы не воспринимаем ничего истинного, но* [*воспринимаем*] *лишь то, что изменяется в зависимости от состояния нашего тела и притекающих к нему и оказывающих ему противодействие истечений от вещей*». И еще он говорит: «*Много раз мною было показано, что мы не воспринимаем, какова в действительности каждая* [*вещь*] и какие свойства в действительности ей не присущи».

317. В сочинении «Об идеях» он говорит: «*Из правила человек должен узнать, что он далек* [*от*

315. *Гален*, «De elem. sec. Hipp.», FVS[4], II, 25, 6—16.

315а. *Марк Аврелий*, VII, 31, Diels, «Elem.», 12. Элементы τὰ στοιχεῖα—Другими словами, действительны, реальны лишь простейшие элементы, а все остальное—слова, речь, размышление, искусство, логика,—является произведением рук человека.

316. *Секст*, «Adv. math.», VII, 135, FVS[4], II, 60, I сл.

подлинной] действительности» [«что от него действительность скрыта»].

И еще [там же он говорит]: «*В самом деле и это рассуждение показывает, что в действительности мы ничего ни о чем не знаем, но для каждого из нас в отдельности его мнение есть [результат] притекающих [к нему образов]*».

И еще: «*Однако далее выяснится, что трудно познать, какова каждая вещь в действительности*».

317а. Левкипп—милетянин, по утверждению же некоторых—элеат; он тоже эристик. И он учил, что все находится в беспредельном, что возникновение всего [существует только] в воображении и мнении, а поистине ничто не возникает, но так [лишь] кажется, подобно веслу [отраженному] в воде.

318. Прочие [полагают, что] чувственно воспринимаемое в телах [существует само по себе] по природе, Левкипп же, Демокрит и Диоген [считают его существование] условным, т. е. зависящим от [нашего] мнения и наших [телесных] состояний. [По их учению] нет ничего истинного и научно постигаемого, кроме первых элементов—атомов и пустоты. Ибо только они одни существуют по природе, [все же прочие вещи] образуются из них и отличаются друг от друга положением, порядком и фигурой [составляющих их атомов].

319. Качества существуют [условно, т. е.] в мнении, по природе же [существуют] атомы и пустота. Вот каковы были его учения.

317. *Секст*, VII, 137, FVS[4], II 59, 14 сл. Термин «идея» относится к формам: так Демокрит называет иногда атомы, о них излагается в сочинении «О различии форм атомов» (FVS[4], II, 59 прим.).

317а. *Епифаний*, «Adv. haer.», III, 2,9, Dox. 590.

318. *Аэций*, IV, 9, 8, Dox. 397.

319. *Диоген* Л., IX, 49, FVS[4], 352, 36—37.

320. Последователи Платона и Демокрита держались того мнения, что только умопостигаемые [сущности] истинны, но Демокрит [обосновал это] тем, что ничто чувственно воспринимаемое не лежит в основе природы, так как атомы, образующие все [в мире], имеют природу, которая лишена всякого чувственно воспринимаемого качества, а Платон [принимал это положение] вследствие того, что чувственно воспринимаемые [вещи] всегда возникают [и преходят], но никогда не существуют.

321. Сколько ощущений? Демокрит: ощущений больше, нежели [фактически] чувственно воспринимается: но вследствие несоответствия чувственно воспринимаемого с количеством ощущений, [часть последних] остается незамеченной.

322. Так как они [образы] очень нежны, то дух их не может различить явственно без известного напряжения

323. Демокрит: что касается неразумных животных, мудрецов и богов, то у них органов чувств более пяти.

ОБ ОСЯЗАНИИ

324. Что же касается чувственно воспринимаемых вещей, то прочие [философы] оставили без внимания вопрос о том, какова природа их и какова каждая [со стороны] качества. В самом деле из того, что относится к осязанию, они говорят о тяжелом, легком, теплом и холодном, как например, что редкое и тонкое—тепло, плотное же и толстое—холодно, каковое различие Анаксагор проводит между воздухом

320. *Секст*, VIII, 6.
321. *Аэций*, IV, 10,5 (Dox. 399 сколько ощущений?), FVS[4], II, 37, 39 сл.
322. *Лукреций*, IV, 800.
323. *Аэций*, IV, 10, 4, Dox. 399, FVS[4], II, 39, 3—4.

и эфиром. Почти то же самое [они говорят] о тяжелом и легком и еще [приписывают им] движения вверх и вниз и сверх того [они учат], что звук есть движение в воздухе, а запах—некоторое истечение. Эмпедокл [говорит] также и о цветах, что белый цвет есть цвет огня, а черный цвет—цвет воды. Остальные же [сказали] лишь, что белый и черный—основные цвета, прочие же возникают из смешения их, ибо и Анаксагор лишь в общем высказался о цветах.

(60) Демокрит же и Платон наиболее глубоко коснулись [этой темы]. Дело в том, что они определяют каждое [чувственное качество] в отдельности. Различие между ними в том, что Платон не лишает чувственно воспринимаемых вещей природы. Демокрит же все [чувственно воспринимаемое] делает состоянием ощущения. Кто же из них прав [в данном вопросе], пожалуй, здесь не стоит обсуждать. Но, насколько каждый из них разработал [данный вопрос] и какие дал определения, это мы попытаемся рассмотреть, сперва обозрев весь ход [мысли] каждого из них. Итак, Демокрит неодинаково говорит о всех чувственно воспринимаемых качествах, но определяет одни [из них] величинами [атомов]—другие—формами, третьи—порядком и положением [атомов]. Платон же почти все [чувственно воспринимаемое] сводит к состояниям [субъекта] и к ощущению. Таким образом пожалуй выходит, что каждый из них учит противоположно тому, что он сам полагает в основание [своей теории ощущений].

(61) Дело в том, что первый (Демокрит), ставя состояния чувственного восприятия в зависимость от ощущения, в то же время определяет [что это за] природа существует сама по себе соответственно для каждого чувственного восприятия, между тем как второй (Платон), считая [качества] существующими сами по себе, дает этим сущностям [наоборот]

такое объяснение, что они оказываются зависящими от состояний чувственного восприятия.

Тяжелое и легкое Демокрит различает по величине. Ибо если бы каждое из них было бы взято в отдельности, то независимо от различий по форме природа имела бы [ту или иную] тяжесть в зависимости от величины. Впрочем в сложных [телах] более легкое есть то, которое заключает в себе больше пустоты, более тяжелое то, в котором меньше пустоты. В некоторых [сочинениях] он так и сказал.

(62) В других же он говорит, что легкое есть просто тонкое. В таком же роде он высказывается о твердом и мягком. А именно: твердое есть плотное, мягкое есть редкое, и большая и меньшая [степень твердости и мягкости] соответствует [большей и меньшей степени плотности и разреженности]. Есть некоторое различие в положении и в способе расположения пустоты в твердых, мягких и легких [телах]. Поэтому железо тверже [свинца], но свинец тяжелее [железа]. Дело в том, что железо имеет неодинаковое строение: в нем встречаются частые и большие пустые [промежутки], в некоторых же [местах] оно уплотнено; в итоге оно заключает в себе больше пустоты [чем свинец]. Свинец же, заключая в себе меньше пустоты, имеет строение равномерное и повсюду [в своей массе] одинаковое. Вот почему он тяжелее, но мягче железа.

(63) Так вот какие определения он дает тяжелому и легкому, твердому и мягкому.

324. *Теофраст*, «De sensu», 59, FVS[4], II, 42, 30 сл.

§ 61 (см. стр. 169,30 сл.) дается в нашем переводе. Приводим это место в переводе проф. А. О. Маковельского, которому принадлежит перевод всего Теофраста: «Дело в том, что первый (Демокрит), [считая состояния чувственного восприятия существующими у субъекта] независимо [от подлинно сущего], в то же время определяет природу [подлинно сущего для каждого чувственно воспринимаемого качества], между тем

325. Как повествует Теофраст в «Физиках», из тех, которые в частности объясняли явления тепла и холода и рассуждали о причинах их, Демокрит [один] восходит к атомам, точно так же как пифагорейцы—к плоскостям, считая формы и величины причинами тепла и холода. А именно: разъединяющее и разделяющее доставляет сопутствующее [ему] ощущение теплоты, соединяющее же и сгущающее—ощущение прохлады.

326. Что же касается прочих ощущаемых [качеств], то в природе нет ничего [им соответствующего], но все они суть состояния изменяющегося чувственного восприятия, из которого возникает представление. Дело в том, что в природе нет теплого и холодного, но форма <атом>, *изменяя* свое движение, производит также изменение и в нас. А именно все, что собирается вместе [в большом количестве], то у каждого усиливается, а то, что разделено на далеко отстоящие [части], то неощутимо.

327. Демокрит же, отрицая качества, говорит: «Согласно общепринятому мнению существует теплое, согласно мнению—существует холодное, в действительности же [существуют лишь] атомы и пустота». И еще прибавляет: «На самом же деле мы не знаем ничего, ибо истина скрыта в глубине». <Ср. Цицерон:> Обвиняй природу, которая, как говорит Демокрит, истину спрятала далеко в глубине [моря].

как второй (Платон), считая [качества] существующими сами по себе, дает этим сущностям такое объяснение, в котором принимает их зависимость от состояний чувственного восприятия».

325. *Симплиций*, «De coelo», p. 564, 24, FVS[4], 11, 38, 26—31.

326. *Теофраст*, «De sensu», 63, FVS[4], II, 43, 26 сл.

327. *Диоген*, IX, 72, FVS[4], II, 83, 12 сл.,—мнение Цицерона, «Ac. pr.» II, 10, 32.

О ЗРИТЕЛЬНОМ ВОСПРИЯТИИ

328. Видим же мы благодаря тому, что в нас внедряются [извне] идолы [образы].

329. [Цицерон Кассию]: Когда я пишу что-либо тебе, [мне] является некий [образ], так что ты как бы лично присутствуешь предо мною. И это происходит не вследствие «появления идолов» [образов], как говорят твои новые друзья, которые думают, что даже «умственные фантазии» вызываются Кацианскими спектрами—дело в том, что (говорю я это, чтобы не ускользнуло от твоего внимания) недавно умерший эпикурейский [философ] Каций Инсубер называет «спектрами» те [образы], которые знаменитый гаргеттянин [Эпикур] и уже раньше Демокрит называли «идолами». Хотя эти спектры могут попадать в глаза, так как, хочешь ли ты или не хочешь, они сами входят [в наши органы чувств], но чтобы они могли [попадать] в душу—я [возможности] этого не усматриваю. Следовало бы тебе, когда ты вернешься невредимым, поучить меня, в моей ли власти находится твой спектр, так что лишь только мне заблагорассудится думать о тебе, он прибегает [ко мне], и не только [если я думаю] о тебе, чей образ твердо держится у меня в мозгу, но и если я начну думать об острове Британии, [то тотчас] идол его прилетит ко мне в сердце.

330. Демокрит говорит, что вода есть то, посредством чего мы видим. Это он говорит хорошо. Но его мнение, что видение есть отражение, нехорошо... Но вообще относительно отражения и распространения лучей [света] в то время еще ничего, как кажется, не было выяснено. Странно также, что у него

328. *Диоген, Л.*, IX, 44, FVS[4], II, 13, 26.
329. *Цицерон*, «Epist.», XV, 16, I (к Кассию), FVS[4], II. 38, 10, 19.

не возник вопрос, почему видит только глаз и ни один из остальных [органов], в которых [также] появляются идолы [образы]?

331. Неправильно учит Демокрит, что если бы промежуточной средой была пустота, то можно было бы отчетливо видеть муравья на небе.

332. Зрение, по его мнению, возникает от отражения. О последнем он учит оригинально. А именно [по его учению] отражение не прямо возникает в зрачке, но воздух, лежащий между глазом и видимым [предметом], получает отпечаток, сдавливаясь видящим и видимым. Дело в том, что от всего всегда происходит некоторое истечение. Затем воздух, став плотным и приняв цвет иной, отражается во влажной [части] глаза. Плотное не принимает [отражения], влажное же пропускает [его]. Поэтому влажные глаза для зрения лучше сухих. Если бы внешняя оболочка [глаза] была возможно более тонкой и возможно более плотной, внутренние же [части глаза] как можно более мягкими, не заключающими в себе плотного и твердого мяса, но наполненными густой и тучной жидкостью, и жилки глаз были прямые и сухие, [*тогда лучше всего* происходил бы в глазах процесс] принимания *форм, подобных* отпечаткам [воздуха]. Дело в том, что каждая [вещь] наиболее познает вещи, однородные с ней.

(51) Итак, во-первых, нелепо допускать [этот] отпечаток в воздухе. Ибо то, что отпечатывается, должно иметь плотность и не *рассеиваться*, как он и сам говорит, сравнивая это образование отпечатков с выдавливанием отпечатков на воске. Далее [та-

330. *Аристотель*, «De sensu», 2, 438 а 5, FVS[4], II, 38, 32—36.

331. *Аристотель*, «De an.», В 741 9 в 15, FVS[4], II, 38, 37—38.

332. *Теофраст*, «De sensu», FVS[4], II, 40, 31 сл.

кие] отпечатки скорее могли бы делаться на воде, поскольку она плотнее [чем воздух]. Между тем [в воде] видят хуже, а не лучше, как следовало бы [по его теории]. Вообще же тому, кто принимает истечение внешней формы, как в атомистической теории, зачем понадобилось еще сочинять образование отпечатков? Ведь идолы (образы) сами отражаются [являются перед нами].

(52) Но если это происходит и воздух принимает отпечатки подобно надавливаемому и уплотняемому воску, то каким образом делается [само] отражение и каково оно? Ведь очевидно, что изображание будет обращено прямо лицом к тому [предмету], который видят, как это бывает и в прочих [отпечатках]. А если так, то невозможно, чтобы отражение возникло на противоположной стороне без поворачивания изображения. Следовало бы показать, вследствие чего и как это произойдет. Ибо без этого видение не может возникнуть. Затем всякий раз, когда видят в одном и том же месте несколько предметов, каким образом в том же самом воздухе будут [образовываться] многочисленные изображения? И еще, как возможно видеть друг друга? Ведь изображения должны сталкиваться друг с другом, причем то и другое [изображение] будут обращены лицом [к тому], от кого они исходят. Итак, это [ему] следовало бы исследовать.

(53) И кроме того, почему никто никогда не видит самого себя? Ведь, подобно тому как [наши] изображения видны глазами вблизи [нас] находящихся [лиц], так они могли бы показаться и [нашим] собственным глазам, особенно если они расположены прямо лицом [к нам], а тут ведь происходит то же самое явление, как [и в том случае, когда раздается] эхо. В самом деле, звук, говорит он, отражается и по направлению к самому [лицу], издавшему этот звук.

Вообще отпечаток в воздухе—нелепость. Ибо из того, что он говорит, с необходимостью следует, что от всех тел делаются отпечатки и происходят многочисленные перекрещивания [последних], и это могло бы служить препятствием для видения и кроме того хотя бы тела и не были открыты [нашему взору] и не находились близко, мы [однако] должны были бы их видеть—если не ночью, то [по крайней мере днем] после рассвета. Однако изображения должны не менее сохраняться ночью [чем днем], поскольку воздух [по ночам] более холоден.

(54) Но, может быть, отражение производят солнце и свет, как бы принося [луч] к органу зрения, как повидимому он хочет сказать. Мнение, им высказываемое, что *«солнце отталкивает от себя воздух и уплотняя отражает его»*, нелепо. Ибо солнцу свойственно по природе скорее рассеивать. Нелепо также [зрительное] ощущение приписывать не только *глазам*, но и остальному телу. А именно: он говорит, что глаз должен заключать в себе пустоту и влажность для того, чтобы он [был в состоянии] более принимать [в себя] и передавать остальному телу. Нелепо в то же время полагать, что отражение производится [телами], имеющими иной вид, как будто подобные [тела] не отражаются. А как отражают величины и расстояния, хотя он и начал говорить об этом, [однако] не объяснил. (55) Итак, желая дать некоторое оригинальное учение о зрении, он дает [о нем] довольно большое исследование.

333. Левкипп, Демокрит, Эпикур: зеркальные отражения возникают вследствие сопротивления, которое встречают образы, несущиеся от нас; образуются же они на зеркале вследствие того, что [здесь] они поворачиваются в противоположную сторону.

333. *Аэций*, IV, 14, 2, Dox. 405.

334. А именно—Демокрит говорит, что видение есть восприятие отражения видимых [тел]. Ибо отражение есть образ, проявляющийся в зрачке, а равно во всех прочих прозрачных [телах], которые обладают свойством сохранить в себе отражение. Он сам <Демокрит> и раньше него Левкипп и позже Эпикур со своими учениками полагают, что некоторые исходящие [от тел] образы, по виду сходные с теми [телами], от которых они исходят [последние и суть видимые нами тела], попадают в глаза видящих, и таким образом происходит видение.

А именно—они указывали как на причину видения на некоторые образы, постоянно вытекающие от видимых [предметов], сходные [с последними] по виду, попадающие в [орган] зрения. Такого мнения держались Левкипп и Демокрит со своими учениками; они же из сложения невидимых вследствие малости [телец] выводили явление промежуточных цветов.

335. Из цветов же простыми он называет четыре. Белый цвет имеют предметы, [состоящие] из гладких [атомов]. В самом деле все, что не шероховато, что не делает тени и не представляет помех для движения, все подобное блестит. Твердые белые [предметы] состоят из таких же форм, как внутреняя поверхность раковин. Дело в том, что гладкие, они не имеют тени, блестящие, с прямыми порами. Мягкие же и рыхлые [белые предметы состоят из атомов] круглых, расположенных в косом направлении относительно друг друга и соединенных по два, причем весь порядок [расположения атомов], насколько возможно, всюду сохраняется тот же самый. Именно потому, что они таковы, они мягки, поэтому [у них атомы] расположены одинаково. Тени же они

334. *Александр*, «De sensu», p. 24, 14 и 56, 12. См. FVS[4], II, 8, 29—9,4.

не имеют, так как [атомы их] гладки и широки. Одни [предметы] бывают белее других, вследствие того что [в них] вышеупомянутые формы более точно [выражены] и в наиболее чистом виде в большей мере имеют вышеуказанные порядок и положение. Вот из каких форм [атомов] состоит белое.

(74) Черное же [состоит] из противоположных [форм]: шероховатых, неровных и неодинаковых. В самом деле—благодаря этому они должны давать тень, и поры у них будут не прямые и неудобопроходимые. Сверх того истечения [от них]—медленные и беспорядочные. Дело в том, что [у белых и черных предметов] истечение бывает различным, [а это сказывается в том, что оно] бывает различным для представления, причем изменение происходит вследствие воздействия со стороны [окружающего] воздуха.

(75) Красное же [состоит] из таких же [форм], как и теплое, только из бо́льших [по размеру]. Если соединения атомов будут более значительными при одинаковости форм [их], то [будем иметь] более красный [цвет]. Доказательством же того, что красное состоит из таких [форм, служит следующее]: нагреваясь, краснеем и мы [сами], краснеют и прочие тела, когда их жгут, пока [наконец] не приобретут [цвета] огненного. Более красными [являются те тела], которые состоят из больших форм—например пламя и уголь зеленых деревьев [краснее], нежели сухих. Также железо и прочие сжигаемые вещи имеют [более или менее] красный цвет в зависимости от размера [атомов]. И действительно—самые светлые [при горении тела]—те, которые имеют в наибольшей степени огня и у которых огонь самый тонкий, более же красными являются те, у которых огонь более густой и его меньше. Поэтому и меньше тепла дают более красные [при горении тела]. Ибо, что тонко, тепло.

Зеленовато-желтое состоит из плотного и пустого, оно смешано из них обоих, причем оттенки цвета меняются в зависимости от положения и порядка [атомов].

(76) Итак, вот какие формы [атомов] у простых цветов. Каждый [цвет] тем чище, чем более состоит из [форм] несмешанных. [Все же] остальные [цвета] образуются из смеси этих [простых]. Так золотистый, медный и всякий [другой цвет] в этом роде [состоят] из белого и красного. А именно—блеск они имеют от белого [цвета], а некоторую красноту — от красного. Дело в том, что в пустоты белого попадает при смешении красное. Если же к ним присоединится еще зеленый [цвет], то получается самый прекрасный цвет, причем нужно, чтобы были малые примеси зеленого. Дело в том, что большие [примеси зеленого] при таком соединении белого и красного дают нехороший цвет. Цвета будут [получаться] различные, в зависимости от того больше или меньше брать [того или иного простого цвета].

(77) Пурпуровый [цвет] состоит из белого, черного и красного, причем он заключает в себе наибольшую долю красного, незначительную—черного и среднюю—белого. Поэтому он и кажется приятным для ощущения. Что в нем заключается черное и красное, это очевидно для зрения, а что [в нем есть] белое, показывает его ясность и блеск. Ибо эти [последние качества] производит белый [цвет]. Лазоревый же [цвет]—из очень черного и зеленовато-желтого, причем большую долю имеет черный. Зеленый образуется из пурпурового и лазоревого, или из зеленовато-желтого и пурпуровидного. Ибо этот цвет—божественный, и ему присущ блеск. Темносиний [цвет] состоит из лазоревого и огненновидного, [он состоит] из форм [атомов] круглых и имеющих вид иголки, благодаря чему в черном заключается блеск.

(78) Ореховый [цвет] состоит из зеленого и темносинего. Если смешать зеленый и белый [цвет], получается, [цвет] похожий на пламя. Ибо не имеющие тени и темное [взаимно] исключаются. Почти также и красное, будучи смешано с белым, производит чистый (т. е. блестящий) и не темный зеленовато-желтый [цвет]. Вот почему предметы растительного мира имеют первоначально зеленовато-желтый цвет, пока они не нагреты и не разложены на части. Вот о каком большом числе цветов он упоминает, но [при этом добавляет], что цветов и вкусов бесчисленное множество соответственно [бесконечному разнообразию] смесей, которые [будем получать], если станем одно отнимать, другого же прибавлять или примешивать одного меньше, другого—больше. Ибо [в этом случае] ни один [результат] не будет подобен другому.

(79) Итак, во-первых, то, что он принимает большее число основных цветов [а не два], заключает в себе некоторую апорию <трудность>. Ведь прочие [признают основными цветами] белое и черное, считая, что только они—простые цвета. Во-вторых, не всему, что бело, он приписывает одну форму, но иную форму твердым [белым предметам] и иную форму мягким [белым предметам]. Не следовало бы [принимать], чтобы причина [белого цвета] была разная у разных по осязанию [предметов] и кроме того не форма [атомов] могла бы быть причиной различия [в цвете], но скорее положение [их]. Ведь возможно, чтобы и круглые [формы] и вообще все [другие] бросали тень на себя. Вот—доказательство! Он и сам знает, что многие из гладких [форм] кажутся черными. И по [его объяснению] они кажутся такими вследствие того, что у них соединение и порядок [атомов] такие же, как у черного [цвета]. И, с другой стороны, [он знает], сколько [белых

предметов] состоят из шероховатых [форм]. Это [по его учению]—потому, что они состоят из больших [форм] и соединения [атомов у них] не округленные, но зубчатые. [Именно] из смешения форм [атомов] образуются внешние формы предметов, подобные ступеням лестницы и насыпям [которые делают осаждающие] перед крепостными стенами. В самом деле, будучи таковым, [тело] не имеет тени, и блеск [его] не встречает препятствий.

(80) Кроме того, как он сможет объяснить, что белый [цвет] некоторых животных делается черным, если поместить их так, чтобы на них падала тень. Вообще же, как кажется, он скорее говорит о природе прозрачного и блестящего, чем [о природе] белого. Ибо быть насквозь видимым и иметь поры, расположенные по прямым линиям, это есть свойство прозрачного. Многие ли белые [предметы] прозрачны? Кроме того [положение], что поры белых [предметов] прямые, а поры черных расходятся в разные стороны, приходится принять при предположении, что [прозрачность] зависит от самой природы. Но ведь он говорит, что видение происходит благодаря истечению [атомов от предметов] и отражению их в [наших] глазах. Если же так, то какая будет разница, лежат ли поры друг перед другом или они расходятся в разные стороны? Равным образом трудно допустить, чтобы каким-то образом происходило истечение от пустоты. Вот почему следовало бы указать причину [для всего] этого. Ведь, кажется, он производит белое от света или от чего-то другого. Поэтому для появления черного [цвета] он указывает в качестве причины толщину воздуха.

(81) Кроме того объяснение черного [цвета] нелегко понять. А именно [по его учению] тень есть нечто черное, закрывающее белый [цвет]. Поэтому

белое должно быть первым по природе. Но в то же время причиной [черного цвета] он считает не только заслонение тенью, но и толщину воздуха, а равно толщину привходящего истечения и [наконец] расслабленное состояние глаза. Происходит ли [все] это, вследствие того что нет полной прозрачности, или вследствие чего-нибудь другого и чего именно, он не разъясняет.

(82) Нелепо также не дать [особой] формы [атома] зеленому, но только выводить его из плотного и пустого. Ведь последние будут общими [элементами] для всех [тел], из каких бы форм они ни состояли. Следовало бы придать зеленому какую-нибудь особую [форму], как прочим [цветам]. И если оно противоположно красному, как черное [противоположно] белому, то оно должно иметь и противоположную [ему] форму. Если же оно не противоположно, то странно уже то, что он не считает основные [цвета] противоположными. Ведь таково всеобщее мнение. В особенности же должна была бы быть точность в том, какие из цветов простые и почему одни [цвета] составные, а другие—простые. Ибо наибольшую трудность представляет определение, какие цвета основные. Но [особенно упрекать тут его не приходится, так как] это пожалуй действительно трудный вопрос. Ведь если бы кто-нибудь мог указать, какие из вкусов суть простые (основные), то еще скорее можно было бы согласиться с ним.

336. Поэтому Демокрит говорит, что цвет не существует [самостоятельно]. Дело в том, что цвет [тела] зависит от поворота [атомов, его составляющих].

335. *Теофраст*, «De sensu», 73, FVS[4], II, 46, 9 сл.

336. *Аристотель*, «De gen. et corr.», A, 2 316 a, I, FVS[4], II, 38, 38—39.

337. [Другие же] принимают атомы, которые все вообще не имеют цвета; из бескачественных же умопостигаемых [атомов] возникают, по их учению, чувственные качества.

338. Демокрит: по природе не существует никакого цвета. Ибо элементы [стихии] бескачественны (не имеют качеств), они суть—полное и пустое. А то, что составлено из них, имеет цвет благодаря «*соприкасанию, очертанию и повороту*» [атомов], из каковых [терминов] первый означает порядок, второй—форму и третий—положение. Ибо кроме этого [все остальное]—продукты воображения. Из этих же составляющих продукт воображения цветов четыре основных: белый, черный, красный и желтоватый.

339. А именно—белое есть гладкое, черное есть шероховатое, говорит [Демокрит], к формам же [атомов] сводит он [также и] вкусы.

О СЛУХЕ

340. Слух же он объясняет почти так же, как и прочие [философы]. А именно: попадая в пустоту, воздух совершает движение: помимо того, что он одинаково входит во все тело, он особенно и наиболее [проникает] в уши, так как [здесь] он проходит через наибольшую пустоту и менее всего *задерживается.* Поэтому звук не ощущается в остальном теле, но только здесь [в ушах]. Когда же звук [возникает] внутри, то [он тотчас] рассеивается вследствие быстроты [своего движения]. Ибо звук возникает, когда воздух сгущается и силою входит [в уши]. Итак, ког-

337. *Аэций,* I, 15, 11, Dox. 314.
338. *Аэций,* I, 45, 8 Dox. 314, FVS[4], II, 39, 3—7.
339. *Аристотель,* «De sensu», 4 p. 442 в 11, FVS[4], II, 39, 8—10. Ср. Арист., «Methaphys»., 10 49 в 9.

да он объясняет возникновение внешнего их ощущения—осязания, точно так же [он объясняет и возникновение] внутреннего [ощущения слуха].

(56) Условия наибольшей остроты слуха следующие: если внешняя оболочка плотная, жилки пустые и возможно более сухие, представляющие [своими отверстиями] удобные проходы к голове, ушам и прочим [частям] тела. Кроме того, если кости крепкие, мозг представляет хорошую смесь, и то, что его окружает, является возможно более сухим. Ибо в этом случае звук входил бы всей своей массой, так как он входил бы через большую, сухую и удобопроходимую пустоту и быстро бы и равномерно рассеивался по телу и не выходил бы наружу.

(57) Итак, у него такие же неясные определения, как и у остальных. Странно и нелепо, чтобы звук шел по всему телу и, войдя через орган слуха, разливался бы по всему [телу], как будто бы он ощущается не ушами, но всем телом. Ведь если какая-нибудь [часть тела] и испытывает воздействие вместе со слухом, то [отсюда еще не следует], что вследствие этого она принимает участие в слуховом ощущении. Ведь это он одинаково приписывает всем ощущениям и не только ощущениям, но и душе. Вот какие учения он дает о слухе. Что же касается остальных ощущений, то их возникновение он объясняет так же, как большинство [философов].

341. Эпикур, Демокрит и стоики говорят, что звук есть тело.

342. [О звуке]. Демокрит говорит, что воздух «*раздробляется на имеющие одинаковую форму те-*

340. *Теофраст*, «De sensu», 55, FVS[4], II, 42, 5 сл.

341. *Схолии*, Dionys. Thrac., p. 48, 2, 13, Hildeg., FVS[4], II, 39, 11—12.

ла» и свертывается кусками, образующимися от звука.

343. Не должно полагать [как Демокрит], что сам воздух принимает формы от раздавшегося звука или [вообще] от слуховых раздражений. Дело в том, что он вовсе не способен испытать такое воздействие от звука.

О ЗАПАХЕ

344. О запахе же он сверх того даже не дал определений, сказав лишь, что тонкое, вытекающее из тяжелых [тел], порождает запах. Каково же оно по природе и от чего испытывает воздействие, этого он уже не сказал, а это именно и есть, может быть, самое важное. (83) Таким образом Демокрит оставил без внимания некоторые вопросы.

345. Но то, что мы выше сказали, нелепо, ибо то, что является зловонным и не имеющим никакого запаха для нас, для них (животных) бывает благовонным. Последнее [предположение], пожалуй, не заключает в себе никакой нелепости. Мы видим, что нечто подобное бывает и в других случаях, как например [можно наблюдать это] прямо на самих предметах питания: предметы питания [для различных животных] представляют собой неодинаковые смеси, и, пожалуй, легче всего можно было бы найти здесь причину [различия обоняния животных]. Так как формы Демокрита, как было сказано, образуют определенно сложенные фигуры, то ему следовало бы и состояния [чувственного восприятия] вывести из определенного порядка [расположения атомов].

342. *Аэций*, IV, 13, 13, Dox. 508, FVS⁴, II, 39, 13—21. Вероятно из Посидония.
343. *Эпикур*, «Ad Herod», у Diog. L., X, 53.
344. *Теофраст*. «De sensu» 82.
345. *Теофраст*, «De c. pl.», VI, II, 17, 11, FVS⁴, II, 53, 6 сл.

346. Демокрит: растения имеют ум и знание.

О ВКУСЕ

347. На основании того, что мед одним кажется горьким, другим сладким, Демокрит сказал, что мед сам по себе ни сладок, ни горек.

348. Демокрит, приписывая форму каждому вкусу, считает сладкий вкус круглым и имеющим большую величину, кислый же—имеющим большую форму, шероховатым, многоугольным и некруглым. Острый [вкус]—соответственно его названию—острый по форме [составляющих его атомов],—угловатый, согнутый, узкий и некруглый. Едкий [вкус]—круглый, тонкий, угловатый и кривой. Соленый вкус—угловатый, большой, согнутый и равнобедренный. Горький же—круглый, гладкий, имеющий кривизну, малый по величине. Жирный же—узкий, круглый и малый [также по форме составляющих его атомов].

349. Пожалуй, могло бы казаться, как (выше) было сказано, что это существует для тех же целей. А именно, объясняя указанным способом различия самих сил, он полагает, что он объясняет причины, благодаря которым одно стягивает, сушит, уплотняет, другое же смягчает, делает гладким и ровным, третье же разлагает и рассеивает и делает прочее в таком роде. Однако по этому поводу можно бы задать вопрос, не нужно ли привлечь и субстрат для объяснения какого-либо качества. Дело в том, что следует знать не только действующую [причину], но и то, что испытывает ее действие и особенно «*не*

346. *Николай из Дамаска* «(Arist.) de plant.» A, 2817 в 35, см. FVS[4], II, 53, 12.

347. *Секст*, «Pyrr.», 11, 63, FVS[4], II, 40, 22, 23.

348. *Теофраст*, «De c. pl.», VI, I, 6, FVS[4], II, 39, 22—29.

является ли один и тот же вкус далеко не у всех одинаковым, как он говорит. Ведь ничто не препятствует, чтобы сладкий для нас [вкус для] некоторых других живых существ был горек, да и относительно остального [дело обстоит] подобным же образом.

350. Доказательством же того, что [чувственно-воспринимаемые качества] не существуют по природе, [следует] то, что они не кажутся тождественными всем живым существам, ведь то, что для нас сладко, то для других горько, для третьих имеет острый [вкус], для четвертых—едкий [вкус] и еще для иных—кислый [вкус], так и прочие [чувственные качества] совершенно так же [различны для разных существ].

(64) Притом же они изменяются от смешения в зависимости от состояний [субъекта] и от его возраста. Таким образом очевидно, что расположение в данном теле атомов есть причина представления. Итак, вот какие предположения, по его учению, о чувственно воспринимаемых качествах вообще должно строить. Однако, как и все остальное, и это он сводит к формам. Впрочем он дает отчет о формах не всех чувственных качеств, но только о формах вкусов и цветов; более точно, чем цвета, он определяет [качества], относящиеся к вкусам, относя представление [о них] за счет человека [субъекта].

(65) Итак, острый вкус есть по форме образующих его атомов угловатый, весьма *согнутый*, *малый*, *узкий*. Ибо вследствие своей заостренности он быстро всюду проникает; будучи же шероховатым и *угловатым*, он сближает, стягивает. Поэтому он и нагревает тело, производя [в нем] пустоты. Сладкий же

349. *Теофраст* «De c. pl.», VI. 2, I (Полемика против Демокрита), FVS[4], II, 39, 30 сл.
350. *Теофраст*, «De sensu.», 63, FVS[4], II, 43, 29.

вкус состоит из круглых и не очень малых форм. Поэтому он вообще обращает тело в жидкое состояние и без толчков медленно проникает во все. Прочие же [вкусы] производят толчки, так как каждый из них, проникая, сбивает с места прочее и увлажняет его. Увлажненное же и сдвигаемое с места своего расположения стекает в желудок, ибо последний есть самое удобное для движения место, так как в нем больше всего пустоты.

(66) Кислый же [вкус] состоит из форм больших, многоугольных и нисколько не закругленных. Ибо всякий раз, как эти атомы войдут в тела, они затыкают жилки и мешают стекать. Поэтому и пустоты желудка [в этом случае] пребывают в спокойствии. Горький же [вкус] образуется из [атомов малых, гладких и круглых], атомы его имеют круглую поверхность с изгибами. Поэтому-то горький вкус—клейкий и липкий. Соленый же вкус образуется из [атомов] больших и некруглых, местами кривых (но в самой значительной части некривых), и поэтому с немногими изгибами—(«*кривыми*» он имеет в виду назвать то, что может захватить друг друга и сплетаться). Из больших [атомов] состоит соленый вкус, потому что соленость плавает на поверхности. Ведь если бы [атомы, образующие соленый вкус] были малыми, то вследствие удара со стороны окружающих [их атомов] они смешивались бы со всякой вещью. Соленый вкус состоит из некруглых атомов, так как соленое шероховато, круглое же—гладко. Из *некривых* атомов состоит соленое, потому что оно не отличается сцепляемостью, вследствие чего оно легко *растирается* [в порошок].

(67) Едкий же вкус имеет малую, круглую и угловатую форму [атомов], кривой же формы не имеет. Дело в том, что едкий вкус, будучи многоугольным, нагревает вследствие своей шероховатости и делает

тело жидким вследствие своей малости, круглости и угловатости. Ибо таково свойство угловатой формы. Подобным же образом он объясняет и прочие свойства каждого [вкуса], сводя и их к формам. Ни одна из форм не встречается чистой и несмешанной с прочими, но в каждой [вещи] много разных форм, и одна и та же вещь заключает в себе некоторое количество и гладкого, и шероховатого, и круглого, и острого, и прочих форм. А то, чего заключается в наибольшей степени, то больше всего и проявляется в ощущении и чувственном свойстве, притом в зависимости от того, при каком состоянии нашего тела оно произошло. Ибо бывают большие различия и в этом <т. е. в состоянии нашего тела>, вследствие того что это состояние бывает то тем же самым, то противоположным, и противоположные по вкусам вещества иногда производят одно и то же чувственное состояние (то же самое вкусовое ощущение).

(68) Вот какие определения [Демокрит] дал вкусам.

351. Непонятным, пожалуй, может показаться, во-первых, то, что он неодинаковым способом объясняет причины всех чувственных качеств, но тяжелое, легкое, мягкое, твердое он свел к количественным различиям большего и меньшего, редкого и плотного, а теплое и холодное он определил посредством форм. Во-вторых, тяжелое и легкое, твердое и мягкое [у него становятся] существующими сами по себе по природе, ибо большое и малое, плотное и редкое существует безотносительно к чему-либо другому, теплое же, холодное и прочие чувственные качества существуют лишь в отношении к чувственному восприятию, а в то же время он часто говорит, что форма теплого — сферическая.

(69) Вообще же наибольшее противоречие во

351. *Теофраст,* «De sensu», 68, FVS[4], II, 44, 30 сл.

всех его объяснениях заключается в том, что он одновременно делает эти качества состояниями чувственного восприятия и вместе с тем определяет их формы [атомов]. Сводя чувственные качества к формам атомов, он, [не замечая противоречия], в то же время говорит, что одно и то же одним кажется горьким, другим—сладким, а третьим—еще иначе. Но ведь невозможно, ни чтобы форма атома была состоянием субъекта, ни чтобы одно и то же одним являлось сферическим, а другим в иной форме (а это так необходимо было бы, если то, что одним—сладко, другим—горько), ни чтобы по состояниям нашего тела менялись формы атомов. Говоря просто, форма атомов существует сама по себе, сладкое же и вообще чувственно воспринимаемое существует лишь в отношениях к другому и в другом, как он говорит. Нелепо также отвергать истину [этих согласных чувственных показаний], когда [нечто] признается одним и тем же рядом лиц, воспринимающих одни и те же чувственные качества, особенно если сопоставить это с теми соображениями, которые он высказывает выше, [а именно], что находящимся в неодинаковом состоянии телам одно и то же является неодинаковым, а, с другой стороны, одно ощущение нисколько не истиннее другого.

(70) Ибо, разумеется, лучшее [истиннее] худшего и здоровое состояние тела—больного. Действительно здоровое состояние более соответствует природе. Кроме того если только у чувственно воспринимаемых вещей нет [объективной] природы по той причине, что они всем являются не одними и теми же, то очевидно, что не будет также [объективной] природы ни у животных, ни у прочих тел. Ибо и относительно их существуют различные взгляды. Однако если ощущение сладкого и горького возникает у всех и не посредством одного и того же внешнего раздра-

жения, то по крайней мере природа горечи и сладости является одной и той же у всех. Это и сам он вынужден подтвердить. Ибо каким образом горькое для нас есть сладкое или кислое для других, если бы не существовала какая-либо определенная природа их?

(71) Притом же он делает это еще более ясным в тех сочинениях, в которых он говорит, что каждое чувственное качество возникает и существует по истине. В частности же по поводу горького он говорит, что оно *«участвует в соединении»* (склеивает),— таким образом очевидно, что ввиду этого нужно утверждать противоположное тому, что раньше было сказано, когда отрицалось существование какой-то [объективной] природы у чувственно воспринимаемого. Впрочем это подтверждается и тем, что было сказано раньше, когда он приписывал определенную форму [атомов] горькой сущности, как и остальным, хотя в то же время и говорил, что нет у них [этой] природы. В самом деле, или вообще ни у чего не будет природы или она будет и у них <т. е. у этих чувственных качеств> по одной и той же причине. Притом теплое и холодное, которые некоторыми философами признаются началами, разумеется, имеют какую-то природу; если же они ее имеют, то и прочие [чувственные качества должны ее иметь]. Но ведь он признает некоторую сущность у твердого и мягкого, тяжелого и легкого, и тем не менее считает их относительными, зависящими от нас [и от нашего восприятия]; а у теплого, холодного и у каждого из остальных [чувственных качеств] он не признает [само по себе существующей] природы. Однако если он определяет тяжелое и легкое посредством величин, то необходимо, чтобы все простые тела имели одну и ту же силу движения, так что они должны быть из какого-то одного вещества и обладать одной и той же природой.

(72) Но в этом он, кажется, следовал тем, которые

вообще ставят мышление в зависимость от изменения [тела], каковое мнение есть самое древнее. А именно все древние—и поэты и мудрецы—объясняют мышление строением тела. Из вкусов же каждому он приписывает форму, уподобляя свойству [формы] свойство вкусового ощущения. Последнее должно быть результатом не только этих форм, но и органов чувств, особенно если бывают разные состояния их. Ведь ни все шарообразное, ни все прочие формы не имеют всегда одного и того же свойства, так что следовало бы давать определения и относительно субстрата, состоит ли он из подобного или неподобного, как возникает изменение через ощущения и каким образом объяснить посредством осязания все воспринимаемое, а не только то, что относится к вкусу. Но и относительно этих вещей, воспринимаемых путем осязания, [не выяснено], имеют ли они какое-либо различие в отношении вкусов или допускают говорить [о вкусе их] безразлично все, что угодно.

352. Пожалуй, нелегко представить себе, каким образом у Демокрита когда-либо может произойти возникновение одного [вкуса] из другого. Ведь [для этого] необходимо, чтобы или формы [атомы] изменялись и из кривых и остроугольных становились круглыми или чтобы из всех заключающихся в данном теле атомов, как например атомов кислого, острого, сладкого, одни выделялись (атомы каждого вкуса, свойственные каждому из них в отдельности, всегда находятся на поверхности), другие же оставались, или, в-третьих, чтобы одни атомы выходили, другие входили. Но так как невозможно, чтобы атомы меняли свою форму—ведь атом не подвержен внешнему воздействию,—то остается [лишь возможность], чтобы одни атомы выходили, другие привходили, или чтобы одни оставались, другие удалялись. Но оба

эти случая нелепы. Ибо должно сверх того еще объяснить, что причиняет эту перемену и производит ее.

353. Что же, почему Демокрит, объясняя вкусы отношением [вызывающих вкусы веществ] к органу вкуса, при объяснении запахов и цветов не прибегает подобным же образом к органам соответствующих ощущений? Следовало бы ему вывести также и это из формы атомов.

354. Кажется, что приверженцам учения физиков Эпикура и Демокрита принадлежит следующее суждение о времени: *«время есть являющееся в [смене] дня и ночи представление»*.

355. Далее нужно обратить внимание на следующее: представление «времени» требует другого способа исследования, чем остальные вещи: там речь идет всегда о лежащем в основе их начале, которое мы сводим затем к созерцаемым в нас самих предварительным понятиям; напротив, здесь нужно выдвинуть как раз момент наглядности, который имеется в виду всегда, когда мы говорим о долгом или коротком времени, пытаясь свести то и другое к одному родовому понятию. Не следует вводить новые названия в разговорный язык, [как это делает Демокрит], будто бы наилучшие, но придерживаться заключенного в нем самом смысла. Не следует также думать в том смысле, что речь идет о сущности, принадлежащей самому слову (как это делают некоторые),

О МЫШЛЕНИИ

356. [Демокрит] занимался, — говорил Антисфен, — исследованием разнообразными способами приви-

352. *Теофраст*, «De c. pl.», VI, 7, 2, FVS[4], II, 40, II—18.
353. *Теофраст*, «De odore», 64, FVS[4], II, 40, 13 сл.
354. *Секст*, X, 181, FVS[4], II, 29, 32 сл.
355. *Эпикур*, «Ad Herod.», у Диоген Л., X, 72.

дений, для чего останавливался один среди могил.

357. Из философов догматики... признают аподиктическое доказательство, эмпирики же отвергают... вместе с последними, кажется, и Демокрит. Дело в том, что он решительно высказался против этого в своих «Канонах».

358. Левкипп, Демокрит: Ощущения и мысли суть изменения тела. Левкипп, Демокрит, Эпикур: Ощущение и мышление возникают вследствие того, что приходят извне образы. Ибо никому не приходит ни одно [ощущение или мысль] без попадающего [в него] образа.

359. Тому, кто не может сделать ясного начала,— как можно доверять, когда он нападает как раз на то, откуда сам взял свои начала? Знает это и Демокрит, который после того, как признал обманчивыми чувственные явления, сказав: «*Лишь согласно общепринятому мнению существует цвет, сладкое, горькое, в действительности же существуют только атомы и пустота*», заставил ощущения так говорить против разума: «Жалкий рассудок. Нас ли ты намерен победить, нас, у которых только и заимствуешь ты свою достоверность. Но знай: в твоей победе есть твое поражение».

356. *Диоген* Л., IX, 38, FVS⁴, 351, 16—17, FHG, II, 18, 73.

357. *Секст*, VIII, 327, FVS⁴, II, 60, 19 сл. Множественное число заглавия («Каноны») употреблено вследствие того, что это сочинение заключало в себе три книги.

358. *Аэций*, IV, 8, 5, Dox. 394.

359. *Гален*, «De medic. empir. fr.» ed. H. Schoene, 1259, FVS⁴, II, 85, 4 сл. Приводим это место еще в другом переводе: «Бедный ум,—так у Демокрита ощущения говорят разуму,—от нас ты имеешь свои доводы, посредством которых ты хочешь нас же ниспровергнуть. Ниспровергая нас, ты падаешь сам» (*Нестле*).

360. В «Канонах» он говорит, что есть два вида познания, из коих познание посредством логического рассуждения он называет *законным* и приписывает ему достоверность в суждении об истине, познание же посредством ощущений он называет *темным* и отрицает пригодность его для распознания истины. (139) Говорит же [Демокрит] буквально следующее: «*Есть два рода познания: один истинный, другой — темный.* К темному относятся все *следующие виды познания:* зрение, слух, запах, вкус, осязание. Что же касается истинного познания, то оно не имеет ничего общего с ним». Затем, отдавая предпочтение истинному [познанию] перед темным, он прибавляет: «Когда темный вид познания уже более не в состоянии видеть слишком малое, ни слышать, ни обонять, ни воспринимать вкусом, ни осязать, но исследование должно проникнуть до более тонкого, недоступного уже чувственному восприятию, тогда на сцену выступает истинный род познания, так как он в мышлении обладает более тонким познавательным органом. [Ср. Гиппократ: Над всем тем, что ускользает от взора очей, господствует умственный глаз].

361. Мнение, что истинно (все) то, что представляется, создается на основании чувственно воспринимаемых предметов. Истинное, думают [некоторые философы], должно быть признано не в силу большего или меньшего числа [голосов], потому что одно и то же, если его отведать, одному может показаться сладким, а другому — горьким; если бы все [люди] были больны или душевно расстроены, а два или три человека были бы напротив здоровы и при [нормальном] рассудке, то [именно] эти последние, а не первые должны были бы казаться больными и сумасшедшими. Далее [говорят они]

360. *Секст*, VII, 138, FVS^4 II, 60, 24, сл.

у многих других животных представления об одном и том же иные, чем у нас, и даже одна и та же вещь каждым из нас познается благодаря не одним и тем же ощущениям. Таким образом неясно, что из них истинно и что ложно. Ведь одно нисколько не более истинно, чем другое, ибо доверие к ним <ощущениям> должно быть одинаково. Согласно этому, говорит Демокрит, что или нет ничего истинного, или оно нам неизвестно. Вообще если отождествлять [логическое] мышление с ощущением, а это последнее есть [по их мнению] некоторое изменение, то все чувственно являющееся по необходимости придется признать истинным. . . .

362. Диотим говорил, что, по учению Демокрита, есть три критерия: 1) критерий постигания того, что скрыто [этот критерий касается мира чувственных явлений]; 2) критерий научного исследования, он относится к размышлению...; 3) критерий того, что выбрать и чего избегнуть [он принадлежит области страстей]. Дело в том, что то, к чему мы стремимся приблизиться, то желательно для нас, а то, от чего мы стремимся удалиться, того мы хотим избегнуть.

363. Некоторые отрицают все [чувственные] явления: так именно поступают последователи Демокрита.

364. Итак, пожалуй, никто не скажет, что всякий продукт воображения является истинным, потому что это положение обращается против самого себя, как учили Демокрит и Платон, возражая Протагору. А именно, если всякий плод воображения является истинным, то и то мнение, что не всякое представление истинно, поскольку оно принимается представ-

361. *Аристотель*, «Metaph.» Г. 5, 1009 в 7, FVS[4], II, 37, 10.

362. *Секст*, VII, 140, FVS[4], II, 37, 5—9.

363. *Секст*, VI, 369, FVS[4], II, 37, 3—4.

лением, будет истинно, и таким образом положение, что всякое представление истинно, станет ложью.

365. Что мне сказать о Демокрите? Кого можно сравнить с ним, сравнить не только по обширности ума, но и по величию души? Ведь он дерзнул так начать: «*Это я говорю обо всем*». Дело в том, что ни для чего он не делает исключения, [нет ничего], о чем бы он не высказался в своем учении, ибо что может быть вне «*всего*»? Однако он говорит не то, что говорим мы, не отрицающие существования чего-то истинного, но отрицающие лишь возможность восприятия его. Он же прямо отрицает существование истины и называет ощущения не просто неясными, но исполненными тьмы: вот как он называет их.

366. О мышлении же он сказал лишь то, что оно бывает *при гармоническом состоянии души относительно составляющей ее смеси*. Если же кто-либо станет слишком теплым или слишком холодным, то [гармоническое состояние души] нарушается, говорит он. Поэтому древние прекрасно обозначили это состояние души выражением «*терять ум*». Таким образом ясно, что мышление он ставит в зависимость от смеси, образующей тело, что может быть и последовательно для него, делающего душу телом. Так вот приблизительно какие учения и в каком объеме были даны прежними [философами] об ощущении и мышлении.

367. Демокрит и Эпикур: Душа состоит из двух частей: она имеет разумную часть, помещающуюся в груди, и неразумную [часть], рассеянную по всему телу. А именно Гиппократ, Демокрит и Платон помещают главенствующую часть души в мозгу.

364. *Секст*, V, 389, FVS⁴, II, 37, 33—37.
365. *Цицерон*, «Ac. pr.» II, 23, 73, FVS⁴, II, 93, 20 сл.
366. *Теофраст*, «De sensu», 58, FVS⁴, II, 42, 23 сл.
367. *Аэций*, IV, 4, 6, Dox. 390, а также 5, 1, Dox. 391.

368. Демокрит говорит, что душа не имеет частей и что у нее нет многих способностей; он говорит, что мышление тождественно с ощущением и что они происходят из одной способности.

369. Если они говорили, что ум привел вселенную в движение, то как они могли говорить, что и душе свойственно движение. Да, это так, говорит он! Дело в том, что они, как и Демокрит, думали, что душа и ум тождественны. Между тем мы имеем у них ясно высказанный взгляд, что ум и душа никоим образом не одно и то же. Он даже сам выводит это путем следующего умозаключения. А именно, говорит он, Демокрит очевидно имеет это в виду. Ведь он прямо сказал, что истинное и [чувственно] являющееся — одно и то же и что ничем не отличаются истина и чувственное явление, но то, что является и кажется тем или другим каждому, это и есть истинное, как говорит и Протагор, между тем как согласно правильному учению они отличаются: именно ощущение и представление относятся к явлению, а ум — к истине. Итак, если ум относится к истине, душа же имеет дело с тем, что [чувственно] является, а так как истина тождественна с являющимся, как полагает Демокрит, то и ум следовательно тождественен с душой. Ведь как относится ум к истине, так душа к [чувственному] явлению. Следовательно [верно отношение] и при такой перестановке: как явление относится к истине, так ум к душе. Итак, если явление и истина тождественны, то следовательно тождественны также ум и душа.

370. Причиной же того, что мои предшественники не пришли к этому способу исследования <т. е. к научному методу Аристотеля>, было отсутствие у

368. *Филопон*, «De anima», («О душе»), p. 35, 12.

369. *Филопон*, «De anima», p. 71, 19 (к Аристотелю A, 2 p. 405 a 25 сл.), FVS[4], II, 37, 17 сл.

них понятия субстанции и определения сущности; первый вступил на этот путь Демокрит, правда не считая этот способ исследования необходимым для изучения природы, но будучи приведен к нему самим предметом. У Сократа же применение этого метода усилилось, но он перестал изучать явления природы, и под его влиянием философы обратились к полезной добродетели и политике.

371. Учение об идеях получилось у тех, которые в силу убеждения в истинности слов Гераклита утверждали, что все чувственное вечно течет, так что если знание и мышление будут иметь какой-нибудь предмет, то надо, чтобы вне чувственного [потока становления] существовали еще некоторые другие постоянные предметы: о текучем знания не бывает. С другой стороны, Сократ занимался вопросами о проверенных добродетелях и первый старался дать их общие логические определения. Из физиков, разыскивая сущность вещей, слегка коснулся [определения понятий] только Демокрит и некоторым образом дал определения теплого и холодного.

372. Вообще за исключением Демокрита никем ничего и ни в чем не было обосновано, разве что нечто поверхностное. Лишь Демокрит, кажется, рассуждал обо всем и разбирался во всем.

373. Демокрит, потеряв зрение, естественно не мог различить белое и черное, но он без сомнения мог отличить хорошее от дурного, справедливое от несправедливого, честное от постыдного, полезное от бесполезного, великое от незначительного,—без разнообразия цветов можно было жить прекрасно,

370. *Аристотель* «De part. anim.» A I, 642 a 24, FVS, II, 22, 1—7.

371. *Аристотель*, «Metaph.», 4 1078 в 19, FVS[4], II, 22, 7—8,

372. *Аристотель*, «De gen. et corr.», A 2 315, a 34, FVS[4], II, 21, 34—36.

а без понятия о вещах нельзя. И этот муж даже полагал, что зрение мешает остроте слуха, и, в то время как другие часто не видели того, что у их ног, он проникал во всю беспредельность вселенной, так что для его мысли не было никакого предела.

374. В памятниках о героической истории написано, что философ Демокрит, муж, достойный особого высокого уважения по сравнению с другими и пользовавшийся в древности влиянием, добровольно лишил себя света очей, полагая, что рассуждения и исследования его ума в изучении законов природы будут сильнее и точнее, если он освободит их от соблазнов зрения и помех, создаваемых глазами. Этот поступок его и самый способ, коим он легко и с величайшим искусством причинил себе слепоту, описал поэт Лаберий в комедии под заглавием «Канатчик» в поистине красивых и художественных стихах, но причину добровольной слепоты Демокрита он сочинил другую и поставил ее весьма искусно в связь с тем предметом, который он там трактовал. А именно у Лаберия это говорит жадный и скупой богач, оплакивающий весьма большие траты и невоздержность юноши-сына. Стихи Лаберия следующие:

«Философ-физик Демокрит из Абдер поставил щит против взошедшего солнца, чтобы выколоть [себе] глаза воздушным блеском. Так солнечными лучами он выколол себе зоркие глаза для того, чтобы не видеть, как хорошо живется дурным гражданам. Точно так же и я хочу конец моей жизни лишить света, [лишить его] блеска сверкающих денег, лишь бы не видеть негодного сына в счастьи».

375. Будто Демокрит, устремив глаза на зеркало, поставленное против огня, и восприняв отраже-

373. *Цицерон*, «Tusc.», V, 39, 114, FVS[2], 355, 33—38.
374. *Геллий*, X, 17, FVS[2], 355, 39 сл.

ние от него, добровольно лишил себя зрения, якобы для того, чтобы глаза не доставляли беспокойства, отвлекая часто мышление к внешнему миру, но чтобы создавалась возможность замкнуться в себя и пребывать в мире мыслимого, словно [лишением зрения] закрыты входные двери.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

376. Если физик Демокрит, как сообщают и как я сам думаю, придавал мыслям красивую форму, то предмет, о котором он высказывается, относится к физике, украшение же самого стиля следует считать принадлежащим оратору... Ибо все, что только попадает под какую-либо меру слуха, хотя бы оно и не было стихом (ведь в этом последнем заключается недостаток речи оратора), называют числом, а по-гречески «ритмом». Итак, я вижу, что, по мнению некоторых, хотя речь Платона и Демокрита и не состоит из стихов, однако она развертывается настолько стремительно и пользуется такими яркими словесными украшениями, что ее можно считать скорее поэзией, чем произведением авторов комедий.

377. В высокой степени темен Гераклит, менее всего Демокрит.

378. Из философов [по среднему выделяются], по моему мнению, Демокрит, Платон и Аристотель. В самом деле действительно невозможно найти других, которые лучше их связывали бы слова.

379. Демокрит называл цилиндрическую форму «*валиком*».

375. *Плутарх*, «De curios.», 12 p. 521 D, FVS[4], II, 18, 14—23,
376. *Цицерон*, «De orat.», I, II, 49, FVS[4], II, 21, 11—21.
377. *Цицерон*, «De divin.», II, 64, 133.
378. *Дионисий*, «De comp. verb.», 24.
379. *Схолии к Гомеру*, AB к «Илиаде» N 137, FVS[4] II 92, 19 сл.

380. Коринфянин Ксениад, кого упоминает Демокрит.

381. ἀναβήσομαι (собственно: поднимусь). Демокрит: вернусь к сказанному вначале.

382. Кратко и с придыханием ἅ у Демокрита слово ἴδια [свои собственные].

*382*a. ῥυσμός—слово абдерского происхождения, оно означает форму (наружный вид).

383. Если обыкновенно в общепринятом языке у ионян и жителей Аттики употребляются правильные (слитные) формы множественного числа ἡμεῖς (мы), ὑμεῖς (вы), σφεῖς (они), то из сочинений Демокрита, Ферекида и Гекатея можно убедиться, что у ионян употреблялись и неслитные формы.

ἀμειψικοσμίη—переустройство мира.

ἀμειψιρυσμεῖν—менять форму или превращаться в другой вид.

εὐεστώ счастье [слово, происходящее] от «благосостояния дома».

ἰδέα—подобие, форма, вид, а также «наименьшее тело».

384. Нельзя найти одного [прилагательного] с одним окончанием для всех родов, которое бы оканчивалось на ων, на ην, или на αν, или на ιν, или на υν. Ибо слово ἰθύτρην (прямо просверленный) у Демокрита образовано с насилием [над языком].

385. Подобно тому как встречаются формы χρυσόονται и χρυσοῦνται, точно так же и νόονται и νοῦνται.

380. *Секст*, «Adv. math.», VII, 53, FVS⁴, II, 93, I сл.

381. *Фотий*, Lex. A., стр. 106, 23, Reitzenst., FVS⁴, II, 87, 24 с.

382. *Свида*, см. FVS⁴, II, 121, 16 сл.

382a. *Филопон*, «De anima» 68, 3; FVS², 344, 13.

383. *Аполл.*, «De pronom.», p. 92, 20 Schn., FVS⁴, II, 70, 10 с. Далее—из словаря *Гезихия* разъяснение употребляемых Демокритом слов.

384. *Геродиан* у Theognip. 79, FVS⁴, II, 86, I с.

Так у Демокрита: «они измышляют (νοῦνται) в уме божественные [существа]».

386. От глагола κλίνω у Демокрита форма κέκλιται («наклонено») без ν.

387. ἀμφιδήτιοι: полые кольца у Демокрита.

ἀπάτητον: «неправильно сложенное» у Демокрита.

ἀσκαληρές [ἀσκαληνές] «равностороннее» — у Демокрита.

βρογμώδης «влажное и мягкое»—у Демокрита.

βρόχος «ремень в виде петли»—у Демокрита, «петля для повешения», «ремень».

δεξαμεναί «водоемы», «жилы в теле»—у Демокрита.

δυοχοῖ: «надевает крышку»—у Демокрита.

συγγονή: «срастание»—у Демокрита.

388. [Из Филоксена: «О степенях сравнения»]. Демокрит же говорит: «Наиболее соответственное» (ἐπιτηδειέστατον).

389. Опорожнить (ἀλαπάξαι)—сделать пустым при помощи растения—конского щавеля (λάπαθον), который является средством, очищающим желудок. И Демокрит называет λαπάθους—ямы для ловли зверей у охотников, вследствие того что там образуются пустоты.

390. Демокрит называет λαπάθους—ямы, которые роют охотники, насыпающие сверху тонкий слой песку и набрасывающие хворост, чтобы туда падали зайцы.

391. Женщина (γυνή)... по Демокриту, вследствие того что [ее главная функция] есть деторождение

385. *Геродиан*, «Об изменениях слов» в «Eut. gen.» II, 253.

386. *Геродиан*, «Epimer. Hom.», 396, 11, FVS[4], II, 86, 7—8, I.

387. *Гесихий*—словарь, объяснение демокритовских терминов.

388. *Евстафий*, к В 190, р. 1141, FVS[4], II, 84, 14 сл.

389. *Этимология* «G n», FVS[4], II, 84, 16.

390. «Anecd. Bekk. Lex.», VI, 374, 14.

(γονή)—слово «женщина» значит способная к деторождению. <Ср. Платон, Кратил 414 А, где та же самая этимология>.

392. Изображение (δείκελον) у Демокрита [значит] истечение, по виду подобное вещам.

393. Вакхей в сочинении «О гиппократовых речах» объясняет так называемую выпуклость у имеющего вид рычага дерева следующим образом: «В речах написано, что родосцы называют выпуклостями (ἄμβωνες) гребни гор и вообще возвышения». И в этом сочинении он говорит еще: «Написано также, что Демокрит называл *«выпуклостью»* окруженную впадиной бровь».

394. «Воспаление» (ἡ φλεγμονή) называется от слова *воспалять* (φλέγειν), а не от того, что причиной этого является φλέγμα, флегма (слизь), как сказал Демокрит.

395. Демокрит о Гомере говорит так: «Гомер, получив в удел божественный талант, возвел великолепное здание разнообразных стихов», так как (по его мнению), не обладая божественной и сверхъестественной природой, невозможно сочинить столь прекрасные и мудрые стихи.

*395*а. Некоторые выдумали относительно поэта, будто *«он имел черные кости»*. Они ссылаются на Ореста, [будто бы] сказавшего это на основании сообщения Демокрита относительно орла, что [у последнего] черные кости. Так они искажают истину.

391. *Этимология* «Gen.», FVS^4, II, 84, 23.
392. Там же, FVS^4, II, 84, 24.
393. *Аполлоний*, цит. в «Hipp.», p. 6, 29, Schoene, FVS^4, II, 70, I сл.
394. *Соран*, «Gynaec.», II, 17, p. 314, I Rose, FVS^4, II, 52, 21 сл.
395. *Дион.* 36, I, FVS^4, II, 67, 4 сл.
395a. *Порфирий*, «Quaest. Hom.», I, 274, 9 Schrad., FVS^4, II. 67, 8—11.

396. Слово [у Гомера]: «О лучше бы он [сын Приама Александр] прежде погиб!». Вестник у эллинов или говорит громко, чтобы слышали прочие троянцы, которые и сами были рассержены, или он говорит тихо, про себя, как думает Демокрит, который счел неприличным, чтобы [подобные слова] говорились открыто.

397. Следует знать, что этот преданный раб Эвмей был удостоен у древних такой славы, что старались отыскать даже, кто была мать его. Демокрит называет ее Пенией (бедностью), Эвфорион—Пантеей, Филоксен же Сидонский—Данаей.

398. Амброзия это—испарения, которыми питается солнце. Так полагает Демокрит.

399. Букву «гамма» называют «геммой» ионяне и особенно Демокрит, который и букву «ми» называет «мо».

400. Названия букв суть [имена] несклоняемые... У Демокрита же они склоняются. Ибо он говорит: дельты, теты (в родительном падеже).

401. Критий утверждает, что дактилический гекзаметр был изобретен впервые Орфеем. Демокрит утверждает, что Музеем.

402. Ибо часто я слышал, что никто не может быть хорошим поэтом (говорят, что это сказано в сочинениях Демокрита и Платона) без душевного

396. *Схолии к Гомеру* A к Илиаде, VII, 390, FVS[4], II, 67, 12 сл.

397. *Евстафий к Одиссее*, XV, 376, FVS[4], II, 67, 17 сл.

398. *Евстафий к Одиссее*, XII, 65, p. 1713, FVS[4], II, 67, 21 сл.

399. *Евстафий, комментарий к Гомеру*, 1, p. 370, 15, FVS[4], II, 66, 2 сл. Это взято у Фотия, у которого сохранилась глосса к «мо»: буква «ми» Демокрита.

400. *Схолии, Дионис Фракийск.*, p. 184, 3 сл., Hildeg., FVS[4], II, 66, 25 сл.

401. *Маллий Теодор*, «De metr.», p. 19, FVS[4], II, 66, 6.

огня и без некоторого вдохновения, своего рода безумия.

403. А именно Демокрит говорит, что без безумия не может быть ни один великий поэт; то же самое говорит Платон.

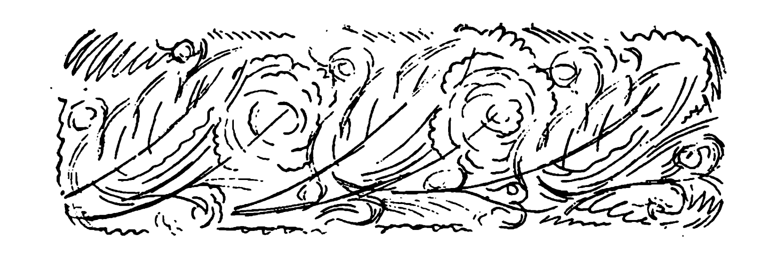
404. Демокрит полагает, что гений<природное дарование>счастливее жалкого искусства<приобретенного навыка>,и он исключает здравомыслящих из Геликона...

405. Равным образом (как Платон, «Ион» 534 В) и Демокрит говорит: «Все то, что поэт пишет с божественным вдохновением и священным духом, весьма прекрасно».

---

402. *Цицерон*, «De oratore», II, 46, 194, FVS[4], II, 66, 9.
403. *Цицерон*, «De div.», I, 38, 80.
404. *Гораций*, «De arte poet.», 295.
405. *Климент*, «Strom.», VI, 168, FVS[4], II, 66, 16 сл.

ЭТИКА, ПОЛИТИКА, ПЕДАГОГИКА

ЭТИКА

406. «Ибо врачебное искусство, по Демокриту, исцеляет болезни тела, а философия освобождает душу от страстей».

407. «Если кто-нибудь с умом станет внимать этим моим изречениям, то он совершит много дел, достойных прекрасного мужа, и избегнет много дурных».

«ИЗРЕЧЕНИЯ ДЕМОКРАТА»

408. «Предпочитающий душевные блага избирает божественную [часть], предпочитающий же блага [телесного] сосуда избирает человеческое».

409. «Должно препятствовать совершению несправедливого поступка. Если же мы этого не можем сделать, то по крайней мере должны не содействовать несправедливому поступку».

410. «Не телесные силы и не деньги делают людей счастливыми, но правота и многосторонняя мудрость».

406. *Климент*, «Paed.», I, 6, 1,95, FVS^4, II 71, 3 сл.

407. *Демокрит*, I, FVS^4, II, 72, 16—83, 6.

408—489. «*Изречения* («гномы») *Демократа*»—Из древнего собрания фрагментов Демокрита. См. наше пояснение на стр. 338.

411. «Следует быть хорошим человеком или подражать хорошему».

412. «Не из страха, но из чувства долга должно воздержаться от дурных поступков».

413. «Быть верным долгу в несчастьи—великое дело».

414. «Раскаяние в постыдных делах есть спасение жизни».

415. «Хороший человек ни во что не ставит порицание дурных».

416. «Тяжело находиться в повиновении у худшего».

417. «Доступный подкупу никогда не может быть справедливым».

418. «Слово часто бывает убедительнее золота».

419. «Желающий учить того, кто высокого мнения о своем уме, попусту тратит время».

420. «Многие, не учившиеся ничему разумному, тем не менее живут разумно».

421. «Многие, совершающие постыднейшие поступки, говорят прекраснейшие речи».

422. «Глупцов благоразумию научают несчастья».

423. «Должно приучать себя к добродетельным делам и поступкам, а не к речам [о добродетели]».

424. [«Только] хорошие от природы узнают прекрасное и стремятся к нему».

425. «Благородство домашнего скота состоит в хорошем качестве их тел, благородство же людей—в хорошем направлении их характера».

426. «Должно говорить правду и избегать многословия».

427. «Совершающий несправедливость несчастнее несправедливо страдающего».

428. «Великодушие—кротко переносить чужую погрешность [бестактность]».

429. «Надежды правильно мыслящих осуществимы, [надежды] же неразумных неосуществимы».

430. «Ни искусство, ни мудрость не могут быть достигнуты, если им не учиться».

431. «Лучше изобличать свои собственные ошибки, чем чужие».

432. «Люди с умеренным характером ведут хорошо размеренную жизнь».

433. «Быть хорошим [человеком] значит не [только] не делать несправедливости, но и не желать [этого]».

434. «Прекрасно [всякое] сочувствие хорошим поступкам; но [хвалить] дурные поступки значит самому участвовать в них».

435. «Многие многознайки не имеют ума».

436. «Должно стараться не столько о многознании, сколько о всестороннем образовании ума».

437. «Лучше думать перед тем, как действовать, чем после».

438. «Должно доверять не всем, но только испытанным; ибо первое свойственно простаку, последнее же—разумному человеку».

439. «Честный и бесчестный человек познаются не только из того, что они делают, но и из того, чего они желают».

440. «Для всех людей благо—одно и то же, и одна и та же истина. Приятно же одному одно, другому—другое».

441. «Неумеренное желание свойственно ребенку, а не зрелому мужу».

442. «Несвоевременные удовольствия порождают неудовольствия».

443. «Сильные желания, направленные на достижение чего-нибудь одного, делают душу слепой по отношению ко всему прочему».

444. «Только та любовь справедлива, которая стремится к прекрасному, не причиняя обид».

445. «Отказывайся от всякого удовольствия, которое не полезно».

446. «Глупым лучше повиноваться, чем повелевать».

447. «Не слово, а несчастье есть учитель глупцов».

448. «Слава и богатство без рассудка—непрочное достояние».

449. «Приобретать деньги не бесполезно, но добывать их неправыми путями—худшее из дел».

450. «Нехорошо подражать дурным и нехорошо также не желать подражать добрым».

451. «Постыдно, занимаясь много чужими делами, забрасывать свои собственные».

452. «Постоянная медлительность делает поступки не достигающими цели».

453. «Обманщики и притворные друзья—те, кто на словах все делают, на деле же ничего».

454. «Причина ошибки—незнание лучшего».

455. «Делающий постыдное должен стыдиться прежде всего самого себя».

456. «Все говорить и ничего не желать слушать есть признак гордости»<есть вид жадности—*Дильс*>.

457. «За дурным человеком должно следить, чтобы он не пользовался удобным случаем для причинения нам вреда».

458. «Завистливый человек причиняет огорчение самому себе, словно своему врагу».

459. «Враг—не тот, кто наносит обиду, но тот, кто делает это намеренно».

460. «Вражда с родными гораздо тягостнее, чем с чужими».

461. «Не относись ко всем с недоверием, но будь со всеми осторожен и тверд».

462. «Благодеяния должно принимать только для того, чтобы потом ответить еще большими услугами».

463. «Оказывая благодеяние, берегись, чтобы тот, кому оказываешь благодеяние, предательски не воздал тебе злом за благо».

464. «Малые услуги, оказанные во-время, являются величайшими благодеяниями для тех, кто их получает».

465. «Знаки уважения имеют большое значение в глазах благомыслящих людей, которые сознают оказываемую им честь».

466. «Истинный благодетель не тот, кто заранее имеет в виду отплату, а тот, кто бескорыстно хочет делать добро».

467. «Многие, которые кажутся [нашими] друзьями, на самом деле не суть друзья, и наоборот, некоторые, не кажущиеся друзьями, на самом деле друзья».

468. «Дружба одного разумного человека дороже дружбы всех неразумных».

469. «Не стоит жить тому, у кого нет ни одного истинного друга».

470. «Тот человек, у которого испытанные друзья не остаются долго, имеет тяжелый нрав».

471. «Многие отворачиваются от своих друзей, если последние, потеряв свой достаток, впадут в нужду».

472. «Прекрасна надлежащая мера во всем. Излишек и недостаток мне не нравятся».

473. «Кто сам не любит никого, того, кажется мне, тоже никто не любит».

474. «Приятен старик, который приветлив и серьезен».

475. «Телесная красота человека есть нечто скотоподобное, если под ней не скрывается ум».

476. «В счастьи легко найти друга, в несчастьи же—в высшей степени трудно».

477. «Не родственные связи создают друзей, но общность интересов».

478. «Как люди, мы не должны смеяться над несчастьями людей, но сочувствовать им».

479. «Ищущим благо оно достается с трудом, зло же приходит само и без поисков».

480. «Любящие порицать других неспособны к дружбе».

481. «Женщина не должна заниматься болтовней, ибо это ужасно».

482. «Находиться в повиновении у женщины было бы для мужчины величайшим бесчестием».

483. «Постоянно размышлять о чем-нибудь прекрасном—есть свойство божественного ума».

484. «Кто верит, что боги наблюдают за всем, тот ни тайно, ни явно не станет грешить».

485. «Сильно вредят дуракам те, кто их хвалит».

486. «Лучше, чтобы хвалил нас кто-нибудь другой, нежели хвалить самого себя».

487. «Если не можешь признать похвал заслуженными, то считай их лестью».

488—489. «Мир—сцена, жизнь—выход на сцену, пришел, увидел, ушел». <В некоторых рукописях дальше следует:> «Я пришел на землю нагим, и нагим уйду под землю. И зачем попусту я тружусь, видя свой нагой конец».

490. Он сказал, что есть единая цель у всего и что «хорошее расположение духа» есть самое лучшее, печали же являются границами дурного. И то, что считается справедливым, не есть справедливое; несправедливо же то, что противно природе. Законы он называл дурной выдумкой и говорил: «Не следует мудрецу повиноваться законам, но следует жить свободно».

491. Демокрит и Платон одинаково полагают счастие в душе. Первый счастие называет «хорошим расположением духа», «благосостоянием», гармонией, симметрией и невозмутимостью [духа]. Возникает же оно «счастие» из [правильного] разграничения и

490. *Епифаний*, «Adv. haer.», 2, 9, 9, Dox. 590, FVS^{4}, II, 53, 38 сл.

различения удовольствий и оно есть самое прекрасное и самое полезное для людей.

492. Они прибавляют и перемены, [происходящие] от перемещений, желая еще больше привить нам отсутствие всякого удивления, каковое свойство прославляет Демокрит и все прочие философы.

493. Спокойствие духа Демокрита, которое есть как бы душевный мир, то, что он назвал «*хорошим расположением духа*», должно отличать от того, о чем говорилось в вышеприведенном рассуждении, так как этот душевный мир есть сама счастливая жизнь. Демокрит, который, как говорят (правда ли это или ложь,—мы исследовать не собираемся), ослепил себя—разумеется с той целью, чтобы душа как можно менее отвлекалась от размышлений, пренебрег унаследованным от отца имением, оставил невозделанными [свои] поля—чего же другого искал он, как не счастливой жизни? Если даже он полагал [ее] в познании вещей, однако он желал, чтобы следствием этого исследования природы было для него хорошее настроение духа. Поэтому высшее благо он называет «хорошим расположением духа» и часто также «неустрашимостью», т. е. состоянием души, свободным от страха. Но хотя [то, что он говорит], превосходно, однако еще не вполне закончено, ибо немного было сказано им о добродетели, да и то, [что было сказано], не было объяснено.

494. Итак, сказав, что тот, кто хочет быть в хорошем расположении духа, не должен браться за много дел ни в своей частной жизни, ни в общественной, он прежде всего устанавливает, [в чем заключается]

491. *Стобей*, II, 7, 3, p. 52, 13, FVS[4], II, 54, 5 сл.
492. *Страбон*, I, p. 61, FVS[4], II, 54, 12 сл.
493. *Цицерон*, «De fin. bon», V, 8, 23, 28, 87 и 88, FVS[4], II, 54, 15.

дорогое для нас хорошее расположение духа, покупаемое досугом.

495. [Демокрит:] «Желающий быть в хорошем расположении духа не должен браться за много дел ни в своей частной жизни, ни в общественной, и, что бы ни делал, он не должен стремиться [делать] свыше своих сил и своей природы. Но, даже если счастье благоприятствует и повидимому возносит на большую высоту, должно предусмотрительно отстраниться и не касаться того, что сверх силы. Ибо надлежащий достаток надежнее, чем избыток».

496. Полагаю, что, следуя этому, Демокрит начал так: «Кто хочет спокойно жить, тот пусть не делает многого ни для себя лично, ни для пользы общества». Будет полезным для нас приветствовать то предписание Демокрита, в котором рекомендуется спокойствие, [его мы достигнем], если не станем делать ни для себя лично, ни для государства многого или превышающего наши силы.

497. Ничто в такой мере не способствует хорошему расположению духа, как то, чтобы не делать многих дел и не браться за трудные дела... и не принуждать себя к чему-нибудь, что свыше наших сил. Ибо все это естественно порождает тревоги <извлечение из Демокрита>.

498. Но и абдеритские [философы] учат, что цель существует. Демокрит в сочинении «О цели» считает целью жизни хорошее расположение духа, которое он называет также [душевным] благосостоянием. И часто он прибавляет: «Ведь удовольствие и неудо-

494. *Плутарх*, «De tranquill. animae», 2, p. 465 C, FVS[4], II, 57. I сл.

495. *Стобей*, IV, 30, 25.

496. *Сенека*, «De tranquill. an.», 13, I, «De ira», III, 6, 3.

497. *Эпикур* у Диогена из Эноанды, fr. 56, p. 54 William 1907.

498. *Климент*, «Strom», II, 139, p. 498 P, FVS[4], II, 57, 13 сл.

вольствие образуют границу между полезным и вредным». Такова цель жизни людей как молодых, так и старых. Гекатей же [считает целью жизни] автаркию <самоудовлетворенность>, Аполлодот Кизикенский—радость души, а Навсифан—неустрашимость. Последняя, по его словам, называется у Демокрита «незнанием страха».

499. Ибо нелепо обращать внимание на каркание воронов, кудахтание куриц и на «*свиней, неистово валяющихся в навозе*, как выразился Демокрит, и считать [все это] предзнаменованием ветров и дождей, а телесных движений, потрясений и симптомов наступающей болезни [в то же время] не замечать, не принимать мер предосторожности и не считать все вышеуказанное предзнаменованием ненастья, которое должно произойти в нас самих.

500. Те же, которые, наподобие червяков, валяющихся в грязи и навозе, купаются в потоках удовольствия и пожирают ничтожные и безумные предметы роскоши, суть люди свиноподобные. Ибо, говорит он, свиньям более нравится грязь, нежели чистая вода, и они, по выражению Демокрита, «неистово валяются в навозе».

501. И повсюду в народе считается предзнаменованием ненастья, если свиньи борются и пачкаются в грязи <как думает Демокрит>.

502. [Посредством воздержанности показывают, что] учение внутри уже взращивается и укрепляется в самом себе, и что, как выражается Демокрит, дух «*привыкает сам из себя черпать* наслаждения».

499. *Плутарх*, «De sanit. praec.», 14, p, 129 a FVS^{4}, II, 88, 5 сл.

500. *Климент*, «Protr.» 10, 92, 4, 502. Мнение Теофраста из «De Sign.» 49, FVS^{4}, II, 88, 16. Та же фраза встречается у Арата, 1123.

501. *(Теофраст)*, «De Sign». 49.

502. *Плутарх*, «De prof. in virt.» 10, p. 81, B, FVS^{4}, II, 88, I сл.

503. Итак, скажем сами себе, многие твои, о человек, недуги и страсти [объясняются тем, что это] само тело по своей природе выпускает [их] из самого себя и многие другие, приходящие извне, принимает в себя. «*Если ты откроешь свою внутренность*,—говорит Демокрит,—*то найдешь там своего рода кладовую множества зол и сокровищницу* [*благ*]». [Дурные страсти] не извне притекают, но как бы имеют местные и самородные источники, ибо их испускает сама природа, которой присущи многие и дурные страсти.

504. Так легкие исследования сообщают душам стройное и полезное движение, речей же спорщика и мастеров на софизмы, согласно Демокриту, следует избегать.

505. Взошедшее солнце вместе со светом привело в движение дела и мысли всех людей. Как говорит Демокрит, «*каждый день у людей новые мысли*», и [ежедневно] люди, как будто притягиваемые друг к другу какой-то тяжелой гирей, отправляются один из одного, другой—из другого места к делам.

506. Кажется, с древних времен существует тяжба у тела с душой по поводу страстей. И, возводя к душе причину бедствия, Демокрит говорит: «Если бы тело обвинило душу во всех тех страданиях, которые оно получило в течение жизни, и всех бедствиях, которые оно потерпело, и ему самому по воле судьбы пришлось бы выступить в этой тяжбе, то он охотно осудил бы душу за то, что она отчасти погубила тело своим небрежным к нему отношением и расслабила его пьянством, отчасти же испортила его и привела к

503. *Плутарх*, «Anim. an corp. aff.», 2, p. 500, FVS[4], II, 88, 5 сл.

504. *Плутарх*, «Quest. conv.», II, 5, p. 614, FVS[4], II, 89, 5 сл.

505. *Плутарх*, «De lat. viv.», 5, p. 1129 E, FVS[4], II, 91, 19 сл.

гибели [своей чрезмерной] любовью к наслаждениям, подобно тому как он обвинил бы, если какой-нибудь инструмент или сосуд находится в плохом состоянии, того, кто, пользуясь им, небрежно с ним обращался».

507. Тех, которые оскорбляют других, или завидуют им, или стремятся к первенству, или следуют бесплодным и пустым мнениям, вот кого главным образом имел в виду, полагаю я, Демокрит, говоря, что если бы тело начало тяжбу с душой относительно своей порчи, то душа бы не отделалась счастливо от обвинения.

508. Демокрит: «Когда люди чешутся, они испытывают удовольствие, и с ними бывает то же самое, что при прелюбодеянии».

509. Жить дурно, неразумно, невоздержанно и нечестиво значит, — говорил Демокрит, — «*не плохо жить, но медленно умирать*».

510. «Счастие и несчастие — в душе».

511. «Счастие обитает не в стадах и не в золоте. Душа — местожительство [этого] демона».

512. «Старик был уже юношей, а юноша еще неизвестно, доживет ли до старости. Итак, благо, уже осуществившееся, лучше [блага], которое еще в будущем и о котором неизвестно, осуществится ли».

513. «Старость есть повреждение всего тела при полной неповрежденности всех частей его. Оно имеет все и не имеет всего».

506. *Плутарх*, «Fragm de libid. et aegr.» 2, FVS[4], II, 91, 25 сл.

507. *Плутарх*, «De sanit. praec.», 24, p. 135, E.

508. *Геродиан*, у Евстафия, 248, p. 1766, FVS[4], II, 85, 42 сл.

509. *Порфирий*, «De abst.», IV, 21, FVS[4], II, 92, 13 сл.

510. *Стобей*, II, 7, 3, FVS[4], II, 95, 4 сл. Далее — до стр. 521 — изречения Демокрита.

511. *Там же*, FVS[4], II, 95, 6 сл.

512. *Там же*, 50, 22, FVS[4], II, 121, 5.

513. *Там же*, 50, 76, FVS[4], II, 121, 8 сл.

514. «Общая нужда тяжелее нужды отдельного человека. Ибо [в случае общей нужды] не остается [никакой] надежды на помощь».

515. «Подобно тому как бывает болезнь тела, бывает [также] болезнь дома и образа жизни[человека]».

516. «Не делать никаких уступок необходимым нуждам жизни есть признак безрассудства».

517. «Невыносимое страдание души, пораженной скорбью, изгоняй разумом».

518. «Переносить бедность с достоинством свойственно благоразумному».

519. «Те, которым несчастия ближних доставляют удовольствие, не понимают, что превратности судьбы может испытать каждый, и у них мало собственной радости».

520. «Сила и красота суть блага юности, блага же старости—расцвет рассудительности».

521. Ему [Демокриту] принадлежит выражение: «Слово—тень дела».

522. Цель (жизни)—«*хорошее расположение духа*», которое не тождественно с удовольствием, как некоторые, не поняв, как следует, истолковали, но такое состояние, при котором душа живет безмятежно и спокойно, не возмущаемая никакими страхами, ни боязнью демонов, ни каким-либо другим страданием. Он называет такое состояние также счастьем и многими другими именами.

514. *Стобей*, IV, 40, 20, FVS⁴, II, 120, 5 сл.
515. *Стобей*, IV, 20, 21, FVS⁴, II, 120, 7 сл.
516. *Стобей*, IV, 34, 64, FVS⁴, II, 120, 13 сл.
517. *Стобей*, IV, 34; 67, FVS⁴, II, 120, 11 сл.
518. *Стобей*, IV, 108, 70, FVS⁴, II, 120, 17.
519. *Стобей*, IV, 48, 10, FVS⁴, II, 120, 23 сл.
520. *Стобей*, IV, 50, 20, FVS⁴, II, 121, 3 сл.
521. *Диоген Л.*, IX, 37, FVS³, 351, 5.
522. *Диоген Л.*, IX, 45, 352, FVS⁴, II, 13, 27—31.

523. Рассказывают, что абдеритянин Демокрит, не зная, что сказать утешительного Дарию, скорбевшему о смерти своей прекрасной жены, пообещал ему воскресить умершую, если тот пожелает из своих средств оказать помощь впавшим в нужду. Когда тот приказал ничего не жалеть, лишь бы было только исполнено обещанное, Демокрит, подождав немного, сказал, что[все] прочее [нужное] ему для совершения дела будет добыто, нуждается же он только в одном, чего сам не может никоим образом получить и что Дарию, как царю всей Азии, найти будет, пожалуй, нетрудно. Когда же тот спросил, что могло бы быть такого, знание чего он считает доступным одному только царю, Демокрит, рассказывают, в ответ сказал, что если царь напишет на могиле своей жены имена трех (лиц), не знавших печали, то он тотчас же оживит ее, закрывшую глаза по закону смерти. Когда же Дарий был поставлен в затруднение и не мог найти ни одного человека, которому не пришлось бы (в жизни) испытать какую-нибудь печаль, Демокрит, по своему обыкновению засмеявшись, сказал: «О, величайший чудак, что ты плачешь так, не переставая, как будто только ты один на всем свете охвачен столь великим горем, между тем как ты не можешь найти ни одного (человека) из когда-либо живших, который бы не разделял твоего страдания».

524. «Разумная трата денег полезна (в том отношении), что заставляет показать себя (человеком) щедрым и полезным для народа, пользование же деньгами без ума есть (бесполезная) для общего (блага) трата, служащая лишь для того, чтобы задать тон».

523. *Юлиан*, «Epist». 37, FVS[4], II, 16, 41 сл. Слова Демокрита, приводимые в отрывке,—подложны. Далее (№№ 524—640) отрывки из Стобея—содержат подлинные изречения Демокрита.

524. *Стобей*, IV, 31, 120, FVS[4], II, 119, I сл.

525. «Бедность и богатство суть слова для обозначения нужды и изобилия. Следовательно, кто еще нуждается, тот не богат, кто ни в чем не нуждается, не беден».

526. «Если ты не желаешь многого, то и немногое будет казаться тебе многим. Ибо желание малого приравнивает бедность к богатству».

527. «Следует знать, что жизнь человеческая ничтожна и кратковременна и что она сопряжена с многочисленными бедствиями и затруднениями и поэтому нужно заботиться только об умеренном приобретении [материальных средств], а чрезмерные усилия направить на [действительно] необходимое».

528. «Счастлив тот, кто при малых средствах пользуется хорошим расположением духа, несчастлив тот, кто при больших средствах не имеет душевного веселия».

529. «Следует как можно раньше разделить свои деньги между детьми и вместе с тем принимать меры, чтобы они не употребляли во зло то, что имеют. Ибо тогда они будут гораздо более бережливыми в отношении к деньгам и более усердными в приобретении их, и возникнет соревнование их друг с другом в этом. Ведь в общем [хозяйстве] ни траты не огорчают так, как в частном, ни приобретения не радуют так, но гораздо меньше».

530. «Возможно воспитать детей без больших трат (из собственного имущества на это) и оградить спасительной стеной их имущество и тела».

531. «Как при ранениях самая худшая болезнь

525. *Стобей*, IV, 33, 23, FVS[4], II, 119, 5 сл.
526. *Стобей*, IV, 33, 24 и 25, FVS[4], II, 119, 8 сл.
527. *Стобей*, IV, 34, 65, FVS[4], II, 119, 13 сл.
528. *Стобей*, IV, 39, 17, FVS[4], II, 120, 1 сл.
529. *Стобей*, IV, 26, 25, FVS[4], II, 118, 3 сл.
530. *Стобей*, IV, 25, 26, FVS[4], II, 118, 10 сл.

есть ракообразный нарыв, так при обладании деньгами самое худшее желание постоянно прибавлять к ним».

532. «Люди думают, что им необходимо производить себе детей как в силу требований природы, так и некоторого древнего установления. Очевидно, также обстоит дело и у прочих животных. В самом деле, все [животные] производят себе потомство от природы, не имея в виду никакой пользы. Напротив, когда [дитя] родилось, каждое [животное] имеет много хлопот, кормит его, как может, и весьма опасается [за него], пока оно еще мало, и печалится, если что-нибудь [дурное] случится с ним. Такова природа всех [существ], которые имеют душу. У человека же уже образовался обычай ожидать и некоторой пользы от потомства».

533. «Страх порождает лесть, доброжелательства же в нем нет».

534. «Смелость есть начало дела, от конца же его зависит счастье».

535. «Пользуйся слугами, как членами [своего] тела, [употребляя] одного [из них] для одного дела, другого—для другого».

536. «Ласка любви уничтожает любовную ссору».

537. Демокрит говорил: «Кому попался хороший зять, тот приобрел сына, а кому попался дурной зять, тот потерял дочь».

538. «Женщина, гораздо более, чем мужчина, склонна к злоречивости» [плести интриги—*Дильс*.

531. *Стобей*, IV, 29, 18, FVS[4], II, 118, 15 сл.
532. *Стобей*, IV, 24, 33, FVS[4], II, 117, 8 сл.
533. *Стобей*, IV, 7, 13, FVS[4], II, 115, 6 сл.
534. *Стобей*, IV, 10, 28, FVS[4], II, 115, 8 сл.
535. *Стобей*, IV, 19, 45, II, 115, 10 сл.
536. *Стобей*, IV, 20, 23, II, 115, 12 сл.
537. *Стобей*, IV, 22, 108, FVS[4], II, 116, 1 сл.

То же в другом чтении:] «Женщина более склонна ко всему дурному, чем мужчина».

539. «Немногословие есть [лучшее] украшение для женщины. Украшает [женщину] также отсутствие нарядов».

540. «Должно стыдиться самого себя столько же, как и [других] людей, и одинаково не делать дурного, останется ли оно никому неизвестным или о нем узнают все. Но наиболее стыдиться следует самого себя, и в *каждой* душе должен быть начертан закон: «Не делай ничего непристойного».

541. «Следует заступаться за тех, кто несправедливо страдает, и не позволять [обижать кого бы то ни было] Ибо поступать так—справедливо и хорошо, не делать же этого—несправедливо и дурно».

542. «Совершающих [преступления], за которые полагается ссылка или тюрьма или штраф, следует осуждать и не освобождать от заслуженного наказания. А кто их противозаконно оправдывает из корыстолюбия или личного пристрастия, тот поступает несправедливо, и это должно лежать на его совести».

543. «Наиболее содействует справедливости и добродетели тот, кто отдает наибольшие почести самым достойным».

544. «Справедливость есть исполнение долга, несправедливость—невыполнение долга, уклонение [от выполнения своих обязанностей]».

545. «Относительно допустимости запрещения убивать животных дело обстоит следующим образом. Тот,

538. *Стобей*, IV, 22, 199, FVS[4], II, 116, 4 сл.
539. *Стобей*, IV, 23, 38, FVS[4], II, 116, 6 сл.
540. *Стобей*, IV, 5, 46, FVS[4], II, 114, 1 сл.
541. *Стобей*, IV, 5, 43, FVS[4], II, 113, 8 сл.
542. *Стобей*, IV, 5, 44.
543. *Стобей*, IV, 5, 45, FVS[4], II, 113, 15 сл.
544. *Стобей*, IV, 2, 14, FVS[4] II, 112, 5 сл.

кто убивает животных, приносящих вред или стремящихся вредить, неповинен, и для [общего] блага лучше делать это, чем не делать».

546. «Мудрому человеку вся земля открыта. Ибо для хорошей души отечество—весь мир».

547. «Боги дают людям все доброе как в древние времена, так и теперь. Напротив—всего того, что дурно, вредно и бесполезно, ни раньше, ни теперь боги не давали и не дают людям, но люди сами впадают в это вследствие слепоты ума и безрассудства».

548. «Случай щедр [на дары], но ненадежен; природе же достаточно ее собственных сил. Поэтому природа своим меньшим, но прочным [достоянием] одерживает верх над более заманчивыми [воздушными замками] надежды.

549. Изречение Демокрита: «Ни превосходная речь не может прикрыть дурного поступка, ни хороший поступок не может быть запятнан ругательной речью».

550. Демокрит: «Наихудшее, чему может научиться молодежь,—легкомыслие. Ибо последнее порождает те удовольствия, из которых развивается порок».

551. «Лучшим с точки зрения добродетели будет тот, кто побуждается к ней внутренним влечением и словесным убеждением, чем тот, кто законом и

545. *Стобей*, IV, 2, 15 FVS^4, II, 112, 7 сл.

546. *Стобей*, III, 40, 7, FVS^4. II. 110, 1 сл.

Freudenthal (Theol. des Xenophanes, S. 38) отбрасывает этот фрагмент как неподлинный. Дильс указывает на то, что ритмическая форма этого фрагмента может быть случайна и что космополитизм встречается уже у Эврипида, однако не считает сомнение в подлинности устраненным (см. FVS^4, 1922, II, 110, 35).

547. *Стобей*, II, 9, 4, FVS^4, II, 96, 7 сл.

548. *Стобей*, II, 9, 5, FVS^4, II. 96, 12 сл.

549. *Стобей*, II. 15, 40, FVS^4, II, 97, 3 сл.

550. *Стобей*, II, 31. 56, FVS^4, II, 97, 6 сл.

силой. Ибо тот, кого удерживает от несправедливого [поступка] закон, способен тайно грешить, а тому, кто приводится к исполнению долга силой убеждения, не свойственно ни тайно, ни явно совершать что-нибудь преступное. Поэтому-то всякий, кто поступает правильно с разумением и с сознанием, тот вместе с тем бывает мужественным и прямолинейным».

552. «Учение вырабатывает прекрасные вещи только на основе труда, дурные же вещи сами собой производятся без труда. Ибо часто человека, у которого от природы весьма плохое состояние души, это заставляет помимо его воли быть дурным».

553. Его же: «Могут быть юноши умные и старики глупые. Ибо научает мыслить не время, но раннее воспитание и природа».

554. Демокрит: «Постоянное общение с дурными развивает дурные задатки».

555. Лучше надежды образованных, чем богатство невежд.

556. Демокрит: «Единомыслие создает дружбу».

557. Демокрит: «Людям следует больше заботиться о душе, чем о теле. Ибо совершенство души исправляет недостатки тела, телесная же сила без рассудка нисколько не улучшает душу».

558. «Граница между полезным и вредным есть удовольствие и неудовольствие». [Или: «Мерой полезного и неполезного служат радость и отсутствие радости»].

551. *Стобей*, II, 31, 59, FVS[4], II, 97, 16 сл.
552. *Стобей*, II, 31, 66, FVS[4]. II, 98, 7 сл.
553. *Стобей*, II, 31, 72, FVS[4], II, 98, 13 сл.
554. *Стобей*, II, 31, 90, FVS[4], II, 99, 4 сл.
555. *Стобей*, II, 31, 94.
556. *Стобей*, II, 33, 9, FVS[4], II, 99, 8.
557. *Стобей*, «For.» III, I, 27, Kense, FVS[4], II, 99, 9 сл.
558. *Стобей*, III, I, 46, FVS[4], II, 99, 15 сл. (Первый вариант перевода—Э. Радлова, второй—Гомперца.)

559. «Самое лучшее для человека проводить жизнь в наивозможно более радостном расположении духа и наивозможно меньшей печали. А это может быть [достигнуто], если делать свои удовольствия независящими от преходящих вещей».

560. Демокрит: «Должно избегать даже речей о дурных делах».

561. Демокрит: «Ибо у людей хорошее расположение духа возникает от умеренности в наслаждении и гармонической жизни. Недостаток же и излишество обыкновенно переходят друг в друга, причиняют душе сильные потрясения. А те души, движения которых совершают колебание между большими противоположностями, ни спокойны, ни радостно настроены. Поэтому должно направлять свои помыслы на возможное и довольствоваться тем, что есть, не думая о тех, кому люди завидуют и удивляются, и не обращать на них внимания. Напротив, обращать внимание должно на тех, кто ведет бедственную жизнь, и должно ярко представлять себе те бедствия, которые они претерпевают, для того чтобы твое нынешнее положение и состояние казалось тебе значительным и достойным зависти, и чтобы более не приходилось твоей душе страдать из-за желания иметь большее. Ибо тот, кто завидует богатым, которых считают счастливыми прочие люди, и кто постоянно в своих мыслях с ними, тот вынуждается всегда предпринимать что-нибудь новое и [в конце концов] направить свою страсть на какое-нибудь ужасное противозаконное дело. Поэтому-то должно одних [вещей] не домогаться, другими же довольствоваться, сравнивая свою собственную жизнь с [жизнью] хуже живущих, и считать себя счастливым, обращая внимание на то, что

559. *Стобей*, III, I, 47, FVS[4], II, 99, 17 сл.
560. *Стобей*, III, I, 91, FVS[4], II, 100, 1 сл.

последним приходится терпеть, и [на то], насколько тебе лучше живется, чем им. Итак, если ты будешь держаться этого образа мыслей, то будешь жить в более хорошем расположении духа и избавишь себя в жизни от немалых зол: зависти, соперничества и вражды».

562. Демокрит: «Легко хвалить то, что не заслуживает похвалы, и порицать то, чего не следует пори-

561. *Стобей*, III, I, 210, FVS[4], II, 100, 4 сл. Пер. А. О. Маковельского.

Начало фрагмента в переводе С. Трубецкого: «Благодушие дается людям умеренностью в наслаждении и соразмерностью жизни. Недостаток и излишек охотно переходят один в другой и причиняют душе великие потрясения. А те души, которые движутся между великими противоположностями, не обладают ни благоустойчивостью, ни благонастроением. Поэтому надо направлять свою мысль на достижимое и довольствоваться тем, что имеешь, мало думая о тех, кому завидуют и удивляются, и не гоняясь за ними мысленно, а скорее взирать на судьбу несчастных, проникаясь перенесенными ими бедствиями, чтобы настоящее твое положение показалось тебе великим и завидным и чтобы душе твоей не пришлось мучиться в желании больших благ».

Конец фрагмента в моем переводе: «Наоборот, надо созерцать жизненную судьбу всех отягощенных бедствиями и, созерцая, надо глубоко проникаться их страданиями, чтобы теперешнее твое состояние показалось тебе великим и достойным зависти, а душа не мучила себя, себе же во вред, в поисках самоудовлетворения, большего, чем [у тебя есть]. Ибо [всякий], кто завидует имущим и счастливым, прославляемым другими, кто мысленно гоняется за ними, тот будет принужден постоянно выдумывать нечто новое и со всею жадностью бросаться на любое, неискупимое и запрещенное законом преступление. Отсюда поэтому и должно—не гоняться за одним, быть хорошо настроенным к другому и жизнь свою сопоставлять с жизнью других, которым приходится еще хуже, [чем тебе], и, проникаясь их страданиями душевно, [почувствовать себя обязанным] действовать и проводить [жизнь] как можно лучше. Усвоив эту мысль, ты будешь жить в хорошем настроении духа и [сможешь] изгнать из своей жизни [этих] единственных проклятых спутников: зависть, честолюбие и раздражение».

цать, но и то и другое свойственно дурному характеру».

563. Демокрит: «Умение уберечься от угрожающей несправедливости есть признак ума, нежелание же отплатить за причиненную обиду есть признак бесчувственности».

564. Демокрит: «Великие удовольствия получаются от созерцания прекрасных произведений».

565. Демокрит: «Бывают женщины, которые, подобно изображениям, великолепны на вид своей одеждой и украшениями, но лишены сердца».

566. «Забвение своих собственных прегрешений порождает бесстыдство».

567. «Глупцы стремятся к выгодам, [доставляемым] счастливым случаем, знающие же [ценность] таких выгод стремятся к выгодам, доставляемым мудростью».

568. «Насколько умнее человека животное, которое, имея потребность, знает размеры ее: человек же не знает [границ удовлетворения] своих потребностей».

569. «Глупцы, тяготясь жизнью, [в то же время] желают жить из страха перед Аидом».

570. «Глупцы желают долгой жизни, не испытывая радости от долгой жизни».

571. «Глупцы желают того, чего нет, упускают же то, что есть, хотя бы последнее было гораздо более выгодным [для них], чем то, что им не досталось».

562. *Стобей*, III, 2, 36, FVS^{4}, II, 101, 9 сл.
563. *Стобей*, III, 3, 43, FVS^{4}, II, 101, 11 сл.
564. *Стобей*, III, 3, 46, FVS^{4}, II, 101, 14 сл.
565. *Стобей*, III, 4, 69, FVS^{4}, II, 101, 10 сл.
566. *Стобей*, III, 4, 70, FVS^{4}, II, 102, 1 сл.
567. *Стобей*, III, 4, 71, FVS^{4}, II, 102, 3 сл.
568. *Стобей*, III, 4, 72, FVS^{4}, II, 102, 6 сл.
569. *Стобей*, III, 4, 73, FVS^{4}, II, 102, 8 сл.
570. *Стобей*, III, 4, 75. FVS^{4}, II, 102, 11 сл.
571. *Стобей*, III, 2, 76, FVS^{4}, II, 102, 14 сл.

572. «Люди, [желая] избежать смерти, бегут к ней [в объятия]».

573. «Неразумные ничему не научаются во всю жизнь».

574. «Глупцы желают жить, боясь смерти, вместо [того, чтобы бояться] старости».

575. «Глупцы, боясь смерти, желают себе старости».

576. Демокрит: «Не ко всякому наслаждению следует стремиться, а лишь к наслаждению прекрасным».

577. «Благоразумие отца есть самое действительное наставление для детей».

578. Демокрит: «Для довольствующегося малым в отношении желудка ночь никогда не бывает короткой <т. е. бессонной>».

579. Демокрит: «Счастье дает роскошный стол, благоразумие же—достаточный».

580. «Умеренность умножает радости [жизни] и делает удовольствие еще большим».

581. «Сон днем указывает или на отягощение тела или на беспокойство души, на расслабление или на дурное воспитание».

582. «Мужество считает ничтожными удары судьбы».

583. «Мужественен не только тот, кто побеждает врагов, но и тот, кто господствует над своими стра-

572. *Стобей*, III, 4, 77, FVS^{4}, II, 102, 17 сл.
573. *Стобей*, III, 4, 78, FVS^{4}, II, 103, I сл.
574. *Стобей*, III, 4, 79, FVS^{4}, II, 103, 3 сл.
575. *Стобей*, III, 4, 80, FVS^{4}, II, 103, 5 сл.
576. *Стобей*, III, 5, 22, FVS^{4}, II, 103, 9 сл.
577. *Стобей*, III, 5, 24, FVS^{4}, II, 103, 12 сл.
578. *Стобей*, III, 5, 25, FVS^{4}, II, 103, 14 сл.
579. *Стобей*, III, 5, 26, FVS^{4}, II, 103, 16 сл.
580. *Стобей*, III, 5, 27, FVS^{4}, II, 104, I сл.
581. *Стобей*, III, 6, 27, FVS^{4}, II, 104, 4 сл.
582. *Стобей*, III, 7, 21, FVS^{4}, II, 104, 9 сл.

стями. Некоторые же царствуют над городами и [в то же время] являются рабами женщины».

584. «Венец справедливости в смелости духа и неустрашимости мысли, конец же несправедливости— в страхе перед [угрожающим] несчастьем».

585. «Не знающая пустого страха, невозмутимая мудрость стóит всего прочего. Она заслуживает наибольшего уважения».

583. «Только те любезны богам, которым ненавистна несправедливость».

587. «Богатство, приобретаемое дурными путями, носит на себе слишком заметное пятно».

588. «Жадность до денег, если она ненасытна, гораздо тягостнее крайней нужды. Ибо, чем больше растут желания, тем большие потребности они порождают».

589. «Бесчестная прибыль наносит вред добродетели».

590. «Надежда на нечестную прибыль есть источник убытка».

591. «Собирание слишком большого количества денег для детей есть только ширма, за которую прячется сребролюбие, обнаруживающее этим свой подлинный характер».

592. «В чем [действительно] нуждается [наше] тело, то для всех легко без особого труда и усилия достижимо. А все то, что требует труда и напряжения и добывание чего отравляет нашу жизнь, телу не нуж-

583. *Стобей*, III, 7, 25, FVS[4], II, 104, 11 сл.
584. *Стобей*, III, 7, 31, FVS[4], II, 104, 14 сл.
585. *Стобей*, III, 7, 74, FVS[4], II, 104, 16 сл.
586. *Стобей*, III, 9, 30, FVS[4], II, 104, 19 сл.
587. *Стобей*, III, 10, 36, FVS[4], II, 105, 1 сл.
588. *Стобей*, III, 10, 43, FVS[4], II, 105, 5 сл.
589. *Стобей*, III, 10, 44, FVS[4], II, 105, 8 сл.
590. *Стобей*, III, 10, 58, FVS[4], II, 105, 10 сл.
591. *Стобей*, III, 10, 64, FVS[4], II, 105, 12 сл.

но, ибо оно есть предмет стремлений извращенной мысли».

593. «Желание большего приводит к потере того, что имеешь в бедности, и таким образом уподобляет человека эзоповой собаке».

594. «Следует говорить истину, это [всегда] гораздо лучше».

595. «Откровенность свойственна свободе [независимому образу мыслей], опасность же просто [при этом] заключается в том, чтобы уметь выбрать надлежащее время».

596. «Скупые имеют участь пчел: они так работают, как будто бы намереваются вечно жить».

597. «Быть бережливым и воздержным в пище, право, полезно. Но, когда нужно, полезны и большие траты. Знать, [когда следует быть бережливым и когда расточительным] — свойство дельного [человека]».

598. «Жизнь без праздников есть длинный путь без остановки для отдыха в гостиницах».

599. «Благоразумен тот, кто не печалится о том, чего не имеет, но радуется тому, что имеет».

600. «Из удовольствий наиболее приятные те, которые случаются наиболее редко».

601. «Если перейдешь меру, то самое приятное станет самым неприятным».

592. *Стобей*, III, 10, 65, FVS[4], II, 105, 15 сл.

593. *Стобей*, III, 10, 68, FVS[4], II, 106. 1 сл. Эзоп, «Fab.» 233. Собака, которая несла кусок мяса и, увидев свое отражение в воде, погналась за этой другой собакой и потеряла свой кусок.

594. *Стобей*, III, 2, 13, FVS[4], II, 106, 4 сл.

595. *Стобей*, III, 13, 47, FVS[4], II, 106. 7 сл.

596. *Стобей*, III, 16, 17, FVS[4], II, 106, 10 сл.

597. *Стобей*, III, 16, 19, FVS[4], II, 107, 1 сл.

598. *Стобей*, III, 16, 22, FVS[4], II, 107, 3 сл.

599. *Стобей*. III, 17, 25, FVS[4], II, 107. 5 сл.

600. *Стобей*, III, 17, 37, FVS[4], II, 107, 7 сл.

601. *Стобей*, III, 17, 38, FVS[4], II, 107, 9 сл.

602. «Здоровья просят у богов в своих молитвах люди, а того не знают, что они сами имеют в своем распоряжении средства к этому. Невоздержанностью своею разрушая [свое] здоровье, они сами становятся предателями своего здоровья благодаря своим страстям».

603. «У всех тех, которые предаются удовольствиям желудка и переходят надлежащую меру в еде, в вине или в наслаждениях любви, удовольствия бывают кратковременные и быстротечные [продолжающиеся лишь], пока они едят или пьют; страдания же, [получающиеся в результате этой невоздержности], бывают многочисленны и продолжительны. Действительно, эти вожделения всегда направляются на одни и те же [объекты], и лишь только пройдет удовлетворение их желаний, удовольствие тотчас исчезает, и нет в них ничего хорошего кроме [этого] минутного наслаждения и [по удовлетворении] опять появляется потребность в том же самом».

604. «Трудно бороться со своим сердцем, однако рассудительному мужу свойственно его побеждать».

605. «Всякая страсть к первенству неразумна. Ибо, будучи устремлена на причинение вреда сопернику, она упускает свою собственную выгоду».

606. «Кто простирается перед более сильным, тот кончает дурным тщеславием».

607. «Плуты не сдерживают клятв, данных в трудных обстоятельствах, как только нужда проходит».

608. «Добровольные труды делают более легким перенесение трудов принудительных».

602. *Стобей*, III, 18, 30, FVS[4], II, 107, 12 сл.
603. *Стобей*, III, 18, 35, FVS[4], II, 107, 16 сл.
604. *Стобей*, III, 20, 56, FVS[4], II, 108, 6 сл.
605. *Стобей*, III, 20, 62, FVS[4], II, 108, 8 сл.
606. *Стобей*, III, 22, 42, FVS[4], 108, 11 сл.
607. *Стобей*, III, 28, 13, FVS[4], II, 108, 13 сл.
608. *Стобей*, III, 29, 63, 83а, II, 108, 16 сл.

609. «Всякий вид работы приятнее, чем покой, если достигается цель трудов или если есть уверенность, что цель будет достигнута. Но при всякой неудаче любой труд является одинаково тягостным и мучительным».

610. «Если даже ты наедине с собой, не говори и не делай ничего дурного. Учись гораздо более стыдиться самого себя, чем других».

611. «Тот, у кого хорошее состояние духа, всегда стремится к справедливым и законным делам, поэтому он и наяву и во сне бывает радостен, здоров и беззаботен. И тот, кто не соблюдает справедливости и не исполняет своих обязанностей, тому причиняет неудовольствие воспоминание о всем таком <т. е. о собственных несправедливых поступках> и он находится в состоянии [вечного] страха и самоосуждения.

612. «Слово есть тень дела», по Демокриту.

613. Изречение Демокрита: «Не стремись знать *все*, чтобы не стать во всем невеждой».

614. «Жизнь на чужбине научает быть довольным своим положением, ибо кусок хлеба и ложе из соломы суть приятнейшие средства против голода и усталости».

ПЕДАГОГИКА

615. «Природа и воспитание подобны. А именно — воспитание перестраивает человека и, преобразуя, создает [ему вторую] природу» (Демокрит).

609. *Стобей*, III, 29, 88, FVS[4], II, 109, 4 сл.

610. *Стобей*, III, 31, 7, FVS[4], II, 109, 8 сл.

611. *Стобей*, II, 93, FVS[4], II, 96, 1 сл.

612. *Плутарх*, «De puer. ed.», 14, p. 9, FVS[4], II, 87, 26—27. См. стр. 521.

613. *Стобей*, II. «Ecl. eth.» I, 12, Wachst., FVS[4], II, 95, 1 сл.

614. *Стобей*, III, 40, 6, FVS[4], II, 109, 19 сл.

615. *Климент*, «Strom.», IV, 151; *Стобей*, II, 31, FVS[4], II, 71, 12 сл.

616. Его же: «Если бы дети не принуждались к труду, то они не научились бы ни грамоте, ни музыке, ни гимнастике, ни тому, что наиболее укрепляет добродетель,—стыду. Ибо по преимуществу из этих занятий обычно рождается стыд.

617. Его же: «Воспитание есть украшение в счастье и прибежище в несчастье».

618. «Постоянный труд делается легче благодаря привычке».

619. «Хорошими люди становятся больше от упражнения, чем от природы».

620. «Дети скупых [родителей], если они выросли в невежестве, подобны танцующим между мечами [поставленными вверх лезвиями]. Они погибают, если при прыжке не попадают в то единственное [место], где следует поставить ноги. Однако трудно попасть в то единственное место, так как оставляют [место только для] подошвы ног. Точно так же и эти дети: если они уклонятся от следования отцовскому примеру—от [отцовской] заботливости и бережливости, то обыкновенно гибнут» (Демокрит).

621. Демокрит: «Отчего мы получаем добро, от того же самого мы можем получить и зло, а также средство избежать зла. Так например глубокая вода полезна во многих отношениях, но, с другой стороны, она вредна, так как есть опасность утонуть в ней.

616. *Стобей*, II, 31, 67, II, 97, 9 сл.
617. *Стобей*, II, 31, 58, II, 97, 13 сл.
618. *Стобей*, III, 29, 64, II, 108, 19 сл.
619. *Стобей*, III, 29, 66, II, 109, 1 сл.
620. *Стобей*, III, 16, 18, II, 106, 12 сл. К мысли этого фрагмента ср. Плутарх «Ages.», 33: «Со Спартой случилось то же, что со здоровым телом, придерживающимся все время слишком точной и строгой диэты. Достаточно было одной ошибки и одного толчка, и все благосостояние государства рухнуло» (FVS[4], II, 106).
621. *Стобей*, II, 9, I, FVS[4], II, 95, 8 сл.

Вместе с тем найдено средство [избегнуть этой опасности]—обучение плаванию».

622. Его же: «У людей зло вырастает из добра, когда не умеют управлять и надлежащим образом пользоваться добром. Неправильно было бы подобные вещи относить к числу зол, [но должно] считать их благами. Добром можно пользоваться, если кто захочет, и для отражения зла».

623. Демокрит отказывается от брака, отказывается иметь детей по той причине, что от них бывает много неприятностей и [занятие с детьми] отвлекает от более важных [дел]. С ним согласен [в этом] Эпикур.

624. «Воспитание детей—рискованное дело, ибо в случае удачи последняя приобретена ценою большого труда и заботы, в случае же неудачи горе несравнимо ни с каким другим».

ПОЛИТИКА

625. «Бедность в демократии настолько же предпочтительнее так называемого благополучия [граждан] при царях, насколько свобода лучше рабства».

626. «Интересы государства должно ставить выше всего прочего и заботиться, чтобы оно хорошо управлялось; [чтобы содействовать этому], не следует применять силу против справедливости и для своей пользы применять насилие против общего блага. Ибо хорошо управляемый город есть величайший оплот; в нем все заключается и, пока он сохраняется, все цело, а погибает он, [с ним вместе] и все гибнет».

622. *Стобей*, II, 9, 2, FVS[4], II, 95, 13 сл.
623. *Климент*, «Strom»., II, 138, 503 P. FVS[4], II, 54, 26 сл.
624. *Стобей*, IV, 24, 29, II, 116, 9 сл.
625. *Стобей*, IV, I, 43, II, 12 сл.
626. *Стобей*, IV, I, 43, II, 15 сл.
«Ибо правильно ведомое государство есть величайшее счастье» *Э. Радлов*. («Есть то, что в наибольшей степени является правом»—*Г. Гомперц)*.

627. Ибо «в общей рыбе нет костей», как говорит Демокрит.

628. «Закон хочет хорошо устроить жизнь людей. Сможет же он сделать это лишь в том случае, если сами люди хотят, чтобы им было хорошо. Ибо закон обнаруживает свое благотворное действие (лишь) тем, кто ему повинуется».

629. «Как написаны законы против враждебных [человеку] животных и гадов, так, думается мне, должно поступать и с людьми. По старинным законам [следовало бы] убивать врага [страны] при всяком государственном строе, в котором закон не воспрещает это делать. Только некоторые местные святыни, договоры и клятвы запрещают это делать».

630. «Для каждого должно быть позволено безнаказанно убивать всякого разбойника и пирата; [это убийство должно остаться безнаказанным, независимо от того, совершено ли оно] по собственному желанию или по наущению или по решению суда».

631. «Законы не мешали бы каждому жить, как ему угодно, если бы один не вредил другому. Зависть полагает начало раздору [среди людей]».

632. «Чем менее достойны дурные [граждане] поручаемых им почетных должностей, тем более они становятся небрежными и преисполняются глупости и наглости».

633. «Если люди состоятельные решаются давать неимущим деньги взаймы, помогать им и ока-

627. *Плутарх*, «Quaest. conv.», II, 10, 2, p. 643, FVS^4, II, 89, 9 сл. «При делении рыбы один берет верхнюю часть, другой—нижнюю, а хребетная кость остается. Коммунизм исключает спор о моем и твоем»,—говорит *Дильс*. FVS, II, 89.

628. *Стобей* «Floril.», IV, 43, 33. Meinecke, FVS^4, II, 3 сл.

629. *Стобей*, IV, 2, 17, FVS^4, II, 112, 15 сл.

630. *Стобей*, IV, 2, 18, FVS^4, II, 113, 4 сл.

631. *Стобей*, III, 38, 53, FVS^4, II, 109, 16 сл.

632. *Стобей*, IV, I, 54, 45, FVS^4, II, 111, 12 сл.

зывать благодеяние, то это значит, что в данном обществе имеются [взаимное] сочувствие, единение, братство, взаимная защита, единомыслие граждан и [многие] другие блага, которые невозможно все перечислить».

634. «Гражданская война есть бедствие для той и другой враждующей стороны. Ибо для победителей и для побежденных она одинаково гибельна».

635. «Только при единомыслии могут быть совершаемы великие дела, как например удачные войны государства, в противном же случае это невозможно».

636. «Хорошим [гражданам] не следует, пренебрегая своими собственными делами, заниматься чужими, ибо это было бы плохо для их частных дел. [С другой стороны], если кто-нибудь пренебрегает общественными делами, то он приобретает дурную репутацию, даже если он ничего не ворует и [вообще] не совершает никакой несправедливости. Ведь даже и тому, кто не относится с нерадением [к общественным делам] и не совершает несправедливости, грозит опасность приобрести дурную репутацию и даже претерпеть коекакие неприятности. Ведь делать ошибки—неизбежно, но не легко заслужить прощение у людей».

637. «Все, что приносит вред, во что бы то ни стало следует убивать, (даже) попирая справедливость. И тот, кто это делает, сохраняет при всяком государственном строе спокойствие духа, право, мужество и имущество скорее, чем тот, кто этого не делает».

638. «Люди больше помнят о сделанных [начальствующими лицами] ошибках, чем об удачных делах их. И ведь такое [отношение] правильное. В самом деле, подобно тому как не следует хвалить того,

633. *Стобей*, IV, 43, 46, FVS[4], II, III, 15.
634. *Стобей*, IV, 43, 34, FVS[4], II, 7.
635. *Стобей*, IV, 43, 40, FVS[4], II, 9 сл.
636. *Стобей*, IV, 43, 44, FVS[4], II, 111, 5 сл.
637. *Стобей*, IV, 44, 16, FVS[4], II, 112, 22 сл.

кто возвращает вверенные на хранение деньги, не возвращающий же заслуживает порицания и наказания, точно так же и начальствующее лицо. Ибо оно избрано не для того, чтобы дурно вести дело, но чтобы хорошо».

639. «При ныне существующей форме управления нет никакого средства воспрепятствовать, чтобы правители, если даже они и весьма хороши, не испытали несправедливости. Ибо не подобает, чтобы правитель [был ответственен перед кем-нибудь другим], кроме как перед самим собою, и не подобает, [чтобы тот, кто господствовал над другими], попадал (через год) сам под власть этих других. Поэтому должно быть устроено так, чтобы [правитель], не совершавший никакой несправедливости, даже если он и строго преследовал совершавших справедливость, не попадал [впоследствии] под власть их, но чтобы какой-нибудь закон или какое-нибудь другое [средство] защищали поступавшего несправедливо (правителя). <Тот же фрагмент в чтении *Гомперца* (Wien. Sitz. Ber. 83, 586>. «При существующем теперь государственном строе невозможно, чтобы правители, даже и самые лучшие, не творили неправды, потому что дело поставлено как раз так, как если бы [царский] орел был закован. Следовало бы позаботиться о том, чтобы карающий преступников не попадал в их руки; закон или другое установление должны бы вполне ограждать того, кто отправляет правосудие».

640. «По (самой) природе управлять свойственно лучшему». <*Нестле*: «Сильнейший есть природный правитель». *Дильс*: «Господствовать — свойственно лучшему от природы».>

638. *Стобей*, IV, 46, 47, FVS[4], II, 114, 6.

639. *Стобей*, IV, 46, 48, FVS[4], II, 114, 12 сл. Демокрит нападает на ежегодные выборы властей.

640. *Стобей*, IV, 47, 19, FVS[4], II, 115, 4 сл.

641. *Плутарх*, «Reip. ger. praec.» 28, p. 821, A, FVS[4], II, 89, 18 сл.

641. Государственный муж не отнесется с пренебрежением к истинной почести и к (оказываемому ему) расположению, основанному на любви и хорошем отношении к нему тех, кто его чтит и не пренебрегает мнением (общества о себе), избегая в то же время *«нравиться близким»*, как требовал Демокрит.

642. Скорее же и у частных лиц снискивается расположение без такой угодливости. Однако Никасистрат, одобряя [мнение] Демокрита, порицавшего за «желание нравиться близким, так как это является угодливостью, приносящею вред», не знает, что [в этом] он согласен с учениками Эпикура.

643. И приключаются часто многие беды и друзьям и другим близким и иногда и отечествам и государствам, не только в старину, когда всем известный гнев (Ахилла) причинил неисчислимые бедствия ахеянам, но (это бывает) ежедневно и без преувеличения; (даже можно сказать, что приключается *столь много бедствий, сколько только можно придумать*, по выражению Демокрита, и все эти бедствия происходят по причине чрезмерных раздражений).

644. «Приличие требует подчинения закону, власти и умственному превосходству».

645. Их [Парменида, Мелисса и др.] искусство управлять государством, как наивысшее из искусств, Демокрит рекомендует изучать и советует принимать на себя труды, от которых рождаются великие и славные дела для людей». <Нестле: «Политика есть величайшее искусство. Выгодно изучать ее и посвящать себя политической деятельности, которая дает жизни человека величие и блеск».>

642. *Филодем* «De adulat. pap.» 1457 Crönert. Kolotes, 5, 13,
643. *Филодем*, «De ira», 28. 17, FVS^4, II, 87, 13 сл.
644. Сборник «Изречений Демократа», изр. № 13.
645. *Плутарх*, «Adv. Colot.», 32, p. 1126, A. FVS^4, II, 91 13 сл.

ПСЕВДОДЕМОКРИТОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПОДРАЖАНИЕ

ПСЕВДОДЕМОКРИТ

646. Бол-мендесиец-пифагореец [написал следующие сочинения]: «О том, что приводит нас от чтения истории к наблюдению», «О диковинных вещах», «Естественные и сделанные человеческими руками лечебные средства». Ему также принадлежат сочинения: «О симпатических и антипатических средствах», «Перечень камней по порядку», «О знамениях», [даваемых солнцем, луной, Большой Медведицей, сиянием и радугой]. [Из другого источника:] Бол, философ-демокритовец, написал «Историю» и «Врачебное искусство». Он признает естественное лечение путем применения некоторых целительных средств природы, которые сам испробовал.

647. Доподлинно известно, что «Сделанное человеческими руками» принадлежит Демокриту; в этом сочинении он, усерднейший после Пифагора ученик магов, передает гораздо более дивные вещи. [Он рассказывает], как трава аглоофотис, [блистающая светом], получившая свое название от того, что люди приходили в восхищение от ее великолепной окраски, рождаясь в мраморных [скалах] Аравии, скрывается днем, поэтому она называется также марма-

646. *Свида*, FVS^4, II, 125, 4 сл.

ритис. Этой травой пользуются маги, когда хотят вызвать богов (167). Прибавляет к этим [диковинкам] Аполлодор, его последователь, еще траву эсхиномене [растение, листочки которого при прикосновении к ним свертываются].

648. Известный писатель, египтянин по происхождению—мендесиец Бол, сочинение которого, носящее греческое заглавие: «Сделанное руками человеческими», ложно ходит под именем Демокрита, полагает, что из-за этой болезни [летучий огонь] должно чаще и тщательнее осматривать кожу овец, чтобы, если случится заметить на какой-нибудь [овце] такой порок, тотчас вырыть ямы у входа в хлев и скот, зараженный летучим огнем, повалив навзничь, живьем засыпать землей и [затем] позволить всему стаду ходить над зарытым [скотом], так как этим способом изгоняется болезнь (XI 3, 53). Мы читаем у мендесийца Бола, египтянина по происхождению, что это делается более легким способом. Он советует иметь в садах в солнечном и унавоженном месте посаженными в чередующихся рядах [растения] гальбан и колючий кустарник. Затем при наступлении равноденствия понемножку подрезать их под корень и т. д. (61). Не-

647. Плиний, «Hist nat.», XXIV, 160.

Разные диковинки из мира природы и симпатические средства из «Демокрита» часто встречаются у Плиния: II, 127, 32 сл. VIII, 61. XI, 80. XIII, 131. XIV, 20. XV, 138. XVII, 23, 62 (ср. «О земледелии», В 26 сл.) XVIII, 47, 159, 311. XX, 19, 18, 149. XXI, 62. XXIV, 156. XXV, 13, 14. XXVII, 141. XXVIII, 7, 118, 153. XXIX, 71. XXXII, 49. XXXVII, 69, 146, 149, 160. 185,—здесь, а также у других авторов, ссылки на псевдо-Демокрита относительно предсказаний погоды и симпатических средств (против сорной травы, против паразитов, против диких зверей и т. д.). Аммиан Марцеллин XXVIII 4, 34.

Из Элиана, «N. H.» I, 35—38 и VII, 7, 8 и Анатолия («О земледелии», XIII и XV) черпает византийское подложное сочинение: «О симпатиях и антипатиях» Демокрита изд. W. Gemoll, Striegan, 1884.

которые древние авторы, как Демокрит, советуют все семена приправлять соком травы, которая называется *молодило*, и тем же средством пользоваться против зверьков.

649. Демокритовец Бол в сочинении «О симпатитических и антипатических средствах» говорит, что персы, имевшие у себя смертоносное растение, насадили его в Египте с целью истребить множество [египтян], но египетская почва, будучи хорошей, изменила это растение в противоположную сторону и сделала его сладчайшим плодом.

650. Анагаллиды... употребляют их для лекарств по рецептам Демокрита.

651. Были и такие, которые много говорили об антипатиях, и многое другое можно было услышать о противодействующих средствах, а также следующее: что взбесившийся слон укрощается, если увидит барана, и т. д.

652. [После Пифагора, который сочинил книгу: «О действии трав»], составил [такое же сочинение] и Демокрит, причем и тот и другой объехали Персию, Аравию, Эфиопию и особенно Египет; до такой степени древность была этим изумлена, что утверждала даже невероятные вещи.

653. В древние времена, когда еще голая добродетель нравилась, процветали свободные искусства и было величайшее соревнование между людьми, чтобы что-нибудь полезное не осталось неизвестным долгое время. Итак, Демокрит выжал сок у трав всех [пород] и, чтобы не остались неизвестными свойства ка-

648. *Колумелла*, VII, 5, 17, FVS[4]. II, 126. 6 сл.
649 *Схолии, к Никандру*, Тер. 764, FVS[4], II, 126, 21 сл.
650. *Кратей*, ed. M. Wellmann 18, 14, FVS[4], 11, 126. 25.
651. *Плутарх*, «Quaest. conv., 11 7, 1 p. 641, B. FVS[4], II 126, 27.
652. *Плиний*, «Hist. nat.», XXV, 23, FVS[4] II, 126, 30 сл.

мней и кустарников, потратил [всю свою] жизнь на опыты.

654. Почти то же, что Ксенократ о животных, писали и некоторые другие [лица], у которых и сам Ксенократ списал весьма многое. Ибо откуда он сам смог бы узнать столь много подобных вещей? По крайней мере Аттал, бывший некогда нашим царем, написал, как кажется, меньше, хотя он был в высшей степени усерден в приобретении подобных знаний. Кто-то, хваля такой же труд Атевриста *(Абдерита?)*, дал мне его прочитать; как мне кажется, этот труд [о животных] был написан автором, который сам лично не видал [всех описанных им животных]. Поэтому я не стану упоминать ни василисков, ни слонов, ни нильских лошадей, ни чего-либо другого [в этом роде]. [Против слов Плиния: «Хамелеона удостоил особой книги Демокрит и т. д.» выступает Геллий:] Я считаю недостойным приписывать Демокриту те диковинки и обманы, которые написаны Плинием Вторым, например то, что тот же Плиний в десятой книге (§ 187) утверждает... Много повидимому такого рода сказок было пущено под именем Демокрита изобретательными мошенниками, которые хотели прикрыться его славою и авторитетом.

655. Демокрит сообщает следующее в качестве лица, видевшего это животное собственными глазами: «Василиск [род змея] есть лисица (именно так он называет его), телом он невелик, двигается медленно, с острой головкой, со звездоподобной диадемой на голове, желтый по цвету, несравнимый [ни с одним животным] по силе и непобедимый. Встречается же он в лежащих по ту сторону местах Ливии в направлении Кирены, где [живет] род людей—так

653. *Петроний*, 88,2, FVS, II, 126, 34.

654. *Гален*, «De simpl. medic.», XIII, 250 сл., FVS[4], II. 127, 3 сл.

называемые псиллы. Ибо укусы лисы исцеляются псиллами. [Животным же] антипатическим [вышеописанной] лисице является домашняя ласочка. Ибо последняя не переносит ни голоса, ни вида той, но тотчас умирает. Если же ласочка найдет [василиска] перед своей норой, то она тотчас его растерзает.

656. Есть сочинение Демокрита: «Искусство копать колодец», другие дают ему заглавие: «Искусство находить воду».

657. Многие учителя мудрости, как нам известно, были искусны в медицине: славнейшие же из таких Пифагор, Эмпедокл и Демокрит.

658. [Сыпь, похожая на кожу слона]: Из древних медиков никто не установил лечения этой болезни, за исключением Темисона, и из философов—Демокрита, если действительно ему принадлежит, как говорят, книга о слоновой сыпи.

659. О слоновой сыпи из древних врачей никто не упоминает, из философов же [упоминает только] Демокрит в своей книге: «О слоновой сыпи». Ибо приписываемая Демокриту книга об этой болезни (слоновой сыпи) явно подложна.

660. Первым, как я, по крайней мере, нахожу, кто размышлял о ней [о магии], был Остан, сопровождавший персидского царя Ксеркса в той войне,

655. Извлечение из Анонима. См. Rhode, Kl. Schr., I, 397, FVS[4] и II, 127, 20.

656. *Схолии* «Bodl. zu Epict.» p. LXXIII. См. Oder «Phil.», Suppl, VII, 240 сл.

657. *Цельв*, 1 proem., p. 2, II Dar.

658. Из Сорана у Целия Аврелия ac. morb. III, 16—16.

659. Anecd. Paris. (ed. Fuchs. «Rh. Mus». 49, 577). Oribas, IV, p. 63 Dar., FVS[4], II, 128, 25. Эксцерпты в Vatic. Gr. 299 сл., 304 сл. (Rohde, Kl. Schr. I, 383) изд. M. Wellmann Brln. «Sitz. Ber.», 1908, 625 сл. *Элий* Промот, с. 26. *Татиан* 17, p. 18, 15. *Апулей* «Apol.», 27.

которую тот вел с Грецией; он как бы семена чудесного искусства рассеял и, где бы ни проходил, мимоходом всюду заражал мир [своим учением]. Более тщательные (исследования) немного раньше его помещают Зороастра, другие Проконненсия <т. е. Аристея>. Что несомненно, в особенности этот Остан привел греков не просто к жадности, но [можно сказать] к неистовой страсти по отношению к этой науке. Впрочем я замечаю, что величайшей известности и литературной славы в древности и почти всегда домогались от этой науки. (9) По крайней мере Пифагор, Эмпедокл, Демокрит, Платон, чтобы ее изучить, отправились в плавание; правильнее было бы сказать, что они осудили себя на [продолжительную] ссылку, нежели, что они предприняли путешествие: вернувшись, они часть этой науки сделали общим достоянием, часть сохранили в тайне. Демокрит обнародовал учения копта Аполлобеха, Дардана и Феникса, причем сочинения Дардана он нашел в его гробнице, впрочем свои сочинения он составил на основании тех учений, которые были заимствованы [у вышеупомянутых] неизвестными лицами и передавались по памяти; [может быть, это покажется удивительным, но] ничему в жизни не должно удивляться. (10) Насколько это кажется невероятным и совершенно невозможным, что те, кто принимает прочие его сочинения, не признают эти сочинения принадлежащими ему. Но напрасно. Ибо известно, что он наиболее пристрастил душу к этой сладости. Удивительно и то, что в одно и то же время одинаково расцвели оба искусства—медицина и магия, [а именно] первую прославил Гиппократ, вторую—Демокрит около времени Пелопоннесской войны в Греции, которая велась в 329 году от основания нашего города... (11) Немалый авторитет занятию [этим искусством] придал во времена Александра Великого второй Остан, ко-

торый был в свите царя и объехал весь свет, в чем никто не сомневается.

661. Ибо некоторые из этих [средств лечения] непристойны и гнусны, некоторые же противозаконны. Я не понимаю, как о них мог писать Ксенократ, человек, живший не в глубокую старину, но во времена наших дедов, когда в римском государстве уже перестали есть людей; вот он пишет, ссылаясь на свой собственный опыт и потому претендуя на полную достоверность [своих данных], какие болезни излечиваются, если съесть мозг человека или мясо или печень его, и какие [болезни излечиваются], если [принять внутрь] кости головы [человека] или голени или [кости] пальцев, выпивая их в одном случае сожженными, в другом несожженными, и, [наконец], какие болезни излечиваются, если пить самую кровь [человека]. [Плиний аналогично:] Некоторые у греков предписали [в качестве лекарств] даже лакомства из отдельных внутренностей и членов [человека], найдя употребление всему до обрезков ногтей включительно, как будто забота о здоровьи может превратить человека в зверя, что заслуживает [названия душевной] болезни в самой медицине. Последняя, ей-богу, есть величайший обман, если она не приносит пользы. Смотреть на человеческие внутренности считается нечестивым [делом], что же поедать их? Кто выдумал это, Остан? (6) Это дело будет на твоей совести, разрушитель права человеческого и виновник чудовищных [поступков]. Ты, первый, верю я, положил этому начало, чтобы тебя не забыли. Кто выдумал, чтобы поедать отдельные члены человека? Какое предположение привело его к этому? Какое происхождение может быть у медицины? Кто сделал, что отравления ядом более невинны, нежели лекар-

660. *Плиний*, «Nat. hist.», XXX, 8, с. II, 129, 13 с.

ства? Пусть варвары и иноземцы изобрели [такие] обычаи, зачем же грекам их усваивать? (7) Существуют «Иследования Демокрита» [где говорится, что] для некоторых [болезней] более полезны кости из головы вредного человека, для других [болезней] кости из головы друга или гостя.

662. [Посидоний] говорит: «Демокрит нашел [способ строить] свод так, чтобы косое положение камней, слегка наклоненных, опиралось на средний камень. Скажу, что это—неправда. Ибо до Демокрита должны были быть и мосты и ворота, верхние части которых заканчиваются сводом. Далее у вас выходит, что тот же самый Демокрит изобрел, как делать мягкой слоновую кость, каким образом, сварив камень, превратить его в изумруд, каковой варкой и ныне найденные камни, годные для этого, окрашиваются.

663. Абдеритянин Демокрит, философ-физик, был в расцвете сил. Он был посвящен в таинства в Египте мидянином Останом, который был назначен тогдашними персидскими царями управлять египетскими храмами Мемфиса вместе с другими жрецами и философами, в числе коих были некая мудрая еврейка Мария и Паммен. Демокрит написал [сочинения] о золоте, серебре, камнях, пурпуре малопонятным языком, точно так же написала и Мария. Но они [оба], Демокрит и Мария, заслужили похвалу у Остана за то, что многими мудрыми загадками сделали это искусство сокровенным, Паммена же обвинили за то, что он написал ясно и подробно.

664. Демокрит из Абдер—физик, исследовал все физические [вопросы] и написал о сущем по природе. Абдеры—город во Фракии. Был же он муж ученейший. Прибыв в Египет, он был посвящен в мистерии

661. *Гален*, «De simpl. medic.», X, I, FVS[4], II, 129, 33 с.
662. *Сенека*, Ep., 90, 32. FVS[4], II, 130, 16 сл.
663. *Синкелл*, I, 471, Dind., FVS[4], II, 130, 31 сл.

великим Останом в храме Мемфиса вместе со всеми жрецами Египта. Получив от Остана материал, он написал четыре книги, относящиеся к красильному искусству, о золоте, серебре, камнях и пурпуре. Я именно говорю, что он написал это, получив материал от великого Остана. Последний был первым, написавшим: «Природа наслаждается природой, природа господствует над природой и природа побеждает природу» и т. д.

665. «Пятая книга Демокрита, адресованная Левкиппу». «Вот что, Левкипп, об этих египетских искусствах, изложенных в персидских книгах пророков, я написал на общеупотребительном диалекте, на котором наиболее подобает [излагать такие вещи]. Книга же не является общедоступной. Дело в том, что она заключает в себе заслуживающие почитания древние мистические загадки, которые ранее жившие божественные цари Египта посвятили финикиянам. Я же, друг твой, воспользуюсь древними загадками, которые были записаны для меня египетскими детьми. Но тебе, врач, я все буду ясно излагать, давая толкования. Сочинение заключает в себе [учение о том], как красить в белый и желтый цвет, как расплавлять или варить медную руду и как закаливать [металл], затем, какие чудесные вещи получаются из самой меди и киноварной руды, как сделать золото из кадмия и других видов, и наконец какие чудесные вещи делаются из сожжений и соединений».

664. *Синезий* «Ad Dioscorum comment. in Democr.» (Berthelot Coll. d. Alchim.) I, 56, 7, FVS[4], II, 130, 39 Извлечения из этого четверокнижия под заглавием: «Физические и мистические учения Демокрита» у Berthelots, «Coll. d. Alchim». 1 p. 41 c. II, 131, 9 c.

665. Там же. Далее имеются отрывки у *Зосим*, II, 122, у Berthelot, «Coll. d. Alchim.» из Демокрита. *Папирус* «Magic. Figd.» 384 (IV в. н. э.) Fulgent. Mitol. цитирует II, 14 «Деромокрит в «Теогонии» III, 7 «Демокрит в «Исследовании приро-

666. Поэтому, если ты увидишь повара неученого и не изучившего во всех деталях Демокрита, но скорее придерживающегося «Канона» Эпикура, отнесись к нему, несмотря на изысканность его [искусства], с презрением и отпусти его. Ибо должно тебе, превосходнейший [человек], знать прежде всего, какое различие имеет глаукиск [рыба голубоватого цвета] зимою и летом; затем знать также, какая рыба при закате Плеяд около времени солнцестояния самая лучшая [для еды]. Перемены и движения [в природе]—[это] великое зло для людей, производят изменения в предметах питания, понимаешь ли ты это? То, что принято во-время, доставляет удовольствие. Кто следует этому? Вот почему резь в *животе и скопление* газов заставляют страдать приглашенного [на обед]. У меня же едят полезную пищу, она правильно размельчается и рассеивается. Поэтому «одинаково всюду образуется в порах сок». Об этом говорит Демокрит, что «вещества, которые не попадают в надлежащие места тела, причиняют тому, кто ест, ломоту в суставах».—«Мне кажется, что ты что-то смыслишь в медицине».—«Всякий физик есть врач».

667. [Демокрит Гиппократу «О природе человека»:] (1) «Все люди, о Гиппократ, должны знать врачебное искусство [ибо оно прекрасно и вместе с тем

ды», где «Дромокрит» исправляется на «Демокрит». Греко-сирийские изречения пер. Byssel («Rhein Mus.» 51,539). Там же. 42. FVS⁴, II. 134 20 сл. «Я знаю только то, что я ничего не знаю» ср. «Gnom. Vatic.» 743, п. 56 Демокрит. Quiftygr. Phil. in d. arab. Ueber C. S., 36, FVS⁴, II, 133, 23 сл. *Masola*. Mashallah-ol-Misri около 800 г. н. э.—астрологический календарь арабов. *Псевдо-Рибасий* in Aphorism. Hippocr., FVS⁴, II, 134, 29 сл.

666. *Дамоксен*, фр. 2, FVS⁴, II, 136, 36 сл.

полезно для жизни], этому люди более всего обучались и приобрели опытность в этом деле. Я полагаю, что философское исследование есть сестра врачебной науки, и они тесно связаны между собой. (2) Ибо мудрость душу освобождает от страданий, врачебное же [искусство] исцеляет телесные болезни. Ум увеличивается при наличии здоровья, поэтому те, кто хорошо мыслят, должны заботиться о своем здоровье. Если же тело болеет, то и ум не проявляет рвения к занятию добродетелью. Дело в том, что болезнь, присутствующая [в теле], сильно помрачает душу, приводя мышление к участию в страдании [тела].

668. Из сочинений пифагорийца Гиппарха: «О хорошем расположении духа». (1) Так как в сравнении со всей вечностью люди имеют в высшей степени короткое время жизни, то самое лучшее, если они сделают из своей жизни как бы некоторое путешествие и проживут [жизнь] в хорошем расположении духа. А в таком состоянии [духа] наиболее из всех будут находиться те, которые точно изучили и познали самих себя, [а именно те, которые знают], что они смертны и из плоти, что они имеют слабое и подлежащее гибели тело и что множество бедствий висит над ними до последнего их издыхания. (2) Сначала мы отнеслись к тому, что происходит, с сетованием. Что касается тела, [нам доставляют страдания] колотья в боках, воспаление легких, повреждение ума, подагры, заболевания мочевого канала, поносы, летаргии, эпилепсии, нагноения и другие бесчисленные болезни. Что касается души, то тут мы имеем гораздо большие и более тягостные страдания. Ибо все происходящие в течение жизни беззакония, дурные дела, несправедливые и безнравственные [поступки]

667. *Гиппократ*, 10, 3; 17,5 и т. д. Псевдогиппократовы письма (роман в форме писем около I в. н. э.) FVS[4], 137,3.
668. *Стобей*, IV, 108, 81, FVS[4], II, 138, 13 сл.

вытекают из страданий души. (3) Ибо вследствие безмерных свыше их природы желаний многие впали в необузданные порывы [страсти], не воздержались от нечестивейших, преступнейших наслаждений—от [полового совокупления] с дочерьми и матерями и даже дошли до отцеубийства, и многие убили собственных детей. (4) Что сказать о бедствиях, причиняемых внешними причинами, о наводнениях и засухах, о чрезмерно сильных жарах, о чрезмерных холодах, так что часто от дурного состояния атмосферы возникают заразные болезни и недостаток в пище и разнообразные несчастия всякого рода, и целые города пустеют? (5) Итак, ввиду того что нам угрожает множество таких [бедствий], мы не должны, обращая внимание на благополучие в отношении [нашего] тела в эти дни, гордо возноситься; [помня, что] достаточно маленькой лихорадки, как эти счастливые дни тотчас исчезают, подобно цветам, [которые быстро вянут]. [Не должны мы также возноситься] и при так называемых внешних счастливых обстоятельствах, так как последние часто слишком скоро исчезают или возникают. Ибо мы знаем, что все это непостоянное и непрочное, наподобие Эврипа, подвержено многим и разнообразным переменам, и ничто из этого не пребывает [неизменным], не остается неподвижным, не является ни надежным, ни необъемлемым. (6) Поэтому, взвесив это, мы станем считать выигрышем, если то, что есть у нас и что нам дано, может остаться у нас и на самое короткое время, и будем проводить жизнь в хорошем расположении духа, благородно перенося приключающиеся [с нами превратности судьбы]. (7) Теперь же многие все, что у них есть и дано [им] от природы и случая, наперед переделав [мысленно] к лучшему и обратив свое внимание не на то, каково [это] есть [на самом деле], но на то, каким оно может стать, достигая наивысшей степени, неожиданно лишаясь

[этого], обременяют свою душу множеством больших беззаконных и безрассудных зол. И таким образом жизнь у них получается в высшей степени горькая и тяжелая. (8) Это происходит при потере денег или при смерти друзей или детей или при утрате чего-нибудь другого, которое считается весьма ценным. Тогда, проливая слезы и скорбя, они говорят, что только они одни—самые несчастные и злополучные, забывая, что это случалось и случается и со многими другими, и, не будучи в состоянии обдумать жизнь ныне живущих и уже умерших, в каких несчастных обстоятельствах и треволнениях бедствий и ныне многие находятся и раньше находились. (9) Итак, [мы] обращаем внимание на то, что многие, потеряв деньги, позже, благодаря этой потере денег, сами спаслись, так как им предстояло из-за денег попасть в руки грабителям или тирану. Многие же, полюбившие некоторых [людей] и чрезмерно к ним благоволившие, в последующее время сильно возненавидели их, все это обдумав на основании данных переданной нам истории и научившись, что из детей и из друзей, в высшей степени любимых, многие погибли, и сравнивая свою собственную жизнь с жизнью [людей], находящихся в худшем положении, и считая, что приключающиеся с людьми [бедствия] не с одними нами случаются, станем жить в более хорошем расположении духа. (10) Ибо несправедливо [было бы], будучи человеком, считать чужие несчастия легко переносимыми, а свои заботы трудными, видя, что множество бедствий бывает в течение всей жизни. (11) Плачущие же и сетующие, помимо того, что не достигают никакой пользы ни в отношении того, что погибло, ни в отношении того, что исчезает, приводят в большие страдания свою душу, наполненную многими дурными естественными склонностями. (12) Итак подобает, омывая и очищая [свою душу] всеми сред-

ствами, приставшие к ней нечистоты удалять философским учением. Будем же делать это, крепко держась разума и благоразумия, усваивая себе хорошее расположение духа, довольствуясь тем, что есть, и не желая многого. (13) Ибо люди, которые приготовляют для себя многое, забывают, что нельзя жить дольше отведенного для жизни времени и что нельзя родиться большее число раз, чем однажды. Поэтому будем пользоваться настоящими благами и с большей жадностью станем насыщаться тем, что дает философия. Ибо, насыщаясь прекрасными и священными дарами философии, мы вместе с тем освободимся от ненасытности, происходящей от дурных источников.....

DEMOCRITEA
КОММЕНТАРИИ

ОБ ИСТОЧНИКАХ

Из сочинений великих философов античного мира до нас дошло очень немного. Сохранились почти все сочинения Платона, половина сочинений Аристотеля, очень небольшая часть сочинений Эпикура, книга неоплатоника Плотина и сочинения Секста. Все остальное— или сочинения учеников, популяризирующих основные положения того или иного течения, или сочинения собирателей, компиляторов, толкователей, или же отдельные отрывки. Ничего кроме отрывков не сохранилось из литературы древнеионийской физики. Ничего не сохранилось из сократических школ (исключая Ксенофонта); ничего—из ценнейших сочинений так называемых «неопифагорейцев», не дошла до нас вся эпикурейская литература, за исключением поэмы Лукреция и найденного в Геркулануме большого количества отрывков.

Вот почему наряду с отрывками большое значение приобретают косвенные источники для изучения Демокрита.

Мы имеем выдержки из третьих или даже четвертых рук, часто разделенные временем, достаточным, чтобы умственное развитие открыло новые культур-

ные грани и наложило новую печать на форму языка, на способ мышления. В большинстве случаев—это цитаты, лишенные связи или, наоборот, связанные вопреки их локальному, так сказать, контексту. В дальнейшем эти цитаты повторяются, разумеется, без ссылки на оригинал, которого не было, критикуются противниками, комментируются приверженцами, и было бы наивно думать, что мысли философа при этом остаются неискаженными.

По этим цитатам одни учились, другие опровергали своих противников—противников философа, третьи пользовались ими для доказательства своих собственных взглядов, и нет никаких гарантий, что все они не дополняли и не изменяли известные им из вторых рук отрывки философа.

Не имея непосредственных источников—сочинений Демокрита, мы ищем отрывков из них в косвенных источниках. Первым проявлением историко-критической мысли в области философии ознаменовалась философия *Платона*. Строго говоря, диалоги Платона и построены исключительно на критике мнений своих противников, на разграничении и выяснении различного рода толкований их, на характеристике личности их авторов. Но как исторический свидетель, для нас Платон не имеет в этой связи крупного значения ввиду его полного молчания о Демокрите[1]. Исключение представляет ряд отрывков из «Законов», которые приводятся у нас в тексте.

Платон был первым, поднявшим оружие критики против своих противников. Это оружие правда находилось в руках исторически недобросовестных[2], и эта критика, правда, стремилась больше к художественной изобразительности, чем логической истине, но этим Платон толкал мысль своих учеников, и первая в настоящем смысле историко-философская критика, восставшая против него же, вышла из его же

«школы»; первый опыт такой критики принадлежит *Аристотелю.*

В своих физических и метафизических сочинениях Аристотель своим предшественникам уделяет очень много внимания. Эти свидетельства о древних философах, которые нередко даже указываются по имени, проникнуты высоко развитым критическим отношением к исследуемой проблеме, к различаемым понятиям, к разным толкованиям, в противоположность Платону, у которого драматизм изложения и личное мировоззрение всегда преобладали над спокойным сознанием своих историографических заданий. Эмпедокл, Анаксагор, Демокрит—ко всем он относится как к людям прошлого; философские теории древности он так и называет «древними», и о философах-предшественниках он говорит не иначе как: οἱ ἀρχαί, οἱ πρότεροι и т. д.

Аристотель развивает свои взгляды, пользуясь самыми разнообразными методами; но почти всегда предварительно своим взглядам он предпосылает критику чужих δόξαι, и часто, сопоставляя эти последние, он как бы поясняет свои собственные. Значение Аристотеля также и в том, что критика его направлена не против мнений, а против «преемств», «школ», и сообщения его характеризуют не мнения, а школы. И не случайно, что первые большие компилятивные произведения историко-философского характера принадлежали перипатетикам и историкам, у которых черпали свои сведения позднейшие писатели-доксографы, которые в этой области всецело примыкали к способу аристотелевской критики и изложения противоположных взглядов. Он группирует различные мнения по их типическим формам, по их принципиальной сущности. Этой принципиальной сущности их он дает чисто теоретическую характеристику, основанную не на биографических и не на хро-

нологических данных, но на систематически-логической оценке. В этом отношении например любопытно место в «Физике» (184a 15), на которое обратил внимание О. Гильберт[3], где в сжатой, но исчерпывающей форме дается характеристика всей предшествующей философии.

Аристотель все предшествующие ему философские учения различает по тому, что кладут они в основу: I. Одно начало и именно: 1) подвижное или 2) неподвижное; или II. Много начал, именно: 1) в ограниченном числе, или 2) в неограниченном, и именно: a) однородных или b) противоположных[4]. В плоскости этого обобщения Аристотель рисует замкнутые завершенные школы ионийцев[5], элеатов[6], пифагорейцев[7], часто ограничиваясь одними, правда выпуклыми, но логическими силуэтами, часто рассматривая их вместе, в плоскости общей школы[9]. Платон уже для него стал предметом исторической критики[10]. В какой же мере мы можем сказать, что знанием важнейших сторон демокритовой философии мы обязаны Аристотелю?

Под именем Аристотеля до нас дошло довольно значительное собрание сочинений, охватывающее почти все области науки, области ботаники, зоологии, физиологии, космогонии, физики, логики, психологии, метафизики. Сохранились вместе с ними три списка сочинений Аристотеля: 1) список, передаваемый Диогеном Лаэртским[11] и указывающий 146 названий, из которых дошли в относительной целости лишь 19 сочинений, и не указывающий вовсе названий некоторых из дошедших помимо того сочинений; 2) список, переданный Гезихием из Милета в его «Ономатологии», примыкающий повидимому полностью к списку Диогена, но насчитывающий кроме того еще 51 название, и 3) список Птоломея—философа-перипатетика с 92 названиями, дошедший до

нас отрывочно и неполно у арабских писателей в Сирии первой половины XIII столетия, в силу чего считаться с этим списком в интересующем нас вопросе не приходится.

Говоря об Аристотеле как источнике изучения Демокрита, нельзя прежде всего пройти мимо того факта, что полученное Аристотелем, по преимуществу медицинское, образование уже заключало в себе все существенные элементы демокритовского естествознания. Именно, это помогло Аристотелю впоследствии сбросить с себя оковы платоновской метафизики.

Далее как список Диогена, так и список Гезихия называют[12] две исторические монографии Аристотеля, посвященные Демокриту: одну—в форме письма к нему[13], другую—«Демокритовские проблемы» — в форме систематических выдержек из Демокрита[14]. «Письмо» повидимому подложно, так как все авторы, писавшие о письмах Аристотеля[15], сохраняют о нем полное молчание, но «Демокритовские проблемы», не дошедшие к сожалению до нас, несомненно относятся к подлинным произведениям философа. Из других несохранившихся сочинений Аристотеля имеют отношение к Демокриту многочисленные фрагменты, переданные его комментатору, но так как целесообразнее говорить не о них, а об их доксографических источниках, то обратимся прямо к сохранившимся сочинениям и остановим внимание на тех из них, которые свидетельствуют о Демокрите[16].

Для нас представляют интерес в этом отношении прежде всего натурфилософские сочинения Аристотеля. Они трактуют о мире в целом и частях, о животных и растениях, о форме и материи в различных областях природы, о жизни и смерти, о здоровьи и болезни, о душе и теле человека и т. д. и т. д. Этот неуклонный ход пытливой мысли философа начинается книгами «*Физики*»[17].

Здесь изложению своих собственных взглядов о необходимости основоначал мира, о проблеме числа и характера этих основоначал он предпосылает исторический обзор существовавших до него теорий. Подвергая их критике, он, разумеется, в обзоре «древних» теорий не может не коснуться теории Демокрита. После этого он переходит к анализу таких понятий, как бесконечность, место, пустота, время, попутно, среди прочих теорий, дает критику и воззрения Демокрита на этот счет. Он вместе с тем сочувственно приводит мнение «некоторых» о необходимости доискиваться причины того или иного явления во всяком исследовании, и Симплиций подсказывает имена атомистов и в конце опять возвращается к имени великого абдерита, ставя перед собою проблему вечного движения и пытаясь ее разрешить опровержением противоположных взглядов.

За этой общей частью естествознания следуют специальные исследования о конкретных частях мира и об отдельных проблемах жизни, природы, взятых как в своеобразии, так и в органическом отношении ко всему целому мирозданию. Каждое из них, с одной стороны, устремляется на преходящее и случайное, а с другой—пытается найти в них и обосновать нечто непреходящее и вечное, что укоренено в самих законах «сущего». К числу этих сочинений относятся: 1) сочинение «*О небе*»[18], трактующее в четырех книгах о планетах, о неподвижных звездах, о вечности и ограниченности мира, о законах движения и оформления тел, о тяжести и легкости, о затмениях, землетрясениях и т. д.; 2) сочинение «*О возникновении и разрушении*»[19], трактующее в двух книгах о роли первичных элементов в процессах возникновения различных явлений природы и 3) наконец сочинение «*Метеорология*», трактующее в четырех книгах о планетах, звездах, минералах и металлах. Отсюда ясно, что

сами проблемы должны были двигать мысль Аристотеля по направлению к исследованиям Демокрита. Особенно заслуживает внимания небольшая работа «О возникновении и разрушении», насыщенная диалектикой и с замечательной прозорливостью обрисовавшая принципиальные преимущества Демокрита перед Платоном. Критикуя Платона, Аристотель часто опирается на Демокрита, используя атомистическую аргументацию в защиту принципа неделимости атомов. Аристотель вскрывает, правда, ограниченность атомизма и подчеркивает свое несогласие с ним, но тем очевиднее становится тот факт, что в указанных трех работах мы находим выдержки из книг Демокрита без упоминания имени последнего.

После исследования важнейших вопросов из области неорганического мира Аристотель переходит к органической природе, посвящая ее проблемам целый ряд к сожалению не дошедших до нас полностью сочинений. В круг этих идей вводит нас одно исследование общего характера по «истории животных», представляющее собою то, что мы бы сейчас назвали сравнительной анатомией и физиологией. К этому сочинению примыкают мелкие работы, трактующие об отдельных проблемах биологии, подобно тому как за общим естествознанием «физики» шли отдельные работы о «небе», о «возникновении и разрушении» и о «метеорологии». В числе последних мы имеем сочинения, представляющие большой интерес для изучения Демокрита: 1) «О частях животных» в четырех книгах[20], 2) «О происхождении животных»[21] в пяти книгах и две небольшие работы: 3) «О дыхании»[22] и 4) «Об ощущении»[23], принадлежность которых Аристотелю до сих пор стоит под вопросом. Наконец к этой группе следует отнести обширное сочинение о душе[24], несомненно принадлежащее Аристотелю. Здесь исследуются душевные способности растений,

животных и человека и подвергаются тщательной критике предшествующие учения о душе пифагорейцев, Гераклита, Эмпедокла и др.

Таковы свидетельства натурфилософских произведений Аристотеля, обнимающих почти все области современного естествознания. Но естественно-научного знания, по Аристотелю, недостаточно,—это неподлинное знание. По его мнению, высшее знание, которое следует назвать «первой философией», есть знание всеобщего; каждая же отдельная наука рассматривает вещи в их единичности,—физика, например, ведь, не отделяет движения от движущегося тела, в противоположность этому «первая философия» устремляется на «чистое», «неподвижное», «сущее». Определению понятия и предмета этой новой области знания посвящены первые книги сочинения, получившего название «Метафизики», ввиду своего положения в рукописи «после» физики. Далее, Аристотель исследует понятия субстанции, возможного и актуального, единого и множественного, вечного и временного. Его свидетельства о Демокрите и здесь заслуживают самого серьезного внимания.

Такова самая общая характеристика свидетельств Аристотеля. Заслуга его в том, что своими критическими замечаниями о философах, современных и предшествующих ему, он ввел в литературный обиход своего времени прочную критическую традицию. Из школы Аристотеля вышли такие работы, как «История математических наук» Эвдема, «История музыки» Аристоксена, «История медицины» Менона, «История физики» Теофраста. И неудивительно, что первый опыт связного систематического изложения философских теорий принадлежит перипатетику *Теофрасту* (372—285 гг. до н. э.).

Из школы Аристотеля вышла историко-критическая литература. Ей положили начало *Аристоксен*-

(около 318 г. до н. э.). *и Теофраст*, первый—жизнеописаниями философов, второй—историческими обзорами их взглядов. Дошедшие до нас памятники той и другой литературы представляют ценнейшие источники для изучения древнего атомизма. Источники, черпавшие свои сведения у Аристоксена, относят к *биографической* группе; тех же, кто следовал Теофрасту,—к *доксографической* литературе.

Обратимся сперва к доксографической[25] литературе, которая брала сведения прямо или косвенно из книги *Теофраста* «Мнения физиков». Теофраст в этой книге давал сводку и критику «мнений физиков» от Фалеса до Платона.

Сочинение Теофраста—это первая «история философии». Теофраст расположил материал соответственно проблемам—«принципы, божество, космос, метеорология, психология, физиология». В своих восемнадцати книгах он изложил в хронологическом порядке мнения физиков—сочинение, представляющее незаменимую ценность для изучения древней философии. От него у нас остались лишь фрагменты, но, как доказал Дильс (Doxographi graeci, 1879)[26], из него черпали свои знания все писатели-доксографы последующего времени. Внимание Теофраста особенно было занято научной деятельностью Демокрита. Последнему он посвятил две специальные монографии: «Об астрологии Демокрита», и «О Демокрите», из которых ни одна не дошла до нас.

Из сохранившегося целиком отрывка исторической работы Теофраста, посвященного учению об ощущении, можно предположить, что изложение у Теофраста очень полное.

До нас дошли два доксографических собрания взглядов философов—одно *Псевдоплутарха* «Placita philosophorum» и другое—в первой книге *Стобея* (около 450—500 гг. н. э.) «Эклоги». Оба они, как

доказал Дильс, черпают из одного общего источника *Аэция* (100 г. н. э.). Кроме Псевдоплутарха и Стобея из Аэция заимствовали свои сведения о древних философах епископ *Теодорет* (ум. в 457 г. н. э.) и *Немезий* (400 г. н. э.).

Аэций в свою очередь опирался в своей компиляции на другого автора, этот автор нам неизвестен, но мы знаем, что он был учеником *Посидония* и жил в первой половине I века до н. э. Как раз этот первоисточник Псевдоплутарха и Аэция—Дильс называет его Vetusta Placita—располагал подлинными сочинениями Теофраста, в частности его «Мнениями физиков». Такова одна линия заимствований из Теофраста.

Существует вторая линия этих заимствованиий. Ценные сведения о древних философах заимствует из Теофраста, через неизвестное собрание избранных мест Теофраста, живший около 220 г. н. э. писатель церкви *Ипполит* в книге «Опровержение ересей».

Каждая философская школа создавала свою историю философии. Скептицизм выдвинул *Тимона*, академия—*Клитомаха* (II в. н. э.). Из эпикурейской школы вышла книга *Федра*, которую использовали *Цицерон* (106—43 гг. до н. э.) и другой эпикуреец *Филодем* (I в. до н. э.) Имеют значение и историко-философские экскурсы неоплатоновских *комментаторов Платона и Аристотеля*: в III в.—*Александра Афродизийского*, *в* VI в.—*Фелистия*, в V в.—*Олимпиодора*, в VI в.—*Симплиция*, в VII в.—*Филопона*.

Иной характер носит *биографическая литература*. Ученик Аристотеля *Аристоксен* уделяет внимание главным образом анекдотическим слухам о личной жизни философов.

Ученик Теофраста *Дмитрий Фалерийский* перенес работу перипатетической школы по истории философии на александрийскую почву (297 г. до н. э.). Он занимался законодательной деятельностью при

дворе Птоломея I Сотера[27]. Находясь во главе александрийской библиотеки, он развернул обширные филологические изыскания по уточнению списка книг древних философов, определению их подлинности, собиранию их. Эти изыскания положили основу для позднейших писателей при определении биографических дат. Так *Каллимах* (310—235 гг. до н. э.), один из александрийских библиотекарей, составил каталог писателей и их сочинений—огромный труд в 120 книгах, содержащий в себе также и биографические сведения о философах. Другой Александрийский библиотекарь—*Эратосфен* из Кирены (около 276—194 гг. до н. э.) написал «Хронографию», а несколько позже (145—144 гг. до н. э.) *Аполлодор* самостоятельно продолжил работу Эратосфена.

«Каталог» Каллимаха дополнил специально «биографиями» его ученик *Гермипп из Смирны* (220 г. до н. э.). Александрия стала центром не только биографической, но и доксографической литературы. Александринец *Сотион* написал историю школ («преемств»), приведя в систему направления и школы, учителей и учеников, всю историю греческой философии. Обширная историческая литература по философии в последующие годы целиком опиралась на Сотиона. Из Сотиона черпали свои сведения о древних философах *Гераклид Лемб* (около 150 г. до н. э.), *Антисфен Родосский*, *Александр Полигистор*, *Филодем из Гадары*, *Сосикрат* (около 130 г. до н. э.), *Никий из Никей* (период Нерона), *Гиппобот* (конец III в. до н. э.), *Диокл Магнезийский* (I в. до н. э.). Главнейшим произведением из этой литературы является сочинение *Диогена Лаэртского*: «Жизнеописания и учения замечательных в философии авторов в 10 книгах». Приводим оглавление по книгам: I—Фалес. Семь мудрецов. II—Анаксимандр, Анаксимен, Анаксагор, Архелай, Сократ, III—Платон, IV—Академия, V—Аристотель, Тео-

фраст, VI—Киники, VII—Стойки, VIII—Пифагор, IX—Гераклит, Элеаты, Левкипп, Демокрит, Пиррон, Навсифан, X—Эпикур. Таким образом сочинение Диогена Лаэртского—один из богатейших источников нашего знакомства с греческой философией. Но это—поэт-компилятор, совершенно далекий от всякого критического отношения к своим источникам, пренебрегающий логическим планом в изложении и не стесняющийся своими многоречивыми повторениями. Почти всегда, когда у него под рукой какое-либо более или менее пространное жизнеописание философа, он спешит его использовать, если оно богато любопытными анекдотическими деталями, в особенности, если последние связаны с описанием смерти данного философа. Этим анекдотическим деталям он и посвящает свои стихотворные эпиграммы. Вне стихотворных эпиграмм он не проявляет никакой самостоятельной критической работы мысли.

Диоген Лаэртский скомпилировал свое сочинение в первой трети третьего столетия н. э. Как показали Дильс и Узенер, его непосредственным источником было сочинение автора времен Нерона—*Никия.* Последний в свою очередь черпал из жизнеописаний философов *Сотиона* из Александрии (к концу третьего столетия до н. э.) не непосредствено, а косвенно, из обширной компилятивной литературы четырех столетий, возникшей в промежуток времени, отделяющий Диогена от Сотиона.

В теснейшей связи с доксографическими источниками кроме перипатетиков находились также *академики.* Последние, в противоположность основателю Академии, повидимому уделяли философии Демокрита очень много внимания. Последовавшее затем возобновление «досократического» хода мысли в *стоической, эпикурейской* и *скептической* школах сыграло

также большую роль как в изучении, так и распространении атомистической философии.

Нам известны к сожалению только заглавия *стоических* сочинений, имевших непосредственно отношение к атомистике. Так например, известно, что *Клеанф* из Асса в Троаде (331/0—232/1 гг.) среди прочих работ написал также специальное сочинение, направленное против атомистической философии и озаглавленное «Против Демокрита»[28]. Другому стоику *Сферу* из Босфора принадлежат исследования «О наименьшем» и «Против атомов и идолов»[29], также не дошедшие до нас. Другие свидетельства о Демокрите [30] до нас дошли из вторых и даже из третьих рук. *Тертуллиан* передает одно свидетельство стоика *Зенона* из Крития на Кипре (334/3—262/1 гг.)[31]. Далее у *Плутарха*[32] находим интереснейшую цитату из неизвестного сочинения Демокрита, переданную *Хризиппом* (281—208 или 277—204 гг.)[33]. По свидетельствам Диогена Лаэртского, Плутарха и Александра Афродизийского, это был несомненно один из выдающихся умов древности. Недаром полемика современников против стоической школы направлялась в первую очередь против Хризиппа. «Также и знание стоической философии, которое было общим достоянием всех образованных людей, сводилось в существенном к знанию хризипповской формы ее»[34]. Такие недошедшие его сочинения, как «Доказательство, что неограниченное невозможно»[35] или «О различии неограниченного»[36] или «О возражениях против диалектиков»[37], несомненно затрагивали демокритовские проблемы, в частности, атомистической математики. Хризипп любил цитировать разбираемых авторов и даже включать целиком их произведения в свои рассуждения... [38]

Свидетельства о Демокрите сохранились у другого выдающегося стоика *Посидония* (около 153—151 гг. до н. э.), о которых сообщают нам Секст-Эмпирик[39] и Ци-

церон[40]. Гораздо позже у Сенеки встречаем цитату из Посидония о теории «каменных сводов» Демокрита[41]. От Посидония осталось очень немного, но он имеет большое значение как первый философ, отразивший в тех отрывочных свидетельствах о Демокрите, которые сохранились от него до нас, совершенно новое направление демокритовой философии, Аристотелем не отмеченное.

Я имею в виду историзм Демокрита.

Как бы странным это ни казалось, но этическое мировоззрение стоицизма было не чем иным, как зачатком исторического взгляда на вещи. Правда, признание относительности всех земных благ вело к религиозным учениям, но оно же вело и к новому сознанию необходимости развития или изменения и перехода от одних форм жизни к другим. Это была та сторона этицизма стоической философии, в которой последняя теснейшим образом соприкасалась как с эпикурейской философией, так и скептической. Ибо эти последние системы объединяло одно общее стремление низвести абсолютное с неба на землю и, растворив его в вещах всего мира, извлечь из него пользу в реальных, конкретных нуждах повседневной жизни.

Выразителем этого стремления в стоицизме и явился *Посидоний* из Апамей. Известно, что его слушал Цицерон[42]. Все сведения Сенеки о Демокрите заимствованы у Посидония[43], как уже было сказано, и Секст-Эмпирик цитирует Демокрита по Посидонию. Сочинение последнего «О природе богов» составило эпоху; из него черпали свои сведения[44] даже доксографы, Цицерон, автор псевдо-аристотелевского περὶ κόσμου, Секст-Эмпирик, а Атеней, Диодор и Арий Дидим даже положили его в основу своих сообщений[45]. Посидоний ставит такие проблемы, как проблема образования и развития языка, проблема происхожде-

ния примитивных форм быта в силу географических условий или зависимость тех или иных, в частности астрономических открытий от географических и экономических условий и т. д. Как в постановке, так и в трактовке этих проблем он, как и независимо от него Эпикур[46], несомненно опирался на Демокрита[47]. Необходимые естественные потребности ему представлялись главнейшим рычагом исторического развития[48], точно так же как Демокриту и, позднее, эпикурейцам. Обращая внимание на движение небесных тел как на явление, более всего замечательное и нуждающееся в объяснении[49], он следует Демокриту.

Из своих долгих путешествий он черпал материал для исторических исследований, в частности для исследований первобытного мира и человека, жизни различных народов, связи географических особенностей стран с политическим строем населяющих их народов и т. д.[50] и, обладая чрезвычайно широким образованием, какое только было доступно его времени, он, естественно, не мог не интересоваться мировоззрением Демокрита. Следы этого интереса заметны в его свидетельствах о Демокрите.

Знакомство с Посидонием необходимо для изучения антропологических и исторических идей Демокрита.

Во вступлении к первой книге Страбон перечисляет древнейших представителей своей науки, и между географами мы видим на почетном месте Демокрита. Он повидимому в широчайшей мере использовал для научных работ свои обширные путешествия. Известно например, что объяснение разливов Нила Демокрит (как и Фрасиалк, совершенно неизвестный нам физик и географ[51], и позже Евдокс Книдский[52]) строил на рассказах жрецов о проливных дождях в Эфиопии. Интереснейшее свидетельство на этот счет сохранилось у *Диодора Сицилийского*[53]. География повиди-

мому интересовала Демокрита наряду с историей. Только при этом предположении становится понятным тот авторитет историка и географа, который еще в древности приписывали одному из его последователей *Гекатею Абдеритскому*. Последний несомненно свои научные занятия по истории и начинал под непосредственным влиянием как философских, так и соответствующих научных исследований своего учителя.

Генетическое рассмотрение форм языка, исследование словообразований, этиологически-исторического смысла их было не чуждо Демокриту. Этимология у него преломлялась в форме подобной генетической науки[54].

Изучение Диодора Сицилийского показывает его зависимость не только от Посидония, но и от демокритовца Гекатея Абдеритского. Как доказал К. Рейнхардт[55], свои сведения о зоогонии и первобытной истории Диодор Сицилийский черпал из книги Гекатея Абдеритского о философии египтян. С Диодором Сицилийским поразительное сходство имеет сочинение объ астрологии, найденное в рукописи *Иоанна Катрария*, так называемый диалог Гермиппа, у которого прямо сохранилось свидетельство о Демокрите (*Цец* в схолиях к Гезиоду). Наконец, эпикуровская обработка учения Демокрита о зоогонии и первобытной истории в пятой книге Лукреция также показывает почти полное совпадение с Диодором. Опираясь на этих авторов, мы получаем возможность восстановить учение Демокрита.

Что эти литературные нити ведут именно к Демокриту, а не какому-либо другому общему им всем источнику, видно, наконец, из почти дословного совпадения соответствующих мест упомянутых авторов с соответствующими местами из *Антифонта-Софиста*—современника Демокрита.

Следовательно, остается только доказать, что Антифонт-Софист черпал свои сведения по истории и антропогонии непосредственно из Демокрита.

Факт заимствования Антифонтом у Демокрита следует признать установленным после работ С. Я. Лурье. Сохранившиеся фрагменты того и другого философа свидетельствуют,—говорит он,—о непосредственном заимствовании,—я сказал бы списывании—Антифонта у Демокрита; «Антифонт заимствовал у Демокрита ряд важнейших мыслей своего труда; многие фразы, как мы видим, целиком выписаны из трудов Демокрита, причем время от времени ионийские слова остаются даже непереведенными на аттический язык[55а].

К составленной С. Я. Лурье таблице мест, заимствованных Антифонтом у Демокрита, а также к указанным Якоби, несомненно можно бы прибавить целый ряд новых мест. Почти все эти места нами использованы в нашем *тексте*.

У Демокрита чисто абдеритское δῖνος «вихрь», и Антифонт переписывает δῖνος. Математический парадокс о бесконечно увеличивающемся ряде конических сечений Демокрита переходит к Антифонту в виде математического парадокса о вписанных в круг многоугольниках, число сторон которых бесконечно увеличивается. Могут быть приведены и другие примеры заимствований Антифонтом у Демокрита (мы имеем например в виду историко-антропологические взгляды Антифонта). Например:

1) *Антифонт:* «Время само по себе не существует; это только отвлечение или мера других вещей».

Демокрит: «Время—видимость в смене дней и ночей».

2) *Антифонт:* «Наиболее полезное для себя употребление из справедливости сделает человек в том случае, если при наличности свидетелей будет

ставить высоко законы, в отсутствии же свидетелей — веления природы». (Oxyr. papyr. col. перев. С. Я. Лурье).

Демокрит: «Мудрец не должен повиноваться законам, но жить свободно».

3) *Антифонт:* «Большая часть того, что справедливо по закону, враждебно человеческой природе».

Демокрит: «То, что считается (законом) справедливостью, не есть справедливость; все, что противно природе, несправедливо».

4) *Антифонт:* «Есть люди, которые не успевают жить в этой жизни, так как очень серьезно и старательно готовятся к какой-то другой нездешней жизни».

Демокрит: «Некоторые люди всю жизнь терзаются беспокойством и страхом из-за выдуманных ими лживых сказок о загробной жизни».

Антифонт представляет для историка материализма глубокий интерес в двух отношениях. Во-первых, механический материализм Демокрита в области понимания истории лежит в основе взглядов Антифонта на культуру и историю. Во-вторых, в математических экскурсах Антифонта продолжается и конкретизируется (правда, в скептическом направлении) математическая традиция атомистики[56]. В этой связи следует остановиться на «историзме» Антифонта.

Характерное для Демокрита противопоставление «*естественного*» и «*установленного соглашением*», противопоставление νόμος и φύσις — это не гносеологическое противопоставление. Верно, что, «доказав несостоятельность всего человеческого знания, исключая лишь то, которое сводится к непосредственному наблюдению явлений природы и их описанию, он сваливает все это знание в категорию τέχνη, ничего не стоящую и никому не нужную. Νόμος — один из

видов τέχνη и в качестве такового противопоставляется «φύσις»[57]. Но неверно думать, что τέχνη выражает собою лишь гносеологическое положение, близкое к скептицизму. Я склонен видеть в противопоставлении νόμος и φύσις, следовательно и истолковании νόμος как одного из τέχνη, проявление *историзма*[58]: возникновение культуры—языка, орудий, общества, государства—вот что знаменует собою τέχνη или νόμος: об *этом* говорится у Антифонта, у Демокрита, т. е. по соглашению, по взаимному уговору, по условию.

Этот взгляд явился у Антифонта в результате изучения Демокрита: именно к Демокриту восходят *через Антифонта* взгляды, критикуемые в десятой книге «Законов» (888 е сл.) Платона.

Таким образом литературные нити—Диодор Сицилийский—Гекатей Абдеритский—Лукреций—Антифонт—ведут к Демокриту как основоположнику науки о происхождении человека и культуры—науки, обоснование и разработка которой были произведены однако уже не им, а Аристотелем. Вот почему мы включаем в текст значительную часть пятой книги поэмы Лукреция.

Лукреций не был единственным представителем эпикурейской литературы, сохранившим свидетельства о Демокрите.

Эпикур в ряде мест своих писем[59] критикует Демокрита, не называя последнего.

Почти все те идеи Демокрита, которые впоследствии получили историко-критическое освещение в специальных исследованиях Маркса, Узенера, Филиппсона, Бэймкера и др., могут быть именно таким путем засвидетельствованы у Эпикура,—например учение Эпикура об объективности ощущений и противоположный взгляд на ощущение Демокрита[60], учение Эпикура об ограниченном числе форм и вели-

чин атомов в противоположность утверждению Демокрита о бесконечном разнообразии их,—эти отклонения от Демокрита (чтобы не называть другие), вполне установленные в литературе, могут быть прослежены в письмах Эпикура.

Историко-философская критика является неотъемлемой чертой эпикурейской школы. Об этом говорят прежде всего заглавия недошедших до нас сочинений эпикурейцев. *Метродору* принадлежит несколько критических сочинений: «Против диалектиков», «Против софистов», девять книг «Против Демокрита»[61]. *Гермарх* написал тоже несколько работ полемического характера: «Против Платона», «Против Аристотеля», «Рассуждения в форме писем об Эмпедокле», двадцать две книги[62]. *Аполлодору* из Афин, написавшему более четырехсот книг[63], принадлежат сочинения «Жизнь Эпикура»[64] и «О философских сектах»[65]. Аполлодор, опирался повидимому на сочинения Аристотеля, и в его историко-критических оценках чувствуется критическая традиция скорее перипатетической философии, чем эпикурейской. Любопытно, что, следуя Аристотелю[66], он признавал существование Левкиппа, в то время как Гермарх и Эпикур отрицали это.

Вот все, что нам известно о сочинениях историко-критического характера, вышедших из эпикурейской школы. Но если историко-критическими сочинениями мы очень бедны, то было бы неправильно думать, что систематические исследования эпикурейцев совершенно чужды духу критики и истории. В этом смысле дошедшие до нас систематические работы эпикурейцев представляют значительный интерес, потому что систематические проблемы в них сочетаются с исторической критикой и, добавим, не без логического изящества. Наиболее значительные, дошедшие до нас отрывки подобных систематических иссле-

дований эпикурейской философии принадлежат *Филодему*, одному из выдающихся философских умов древности.

Филодем происходит из Гадары в Килезирии; время его деятельности относится приблизительно к 58—60 гг. до н. э. Он был современником Цицерона, который слушал его лекции[67]. Сочинения Филодема носят самый разнообразный характер. Наряду с «Обозрением философских сект» до нас дошли такие сочинения как «О музыке» или «О стихах»; наряду с рассуждением «О смерти» мы имеем исследование «Об индуктивных умозаключениях» и «О числе». Широта кругозора автора сочетается с тонким критическим умом, логика—с иронией, систематические проблемы—с полемическими задачами.

Филодем является главнейшим источником о почти совершенно неисследованном[68] демокритовце Навзифане. Демокритовец Навзифан имел решающее влияние на Эпикура, будучи одно время его учителем.

Большое количество сведений о Демокрите сохранила скептическая литература. Из работ крупнейшего представителя этой школы, Секста-Эмпирика (около 200 г. н. э.), до нас дошли полностью: «Три книги пирроновых положений» (есть русский перевод), затем сочинение «Против догматиков», в котором автор свое скептическое оружие направляет против логиков и физиков, с одной стороны, а с другой—против этиков, и наконец сочинение «Против ученых», в котором Секст свое скептическое мировоззрение пытается обосновать критикой риторики, грамматики, геометрии, филологии, астрономии и музыки. Эти сочинения Секста относятся к числу важнейших источников изучения Демокрита. Не следует однако забывать, что суждения Секста-Эмпирика в сильнейшей степени окрашены его личным

мировоззрением как скептика. Обосновывая свой скепсис критикой догматических учений, он заинтересован в том, чтобы доказать древнее происхождение скептицизма, и с этой целью стремится выискать у более древних мыслителей близкие ему скептические идеи.

Таковы косвенные источники нашего знакомства с Демокритом.

О ЖИЗНИ

Прочитав приведенные в книге свидетельства о жизни Демокрита, читатель окажется в большом затруднении: настолько они разноречивы. Точных биографических данных о Демокрите не сохранилось. Большинство доксографических источников признает, что Демокрит был родом из Абдер, города во Фракии, и что отца его звали Дамасипп[1]; об этом сохранилось указание также и у позднейших алхимистов в псевдодемокритовой литературе[2]. Существует однако целый ряд свидетельств противоположного характера[3]. Также и относительно его родного города: называют также не только Абдеры, но и Милет[4]. Повидимому имя его отца было потеряно уже в древности[5], а указывать на Милет как на его родину толкало общее представление о Левкиппе, учителе Демокрита, происходящем из Милета и слушавшем Парменида и Зенона[6]. Называют его братьев,—Дамаста и Геродота и сестру[7].

Демокрит родился в одной из ионийских колоний, широко открытых для культурного влияния Востока.

По Аполлодору, Демокрит родился в 80-ю олимпиаду, т. е. 460—457 гг. до н. э., а по Трасилу, в третьем году 77-й олимпиады, т. е. в 470—469 гг. Свида пишет, что, по мнению одних, он родился в 472—469 гг., а по мнению других—в 460—457 гг. По хро-

нологии Евсевия Демокрит и Анаксагор родились в 70-ю олимпиаду, т. е. в 500—497 гг. Столь же разноречивы и остальные свидетельства относительно года рождения. Нет достоверности и в свидетельствах о времени смерти Демократа. Его относят то к 94,1 олимпиаде, т. е. к 404 г., то к 105-й олимпиаде, т. е. к 359 г. Одни считают, что он умер в возрасте 104 лет, другие — 108, третьи—109.

Чтобы разобраться в этой массе разноречивых свидетельств и остановиться с большей вероятностью на одной определенной дате, необходимо обратить внимание на то место Диогена Лаэртского, где он говорит о свидетельстве Аполлодора относительно года рождения Демокрита.

Диоген пишет: «Что касается времени, то он был, как он сам говорит в «Малом диакосмосе», еще молод, когда Анаксагор был уже стар. Это «Малое миростроение»,—говорит он,—было написано им 730 лет спустя после падения Трои. Его рождение, как говорит Аполлодор в своей хронике, падает на 80-ю олимпиаду (460—457 гг. до н. э.), а по Трасиллу, наоборот, в его «предисловии к чтению Демокрита», на третий год 77-й олимпиады (470—469 гг.), т. е. следовательно он был моложе Сократа на один год».

Сравнительный анализ сохранившихся до нас фрагментов Эфора и других придерживающихся его летоисчисления греческих историков[8] позволяет установить год падения Трои: он приходится приблизительно около 1150 г. до н. э. Демокрит говорит, что «Малый диакосмос» (миростроение) написан им 730 лет спустя после падения Трои, т. е. следовательно в 420 году. По Аполлодору же, «расцвет» (акме) Демокрита приходится одним «поколением» позже Анаксагора, т. е. последний был старше его на 40 лет, а последний по его «Хронике» родился в 80-ю олимпиаду, т. е. в 460 году. Другими словами, время «расцвета»

Демокрита — это время, когда он на «сороковом» году жизни писал свое «Малое миростроение»; мы ставим «сороковом» в кавычки, так как это лишь аполлодоровский прием исчисления поколений. Принимая же во внимание, что все писатели отмечают преклонный возраст Демокрита, наиболее вероятной из указанных выше дат его смерти следует повидимому считать 104,4 олимпиаду, т. е. 360 г. до н. э.[8a] Таковы основные биографические даты, которые можно принять с большей вероятностью.

Анаксагор умер в 428 г. в Лампсаке, где он имел свою школу и где пользовался очень большой известностью, на что указывают имеющиеся у нас древние свидетельства о его смерти и пребывании в Лампсаке. Здесь, а не в Афинах, познакомился с ним Демокрит. Ему было 30 лет, Анаксагор же был 70-летний старик. Затем, спустя десять или пять лет, возвратившись из путешествий, он основывает в Абдерах свою школу и позже, в возрасте 40 лет, выступает с «Малым миростроением». Вот почему понятно замечание Демокрита в «Малом миростроении», что он был еще совсем молод, когда Анаксагор был стар. «Малое миростроение» написано после смерти Анаксагора, и Демокрит, закончив свое первоначальное образование, отмечает, как он, будучи юным, слушал Анаксагора[9].

Аристотель говорит о Демокрите, что он еще до Сократа занимался логическими определениями понятий. То же самое говорит Цицерон. Это, разумеется, не противоречит принятым выше биографическим датам, поскольку речь идет не о хронологии в свидетельствах Аристотеля и Цицерона, а о философских проблемах. Демокрит мог быть современником Сократа и заниматься логическими проблемами еще до того, как Сократ подошел к ним.

Но Диоген Лаэртский противопоставляет мне-

нию Аполлодора мнение Трасила, повидимому имевшего на руках сочинения Демокрита и даже написавшего нечто вроде пособия для чтения его произведений. Трасил говорит, что Демокрит родился в 470—469 гг., т. е. был на один год старше Сократа. Но и это свидетельство не является решающим аргументом против указанных выше дат. Желая исправить Аполлодора, Трасил основывается на годе падения Трои; нам же неизвестно, по какому летоисчислению он исчислял год падения Трои; возможно, что он следовал не Эфору, а Эратосфену[10], тем более. что Трасил как будто делает Демокрита старше, чем мы предполагали. Конечно мы далеки от определенно достоверных положений; никогда например нельзя будет опровергнуть возражения, что слова Демокрита о времени написания «Малого мироустроения» всегда останутся нерешающими для хронологии, так как ведь нам неизвестно, какого летоисчисления придерживался сам Демокрит, чтобы определить год падения Трои. Тем не менее все вышесказанное говорит за то, что именно таковы вероятные основные биографические даты Демокрита: год рождения—460, написание «Малого мироустроения» относится к 420 году, но оно не было первым произведением; год смерти—370.

Отсюда следует также отношение к Протагору. Известно, что они были ровесниками[11], что Протагор слушал Демокрита[12]. Известно, что Демокрит горячо полемизировал с Протагором[13] и написал даже целую книгу против Протагора[14]. Сократ, Протагор и Горгий—современники Демокрита[15],—и Демокрит противопоставляет себя древним философам и высказывается о них, или критикуя, или характеризуя их в исторической перспективе. Известен его отзыв о Фалесе как первом из астрономов, об Анаксагоре, приводимый Секстом. Диоген Лаэртский говорит, что, по словам Демокрита, учение Анаксагора о солнце и

луне вовсе не принадлежит ему, но более древнего происхождения. Все эти факты говорят о том, как мало выражает существо дела распространенное представление о Демокрите, как о «досократике».

Существует однако еще одно возражение против принятой Дильсом хронологии Демокрита. Его обосновал в ряде работ С. Я. Лурье. Следуя неоднократным указаниям в литературе[16], С. Я. Лурье утверждает, что Антифонт-Софист во многом следовал Демокриту, выписывая из него целые изречения[17], причем с произведениями Демокрита Антифонт должен был ознакомиться уже в 425 году.

Антифонт родился в середине V века. Около 424 г. опубликовал в двух книгах исследования «Об истине». Намек в комедии «Мир»[18] дает некоторую возможность предположить, что в 422 г. во время пребывания Демокрита в Афинах Аристофан находился в теснейшем общении с ним. Ему же принадлежат книги: «О единомыслии», «О толковании снов» и др.[19].

Дюммлер путем сопоставления одного отрывка Антифонта с «Облаками» Аристофана доказал, что Аристофан направлял острие комедии против Антифонта. Так как комедия Аристофана была поставлена в 423 году, то С. Я. Лурье на этом основании доказывает, что книга Антифонта «Об истине» была написана уже около 425 года. Установив факт заимствования Антифонтом у Демокрита, С. Я. Лурье делает вывод, что примерно к 430 году Демокрит уже опубликовал труды по всем основным затронутым им вопросам.

В интересно развернутой аргументации С. Я. Лурье есть три пробела: первый — выдвинуты и обоснованы даты рождения (475—470 гг.) и начала литературной деятельности (440 г.), но ничего не сказано о смерти: можно ли допустить, чтобы Демокрит жил свыше ста лет и ничего не написал в течение послед-

них 50 лет своей жизни? Второй пробел касается вопроса о том, как объяснить общепризнанный в литературе факт чрезвычайно позднего знакомства афинян с учением Демокрита. Третий пробел—из того факта, что атомистическая теория пародировалась на сцене в 423 году, вытекает не то, что Демокрит до этого уже был популярен, а то, что он не был первым, развивавшим корпускулярную теорию.

Начало литературной деятельности Демокрита надо относить лишь к 428—427 гг.

Демокрит *начал* писать после 428 года, но не позже 425 года. Антифонт познакомился с его учением не позже 423 года. В 423 году это учение уже пародировалось на сцене в комедии Аристофана. Не только Демокрит не может быть понят вне индивидуализма и субъективизма конца V века, но и обратно,—и в этом суть!—индивидуализм и субъективизм конца V века не могут быть поняты без Демокрита. Решающим критерием и тут остается классовая борьба в Греции «эпохи просвещения». «Малое миростроение» было написано в 420 году, но оно не было первым литературным произведением Демокрита[20]. Путешествия Демокрита продолжались 18 лет[21], и, не делая весьма невероятного предположения, что эти путешествия отняли сплошной промежуток времени от 440 до 422 года, можно допустить, что свою первую работу он мог написать до 425 года.

Можно, напротив, предположить, что каждое путешествие Демокрита отмечалось каким-либо научным сочинением, может быть подводящим итоги наблюдениям или собирающим материал для систематических занятий. И действительно среди книг Демокрита, о которых сообщает Диоген Лаэртский, имеются такие, как исследование «О фригии», исследование «О халдеях», «Об историческом исследовании», «О священных свитках в Вавилоне», «О

священных свитках в Мерое», «Путешествие вдоль океана». Здесь должна быть отмечена несомненная связь научных работ Демокрита с его путешествиями.

Из всего сказанного следует, что Демокрит вырос в классовой борьбе эпохи софистов и Сократа; что его основная задача—защита интересов промышленной части класса рабовладельцев, что философия Платона в значительной степени определена классовым антагонизмом к Демокриту со стороны реакционной знати в период назревания упадка рабского хозяйства.

О СОЧИНЕНИЯХ

Сочинения Демокрита уже в древности расценивались как произведения высокой художественности. Античная филология усиленно занималась Демокритом, изучая на его произведениях правила риторического искусства.

В культурный обиход греческой жизни конца V века грамматику ввел один из самых талантливых учеников Демокрита—Протагор из Абдер. Известно, что Каллимах собрал все свои комментарии (глоссы) к тексту Демокрита и присоединил их к собранию его сочинений. Грамматик Гегезианакс написал особое сочинение: «О стиле Демокрита и поэтических выражениях у него». Трасил составил систематический список его сочинений и даже написал специальное «Руководство к изучению сочинений Демокрита». Наконец, заметим кстати, что и поэт Тимон Флиунтский называет Демокрита «пастырем слов».

Фраза Демокрита—краткая. Глагол ἐστί почти отсутствует. Фраза построена таким образом, что размеренное повторение определенных слов оформляет и делит фразу на несколько частей, которые благодаря своему звуковому и ритмическому сходству создают целостное впечатление.

В иных случаях Демокрит делит свои фразы на несколько частей и другим путем — не словесным подбором, а метрически.

Наряду с метрическим построением Демокрит часто пользуется и звуковой инструментовкой фраз, чтобы оттенить выпукло свою мысль,—именно аллитерацией, асонансами и т. д. Эмоциональность интонаций — гнев и суровый холод, грусть и сожаление, смех и молчаливое согласие,—все это он стремится передать в звуковых сочетаниях и оттенках.

Наконец Демокрит был известен как автор новых словообразований. Демокрит вводит ряд чрезвычайно важных специфических философских понятий, которых нет у «досократиков». Правда, он часто брал эпитеты у Эмпедокла. Но момент условности грамматического порядка, уклон в сторону *риторики* [1] в ущерб грамматике ради фонетики, ради формальных правил риторического построения речи,—вот что делает Демокрита современником софистов. Все эти черты художественного стиля давали повод многим исследователям искать в языке Демокрита стихотворный размер.

Исключительное внимание к форме изложения у Демокрита есть лишь отражение того высокого значения, какое приписывали форме изложения в греческой литературе вообще. Эдуард Норден говорит о Демокрите: «Философ, который дал отчетливое выражение духа времени с его противоречием между традиционным обычаем и объективной истиной (νόμῳ—ἐτεῇ), мыслит и пишет почти исключительно в антитезах: тому, чего нет или не должно быть, он противопоставляет то, что есть или что должно быть».

Если к этому добавить, что язык Демокрита отличается также и образностью (например «слово—тень дела», «жизнь без отдыха—путь без конца»), станет

понятно, почему стилистическое искусство Демокрита вызывало восхищение уже в древности.

Цицерон например пишет, что физик Демокрит излагал вопросы естествознания, украшая свои книги искусством оратора [2]. «Темного» Гераклита Цицерон противопоставляет «ясному» Демокриту [3]. Дионисий Галикарнасский в сочинении «О композиции» не случайно поставил Демокрита рядом с Гомером, Софоклом, Платоном и Демосфеном как представителя «среднего стиля», объединившего в одно гармоническое целое суровую сжатость с изяществом и ясностью [4].

Сочинения Демокрита погибли уже в глубокой древности. Торжество христианства не могло примириться с материалистическими теориями этих книг. О ранней гибели демокритовских сочинений красноречиво говорит тот факт, что уже в древности поднимались споры о подлинности тех или иных произведений Демокрита. Известно, что одна из его главных книг по физике, «Великий диакосмос» (миростроение), Теофрастом приписывалась Левкиппу, а Свида, наоборот, пишет: «Подлинными произведениями его следует считать только два: «Великое миростроение» и «О природе мира».

Список сочинений Демокрита был составлен придворным астрологом и грамматиком императора Тиберия *Трасилом* и сохранился в книге Диогена Лаэртского [5]. Он разделил сочинения Демокрита на пять отделов: этику, физику, математику, филологию (мусические науки) и технику. Позже, вероятно Диогеном Лаэртским, между «Физикой» и «Математикой» была вставлена еще одна группа «не вошедших в список» Трасила. Сочинения каждого отдела делятся Трасилом на несколько групп, а каждая группа во всех отделах состоит из четырех сочинений. Отсюда название трасилловского списка как списка

«по тетралогиям» (по группам в четыре книги). Список Трасила в том виде, как его передает Диоген Лаэртский[6], нами приведен полностью в тексте. Кроме этого списка мы даем также доксографические свидетельства о сочинениях Демокрита. Заглавия сочинений, которые не вошли в список Трасила, также приведены нами в тексте.

О СОЧИНЕНИЯХ ПО ФИЗИКЕ

Главное сочинение Демокрита «Великий диакосмос» (миростроение), т. е. изложение космогонии, некоторыми авторами уже в древности приписывалось Левкиппу. Представляют себе дело так, что система атомистики во всех своих существенных чертах была намечена Левкиппом и развита в отдельных областях знания его учеником Демокритом. Левкиппу приписываются два сочинения: «О великом миростроении» и «О разуме». Но в то время как подлинность например первого из них утверждается Теофрастом, Эпикур, современник Теофраста, отрицал вообще существование Левкиппа. С другой стороны, мы имеем список сочинений Демокрита по физике составленный Трасилом.

Трасил указывает в этом списке, в числе произведений Демокрита, «Великий диакосмос» (или миростроение), добавляя: «*То самое, которое Теофраст приписывает Левкиппу*». В геркуланских свитках также имеется косвенное указание («говорят, что»...) на принадлежность этого произведения Левкиппу[7]. Свида считает подлинными сочинениями Демокрита только два и в их числе—«Великий диакосмос» (или миростроение). Неудивительно что подобная разноречивость в свидетельствах всегда была в литературе поводом к ожесточенным спорам. Эрвин Роде и В. Нестле столь же горячо и безоговорочно отвергают историческую реальность Левкиппа и утвер-

ждают принадлежность «Великого миростроения» Демокриту, сколь горячо и безоговорочно признают историческую реальность Левкиппа Дильс, Гомперц, Дыров, Зуземиль[8], Джордж Сартон.

Не вдаваясь в изложение спора[9], мы ограничимся краткой характеристикой физических работ Демокрита[10]. Список сочинений по физике открывается двумя работами: «Великий диакосмос» и «Малый диакосмос». «Διάκοσμος,— говорит Роде,—как обозначение гармонического строя вселенной (причем должна быть отброшена всякая мысль о телеологии) есть древнее слово вместо позднего общеупотребительного κόσμος; оно уже есть у Парменида. От него атомистика могла заимствовать как это слово, так и понятие такого строя вселенной. «Малый» мир мог бы в таком случае обозначать наш мир, в который мы заключены»[11]. И действительно—план трасиловского списка[12] сразу становится ясным: сперва он перечисляет космологические сочинения, затем антропологические, далее—физиологические и наконец—методологические. Кроме того в атомистике действительно было положено начало тому различию между микрокосмом и макрокосмом, которое впоследствии стало самым обычным в древности для различения ζῷον и τὸ πᾶν—жизнь и вселенная. Это совершенно ясно из того, что в одном из фрагментов Порфирия[13] речь идет о тех ученых, которые называют человека «μικρὸς διάκοσμος»[14], «малым миром»— а Давид, один из схолиастов Аристотеля, пишет между прочим: «В человеке, в этом *малом мире*, «микрокосме», по выражению Демокрита»[15]. Наконец у Галена читаем: «Древние говорили, что живое существо—это малый мир»[16]. После этих свидетельств, думается, совершенно не приходится сомневаться в чисто демокритовском происхождении различения макрокосма и микрокосма[17], а в этом различии нельзя не

видеть смутных элементов преодоления механицизма. Но если это так, то остается только допустить, что «Великое миростроение» принадлежит Демокриту.

Вторая группа работ по физике посвящена органическому миру вообще и человеку в частности. Это — четвертая тетралогия Трасила: 1) «Первая книга о природе», 2) «Вторая книга о природе человека или об органическом теле», 3) «Об уме», 4) «Об ощущениях» (или «О душе»).

Первые две работы были повидимому тесно связаны общими проблемами: в первой Демокрит исследует природу органического мира вообще, во второй—природу человека.

Известно, что «О природе человека» писали в древности очень многие врачи, софисты и философы. У нас есть например свидетельство Галена [18] о том, что сочинение под таким заглавием написал Диоген Аполлонийский. Аналогичные работы, как известно, имеются у Гиппократа. Наконец, одно из научных произведений самого Галена, комментирующее Гиппократа и следующее быть может также Демокриту, посвящено исследованию «природы человека» [19].

Демокрит является одним из родоначальников греческой научной медицины, и попытка восстановить фрагменты его исследования «О природе человека» [20] с наглядностью показывает, что проблемы физиологии были уже поставлены тогда на почву научного исследования. С точки зрения физиологии ставится здесь и вопрос «Об уме» и «Об ощущениях». «Последние два сочинения,—добавляет Трасил у Диогена Лаэртского,—некоторыми объединяются в одну книгу под заглавием «О душе». Те свидетельства Аристотеля в сочинении «О душе», которые касаются психологических воззрений Демокрита, повидимому имели пред собою одноименное сочинение Демокрита.

Следующая группа работ Демокрита была посвящена специально атомам. Это—пятая «тетралогия» Трасила: 1) «О вкусах», 2) « О цветах», 3) «О различии форм», 4) «О взаимном изменении форм» (истечение атомов). О нервых двух—никаких следов не сохранилось, две последние—несомненно подлинные работы.

«О различии форм» περὶ τῶν διαφερόντων ῥυσμῶν сочинение несомненно демокритовское. Свида под словом ῥυσμός пишет: «на абдеритском наречии означает форму (σχῆμα)», по его мнению, Демокрит из Абдер употреблял и другие неэллинские слова. И хотя действительно у Геродота также можно найти это же слово (ὁ ῥυσμὸς τῶν γραμμάτων)[21], но употребление его в том контексте, в каком оно имеется в свидетельстве Аристотеля, нужно признать очень характерным для стиля Демокрита. У Аристотеля между прочим сказано: «Положенные в основание неделимые тельца тожественны по материалу, но могут различаться друг от друга по роду (или типу), т. е. по форме, или по расположению, т. е. по порядку, или наконец—по повороту, т. е. по положению». Отсюда понятно, что ῥνσμός у Демокрита означает «форму», «тип», «вид» и употребляется или для характеристики как бы родового признака атомов или того, что соответствует греческим ἰδέα, εἶδος. Филопон («De an.» p. 68,3, FVS², 344, 13) так и пишет: «слово ῥυσμός—абдеритского происхождения, оно означает σχῆμα»[22].

Последняя же работа «Об изменениях форм» («Об истечениях») ставила своею целью, повидимому, исследовать изменения сложных тел, которые, по физике Демокрита, образуются из соединения или из раздробления некоторого собрания неделимых телесных частиц. Речь шла, другими словами, об истечениях, о соединениях атомов, об изменениях форм сложных

тел. По мнению Шлейермахера, в этом произведении трактовался вопрос о том, возможно ли изменение форм атомов и переход одного элемента в другой [23].

Мы считаем, что к этой группе специальных исследований о сравнительном значении атомов в разных областях природы относятся и следующие работы:

Проблемы исследования неба. Проблемы исследования воздуха. Проблемы исследования земли. Проблемы исследования огня и всего, доступного огню. Проблемы исследования звука. Проблемы исследования животных. Три книги. Разные проблемы. О магнитах.

Эти сочинения повидимому представляли собою сырые материалы, предварительные записки, собрания фактов, которые позже становились предметами специальных монографий.

Первые три произведения затрагивали те же проблемы, какие исследуют теперь астрономия, метеорология, геология; далее Демокрит останавливается специально на звуке и теплоте, а последняя группа из этого собрания повидимому целиком посвящалась растениям и животным. Что касается подлинности этих сочинений, то на этот счет у нас нет никаких определенных данных, а тем более нет данных для того, чтобы смешивать с аналогичной по содержанию псевдодемокритовской литературой, о которой в пространных и туманных выражениях повествует Плиний[24]. Невозможно по той же причине смешение этих сочинений с алхимической литературой[25]. Кроме того пришлось бы в противном случае отвергнуть подлинность не только всех естественнонаучных фрагментов Демокрита, но и всех этических. На самом деле ничем неоправданной была бы мысль, что дело идет об александрийской или византийской эпохе. Не оттуда черпались подлинные сведения о натуралисте Демокрите. Физиологические пробле-

мы занимали последнего не меньше, чем космологические, судя по многочисленным свидетельствам на этот счет Аристотеля и Теофраста, а главное по огромному медицинскому наследству древней Греции. Его медицинские взгляды являются неразрывной частью атомистического понимания мира, и говорить о том, что все эти теории по своим проблемам не имеют с атомистической никаких точек соприкосновения, очевидно, не приходится.

О МАТЕМАТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ

Демокрит—один из основоположников математической науки, ее крупнейший теоретик и творец целых отраслей математического образования. В этом была сила и преимущество Демокрита перед другим исполином мысли—Аристотелем, но в этом была и величайшая ограниченность Демокрита. Это и не удивительно, ибо механический материализм, последовательно развитый, ведет к одностороннему математическому взгляду на мир; об атомистике—это тем более верно. Атомы обладают лишь количественными определениями, атомистика—количественная теория мира.

Из перечисленных Трасилом сочинений отметим «О различии понимания или о касании круга и шара» и «Об иррациональных линиях и телах»—две работы о проблемах, близких к теории бесконечно малых. Это несомненно замечательные произведения, какие когда-либо нам оставляла древность. К сожалению до нас дошли два-три жалких отрывка; к этим сочинениям несомненно относится знаменитый фрагмент, который сохранился у Плутарха: «О сечениях конуса». Атомы послужили Демокриту для вывода формулы объема пирамиды.

Таннери[1] отмечает интересный факт, что порядку математических работ Демокрита—«О геометрии»,

«Геометрические исследования», «Числа», «Об иррациональных линиях и атомах»—соответствует порядок отдельных разделов «элементов геометрии» Эвклида—кн. I—VI—Планиметрия, VII—IX—Числа, X—Об иррациональном.

Чтобы судить о том, насколько развита математическая физика в отдельных своих отраслях у Демокрита, у нас, правда, нет достаточно данных, но прошло то время, когда на этом основании профессора математики замалчивали[2] историческую роль Демокрита в развитии математики. Традиционную точку зрения на Платона как на «величайшего математика» и «родоначальника подлинной науки» даже буржуазные исследователи истории математики начинают пересматривать под давлением неопровержимых фактов исторической науки[3].

Платон родился несколько лет спустя после начала Пелопоннесской войны. Он родился в 88-ю олимпиаду, т.-е. в 398—399 году. Когда Платон писал «Пир», Демокриту было уже около 95 лет[4]. Как шло образование Платона, какие книги прочитывались им в первые годы его знакомства с Сократом и с какими философскими школами он знакомился в это время—неизвестно[5]. Достоверно известно, с одной стороны, его аристократическое происхождение, отрицательное отношение к существующему строю, его горячие симпатии к аристократической партии, с которой его связывали сословно-эгоистические интересы и активными вождями которой были два его брата,—и, с другой стороны, его большие художественные способности, для которых бушевавшие в то время в Афинах политические страсти оказывались повидимому живейшими импульсами; его литературная деятельность всецело определялась политическими интересами. Развивая и защищая свои взгляды о нравственной свободе, он мечтал о политической свободе своей

партии, утраченной в классовой борьбе 411—403 гг. Окружающая его молодежь и вся общественная среда, взбудораженная бесконечными политическими процессами, кипевшая в интригах и отточенных судебных речах в платоновом «взлете ввысь к идеям», на высоты чистого созерцания, не могла не видеть проповеди политического честолюбия и неизбежной гибели «земного» существующего строя; и конечно оно, это честолюбие, овеянное быть может романтическими представлениями о политическом могуществе, влекло его в Сиракузы, к тирану Дионисию, а не жажда знания, не стремление к расширению и углублению своего образования. В речах своих, диалогах, написанных с изяществом стиля и отчеканенных с подлинно поэтической образностью, он говорил о нравственной добродетели, о благородстве, о красоте души, взывая на самом деле к благородству и добродетели той же знати из рабовладельцев. И разве идея Эроса как связующего начала между идеальным и действительным миром не была призвана скрывать его отрицательное отношение к демократии, его партийные и сословно-эгоистические интересы? Чему в сущности обязан общий этический уклон его философии своим преобладанием в его время, как не тому критическому положению аристократии, которое создавалось в городе благодаря непрестанной классовой борьбе со времени Пелопоннесской войны? Не является ли его знакомство с философией неопифагорейцев, известное нам по Филебу и Тимею, лишь случайным следствием его упорных попыток в Таренте завязать сношения с неопифагорейцами, с тем чтобы получить у них политическую поддержку? И разве единственной целью этого знакомства не было лишь одно желание—повлиять на Дионисия старшего через неопифагорейцев единственных философов, играющих в особенности после войны Сиракуз с Карфагеном и разрушения Ак-

раганта видную политическую роль в жизни того времени? Потерпев поистине трагикомическое фиаско, он, преисполненный авантюризма, не только не падает духом, но и два раза пытается вновь воспользоваться доверием Дионисия-младшего. И после новых неудач не перестает мечтать достигнуть своей цели на острове Крите[6].

Платон был идеологом реакции. Неудивительно, что он был чужд науке. Он не делал даже попыток самому познакомиться с сочинениями ионийских физиков, о проблемах естествознания он знал лишь из вторых или третьих рук, о предшественниках своих судил по рассказам[7]. «Однажды, — говорит Сократ в «Федоне»,—я услышал от одного, что он вычитал из одной книги, как он говорит, Анаксагора, что разум есть упорядочивающее начало»... Между тем из «Апологии», ясно видно, что книги Анаксагора, жившего в Афинах, были очень распространены и познакомиться с ними было нетрудно, «заплатив за них в орхестре (книжной лавке) иной раз не больше драхмы». Но не только сочинения Анаксагора, но и сочинения Парменида и Зенона, как указывает Шаршмидт[8], можно было достать так же легко в Афинах, как в Мегаре. Все годы юности к ранней зрелости шли на голое усвоение уже добытых готовых результатов научного развития. В этом отношении Платон всецело оставался в пределах узких рамок культурного развития своего времени, никогда не поднимаясь выше того уровня, на котором находилась тогда научная жизнь Афин. Даже после второго и третьего путешествия, в 355—354 гг., т. е. после того как он познакомился в Сиракузах с первыми астрономическими гипотезами, с более глубокими завоеваниями медицины и с космогоническими теориями и, быть может, обратился к изучению атомистической школы — даже после этого влияние научных занятий ограни-

чилось лишь подражанием принципам, логическим развитием их и изложением, которые сделали бы честь любому популяризатору, но которые ничего не говорят о философе, о человеке науки, самостоятельно прокладывающем ее пути и методы.

И когда современный историк науки говорит нам, что «разговоры о Платоне как о творческом математике и астрономе являются одной лишь сказкой, в которую сегодня никто не должен верить»[9], то нам остается признать, что это действительно так.

Афинян мало интересовала ионийская натурфилософия. Нет никаких следов, что Платон где-либо заметил хоть раз имя Анаксимандра. «Что незнакомство Геродота с ионийским естествознанием, говорит Виламовиц, означало шаг назад в области географии, не было замечено ни одним афинянином. Космические принципы этой ионийской физики, в силу которых Фалеса и Анаксимандра мы причисляем к основателям науки философии, с трудом находили здесь распространение и понимание»[10]. «Я пришел в Афины, и там меня никто не знал»[11],—говорит Демокрит. Деметрий пишет о нем: «Вот он знал Сократа, Сократу же он был неизвестен»[12]. Да и Геродот передавал лишь то, что было прекрасно известно оснастителю любого корабля о событиях побережных стран или любому государственному деятелю о могуществе персов и общественной жизни египтян. Впрочем конечно некоторые наблюдения над явлениями природы Геродоту были известны (например II, 28), так как первые зачатки медицинских знаний были очень популярны у афинян. Но в целом развитие научных знаний шло медленно, и только в середине V века Афины усвоили то, что было уже в VI веке доступно всем в ионийских городах Малой Азии. С учением Демокрита в его специально научной форме впервые познакомил афинян Аристотель.

Когда в лице софистики философия прокладывала путь на афинской почве идеям гераклитовой физики, а естествознание—медицине Эмпедокла, то это захватывающее все живые умы современности движение по своему значению в культурном развитии страны не переставало уступать высоким достижениям искусства. «Искусство существовало в Афинах, и оно раньше, чем научное исследование, успело пустить в нем корни. Многое, что побуждало к искусству, было связано с ремеслом: необходимость пополнить скудную выручку от земли произведениями ремесленного труда, привлечение чужеземных ремесленников Пизистратом и Солоном с вышеуказанной целью; изобилие в стране сырого материала для искусства и для художественно-ремесленных произведений в виде самой тонкой глины для горшечников и богатых залежей мрамора для скульпторов. Что органы чувств особенно тонки и остры, где воздух наиболее чист, где свет наиболее полон,—в этом не сомневались уже в древности»[13]. Платон не мог и не хотел заняться изучением и самостоятельной разработкой проблем естествознания. Политические интересы не только мешали этому, но напротив, повидимому подогревали вдохновение этого авантюриста.

Аристократия для обоснования идеологической реакции была тоже склонна избрать скорее художественную форму, чем научную теорию.

Известно, что Платон в ранней юности писал стихи и трагедии[14]. Диалоги же его не представляют собою систематического развития одной проблемы по какому-либо определенному логичному плану. Они лишены внутренней логической сконцентрированности. Каждый из них написан по определенному поводу,—большей частью по личному. Содержание для диалога Платон заимствует прямо у своих осмеиваемых противников, становясь на их точку зре-

ния и опровергая, исходя из их же оснований[15]. Это вполне отвечает общей художественной отделке драматической формы его диалогов, которая конечно не была его созданием, которая именно в эту пору должна была получить самое широкое признание ввиду сильнейшего развития и диференцирования общественных отношений в Афинах вообще, потому что сильно развитая общественность выделяла индивидуальность и вызывала к жизни ту литературную форму, в которой непосредственно и ярче могла находить свое выражение яркая индивидуальность. Разнообразие точек зрения, столкновения мотивов, побудительных причин и взглядов, меняющаяся сцена,—все это создает живое театральное впечатление. Иногда два-три штриха Платону достаточны, чтобы нарисовать яркий и выпуклый психологический очерк. Иногда длинная затянувшаяся речь прерывается шутливым поэтическим образом, и весь диалог оживляется в силу театрального впечатления от живого повседневного языка[16].

Предприняв путешествие в страны Средиземного моря, Платон не посетил Ионии. Мы знаем, если доверять Диогену Лаэрцию, что он посетил Кирены, математика Феодора, от него уехал в Италию, к пифагорейцам Филолаю и Евриту, а отсюда в Египет[17]. Предпринять такое большое, для того времени чуть ли не кругосветное путешествие мог человек, обладающий большими денежными суммами. Между тем политические события в Афинах 411—403 гг. и критическое положение торгово-аристократической знати из класса рабовладельцев заставляют сомневаться в том, чтобы Платон обладал большими денежными средствами. Напротив Геллий например пишет, что Платон брал в долг общественные деньги, то же самое утверждают Дамасций и Свида. Может быть, следует искать объяснение в свидетельстве Плутарха, что

целью путешествия Платона в Египет была продажа масла[18]? У нас нет достаточных оснований судить об этом. Разорившиеся афинские аристократы часто затевали торговые операции с целью восстановления своего состояния[19]. Кто знает, может быть, Платон последовал их примеру? В таком случае вовсе не нужно было ехать в Ионию, где он масла не продал бы, где Клазомены славились высоким качеством и не менее высоким количеством добываемого масла, в то время как для Аттики Египет был главнейшим местом сбыта оливкового масла[20]. К тому же это были 399—398 годы, т. е. годы полной неустойчивости политической свободы торговых центров (Хиос, Митилены), полного политического упадка других (Самос и др.), неустойчивого преобладания третьих (Родос), разрыва морского союза с Афинами и запутанных отношений, с одной стороны, с персами, а с другой—с афинянами. И не случайно отсутствие у нас каких бы то ни было сведений о торговле Милета не только с Аттикой, но вообще с европейской Грецией[21].

Итак, с одной стороны, защита политических интересов аристократии средствами художественной выразительности, с другой—умственная отсталость Афин от Милета—этими двумя обстоятельствами определяется отношение Платона к естествознанию, к физиологии и медицине ионийских натурфилософов. Он касался их лишь постольку, поскольку их касались его современники, с которыми ему приходилось сталкиваться (Протагор, Антисфен, Филолай, Теэтет, Архит и др.).

Интересы классовой борьбы рабовладельческой аристократии лежат и в основе платоновского отношения к математике: Платон не разрабатывает науку математики, а мистифицирует ее.

Эта мистификация была подготовлена «пифагорейцами». Пифагор жил в средине VI в. до н. э., но лич-

ность его скрыта за массою туманных мифических рассказов. По традиции пифагорейцев и неоплатоников эпохи Римской империи, вся «пифагорейская философия»—и следовательно почти все важнейшие открытия в математике, астрономии, физике и т. д.—была делом научной деятельности Пифагора, и стало быть после VI в. никакого развития научной мысли в Греции не было. На самом деле сам Пифагор никакого отношения к математике не имел [22]. Достаточно одного тщательного изучения произведений современников (Платона, Аристотеля, Евдема), чтобы убедиться в том, что все открытия, приписываемые Пифагору, трактовались как совершенно новые и даже еще неизвестные в широких кругах достижения науки. Что же принадлежало самому Пифагору? Ученики старого Пифагора во многих городах Греции образовывали религиозные политические общины, по духу очень близкие к секте орфиков, и окружали массой легенд личность своего учителя. Свои *этические* взгляды в конце V в. *Демокрит* изложил в произведении, озаглавленном «Пифагор»; в нем Демокрит излагал свое учение, но для большей убедительности изображал свое учение древней мудростью, которая якобы была известна уже Пифагору. (То же самое Демокрит проделал со своими эстетическими теориями, приписав их Гомеру.) Группа южноиталийских ученых, образовавших в самом начале IV в. до н.э. политическое и научное общество, следуя Демокриту, стала выдавать свои теории за мудрость древнего пророка. В то же время пифагорейская философия стала связываться с математикой, потому что тот же Демокрит мыслил математически и вообще математический склад его атомистической философии был для всех очевиден. Ясно, что группа южноиталийских ученых во главе с Архитом—это одно, и совсем другое—религиозно-политические секты по-

следователей древнего Пифагора. И это было ясно уже Аристотелю: он нигде не называет южноиталийских ученых пифагорейцами, но всегда—«*так называемыми* пифагорейцами». Исходным пунктом научной деятельности «*так называемых*» пифагорейцев был идеалистически истолкованный Демокрит, а исходным пунктом для Платона были «пифагорейцы».

Каковы были условия развития математики?

Проблемы механики, геометрии, перспективы впервые были поставлены строительной, в частности кораблестроительной и военной техникой, а затем и театром. Художник Агатарх, еще при жизни Эсхила, в 468 г., нарисовал для сцены перспективные декорации и написал маленькое исследование об этом виде живописи. Это было в то время, когда Софокл вводил в драму действенное напряжение вместо чисто психологического развития темы у Эсхила, а художники и скульпторы все более и более отрешались от общепринятых «идеальных» форм и наполняли индивидуальной жизнью свои фигуры. В то же время и на «сцене» жизни—такие же яркие, строго оформленные в своем личном характере индивидуальности. Сценическая живопись сделалась предметом точного изучения сперва в руках Анаксагора, а потом—Демокрита. Перспектива в сценической живописи образовывала в представлении этих философов специальную область математики—«оптику в узком смысле», или «сценографию». Перспективе Демокрит посвятил два специальных сочинения («Актинография»—о конструкции световых лучей—и «Экпетасмата»[23]—о протяженностях и их расстановке). И если до Демокрита все геометрическое знание ограничивалось планиметрией, то Демокрит заложил основы стереометрии. Философию Демокрита можно прямо назвать философией перспективы не только потому, что за абсолютное он принимал стереометрические «тела», но и

потому, что на обоснование учения о субъективности вторичных качеств сильно влияли факты перспективного обмана зрения. Значение Демокрита в истории точной науки заключается в том, что принцип перспективы он перенес в рассмотрение строения мироздания и положил начало математической науке о небесных телах, астрономии. Гипотеза о котлообразной поверхности земли казалась ему достаточной, чтобы объяснить разновременное появление на небе светил, и сама по себе эта гипотеза была вполне правильна,—звезды естественно по краям должны были появляться раньше, чем в глубине. Однако она имела значение лишь для объяснения восточных светил, но не западных. Но тогда достаточно было представить землю не вогнутой, как думал Демокрит, а выпуклой, чтобы преодолеть все затруднения. Идея шарообразности земли внесла полный переворот в астрономическое миропонимание, и, судя по всем совпадающим в этом свидетельствам наших источников, главными выразителями этого нового миропонимания и его теоретическими основоположниками были те же южноиталийские «пифагорейцы».

Платон был свидетелем всех этих успехов математической науки; математика в руках «неопифагорейцев» на его глазах разоблачала тайны мироздания, в чистой мысли утверждала нечто абсолютное и из нее, как из «гипотезы», выводила все качественное разнообразие мира, и нет ничего удивительного в том, что после знакомства с «пифагорейской» философией Платон стал развивать философию математики или, точнее, математическую метафизику. Он начал с того, что математическую гармонию, лежащую в основе астрономических законов у пифагорейцев, возвел на трон божественной сущности; стройный порядок и закономерность, господствующие в движениях планет и других тел,

например в механике и акустике,—для Платона только духовные сущности, разум, проявления мировой души («Законы», 967).

Основное положение атомизма заключалось в количественном строении материи и всего мироздания. Действительно или истинно существующим было лишь то, что выражалось числовыми отношениями: вещь лишалась всех воспринимаемых нами в ощущениях качеств, оставалась одна лишь математическая форма — фигура, положение и место: определить данный предмет для атомизма означало то же самое, что указать его фигуру, положение и место; определением предмета было число[24], анализ его числового выражения, его формы, *идеи*. Вот этот количественный характер атомизма был заимствован Платоном у Демокрита даже вместе с его терминологией: «идея», [25] т. е. «форма», «элемент», «логос» (понятие), «синтезис» и «диайрезис» (разделение), но истолкован идеалистически и направлен против атомизма.

В натурфилософии Платона сущность вещей также выражается в числе, но для Платона это число *уже не было числом атомов и вообще числом чего-либо, но было просто числом*, «идеальным» числом, не имеющим отношения ни к чему другому. Тело для него есть «ничто», пустое пространство, оно существует только постольку, поскольку пространство наполняется—по образцу трансцендентных «чисел» или «идей»—геометрическими формами. Поэтому идеи Платона также являются числами, как у Демокрита, но в отличие от его атомов-форм эти числа у Платона различаются *качественно*, как друг с другом «несравнимые» «идеальные числа», существующие в вечности еще до происхождения нашего мира. Поэтому и получилось так, что мельчайшие неделимые частицы, из которых также и по Пла-

тону образуются тела, представляют собою не твердые материальные тельца, как у Демокрита, но бестелесные треугольники, т. е. математически-идеальные *атомные линии*, а все мировоззрение можно бы назвать «геометрическим атомизмом» [26].

Математика в руках Платона сделалась мистической, чудодейственной, она призвана была вывести человека к ослепительному свету идеи, поднять его над земною суетою, и, разумеется, отдельные отрасли точного знания в его руках потеряли всякую связь с действительностью. Это было прекрасно известно уже его современникам и ученым ближайшего поколения. Например о музыкальной теории учеников Платона Аристоксен писал следующее: «Эти теоретики музыки вводят в исследование совершенно чуждую ему точку зрения и пытаются исправить данные чувственных наблюдений, считая их неточными. С этой целью они строят метафизические умозрительные «причины» и отождествляют их с теми определенными числами и отношениями скорости, на которых только и должно основывать глубину и высоту тона. Все это совершенно чуждо самим фактам и даже противоречит им. И подобные басни возвещают они как изречение оракула без всякого обоснования и доказательства, даже не проверяя их на наблюдаемых явлениях».

Платон заимствовал у Демокрита также понятие «неделимости» и обернул его острие против материализма великого атомиста, точно так же как он заимствовал у Демокрита понятие «идеи» и обернул его идеалистически против Демокрита, превратив «идею», «форму» из материальной «фигуры» в пустую абстракцию—бесплотную «форму», «цель», «принцип».

Вот почему мы даем в тексте отрывки из сочинения: «О неделимых линиях». Сочинение «О неделимых линиях», дошедшее до нас под именем Ари-

стотеля, по всей вероятности принадлежит одному из учеников последнего.

В этом сочинении речь идет об опровержении учения о неделимых линиях, которое разрабатывалось в «Академии» Платона и главным представителем которого был Ксенократ.

Следующее место из сочинения «О неделимых линиях» указывает на связь учения о неделимых линиях с учением об идеях Платона: «Если существует идея линии, а идея есть нечто первичное в том, что по понятию тождественно, части же по природе даны раньше, чем целое, то «линия—как равная» должна быть неделима»[26a].

Или другое место: «Если [все] телесное состоит из элементов, а элементы суть первичные, и части даны раньше целого, то огонь, как и каждый вообще из первичных элементов, должен быть неделимым. Следовательно не только в области мыслимого, но и в области чувственных восприятий должно существовать нечто неделимое».

Заслуживает внимания тот способ, каким опровергает анонимный автор эти доводы в защиту теории неделимых линий. Он пишет, что если идея выражает сущность — «тождество» — посюсторонних вещей, то нужно сперва доказать, что понятие неделимой линии вполне обосновано математически, из чего будет следовать и *идея* неделимой линии, ибо не может быть идеи о том, о чем у нас нет математического понятия. Надо исходить из анализа математических понятий и—как к выводу—переходить к признанию соответствующих математическим понятиям идей[27]. Автор не отвергает учения об идеях и в материализме его нельзя заподозрить, но из его рассуждения ясно видны идеалистические корни критикуемого им учения. Мы считаем, что ученик Аристотеля пользуется аргументацией Демокрита.

Мы считаем, что совершенно недооцениваются свидетельства позднейших платоников, которые раскрыли и развернули тот смысл платонизма, который у самого Платона был завуалирован псевдонаучной фразеологией. Например Порфирий [28] указывает, что о неделимости линии говорится не в смысле количества и массы (κατὰ τὸ ποσὸν καὶ τὴν ὕλην), но по виду (εἴδει). Что же может быть общего между этой абстракцией и материалистической атомистикой?

Платон близок не к Демокриту, а к Анаксагору, у которого учение о бесконечной делимости материи составляет идеалистический момент. Это хорошо понимал Эпикур, который полемизирует против учения о бесконечной делимости (Диоген Л., X, 43 и 56) с материалистических позиций.

Могут сказать, правда, что среди сочинений Демокрита Трасил [29] называет: «Об иррациональных линиях и телах». Но неделимые линии (ἄτομοι γραμμαί) это вовсе не иррациональные линии—ἄλογοι γραμμαί. Способ изложения и доказательства Ксенократа резко отличается от атомизма Демокрита.

Учение о неделимых линиях возникло на почве платоновской «Академии», в частности—на почве учения об идеях, в противовес атомизму Демокрита.

Учение о неделимых линиях не только не гармонирует с учением Демокрита об атомах, но представляет собою его прямую противоположность. Основоположниками этого учения являются так называемые неопифагорейцы, которые этим путем стремились идеалистически истолковать атомизм Демокрита и у которых оно было заимствовано Платоном. Древнегреческий атомизм отрицает бесконечную делимость: неделимость в системе атомизма есть признание прерывности материи, пространства, времени. Идеалистически перевернутое

у Платона учение об «атомных линиях» исходит из *непрерывности*: неделимость линии есть как раз признание непрерывности и отрицание атомизма, неделимость линии есть признание ее «идеальности», «неизменности», что Платону и понадобилось для его мистической теории «первичных треугольников». Ошибка Вилейтнера, Евы Закс, Штенцеля, Апельта, выступивших по этому вопросу, объясняется тем, что они не знают материалистической диалектики прерывного и непрерывного.

Совершенно прав Heath, когда он утверждает, что «иррациональные линии», о которых писал Демокрит, не были «неделимыми линиями». «Демокрит был слишком хорошим математиком, чтобы делать что-либо из этой теории»,—говорит он[30]. Демокрит безусловно сознавал противоречия, заключенные в основном понятии его философии—понятии прерывного, но его высказывание об объеме пирамиды доказывает не то, что он пришел к понятию бесконечно малого в смысле бесконечной делимости, но то, что эти противоречия он не в состоянии разрешить по аналогии с физической теорией атомов. Этим и пользуется идеализм в лице Платона. Если перевести на математический язык философский антагонизм Демокрита и Платона, то можно сказать следующее.

Тело состоит из плоскостей, плоскость состоит из линий. Из чего складываются линии? Демокрит считает, что они складываются из точек. Платон, напротив, утверждает, что они складываются из неделимых линий[31].

Таким образом и в теории музыки, и в астрономии, и в математике, и в натурфилософии Платон исходным пунктом своих рассуждений брал атомистический материализм Демокрита, истолковывал его главнейшие положения в метафизическом духе и на его же собственной, математической почве противо-

поставлял ему радикально противоположную систему.

При этом надо отметить не только идеалистическое извращение у Платона, но и ограниченность метафизического материализма Демокрита. Чтобы понять ограниченность атомистической теории в применении к математике, необходимо напомнить *путь, общий ход* ее возникновения и ее противоречий.

Учение Демокрита ничего общего не имеет с теорией неделимых линий. Каково же значение, в таком случае, в истории математического знания атомистики Демокрита?

Как известно, атомистическая физика систематически излагается и развивается, начиная с VI столетия до н. э., в первых сектах Джайны. Все, что не одушевлено (что не обладает jiva), т. е. материя (pūdgala), принцип движения (dharma), принцип покоя (adharma), пространство (akasa) и время (kala)—все это есть нечто сложное, составное. Материя состоит из неделимых частиц, но неделимых не в силу их абсолютной твердости, как атомы Демокрита, но в силу их крайне малых размеров. Anu, говорит P. Masson-Oursel, это слово (которое, за наимением другого, мы переводим словом «атом») означает: «малый», а paramânu — «самый малый». Пространство состоит из таких неделимых элементов: «атомных мест» (pradeśa), в которых один paramânu может находиться. Время также состоит из мгновений (samaya), мельчайших частиц длительности, необходимых для того, чтобы один атом занял или освободил свое место. Эти мгновения необходимы также для того, чтобы два атома могли соединиться. Прерывность, следовательно, здесь выражается в том, что неделимые единицы материи, времени, пространства и т. д. расположены по своим местам. Это и есть то пред-

ставление прерывности, которое, в сущности, отождествляет пространство и время и которое до последнего времени составляет основу механического понимания мира. Атомизм времени—специфическая черта всякого механицизма.

Посмотрим, какими чертами характеризуется в дальнейшем развитии атомистическое понимание.

Провозглашение «естественной» «вечной необходимости» как всеобщего закона составляет бессмертную заслугу древнегреческого атомизма, полностью разделавшегося в этой форме со всякой деятельностью трансцендентных принципов и богов. Стихийно-диалектический характер древнегреческого материализма ярко проявляется и в этой проблеме. Бесспорным завоеванием истории философии следует считать прежде всего то, что древние греки вопрос о причинности рассматривали как часть более общего вопроса о сущности и явлении. И это не случайно: в причинных связях человек проникает в существенные связи, законы, и первой—но только первой формой познания сущности является ее значение как «причины вещей», т. е. мира: arche, «начало» как сущность и «начало» как причина на исторически первой стадии еще совпадают. У Фалеса, строго говоря, нет еще понятия причины [32]. У Анаксимандра «сущность—причина» есть нечто бесконечное, беспредельное. По Эмпедоклу, «сущность необходимости есть причина, приводящая в действие первичные элементы» (FVS², 160,45). Стихийно диалектическое мышление греков проявляется, далее, в признании относительности, изменчивости причинных связей. В одном из медицинских отрывков псевдогераклитовского происхождения мы читаем о соках, которые «движутся сами собою и не сами собой: для нас—сами собой, а с точки зрения причины—не сами собой. Со стороны же

причинности одно—явно, другое—тайно, одно—активно, другое—пассивно» (FVS², 85,40).

На новую ступень ставится и проблема времени. Движение вообще, динамический взгляд на вещи выступает в более конкретной форме как изменение, т. е. качественное изменение. Конечно это облечено в наивные образы и формы. И все же в утверждении Гераклита, что время есть телесная сущность, что огонь есть телесное время, видеть одну только метафору было бы неправильно. Разве здесь нельзя видеть гениального предвосхищения необратимости времени не только в философском, но и, так сказать, в физическом смысле?

Спрашивается: как корпускулярная теория мира объясняла указанную непрерывность и необратимость времени? Объяснение давалось двумя путями: новым пониманием прерывности времени и новым пониманием непрерывности изменения. Новое понимание прерывности времени заключается в теориях: «великого года» некоего мирового цикла, т. е. последовательных периодов, в течение которых мир возникает и разрушается, чтобы снова возникнуть, и так до бесконечности.

По этому пути пошел Гераклит.

Противоположный путь избрали элеаты. Они дали новое толкование изменения. Пользуясь уже известным понятием сущности, они доказали, что изменение вообще только видимость, «явление», а сущность — неизменна и пространственна. Элеаты бесстрашно сделали все выводы из прерывности времени, выгодно отличаясь в этом от индусского джайнизма. Отрицание движения у элеатов вытекает из бесконечной делимости пространства и времени. Зенон говорил: если пространство и время бесконечно делимы, то движение невозможно.

Развитие коллизии непрерывности и дискретно-

сти после Зенона привело к тому, что, показав, какие опасности таит признание бесконечной делимости пространства и времени, они заставили Демокрита отказаться от этого допущения. Тут мы подходим к самому интересному моменту.

Атомистическая теория была распространена и на время и на пространство. Эпикур в письме к Геродоту пишет: «Движущееся тело не может в умопостигаемые промежутки времени (т. е. в наименьшие неделимые моменты) достигать одновременно многих мест (ведь это немыслимо), хотя в ощущаемое время оно занимает в процессе движения одновременно разные места. (Это справедливо), из какой бы точки ни двигалось (тело), хотя бы из места, недоступного для нашего восприятия (Диоген Л., X, 47). Таким образом движения непрерывного в строгом смысле слова ни существует, так как всякое движение разбивается на ряд раздельных умопостигаемых актов движения. А именно—в каждый минимум времени проходится минимум пространства.

Эпикур рассматривал чувственно ощущаемое время как сумму абсолютных моментов, постигаемых лишь мыслью. Ощущаемое время—непрерывно, умопостигаемое—прерывно. Из абсолютных единиц времени слагаются ощущаемые части времени.

Итак, Демокрит признает бесконечное множество частей, составляющих тело, пространство, время, но отрицает бесконечность деления. И тем не менее Демокрит применяет в математике понятие «бесконечно-малого».

Доказанный выше факт заимствования Антифонтом у Демокрита бросает свет и на математику Демокрита.

Антифонт вписывал в круг правильный многоугольник и удваивал число сторон его до тех пор, пока вписанный многоугольник должен по пред-

положению совпасть с кругом[33]. Тогда он определял его площадь по площади многоугольника. Затем он таким же образом описывал многоугольник и также удваивал число его сторон до тех пор, пока опыт не показывал, что описанный многоугольник совпал с кругом, и снова определял его площадь прежним способом. Согласно законам геометрии первый результат должен быть больше второго, тогда как и в первом и во втором случае измерялась площадь одного и того же круга[34].

Далее, Демокрит, как сообщает Плутарх, разбивал цилиндр и трехгранную пирамиду секущими параллельными плоскостями и рассматривал их как «составленные из кругов». Наконец Архимед сообщает, что Демокрит таким путем нашел объем пирамиды, хотя доказана теорема была впервые только Евдоксом. Этот объем составляет одну треть объема призмы с теми же основанием и высотой.

Теорема Антифонта и выведение формулы объема пирамиды дали повод некоторым исследователям говорить о понятии «бесконечно-малого» у Демокрита.

Но «бесконечно-малое» Демокрита вытекает не из признания бесконечной делимости материи, а наоборот—из ее отрицания. У Демокрита при выводе формулы объема пирамиды была правильно намечена идея, метод. Действительное доказательство было дано около полустолетия позднее. «Бесконечно-малое» у Демокрита—это атом, но физический, а не математический атом. Атом неделим. «Бесконечно-малое» *в смысле предельного перехода* вплоть до полного достижения предела отсутствует у Демокрита. Он надеется только разделением или наоборот—суммированием притти к понятию бесконечного. Атом неделим — это основное положение демокритовской школы. Говорить о бесконечной делимости

по Демокриту—значит противоречить исходному положению *материализма*—из ничего ничего не возникает[35].

Именно поэтому Демокрит мучительно бьется над примирением понятия бесконечно-малого с атомистическим принципом. В математике Демокрит в силу необходимости оперирует бесконечно-малыми величинами, но этому противоречит атомистическая физика. Это было понятно Аристотелю, который писал[36]: «рассуждая о неделимых телах, они (Левкипп и Демокрит) неизбежно должны оказаться в конфликте с математикой».

Противоречие, на которое наталкивается здесь Демокрит, состоит в том, что атомистическая физика, физика прерывности, строго говоря, не может быть выражена на языке диференциального и интегрального исчислений, созданных для выражения непрерывности. «Перерыв непрерывного,—атом, единица», говорит Ленин («Филос. тетр.» 274). Таким образом и коллизия современных теорий материи и света с классической механикой, коллизия прерывности и непрерывности, частицы и волны, материи и света—эта коллизия, правда, в существенно иной форме, уже переживалась физикой и математикой две тысячи лет назад.

В этом пункте ограниченность демокритовского материализма совершенно ясна, но это—ограниченность материализма. Учение о бесконечной делимости Демокрит отвергает, так как оно ведет, по его мнению, к признанию чего-то бестелесного. Но с этой точки зрения замечательно также то, к чему пришла философская мысль: всякое деление возможно потому, что существует неделимое. Если бы мы не имели чего-то неделимого, мы бы не могли производить и деления: ибо всякое деление возможно лишь *посредством* неделимого.

О СОЧИНЕНИЯХ ПО ЛОГИКЕ

Сочинение «О логике» является основным произведением Демокрита в области учения о познании. К сожалению нам очень мало известно об этом сочинении. Поэтому вкратце охарактеризуем, как влияние этого сочинения Демокрита отразилось в атомистической и медицинской литературе. Им действительно пользовались, ему следовали, ему подражали такие оставившие стройные логические концепции авторы, как Навзифан, Филодем и Эпикур. Оно было посвящено исследованию проблем индуктивной логики и послужило образцом также для последующей литературы врачей-эмпириков[1]. Мысли Демокрита в этой области развивал например Гиппократ[2].

Глава XX гиппократовского сочинения: De prisca medicina[3] и Филодемова работа по логике—замечательные памятники древней защиты эпмирической логики. Гиппократ резко критикует тех врачей, которые начинают и кончают свои исследования гипотезами, изобретают некое новое общее свойство человеческого тела для того, чтобы из него объяснить все болезни организма. Затем он выступает против ложного предположения ученых и врачей, будто бы предпосылкой научной медицины, как и медицинской практики, должна служить натурфилософия. «Подобно Эмпедоклу, говорит он, такие врачи ударяются в философию, именно—они говорят сначала, что такое человек вообще, каким образом он впервые возник и из чего образовался. Я же считаю, что все, высказанное о природе таким способом каким-либо мудрецом или врачом, в меньшей степени относится к врачебному искусству, чем к живописи».

Для Гиппократа медицина нуждается в общем познании природы, но это общее знание должно при-

вести к научному знанию человеческого тела, а не к натурфилософским гипотезам. Врач должен знать, из каких частей состоит тело, каковы его функции, каким внешним воздействиям вообще оно подвержено и т. д. Гиппократ борется как против узкого механического применения готовых рецептов без внимания к общим вопросам природы вообще, человека в частности, так и против крайнего увлечения общими теориями. Тем не менее на первый план Гиппократ выдвигает эмпирический характер своего метода.

Не меньший интерес представляет для изучения логики Демокрита сочинение Филодема: «О наблюдениях и суждениях».

Опубликованное в критической переработке Т. Гомперцом (1865) и окончательно восстановленное Филиппсоном только в 1910 г., это сочинение Филодема приобретает для нас существенный интерес уже по той причине, что о логике эпикурейцев нам в сущности ничего неизвестно.

Сочинение Филодема «О наблюдениях» есть первый опыт индуктивной логики, построенный на основе строго эмпирического мировоззрения и «охваченный, по выражению Гомперца, дыханием настоящего бэконовского духа»[4]. «Кто стоит,—говорит он далее,—на той же почве исключительно эмпирического знания, кто убежден, что опыт и наблюдения являются единственными источниками нашего знания явлений вселенной, тот не без радостного и глубокого волнения, несмотря на все недочеты изложения и отклонения от истины, возьмется за это впервые пробужденное после двухтысячелетнего сна произведение»[5].

Основные мысли Филодема, в сжатом обзоре, заключаются в следующем. Восприятия и основанная на них непосредственная очевидность явля-

ются критериями наших суждений об истине. Наши суждения об истине должны быть основаны не на «опровержении», но на таких чувственных «явлениях»[6], которые сами по себе заключают необходимую очевидность. О том, что скрыто от нас, следует умозаключать на основе того сходства и различия, которые обнаруживает чувственное восприятие. Таким умозаключениям следует верить по аналогии так же, как верят самим явлениям[7], о которых свидетельствуют нам наши восприятия. Но умозаключение следует применять различно, смотря по тому, наблюдаем ли мы вид или род явления[8], и таким образом от узких понятий следует переходить к более широким[9]. При этом не должно быть упущено ни одно сходство в явлениях, но, с другой стороны, может быть использован только такой признак («знак»—«черта»), который является общим и однозначным для ряда явлений[10]. Наше знание при всем этом не может ограничиться только чувственно воспринимаемыми явлениями; но, если мы хотим познать явления, не открывающиеся нам непосредственно, то мы должны исследовать те проявления или обнаружения этих скрытых от нас, нами не опознанных и может быть вовсе недоступных нашему познанию явлений, которые легко удостоверить чувственным восприятием. Следовательно мы и тут от видимых вещей переходим к таким, которые являются порождениями скрытых от нас элементов[11]. При умозаключениях на основе единичных наблюдений,—при индукциях, как бы выразились теперь мы,—нельзя ограничиваться своими собственными личными наблюдениями, которые могут оказаться и часто оказываются случайными, но необходимо считаться и с опытом других людей, с наблюдениями, произведенными над теми же явлениями, но при других обстоятельствах. Но и чужие свидетельства

нельзя принимать на веру, но «обдуманно взвешивать и пользоваться ими в упорядоченно-планомерном виде». Из того, что существуют доказательства, по аналогии нельзя заключать об их необходимости и целесообразности для научного исследования. Напротив, всякое аналогическое доказательство покоится в конечном счете на индукции, его достоверность основана в конечном счете на единичных наблюдениях[12], точно так же как и все виды умозаключений можно свести к умозаключению по сходству, наблюдаемому в чувственном опыте[13].

Совершенно ясно, что в основе всех этих рассуждений лежит одна ясно осознанная предпосылка. Она заключается в строгом различении того, что существует по природе, и того, что существует условно. Это—демокритовская проблема нереальности «вторичных» качеств; и если привлечь к рассмотрению соответствующие места из «Риторики» Филодема, где разбираются аналогичные взгляды о сущности научного исследования и процесса обработки фактов, то становится ясным, кто бы мог познакомить Филодема с учением Демокрита. Я имею в виду столбец 18, строки 5—14 «Риторики», обработанные Зудхаусом. Филодем цитирует Навзифана, который говорит, что понимание речи следует облегчать такими метафорами, которые проливают яркий свет на дотоле неизвестные предметы, и употребляемые образы должны не витать «в пустоте абстракции и условности» (νόμῳ καὶ κενῷ (!), но должны быть укоренены в природе вещей и основаны на близком знакомстве с ними. Демокритовское противопоставление существующего условно («в представлении»—«во мнении») и существующего по природе (—«реально»—«в истинности»,—«в действительности») указывает на зависимость Навзифана от Демокрита.

Эмпирическая логика атомистов требовала придерживаться последовательно трех правил—αὐτοψία, ἱστορία и ἡ κατὰ τό ὅμοιον μετάβασις: это можно передать русскими терминами так—описание, изложение понимания истории и заключение по аналогии. Может быть. в соответствии с этим произведение Демокрита по «Логике» делилось на три части, каждая из которых должна была обосновать эти методологические правила[14]. У нас есть свидетельство Секста-Эмпирика, относящееся к этому сочинению Демокрита. «В сочинении «О правилах» Демокрит говорит, что существуют два рода познания: один род—это познание, основанное на чувственном восприятии, другой—познание, основанное на мышлении». Из этого совершенно недвусмысленного замечания Секста и вытекает ошибочность тех утверждений Геллия и следующих ему новейших исследователей, которые вместо περὶ λογικῶν ἢ κανῶν α'β' предлагали читать περὶ λοιμῶν ἢ λοιμικῶν κακῶν α'β'[15]. К тому же заглавие вставлено в текст Геллия, судя по смыслу, позднейшими критиками[16], а если обратиться к такому автору, как Гассенди, то и последний, читая: «О логике или о правилах мышления», высказывал мысль, что в противном случае Трасил поместил бы это сочинение между сочинениями по медицине. Между тем «физические сочинения» у Трасила подразделяются на 4 тетралогии, которые разрабатывают космологию, антропологию, психологию и наконец—логическую проверку всего предыдущего исследования. Последняя тетралогия не содержит ни одного произведения не только по медицине, но и по физиологии или психологии. Следовательно случайно подходящее для заполнения пробела текста у Геллия название никак нельзя поэтому считать[17] достаточно веским основанием для решения интересующего нас вопроса. B. ten Brink попытался

собрать фрагменты этого сочинения и восстановить как бы тот план, которому следовал Демокрит, когда писал свое исследование по логике.

Трасил называет в шестой тетралогии еще две работы по логике—«Доказательства» и «Об образах или о предвидении».

«Доказательства» (κρατυντήρια)—это «последовательная проверка всего предыдущего», по объяснению Диогена Лаэртского. Под словом κρατυντήρια Свида пишет: «Под этим заглавием Демокрит написал сочинение, которое представляет собою его собственную проверку всех написанных им же книг»[18]. У Секста-Эмпирика также имеется свидетельство об этом же сочинении[19]: Что касается сочинения «Об образах или о предвидении», то может показаться на первый взгляд, как это и было в литературе, что сочетание таких понятий, как «образы» (идолы) и «предвидение», в заглавии научного сочинения более чем парадоксально; можно подумать, что речь идет у Демокрита повидимому о том толковании «идолов», «образов», которое видит в них демонов, божественные сущности и следы которого мы видим у Цицерона и у Секста - Эмпирика. Было бы правильнее принять то решение, которое предложили Крише и Дильс: в данном случае Демокрит вероятно трактовал об «идолах или о предвидении истечения идолов».

В демокритовском наследстве таким образом там, где мы ожидаем теорию познания и логику, зияет величайший пробел.

Описание форм мышления осталось делом Аристотеля.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Здесь имеются в виду наука о речи, грамматика, теория пения, поэзия, риторика и фонетика. О пере-

численных у Трасила сочинениях у нас нет никаких свидетельств, но отрывочные свидетельства доксографов также могут быть использованы для освещения интересующего нас вопроса. Один из авторов пишет: «По утверждению Крития дактилический гексаметр впервые введен Орфеем, а по утверждению Демокрита—Музеем». Цицерон пишет: «Часто слышишь от хорошего поэта то же, что сказано в оставшихся сочинениях Демокрита и Платона, именно,—что поэтическое состояние не может быть мыслимо без воспламенения души и некоего безумия»[1]. В другом месте он пишет: «Демокрит отрицает, что великий поэт может обойтись без некоего неистового безумия»[2]. Климент Александрийский сообщает также следующее изречение: «Все, что поэт пишет в силу вдохновенного энтузиазма и священного духа, то прекрасно». Мы видим, что Демокрит действительно писал и в области филологии.

Главнейшим произведением Демокрита в области эстетики и филологии являлось: «О Гомере или о правильности языка и о наречиях». О занятиях по Гомеру пишет Дион Хризостом[3]: «Демокрит говорит о Гомере: «Гомер, одаренный божественным талантом, создавал космос из всевозможных разнообразных стихов»[4]. Кроме этого ясного указания на занятия Демокрита по Гомеру следы глубокого интереса Демокрита к Гомеру читатель найдет во фрагментах.

Для понимания места филологических сочинений Демокрита в общей системе атомистики решающее соображение принадлежит однако не доксографическим отзывам, а внутренней связи атомистики с грамматикой. Как атомистике Демокрит был обязан открытием метода «бесконечно-малых» в выше разъясненном, физическом смысле, так он обязан был атомистике своими открытиями по теории филологии.

Демокрит впервые сделал ее предметом абстрактно теоретического изучения и ввел ее в систему образования, где она заняла место рядом с математикой, техникой и физикой, заняла место дисциплины «общего образования». Открытие филологии как самостоятельной научной дисциплины принадлежит Демокриту. Им изучаются *слоги* в сочинении «О красоте стихов», изучаются *слова* (фр. 25. 26А), *буквы* в сочинении «*О благозвучных и неблагозвучных буквах*». О музыке вообще он трактовал в работе «*О гармонии и ритме*». Но «слово есть отражение дела», природы, и, как речь состоит из «неделимых элементов-звуков», так и все вещи состоят из атомов, и в этом смысле *соединения атомов он называет «слогами»* (Arist. Met. 1041 в 12).

В «Метафизике» Аристотеля мы имеем одно чрезвычайно интересное место, где различия демокритовских атомов сопоставляются с различиями в формах букв: «Левкипп же и его товарищ Демокрит элементами (στοιχεῖα) признают «полное» и «пустое». Эти элементы они считают причинами всего существующего в смысле материи. И, подобно тому как принимающие в основе вещей сущность за единое все остальное производят из ее видоизменений, таким образом и эти, полагая понятия плотного и редкого причинами изменений, утверждают, что известного рода различия в них суть причины всего прочего. А этих различий они считают три: форма, порядок и положение, [именно—они говорят, что сущее] различается «очертанием», «соприкосновением» и «поворотом», причем очертание—это форма, соприкосновение—порядок, а поворот—положение. Так *A* отличается от *N*—формой, *AN* от *NA*—порядком, a *Z* от *N*—положением»[5]. Другими словами, если атомы отличаются друг от друга положением, то это имеет в области письма полное сходство с тем, как буквы от-

личаются друг от друга например поворотом: *I*, т. е. старое, принятое во время Демокрита обозначение буквы Ζῆτα,—отличается от *H* (ἦτα) только по τροπή, по повороту, потом это перенесли на Z и N, и это могло бы именно поэтому иметь значение и для букв M и Σ, Γ (γ) и Λ (λ), τ и χ (ταῦ и χῖ) ϴ и Φ (θῆτα и φῖ).[6] По образцу образования букв мыслит Демокрит различение атомов по повороту, положению и форме.

Эта сама по себе интересная и новая[7] мысль—вывести один письменный знак из другого простым поворотом его—до нас дошла в памятниках древневавилонской науки о языке. Национальная вавилонская грамматика выводила знаки клинописи из некоторых простейших и основных знаков путем видоизменения их положения[8]. Но мы знаем, что Демокрит написал специальное сочинение «о принятых в Вавилоне священных знаках письменности»—περὶ τῶν ἐν Βαβυλῶνι ἱερῶν γραμμάτων[9], в котором очевидно изучение знаков письменности Вавилона было необходимо произвести для понимания их астрологических теорий. Астрологические понятия записывались клинописью, которая, как и во всем персидском царстве, существовала наряду с буквенным арамейским алфавитом и которая носила название «священного письма», как это и действительно мы видим не только по заглавию работы Демокрита (ἱερὰ γράμματα), но и по свидетельствам позднейших источников[10]. Изучая начертания этих γράμματα—букв, Демокрит должен был очевидно разлагать их на составные части, «клинья», неделимые далее и простейшие по форме. Так как палеографические лингвистические работы были обычны у вавилонян—ибо они должны были составлять словари тех народов, с которыми они были связаны экономическими и политическими отношениями, то предположение, что Демокрит для

своих научных занятий, главным образом для чтения клинописного текста, составил «словарь» клинописных знаков с их греческими значениями,— недалеко от истины. Демокрит при этом имел перед глазами уже опыт вавилонской грамматики: вавилонские ученые сопоставляли клинья-знаки различных форм, далее клинья—различных исторических периодов существования клинописи, они затем разлагали сложные формы клиньев на простейшие и из простейших выводили более сложные[11]. Вот на этой почве и могло возникнуть у Демокрита стремленье сравнивать всякое образование сложных тел из атомов с образованием слов из слогов и слогов из букв. Цитированное аристотелевское место, если судить в пределах этого места, передает нам одно понятие— понятие простейшей *формы*, простейшего *начертания* (σχῆμα), и во всяком случае мы можем определенно считать его первоисточником понятие простейшей *формы* клиньев в вавилонском письме. Именно, с этой стороны, со стороны *телесного* начертания клинописи, становится понятным, из каких истоков берет свое *начало* демокритовское *сравнение* букв с атомами.

Но это сравнение имеет свое «продолжение». В работе «О возникновении и разрушении» Аристотель пишет: «Демокрит и Левкипп, допустив [телесные] формы (τὰ σχήματα), выводят из них изменение и возникновение... признавая истину лишь согласно (чувственным) явлениям, они предположили эти формы бесконечно разнообразными, так как явления противоположны и бесконечно разнообразны; таким образом вследствие изменения (μεταβολῆς) в составе одно и то же кажется противоположным в том или другом отношении и изменяется вследствие незначительного присоединения и вообще кажется другим при перемещении [какой-нибудь входившей в его со-

став] единицы. *Ведь из одних и тех же букв* (γράμματα) *возникает трагедия и комедия*»[12]. Указание Демокрита на буквы настолько удачно для пояснения его физической теории возникновения бесконечного разнообразия явлений из одних и тех же атомов, что вряд ли—да и в литературе это никем не оспаривалось—можно сомневаться в подлинности аристотелевского свидетельства. К сравнению с буквами, которое кстати у Аристотеля проходит через всю его «Метафизику», здесь Демокрит прибегает для того, чтобы показать, как из бесконечного комбинирования букв могут возникнуть «противоположные и бесконечно разнообразные» формы словесного текста: так из бесконечно разнообразных соединений атомов, неизменных и вечных, выводится возникновение, изменение и разрушение явлений.

Что Демокрит не удовлетворялся общим сравнением и проводил аналогию с буквами в самих по себе простейших «формах», показывает ряд свидетельств как Аристотеля, так и позднейших авторов. В «Физике» Аристотеля мы читаем, что, по Демокриту,—полное и пустое суть принципы всего. Все же остальное он объясняет по положению, по форме и по порядку (θέσει, σχήματι, τάξει), которые [в свою очередь] также бывают разного рода (γένη); по положению они могут быть выше—ниже, спереди—сзади, а по форме—угловатые, прямые, круглые [13]. Демокрит отмечает семь простейших форм, не имеют ли эти формы какой-то свой прообраз среди букв? Оказывается, те же самые простейшие формы были известны в *грамматических* исследованиях греческих ученых ближайшего после Демокрита поколения. Современник Демокрита Гиппократ, говоря о грамматике, замечает, что грамматика есть соединение знаков, знание грамматики—косвенно, следовательно, всякое знание, сводится к знанию знаков («обозначений челове-

ческого голоса» поясняет он),—а знаки бывают семи форм[14]. Каковы эти формы, поясняет другой автор. Аполлоний из Мессины в своей книге «О древних буквах» (περὶ τῶν ἀρχαίων γραμμάτων) сообщает, что Пифагор, изучая красоту древних обозначений букв, внес в них по образцу геометрии порядок, [разделив их на] имеющие углы, прямые и круглые, γωνίας, περιφερείας καὶ εὐθείας[15]. Это дословно совпадает с тем, что передает Аристотель о различиях и простейших формах атомов.

Мысль Гиппократа о простейших формах обозначений звука человеческого голоса повторяется у Эпикура—что естественно, если предположить, что они черпали из одного—демокритовского—первоисточника. Эпикур также конкретизирует эту мысль: «Звук есть поток [атомов], истекающий из звучащего или производящего вообще шум тела и разделенный на части, состоящие из атомов одинаковой формы: прямые с прямыми, крючковатые с крючковатыми и треугольные с треугольными» (στρογγύλα, σκαληνά, γωνοειδής)[16]. Эпикур сравнивает формы, которые не совпадают, с теми, о которых говорит Аристотель, но достаточно напомнить, что σκαληνά—кривыми, крючковатыми—у Демокрита неоднократно называются атомы[17], не говоря уже о том, что чрезвычайно характерная для букв форма γωνοειδής «угловатая» также встречается среди атомов Демокрита[18].

Наконец надо обратить внимание на одно выражение Демокрита, передаваемое Плутархом[19]. Последний говорит, что Демокрит признавал, что во всем εἶναι δὲ πάντας τὰς ἀτόμους (ἢ) ἰδέας ὑπ' αὐτοῦ καλουμένας. Генрих Гомперц предлагает «ἢ» («или») выбросить, с чем соглашается Дильс[20], и мы имеем: «*неделимые формы*», как он сам их называет. Обозначение атомов как «неделимых форм» стоит в непосредственной связи с демокритовским сравнением их с буквами.

Это настолько было характерно для греков говорить о формах букв[22], а в грамматике—о первичных формах, что чрезвычайно характерное выражение «неделимая форма» первоначально могло бы иметь перед собою картину палеографическо-лингвистического выведения букв из простейших знаков. «Форма», ἰδέα, есть для Демокрита нечто первичное, самое существенное, материальное, «*мельчайшее тело*»[23]. Атомы суть неделимые *формы* всего существующего. При установлении этого понятия картина алфавита как совокупности простейших знаков—«основных», «неделимых форм» письма — сама собою напрашивалась.

Своеобразие демокритовского взгляда на атомы как на неделимые формы особенно подчеркивается, если сравнить его с тем, что говорит Платон по аналогичному поводу. Платон, кстати, прямо говорит о «форме» *букв* (хотя здесь лучше сказать—вид букв—εἶδος γραμμάτων), излагая в Филебе[24] египетский миф об изобретении алфавита. Но Платон[25] представляет себе изобретение алфавита египтянином Тотом как чисто математическую задачу. Его совсем не интересует, как вывести палеографически знаки алфавита из иероглифических начертаний, потому что «форма» для него нечто несущественное: изобретение выразилось в том, что были установлены правильные числовые соотношения между количеством гласных и согласных и количеством их разновидностей.

В сравнении с буквами нельзя ничего не видеть кроме поэтического образа. Если же это и так, то и «поэтический образ» представлял бы то, что подлежит объяснению. Но в действительности ложность этого взгляда вытекает, во-первых, из того, какое значение[26] придали этому сравнению ярые противники Демокрита и Эпикура, во-вторых, сами представители

демокритовско-эпикурейской школы развивали эту же мысль Демокрита и, в-третьих, из истории философского термина.

Характерно, что противники атомистики воспользовались именно этим сравнением как аргументом против демокритовско-эпикурейской атомистики. Строго говоря, это служило главной мишенью их нападений на материализм. В сочинении Плутарха «О дельфийском оракуле» поэт Серапион, стоящий на точке зрения стоиков, выступает против эпикуреизма с защитой достоверности оракульских изречений: «Эти изречения оракула следует понимать настолько точно, чтобы всякая мысль о случайности была исключена. Иначе могли бы притти и сказать: не Эпикур написал свой катехизис [нравственных] изречений, как это утверждает [эпикуреец]... [нет] то, что буквы собраны и получилась книга, это дело случайности и механических законов»[27]. Цицерон также иронизирует над «механистами», пользуясь сравнением с буквами. Он говорит: «Если этот прекрасный мир мыслить как случайный продукт вихря атомов, то нелепость этого допущения станет ясной для всякого, кто только вспомнит, что из какой-то кучи рассыпанных на земле металлических букв должны возникнуть благодаря слепому случаю «анналы» Энния или даже один «стих»[28]. Полемика против эпикуреизма заострялась на этом пункте: атомистика, по крайней мере в ее первоначальной демокритовской форме, сама превращается в нелепость, если книги, ее излагающие, сводятся к простой куче рассыпанных на земле букв, если сводятся к продукту механического соединения букв: таков смысл стоических возражений против атомистики. В таком случае сама собой напрашивается мысль, что эпикурейская школа продолжала традицию Демокрита и в этом пункте.

И в самом деле сравнение атомов с буквами проходит красной нитью через всю поэму Лукреция*.

I. *196.* Можно скорее признать, что имеется множество общих
Тел у различных вещей,—как в словах одинаковых знаков,—
Чем, что возможно вещам без первичных начал зарождаться.

Лукреций пользуется сравнением так же, как и Демокрит, для объяснения многообразия явлений при тождестве материальных атомов.

I. *820.* Те же начала собой образуют ведь небо и землю,
Солнце, потоки, моря, деревья, плоды и животных;
Но и смешения их и движения в разном различны.
Даже и в наших стихах постоянно, как ты замечаешь,
Множество слов состоит из множества букв одинаких,
Но и стихи и слова, как ты непременно признаешь,
Разнятся между собой и по смыслу и также по звуку.
Видишь, как буквы сильны лишь одним измененьем порядка.
Что же до первоначал, то они еще больше имеют
Средств для того, чтоб из них возникали различные вещи.

Одни и те же буквы дают разные слова благодаря тому, что меняется способ их сочетания. Этот факт для Лукреция представляет собою нечто общеизвестное, доступное проверке каждого и очевидное; поэтому он ссылается на него для того, чтобы придать убедительность атомистической теории.

I. *907.* Видишь ли ты наконец, о чем только что мы говорили,
Что постоянно имеет большое значенье, с какими
И в положении каком войдут в сочетание те же
Первоначала и как они двигаться будут взаимно,
Как, лишь слегка изменив сочетания, они порождают
Дерево или огонь. И подобным же образом также
При измененьи слегка сочетания букв создаются
Разного рода слова совершенно различного смысла.

Лукреций указывает наконец на свои же стихи, разъясняя свою мысль о том, что разные явления могут состоять из одинаковых, но по-разному расставленных первичных телец материи.

* Здесь, как и дальше, в переводе Ф. А. Петровского.

II. *686*... В соединение здесь таким образом разные формы
Входят, и вещи всегда образует семян сочетанье.
Даже и в наших стихах постоянно, как ты замечаешь,
Множество слов состоит из множества букв одинаких;
Но и стихи и слова, как ты непременно признаешь,
Разнятся между собой по своим составным элементам
Не оттого, что из букв у них мало встречается общих,
Иль что и двух не найти, где бы все было точно таким же
Но что они вообще друг на друга совсем не похожи.
Так же и в прочем, хотя существует и множество общих
Первоначал у вещей, тем не менее очень различны
Могут они меж собой оставаться во всем своем целом.

Или наконец:

II. *1007*... имеет значение, с какими
И в положеньи каком войдут в сочетание те же
Первоначала и как они двигаться будут взаимно...
Даже и в наших стихах ведь имеет большое значенье
Расположение букв и взаимное их сочетанье:
Теми же буквами мы означаем ведь небо и землю,
Солнце, потоки, моря, деревья, плоды и животных;
Если не полностью все, то все-таки большая часть их
Те же и в самых вещах: материи все измененья—
Встречи, движения, строй, положенье ее и фигуры—
Необходимо влекут за собой и в вещах перемены.

Другими словами, для научного познания мира качественные особенности вещей менее всего существенны. Все разнообразие явлений происходит, развивается и разрушается в зависимости от того, как сочетаются атомы, как чередуются, соединяются, разъединяются и каковы их количественные особенности: фигура, положение и число, подобно тому как и в стихах буквы могут быть одинаковыми, одними и теми буквами можно обозначать различные слова, но значение слов зависит только от распорядка букв, от формы их последовательности в словах и последовательности самих слов в стихах.

Вот почему и представляется нам после всего вышесказанного в высшей степени знаменательным тот факт, что греческая философская мысль закрепила

за термином τὰ στοιχεῖα значение «первичных неделимых составных частей», из которых все в мире образуется и на которые все в конечном счете разлагается, т. е., как мы условимся ниже говорить, значение «*элемента*» («elementum»).

Употребляя в этом «философском» смысле термин στοιχεῖον, Демокрит первый лишает это слово его первоначального, т. е. акустически-грамматического значения. После его примера рассуждения древнегреческих философов о физических первичных «элементах» неизменно связываются с аналогией образования слов из слогов и слогов из букв. В этом отношении ближайшее отношение к интересующему нас вопросу имеет история употребления этого понятия у Платона и Аристотеля.

В «Теэтете» Сократ указывает на взгляд, что единичные «элементы» не познаваемы, а все, что входит в их соединения, познаваемо (ὡς τὰ μὲν στοιχεῖα ἄγνωστα τὸ δὲ τῶν συλλαβῶν γένος γνωστόν).

Употребляемые Сократом термины στοιχεῖα и συλλαβή ничего не говорят ни о буквах, ни о слогах, так как предмет диалога с Теэтетом выясняется только в последующем замечании Сократа. Он спрашивает Теэтета: нет ли в примерах действительности таких указаний, на которых следовало бы проверить только что высказанное положение, и, когда Теэтет спрашивает, какие это могли бы быть, Сократ отвечает: «Это—элементы письма и их соединения» (τὰ τῶν γραμμάτων στοιχεῖα καὶ συλλαβάς).

В «Кратиле» Платон поясняет образование слов следующим образом: слово разлагается на составные части таким образом, чтобы каждая из них представляла одну из сторон предмета, обозначаемого разлагаемым словом: например [30] ἀήρ образуется из ἀεὶ ῥεῖ («воздух»=«вечно течет»). И Платон при этом подчеркивает, что эти простейшие слова «играют при

именах совершенно такую же роль, как первичные вещества при телах». Всякое название выражает сущность предмета, в нем осуществляется подражание природе, без которого вообще невозможно слово[31]. Подражание природе осуществляется сперва в единичных буквах, затем в слогах, а следовательно и в целом слове (συλλαβαῖς τε καὶ γράμμασιν). Образование слов из букв и слогов, отражающих или подражающих звукам природы[32], Платон сравнивает с искусством живописца,—сравнение, которое ярко показывает, насколько далеко был в этом сравнении Платон от Демокрита[33].

У Платона демокритовское «сравнение» перестало быть одним сравнением. Στοιχεῖον у Платона означает элемент, первичную составную часть, в физическом смысле, и в этом физическом смысле оно употребляется им для обозначения первичных составных частей слов. Сопоставление образования тел из атомов элементов с образованием слов из букв и слогов таким образом остается, но оно фигурирует у Платона, так сказать, в перевернутом виде. «Буквы», «слоги», «слова» рассматриваются с точки зрения физического образования тел из первичных,—далее неразложимых элементов. У него στοιχεῖον употребляется и без всякого отношения к фигуральному сравнению с буквами,[34] а утверждение Евдема, что до Платона никто не употреблял στοιχεῖον в физическом смысле, согласуется повидимому с данными филологии[35]... Эмпедокл называет огонь, воду, воздух, землю, ῥιζώματα, т. е. «корни всего существующего»[36], а Платон для обозначения этого же понятия употребляет термин στοιχεῖον[37].

Это физическое значение понятия στοιχεῖον сохраняется и тогда, когда Платон возвращается к старому демокритовскому сравнению с буквами; но в этом случае στοιχεῖα у него уже не «буквы», как у

Демокрита, а элементы письма—τὰ τῶν γραμμάτων στοιχεῖα, первичные, далее неделимые части, из которых состоит алфавит. Τὰ γράμματα (буквы—алфавит—письмо) у него находятся на одной плоскости с τὰ πάντα (все существующее — действительность — мир); поэтому, как те, так и эти одинаково имеют свои элементы, из которых они состоят. Соединениям элементов, как это видно по физическим предметам, соответствуют в слогах соединения их элементов, т. е. букв. И во всех случаях, когда только Платон говорит об алфавите—словах—слогах—буквах, он исходит из физического понимания термина στοιχεῖον[38] и переносит его на область языка и письма.

Но то, что, употребляя в физическом смысле понятие «элемент», Платон прибегает к сравнению с буквами, остается в высшей степени знаменательным фактом. Он как бы хочет сказать, что многое из того, что мы считаем «элементами», вовсе не заслуживает этого названия, потому что огонь например—тело более сложное, чем даже слог, а с буквами, которые далее неразложимы ни на какие части, и сравнивать не приходится. Об этом говорится в Тимее таким образом:

«Никто еще до сих пор не объяснил происхождения огня, воды, воздуха и земли, но мы говорим о них, как если бы каждый знал, что такое вода, огонь и т. д., называя их элементами всего существующего (στοιχεῖα τοῦ παντός), между тем как эти элементы ни на один момент нельзя сравнить по их значению даже со *слогами*, если немножко подумать над этим»[39].

Разве не замечательно, что, называя огонь, воздух и т. д. «элементами», Платон не может не «апеллировать» к слогам? Разве это не указывает на то, что в буквах—слогах—словах продолжали видеть, как и раньше, пример, обычный, знакомый, вошедший, так сказать, в жизненный обиход, явный и понятный

пример образования сложного из простого, сложных тел из «элементов». Даже тогда, когда грамматическое значение «элемента» — στοιχεῖον — превратилось в физическое понятие, его грамматическое происхождение не было забыто. Платон ссылается на особенности языка, слов, слогов, букв как на нечто общеизвестное, и это вполне понятно: какой же смысл был бы ему пояснять физическое понятие «элементы», если бы он ссылался не на элементарные вещи? Впрочем, говоря о буквах и слогах, в «Теэтете» Сократ добавляет: «Ведь мы же знаем об этом из собственного опыта»[40].

Изложенный ход мысли Платона получает свое завершение у Аристотеля. Для Аристотеля στοιχεῖον элемент есть прежде всего физическое понятие. Στοιχεῖον,—говорит он,—называется нечто такое, из чего, как из первичных составных частей, образуется нечто сложное и что в свою очередь не может быть разделено на новые части... так же в физике говорят об элементах тел (τῶν σωμάτων στοιχεῖα): они суть те последние части, на которые тела разлагаются, но которые сами не могут быть разделены ни на какие другие, новые по форме, тела и, будет ли это одно тело или много, такие (неразложимые составные части) называются элементами (στοιχεῖα λέγουσιν)[41].

Но после того как Аристотель окончательно канонизировал так сказать физическое значение этого понятия, путь для дальнейшего обобщения и формализирования был открыт. И прежде всего—у самого Аристотеля. Στοιχεῖον — «элемент» становится формально-логическим общим понятием. В «Метафизике» об этом Аристотель распространяется довольно подробно, перечисляя, в каких областях знания и в каком смысле употребляется это понятие. И во всех случаях, а они довольно многочисленны, когда он употребляет термин στοιχεῖα, последний имеет такое же

общее значение, как в выражениях: элементы логики, элементы грамматики, элементы геометрии и т. д. и пр. Потеряв у Платона первоначальное грамматическое значение, это понятие теряет у Аристотеля узко физическое значение. Высшей ступени, не лишенной парадоксальной формы, достигает этот процесс обобщения и формализирования философского термина тогда, когда благодаря логическому употреблению последний «возвращается» обратно к своему первоначальному значению. Это и видим мы у Аристоксена, который называет буквы «элементами», т. е. στοιχεῖα, *только потому*, что каждое слово состоит из них и каждое слово на них разлагается. Это—уже перенесение точки зрения физики в область грамматики.

После сказанного связь демокритовских сравнений атомов с неделимыми формами букв или образования сложных тел из атомов с образованием слов из слогов и букв, или разнообразия явлений при тождественности атомов с разнообразием слов при тождественности букв—связь этих сравнений с лингвистически-палеографическими занятиями Демокрита у вавилонских грамматиков становится понятной.

Филологические работы Демокрита были глубоко связаны с музыкальным, «мусическим» характером греческой культуры языка, с одной стороны, и с атомистическим миропониманием, с другой. Для диалектически-материалистической обработки истории философии замечательный интерес представляет отражение в лингвистически-палеографических теориях вавилонской науки и Демокрита определенной стадии развития языка в свете «яфетической» палеонтологии языка.

СОЧИНЕНИЯ ПО ЭТИКЕ

Этические сочинения Демокрита издавна привлекали к себе внимание исследователей. Буржуазных

ученых занимала, строго говоря, лишь этика, так как Демокрит, будучи материалистом в области естествознания, развивал в области этики идеалистические взгляды.

Одно из главных сочинений по этике: «*О хорошем настроении*». Климент Александрийский [1] и Сенека [2] пишут, что в сочинении «*О цели*» Демокрит выдвинул хорошее расположение и безмятежность духа, называя их целью жизни. Муллах и последующие авторы упоминаемое Климентом сочинение считают тождественным с сочинением «*О хорошем настроении*»[3]. Быть может, это сочинение действительно носило двойственное название «*О цели и о хорошем расположении духа*».

Далее «*Этические записки*». Их не следует смешивать[4] с одноименными «Наставлениями», которых Дильс считает подложными. Далее—«*Наставления*», которые цитируются только один раз у Дионисия Александрийского в полемике с эпикурейцами [5]. Он говорит там: «И действительно, начиная свою (книгу) «Наставлений», Демокрит говорит: «Люди по своей беспомощности выдумали идол случая, ибо редко случай противоречит (действительно) разумному решению,—но наибольшего достигает в жизни однако только разумная проницательность». Александрийский епископ Дионисий сообщает, что этими словами Демокрит начинает свою книгу «Наставлений». Следует предположить, что он имел на руках сборник «Наставлений», вроде тех, какие были очень распространены в древности: они составлялись обычно из выбранных произвольно изречений, взятых из разных сочинений и объединенных какой-либо общей идеей. По форме, да и по содержанию, эти слова действительно могли стоять вначале [6]. Чтобы скрыть и оправдать в своих глазах свое неразумие, люди создали идол случая, потому что с действитель-

ной разумностью очень редко сталкивается случай. Случай нельзя отрицать, но рассудок должен овладеть им, должен подчинить его себе. Этим изречением Демокрита и воспользовался повидимому [7] Эпикур, который в 16-м из своих «*Избранных изречений*» пишет: «Только в незначительной степени пусть влияет (на жизнь) случай, но в самом важном и самом существенном пусть управляет рассудок в течение всей жизни» [8].

Далее до нас дошло целое собрание нравоучительных «Наставлений» под названием «*Изречения (гномы) Демократа*» и большое количество этих фрагментов у *Стобея.*

Под именем «Избранные гномы философа Демократа» известно собрание этических изречений, которое впервые было обнародовано по одной рукописи Л. Гольстением (Roma 1638). Впоследствии оно было переиздано Орелли («Opusc. graec. veter. sentent.», I, Leipzig 1819). В предисловии к своему изданию Л. Гольстений писал между прочим следующее: «Древнеионийский диалект показывает время жизни, родину и школу автора. Некоторые его изречения приводят Стобей и Антоний, у которых он часто смешивается с Демокритом. Плутарх в своих политических отрывках упоминает некоего Демократа, который в 110-ю олимпиаду вращался в афинской республике...» [9] Но на самом деле конечно ни упоминаемый древними Демократ, ни этот афинский правитель не имеют ничего общего с нашим Демокритом. Нужно помнить, что и Стобей и составитель «Гномов Демократа» не были единственными представителями той быстро увеличивающейся гномологической литературы, которая представляла собою сплошное заимствование из одного очень древнего, быть может еще при жизни Демокрита составленного собрания избранных изречений и отрывков из его произведений, кото-

рое и носило название «Наставлений». Кроме того безусловному различению подлинного от неподлинного мешает огромное количество всевозможных наслоений, в чем нетрудно убедиться, сравнивая фрагменты гейдельбергской рукописи с фрагментами явно подложными[10]. Менее всего обоснованным решением вопроса явилась бы попытка отвергнуть подлинность вообще всех этических изречений Демокрита [11]. Но совершенно ясно, что наличность подложных между ними никогда не может быть основанием для того, чтобы их всех отвергнуть.

Из других этических сочинений следует упомянуть «*Тритогенею*». Диоген Лаэртский добавляет: «т. е. все то троякое, что объемлет собою все человеческое». У Свиды под этим словом стоит: «или Афина». Так называлась она, рожденная в водах Тритона, морского божества, третьей по счету после Артемиды и Аполлона и, по выражению поэтов, «вышедшая из головы Зевса, на третий день месяца». Демокрит берет повидимому это фигуральное выражение в качестве заглавия, чтобы представить в художественном образе Афины свое понимание мудрости. В «Etymol. Orionis» сказано: «Тритогенией или Афиной, по Демокриту, называется разумность». Никаких данных, заставляющих усомниться в подлинности этого сочинения, у нас нет[12]. Поэтические названия очень близки его манере писать. Так до нас дошло заглавие другого сочинения Демокрита по этике: «*Рог Амальтэи*». Поэтическое название это цитируется латинскими авторами. Мы находим его например у Геллия[13] и у Плиния[14]. Оба выражают удивление по поводу обилия у греков символических названий и останавливаются между прочим и на этом названии: (ἀμάλθεια) небесная коза, доставлявшая молоко Зевсу.

Далее следует упомянуть—«*Пифагор*». «Кажется,—говорит Трасил,—его одно время приводили в

восторг пифагорейцы; впрочем он уже сам упоминает Пифагора, восхищаясь им в одноименном сочинении. Может даже показаться, что всей своей ученостью он был всецело обязан Пифагору и, если бы это не противоречило хронологии, даже слушал его. Это было повидимому самое раннее сочинение Демокрита. В изданном Laurent Bernhard Beynen «Собрании сентенций Демокрита, Эпикура и других философов, риторов и поэтов» мы находим целый ряд фрагментов, которые легко признать как за пифагорейские, так и за демокритовские. Некоторые из них B. ten Brink попытался обосновать как подлинные демокритовские. Однако в очень редких случаях его доводы убедительны как в историко-критическом, так и в филологическом отношениях, но если не все изречения из этого собрания можно включить в число этических фрагментов Демокрита, то после работы Эриха Франка отпадают последние сомнения в подлинности сочинения: «Пифагор».

Разоблачению религиозных суеверий и страха перед смертью Демокрит посвятил специальные книги. Свидетельство Прокла об одной из них («О том, что после смерти») приводится в тексте[15]. Демокрит исследовал рассказы тех, которые казались умершими. Наконец, следует остановиться на значении Демокрита в ознакомлении греческого мира с нравоучительными сентенциями Востока. Следует остановиться на одном знаменитом свидетельстве Климента Александрийского с выдержкой из Демокрита, которое мы помещаем в числе подлинных фрагментов *в отличие от Дильса.*

«Пифагор имел учителем Суши, который был первым среди мудрецов Египта, Платон Зехнуфиса из Гелиополиса и Евдокс Книдский Хоннуфиса,—эти оба были родом из Египта. Этические[16] изречения, которые написал Демокрит, принадлежат вавилоня-

нам[17], так как говорят, что он перевел колонную надпись (στήλη) Ахикара, присоединил ее к своим сочинениям и сверху в начале написал: так говорит Демокрит. Ведь и сам он говорит о себе так, восхваляясь своей многоученостью: «Я один из всех моих современников объехал большую часть земли, предпринял исследования самые глубокие, и я видел большинство климатов (ἀέρας) и стран, и я слушал речи большинства ученых людей; и никто не превзошел меня в соединении линии с доказательством (μετὰ ἀποδείξεως), даже так называемые у египтян гарпедонапты[18]. Вместе с ними я был еще пять[19] лет на чужбине после всех моих путешествий». И действительно он был[20] и в Вавилонии, и в Персии, и в Египте у магов и ученых жрецов[21].

Вся «цитата» из Демокрита Дильсом категорически относится к подложным фрагментам и столь же решительно ее подлинность признается Т. Гомперцом. По мнению одних, Демокрит Климента Александрийского оказывается лишь псевдо-Демокритом[21a]; по мнению других, мы имеем дело с подлинными словами абдеритского философа[22].

Конечно следует признать недостаточность таких доводов[23] в пользу подлинности, как отсутствие каких-либо иных аутентических свидетельств Демокрита, противоречащих словам Климента, или недостаточность одного факта самохвальства для того, чтобы усомниться в подлинности этого фрагмента. Но, с другой стороны, и те соображения, которые заставляют Дильса отрицать подлинность фрагмента и которые он вновь подтвердил незадолго до своей смерти, при ближайшем рассмотрении не выдерживают критики[24].

Дильс считает, что βαβυλώνιοι λόγοι характеризуются Климентом как перевод колонной надписи Ахикара, т. е. халдея, который изложил свои муд-

рые изречения на стеле. Этот мотив надгробной стелы «так же характерен для времени написания его в александрийскую эпоху, как и хитрость перевода, которая была бы немыслима до александрийской эпохи». Между тем в действительности писатель церкви говорит не о сочинении Демокрита, озаглавленном «вавилонские учения», но,— следуя простому «говорят»,—лишь обвиняет его в том, что он присоединил к своим сочинениям этические изречения вавилонян, которые были им прочитаны на одной колонне Ахикара и переведены на греческий язык. «Этические изречения вавилонян» не есть таким образом заглавие одного из сочинений Демокрита, и все предположение, что мысль о плагиате Демокрита указывает на александрийское происхождение всего фрагмента, сама собой отпадает. Дело в том, что эта «колонная надпись» Ахикара, о которой говорит Климент и из которой, следуя примеру александрийских «проныр-плагиаторов» (Роб. Эйслер), великий абдеритец заимствовал все свои моральные изречения, не есть какой-то вымышленный источник, о котором нам оставалось бы делать только туманные догадки, и сообщение Климента Александрийского может действительно оказаться загадкой, если бы в настоящее время его мнимый источник не был бы раскрыт во всем историческом своем содержании.

Судя по папирусам, найденным в иудейской колонии Элефантины, на юге Египта, мы имеем дело с широко распространенным во всем древнем мире рассказом о Сенахерибе, царе Ассирийском, о его мудром визире (министре) Ахикаре и о дурном племяннике последнего Надане[25]. По этому рассказу Ахикар разрешил сложные задачи египетского фараона и заставил его уплатить дань Сенахерибу. Тот простил Ахикара, который был в немилости благодаря кле-

ветническим козням племянника Надана. С этого момента Ахикар отдается нравоучительным наставлениям и излагает их в виде кратких афоризмов[26]. Рассказ этот был полон нравоучительных сентенций, аллегорий и басен, украшенных поэтическими образами. Рассказ или «роман» об Ахикаре повидимому относится к VII веку[27] или к эпохе между началом VII и концом VI вв. до н. э.[28]. «Важность этого рассказа для истории религии заключается в том, что по всей вероятности он относится к потерянной арамейской литературе дохристианской эры»[29]. Однако установить происхождение рассказа трудно уже потому, что еще в глубокой древности мы находим самые разнообразные вариации, переводы, переделки[30]. Наиболее обоснованными в литературе явились предположения об их арамейском[31], сирийском[32] и иудейском[33] первоисточниках. Не входя однако в анализ этих специальных вопросов, не имеющих прямого отношения к нашей теме, важно установить, что «рассказ» об Ахикаре мог возникнуть уже в VII веке до н. э. и пользоваться широкой известностью в древнем мире. Что с этим «рассказом» был знаком иудейский мир,— показывает книга Товит[34], где в нескольких местах приводится имя ассирийского мудреца Ахикара[35]. Но «рассказ» был известен и римской Галлии: на одной мозаике с музами в Трире некий богатый сириец Моннус изображает Ахикара рядом с музой Полигимнией; последнее обстоятельство указывает также на знакомство с «рассказом» арабских поэтов доисламской эры[36]. В послехристианскую эру «рассказ» не был потерян, он не был и забыт, он, напротив, даже подвергался обработке и исправлениям, так как явно «языческий» характер не мог устоять перед «христианским» воззрением о мире[37].

Греческий мир познакомился с мудростью Ахи-

кара уже в V веке. Позже, если верить сообщению Диогена Лаэртского[38], этот «рассказ» послужил темой для специального сочинения Теофраста: «Ахикар». Посидоний[39] упоминает пророка Ахайкара, жившего в Боспоре и обосновавшего тут школу наряду с гимнософистами в Индии и персидскими магами. Другими словами, «Ахикар» из Боспоры пользовался в Греции известностью как один из мудрейших людей в Вавилонии[40]. На знакомство греков с мудрыми изречениями Ахикара указывают фрагменты Менандра (342—290 гг. до н. э.), который повидимому, познакомившись с ним благодаря Демокриту, подражал ему, как это можно видеть, сравнивая его фрагменты с текстом Ахикара[41]. Наконец широко распространенный в греческом мире рассказ (или роман) об Эзопе (Vita Aesopi), относящийся к византийским[42] первоисточникам VI века[43], носит на себе все следы влияния ахикаровского «романа», именно можно видеть, что в последней своей части сюжет Эзопа заимствован из Ахикара. Повидимому мы имеем дело здесь с взаимным влиянием, в силу которого многие басни, аллегории и образы «Жизни Эзопа» могли, распространяясь в восточных переводах[44] или же на восточной почве, выделиться, оформиться в самостоятельное сочинение[45] и тем создавать повод для новых вариаций ахикаровского «романа», если тем более можно считать установленным, что самое содержание «Жизни Эзопа» во всяком случае исходит с Востока, «и может быть из Сирии»[46]. Но в этой додемокритовской «Жизни Эзопа» мы не находим нравоучительных сентенций Ахикара, но лишь аллегорическую фабулистическую сторону «рассказа» о нем. Демокрит же познакомил греческий мир именно с моральными изречениями Ахикара.

Литературная форма «романов», подобных ахикаровскому, такова, что излюбленным приемом одеть

сюжет в поэтические формы являлось указание на различные надписи—могильные, колонные, на эпиграфы на статуях как на источники фабулы. Климент повидимому имел на руках изложение ахикаровского романа, в котором рассказчик ссылался на «колонную надпись» с изречениями Ахикара[47]. Колонной надписи, о которой говорит Дильс и которую Демокрит будто бы перевел и выдал за свое сочинение, в действительности не существовало вовсе[48].

Но нам известно, что именно типичные ахикаровские изречения, вполне установленные в своей аутентичности, еще в древности были известны под именем «гномов» («сентенций», «изречений») Демокрита. Известно например, что в арабских произведениях перса Шахрастани (1085—1153 гг.) в числе приписываемых последним Демокриту моральных изречений мы находим три, из которых два с очевидностью можно констатировать в сирийской вариации Ахикара, а одно—в армянской и славянской[49]. Несомненно, это—псевдодемокритовские изречения. Уже этот факт указывает на то, что в действительности случилось как раз обратное тому, что утверждает Климент Александрийский: под именем Демокрита пользовались широким распространением несомненно ахикаровские изречения. Подобные случаи и могли подать повод к нелепому обвинению в плагиате,—обвинению, которое, быть может еще до Климента Александрийского, пользовалось устным признанием, что и отразилось в выражении Климента: «говорят, что»... Впрочем и сам Дильс признает, что «никому еще в древности не приходила в голову мысль сделать из Демокрита переводчика восточной гномики»[50]. О том же, что существовало целое собрание гномов (моральных изречений) Демокрита, носящее заглавие «Моральные учения вавилонян» и являющееся будто бы лишь переводом изречений ахикаровского псевдоэпиграфа

на колонне, об этом нельзя утверждать ничего положительного на основании разбираемого места Климента Александрийского.

François Nau сделал попытку сравнить моральные изречения Демокрита с изречениями Ахикара[51]. Он вывел из этого сравнения, что, будучи в Вавилоне, Демокрит читал «колонные надписи» Ахикара, перевел их на греческий язык и познакомил последний с восточной мудростью [52]. Нужно однако признать его попытку неудачной. Во-первых, он привлек из 75 изречений Ахикара только 11, а во-вторых, тщательный сравнительный анализ этих приведенных изречений не убеждает вовсе в том, что Демокрит «перевел» их или даже, что они были ему известны [53]. Демокрит любит обобщать, Ахикар прибегает поминутно к конкретным примерам. Демокрит выдвигает общие для всех людей цели и идеалы, Ахикар большей частью останавливается на отдельных сторонах жизни. Самообладание и спокойствие Демокрита совершенно другого порядка, чем у Ахикара. Сходство только в общей проблеме, в одних и тех же понятиях, что неудивительно, поскольку речь идет о моральных сентенциях как там, так и здесь. Неудачная попытка Nau опять-таки убеждает в нелепости обвинения Климента Александрийского. Демокрит, эта «яснейшая голова древности», по меткому выражению Нёльдеке, несомненно был знаком со всевозможными вавилонскими учениями, поскольку они входили в общий опыт, в общее образование его времени, но ему незачем было моральные изречения для греков заимствовать из восточных источников. Таковы выводы, которые сейчас можно сделать из исследований ориенталистов Гарриса, Сменда и Нёльдеке. Мы располагаем еще одним фрагментом, который также говорит о знакомстве Демокрита с восточной

мудростью. Речь идет о том же Клименте[54]. У него мы находим следующие слова Демокрита:

«Некоторые из ученых подымают свои руки туда, где мы, эллины, теперь помещаем[55] воздух, [и говорят]: Все называет Зевс[56] и все знает[57], он дает и снова берет и он царь над всем».

Дильс замечает, что под «учеными, которые почитают Зевса, как воздух», Демокрит имеет в виду Диогена Аполлонийского[58]. Это не совсем так. Ведь из текста совершенно очевидно, что воздухом называют Зевса не «ученые», а «мы, эллины, теперь»,—и, может быть, здесь только и имелся в виду Диоген Аполлонийский, с которым Демокрит был одного мнения,—а «ученые, подымающие руки к нему», говорят, что он «называет все и, как царь надо всем, дает и берет вновь» воздух. И подобно тому как Геродот, сравнивая нравы греков с варварскими, употребляет часто выражение «мы, эллины, теперь», то и здесь под «учеными людьми» имеются в виду не «эллины» «настоящего времени» («теперь»), но имеются в виду именно эллины первобытного времени или варвары, чужеземные, «ученые», которые, говоря о Зевсе, подымают руки «на воздух», «к небу». И Демокрит действительно мог быть знаком с этими учеными, с их образом мыслей, с их манерой выражаться. Шпигельберг[59] открыл в папирусах Египта толкование Аммона, т. е. по-гречески Зевса, как всепроникающей пневмы; у вавилонян—Бел, у Геродота—Зевс Βῆλος,—на это очевидно указывается самым идеографическим написанием его имени как en-lil, т. е. «господь-воздух»; «все знает» он—это заратустровское выражение: «знающий», «понимающий» и чисто демокритовское «царь над всем» может быть открыто в арамейских, ассирийских и древнеармянских источниках[60]; в той же связи понятно цитируемое «все называет»; представление о слове как творческой силе

занимало большое место в древневосточных религиях, что отразилось нагляднейшим образом в целом ряде источников[61]. Таковы те данные, которые самоочевидно доказывают факт путешествий Демокрита и его тесного общения с восточными мудрецами, что опять-таки подтверждает подлинность отвергнутого Дильсом автобиографического фрагмента из Климента Александрийского.

ПСЕВДОДЕМОКРИТОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Псевдодемокритовской литературой называется обширная алхимическая, техническая и медицинская литература, возникшая в период от II в. до н. э. и кончая V в. н. э.

До нас дошло огромное количество алхимических греческих рукописей, в высшей степени важных для истории естественных наук, в особенности технологии металлов, а также для истории философских идей в первые века нашей эры. В течение веков они были похоронены в главнейших библиотечных центрах Европы, пока Бертло не собрал их, критически проработал текст и не издал в качестве документов по истории химической науки. Главнейшие авторы, фигурирующие в этих рукописях, относятся к III и IV вв., к эпохе Диоклетиана и Константина. Важнейший из них Зосим был современником Климента Александрийского, Порфирия и Тертуллиана. Эти рукописи для истории науки эллинизированного Египта имеют большое значение, они имеют огромное значение и для исторического изучения египетской фармакологии, индустрии, металлургии, минералогии. В сущности древнейшие из рукописей ничего химерического в себе не заключают. Псевдодемокритовская литература—явление высокой культурной важности. Произведения подражателей Демокрита или пишущих под его псевдонимом относятся к определе-

ленному историческому периоду с его культурой, отражающей определенную ступень развития эмпирического научного мышления.

Для истории развития химических учений таким образом в лице псевдодемокритовской литературы мы имеем богатый и разнообразный материал, и если принять во внимание, что именно из этих перлов наивной человеческой мысли возвысились положительные науки в том виде, в каком мы их и имеем теперь, то она представляет интерес и для истории развития научного мышления.

Впервые об алхимике и чародее Демокрите заговорил *Плиний*. Он рассказывает в своей «Естественной истории» (книга XXX, 8 сл.), что Демокрит учился магии у персидского алхимика Остана. Плиний несколько раз возвращается к отношениям Демокрита к восточной магии (XXIV, 16, 440, 16). По Плинию, Демокрит осквернил гробницу Дардана, чтобы достать оттуда магические книги. «Обычай скрывать рукописи в гробницах,—говорит Бертло,—напоминают папирусы, которые мы находим в настоящее время в гробницах с мумиями и которые сохранили столько ценных сведений о древности. Эти же папирусы показывают, что превращение Демокрита в знатока тайной магии не проводится одним только Плинием и греческими алхимическими рукописями наших библиотек»[1]. В этих папирусах, в самом деле, находим под заглавием «Сфера Демокрита» таблицу шифров, предназначенных для прогноза жизни или смерти больного, затем таблицу рецептов, магических и алхимических, имеющих самое разнообразное значение. Таким образом традиция превращать Демокрита в чародея и мага имела в Египте в первые века нашей эры тот же характер, что и в рукописях греческих алхимиков.

Отсюда ясно также, что Плиний уже застал эту

традицию распространенной. Эти различные исторические наслоения алхимического хода мысли псевдо-Демокрита были собраны вместе повидимому уже в древности; они были переведены в одном сборнике на латинский язык и опубликованы в Падуе в 1573 г. под заглавием «Democriti abderiti de Arte magna», с примечаниями и комментариями.

Весь псевдодемокритовский материал можно разделить на:

1) часть алхимическую, апокрифическую и наиболее позднюю, однако существующую уже до IV в. нашей эры;

2) часть магическую, также апокрифическую, более раннюю, но существовавшую до Плиния;

3) на часть техническую, может быть наиболее древнюю, принадлежащую ученикам Демокрита.

Синезий[2] сообщает, что Демокрит написал четыре сочинения: о золоте, о серебре, о камнях и пурпуре. Синезий жил в конце IV в., и свои комментарии к Демокриту отослал к Диоскору, жрецу Сераписа в Александрии. Должно быть, говорит Бертло, он писал до 389 г., когда был разрушен храм Сераписа в Александрии. Во всяком случае он цитирует *Зосиму Панополитанского*, который писал на гностическом языке авторов конца II и начала III в. Уже для него псевдо-Демокрит был авторитетом, которого он цитирует. Среди сочинений этого Зосимы мы находим одно под заглавием «Chirocmeta», что значит «манипуляции» (или «сделанное руками человеческими»). Это наводит нас на мысль, что Зосима следовал в свою очередь более древнему образцу: именно египтянину *Болу Мендесскому*. Среди сочинений, приписываемых древними как этому Болу, так и Демокриту, мы находим, судя по свидетельствам древних, одно: натурфилософские комментарии под заглавием «Естественное и сделанное руками», и другое—под

заглавием «О симпатии и антипатии»[2a], которое также приписывается как Демокриту (Колумеллой), так и Болу (Свидой).

Бол жил в первой половине III в. до н. э.; по этому вопросу существует спор[3], который длился бы и дальше, если бы Дильс, а затем и Веллман не доказали, что главная работа Бола могла быть написана лишь около 200 г. до н. э.[4]. Бол жил в Александрии. Это был врач, естествоиспытатель, геолог, алхимик, астролог и маг в одном лице. Как подлинный сын своего времени он, наряду с техническими работами, собирал самые чудовищные суеверия, как собирает коллекционер редкостные экземпляры животного мира.

Бол не был единственным автором псевдодемокритовской литературы. Как сообщает Бертло, в греческих алхимических рукописях Парижской национальной библиотеки мы находим рукопись под заглавием «Демокритовские записки», принадлежащую *Петезию*, другому египтянину. Наконец уже упомянутому Зосиме Панополитанскому приписывается древними сочинение, несомненно неразрывно связанное со всем псевдодемокритовским движением. Во всех этих произведениях Демокрит выступает как маг, астролог, чародей, шарлатан, изготовляющий чудесные рецепты, часто противоречащий самому себе, открыто восхваляющий символичность и недоступность молодому поколению алхимического языка, но в то же время мы находим здесь множество рецептов, как окрасить металлы, как произвести глубокое изменение их, находим далее сведения о металлах, уничтожаемых огнем, о металлах, не уничтожаемых огнем, и другие уже технологические и технические сведения, представляющие большой интерес.

«Совершенно невозможно определить в настоящее время,—говорит Бертло,—алхимические рецепты

псевдо-Демокрита, потому что слова ртуть, сера, магнезия, которые фигурируют у нас, не имели для алхимиков того значения, какое они имеют у нас; каждое из них обозначает различное содержание. Бесполезно во всех этих решениях искать совершенно точное определение элементов, химических реакций и т. д.»

К сочинению «Сделанное руками человеческими», носящему уже отчасти алхимический характер, примыкает на исходе древности вздорная литература об искусстве делать золото. В утерянном сочинении «Физические и мистические (учения) Демокрита» Демокрит выступает в качестве ученика мага *Остана*, который в Мемфисском храме посвящает его в старинные книги, извлечения из которых затем Демокрит публикует. Называют пять главных сочинений: 1) «О золоте», 2) «О серебре», 3) «О камнях», 4) «О пурпуре», 5) «К Левкиппу». Эксцерпты из них у нас даны под №№ 622, 623, 624.

Говоря о псевдодемокритовской литературе, нельзя обойти молчанием имя этого персидского жреца, прослывшего в древности учителем и вдохновителем Демокрита. Имя Остана связывается в этом смысле с Демокритом как у Плиния и в алхимических рукописях, так и в папирусах Лейдена. Геродот (VII, 61) рассказывает, что маг Остан, перс, сопровождал Ксеркса в его греческом походе, и Плиний, следуя традиции алхимиков I в. н. э., впоследствии говорит об этом Остане как о персидском маге, который, явившись в Грецию вместе с Ксерксом, передал ему тайны своей науки (XXX, 8). С течением времени имя этого апокрифического мага стало повидимому синонимом чародея и алхимика вообще. Это имя цитируется писателями II и III вв. Ориген говорит о маге Остане, Тертуллиан цитирует его («De anima»), с ним знакомы Киприан (в «De idolorum

vanitate»), Арнобий («Adv. gentes»), Блаженный Августин и другие[5]. Таинственный Остан говорил на темном, загадочном языке, аллегорически, в поисках «философского универсального камня», т. е. излагая идеи, которые занимали все средневековье и которые таким образом возникли уже в греческой алхимии.

Существует группа псевдодемокритовских произведений, посвященных технике земледелия.

О книге «О земледелии и об искусстве сельского хозяйства», приписываемой Демокриту, нам известны свидетельства Варрона «De re rust.» I, 18: «по-гречески писали о земледелии... физик Демокрит, сократовец Ксенофонт, перипатетики Аристотель и Теофраст, пифагореец Архит» (XI, 3, 2). В этой связи встречаем мы соответствующие отрывки под именем Демокрита у Колумеллы, Палладия, Плиния и в большом сочинении о земледелии анонимного автора.

В «Геопонике», II, 6 сохранился отрывок под именем Демокрита, трактующий об открытии родников и способе пользоваться родниковой водой. 48 отрывков «Геопоники» носят подзаголовок «Демокрита».

Подлинность этих отрывков вызвала в литературе спор между Мейером Гемоллом, Е. Одером и Вейдлихом. Общую оценку этого спора дал в специальном исследовании в 1921 г. М. Веллман в своей ценной работе «Die Georgika des Demokritos» и в последнем издании своих «Досократиков»—Дильс.

Наконец к псевдодемокритовской литературе следует отнести также все «Письма Демокрита Гиппократу», которые сохранились до нас в так называемой «Переписке Гиппократа». Это произведение было написано одним или несколькими последователями Гиппократа и носит ярко выраженный компилятивный характер. Написание следует отнести к IV в.[6] Это произведение имеет значение для истории медицины в IV—V вв. н. э. При всем заметном старании употреблять

выражения Гиппократа и Демокрита, что соответствует направлению и в то же время изобилует неологизмами, это произведение ни с Гиппократом, ни с Демокритом ничего общего не имеет. Автор на основании сочинений Гиппократа и уже распространенного энциклопедического руководства по физике, написанного Болом под именем Демокрита, изложил некоторые популярные у молодых гиппократовцев медицинские учения, выбрав для этого переписку между Гиппократом и Демокритом как литературную форму. В форме древней ионийской медицины автор знакомит публику с современной наукой. Сопоставлением с сочинениями Гиппократа «De victu», «De morbo sacro» и удачной группировкой текста Дильсу удалось восстановить целое, вполне самостоятельное, законченное произведение («О болезни»), которое якобы Демокрит переслал в форме письма знаменитому врачу.

Таков общий характер псевдодемокритовской литературы, таковы ее проблемы и задачи.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОБ ИСТОЧНИКАХ

1. Подробнее о Платоне как историческом свидетеле см. мою статью: «Источники изучения Демокрита», «Под знаменем марксизма», 1923.

2. См. ниже стр. 297.

3. Philologus, 1909 (68), 368 fr.

4. Ibid., 370.

5. «Metaph.» 983 b 6. 984a сл.; «De caelo» B. 13. 294a 28; «De anima» A2. 405a 21; «Phys». A4. 187a. 45 204b.

6. «Metaph.» 4. 1001. 32; 5; 1010a 1; «Rhet.» 15-26 ·1400b 5; сще Diels, FVS, 109, 160; Gilbert: «Phil.», 68, 375.

7. «De anima» A2. 404a. A4. 407b 27; «De coelo» A1 268a. B2. 284b. B9. 090b. B13. 293 a-b. и Gilbert, 269.

8. Например «Phys.» B. 4. 195b 36.

9. «De gen. et corr.» A z 8. 325a 2.

10. Например «Met.» 87a 25—88a. 071b. 080a 2 и др.

11. Общая характеристика у Leo: Griech.-röm. Biographien (Lpz. 1901) 30 сл. Литература у Schwarz, P.-Wissava, 1323 и сл., а теперь в ценной монографии Hope, New-Jork, 1934.

12. Rose: Arist. qui fer. libri fragm. Lips. 1889, 9—18.

13. Ibidem, fr. 8(124), 9(144); Diog. L., V, 26, 27.

14. Его нельзя смешивать, как раньше думал Rose, с περὶ Δημοκρίτου, которое принадлежит Теофрасту (Узенер, «Analecta Theophr.»); Kl. Schr., 1 (1912), 59, 4; 68—9; Diog. L., V., 49. Симплиций указывает не название, но содержание περὶ Δημοκρίτου, «De coelo», p. 486,6 (Rose, фр. 208).

15. Simpl. «In categ.», фр. 2. Photius «Epist.», 207, fr. 411; (Rose «Arist.»).

16. Подробный перечень всех мест о Демокрите см. «Указатель источников».
17. У меня всюду—«Phys.».
18. У меня всюду—«De coelo».
19. У меня всюду—«De gen. et corr.».
20. У меня всюду—«De part. anim.».
21. У меня всюду—«De gen. anim.».
22. У меня всюду—«De resp.».
23. У меня всюду—«De sensu».
24. У меня всюду—«De an.».
25. δόξα, т. е. «мнение»; древние писатели называются «доксографами», т. е. «пишущими» обозрения чужих «мнений».
26. У меня всюду—«Dox.»
27. Mitteis u. Wilken, Grundz. u. Chrestom. z. Papyruskunde, Bd. II., Th. 1, S. 279.
28. Diog. L., VII, 174.
29. Ib., VII, 178.
30. Diels, FVS², 365,9.
31. Arnim «Stoic. vet. fragmenta», fr. 171
32. Diels, FVS², 412; («De commun. not.». 39 p., 1079 e.).
33. V. Arnim y P.-Wissowa, 2502; см. также Philodem περὶ εὐσεβοῦς, p. 61 Gomperz; кроме того Diog. L., VII, 74, 17, 15.
34. Ib., B. 2506.
35. Diog. L., VII, 197.
36. Ib. Diog. L., VII, 190.
37. Ib., VII, 202.
38. Diog. L., VII, 160.
39. «Adv. math.», IX, 363.
40. «De div.», 57, 131 (FVS², 379, 27).
41. Seneca «Epist.», 90, 32.
42. «Tusc.» II, 25.
43 Доказательство у Heinemann, Posid. metaph. Schriften (1921), S. 103, 183.
44. P. Wendland, Arch. f. Gesch. d. Phil., I, 207.
45. Wendling, Zu Posid. u. Warro, Hermes, 28, 338 (Ср. Diels «Elementum», p. 1—2)
46. См. ниже.
47. Ср. Сенека «Epist.» cit: Susemihl «Gesch. d. griech. Lit.», II. 134; Heinemann, op. cit., 92, Anmerk. 3.
48. Seneca «Ep.» 90, 92 и место из Страбона, приводимое Heinemann.
49. Diels «Dox.», 466, 19.
50. W. Capelle, N. Jahrb, f. d, Alt., 1920, S. 322.
51. W. Capelle «Hermes».48. 322, 1.

52. F. Gisinger «Die Erdbeschreibung d. Eudoxas v. Knides», Lpz. 1921, S. 38.

53. Diod. Sic., I, 39.

54. Luigi d. Stefani «Berl. Philol. Wochenschr»., 1911, 31, S. 286.

55. «Hermes», 47, 497 сл.

55a. «Известия Академии наук», 1918, стр. 12.

56. Об этом ниже, стр. 303 сл.

57. С. Лурье, «Известия Академии наук», Петроград 1918, стр. 6.

58. В противоположность С. Я. Лурье, работы которого об Антифонте впервые «открыли» этого философа для материалистической философии (см. «Известия Академии наук», 1918, стр. 25). Между прочим тот же «гносеологический» подход заметен у С. Я. Лурье в другой работе («Антифонт», М. 1925, 50) по вопросу о математических фрагментах Антифонта.—Ср. цитату из Аристотеля в «К критике политической экономии», Маркс, Сочинения, т. XII, ч. 1, стр. 102 (ИМЭЛ).

59. Об Эпикуре и Демокрите см. мою статью, «Под знаменем марксизма, 1924.

60. См. еще кроме Natorp («Forsch. z. Gesch. d. Erde», 219), также Baümker, «D. Probl. d. Mat.», 1891, 365. Ошибка Целлера, IIIa 490 и других исследователей заключается в том, что физиологическое учение Эпикура ими толкуется как теоретико-познавательное.

61. Diog. L., X, 24.

62. Diog. L., X, 25.—Собрание фрагментов у Karl Krohn «Der Epicureer Hermarchos», Berlin 1921, fr. 22, 33, 41 и др.

63. Diog. L., X, 25.

64. Ib., X, 2.

65. Ib., I, 60.

66. По Hirzel «Untersuch. zu Cicer. phil. Scbr.», I, 184, к которому присоединяется и Susemihl, op. cit., II, 260, 134 anm.

67. Подробно о Филодеме в моей цитированной статье, «Под знаменем марксизма», 1923 и работу И. Боричевского «Древняя и современная философия науки». 1925.

68 Текст у Зудхуаса «Rh. Mus.», 48.

О ЖИЗНИ

1. Aristot. «Meteor» B. 7, p. 365 a 17: Athaeneus «Deipnosoph.», II p., 46, FVS², 356, 36. Aelian «Variae historiae» (Halle 1772), p. 125. Hippol. «Philosoph.», 13 («Dox.» 505, 4). Epi-

phanii «Adv. haeres.», III. 2, 14 («Dox.», 590, 3d). Theodorit, IV, 9 («Dox.» 285 b). Aetius—«Dox.» 285. Censorinus, 15, 3, FVS^{2}, 353, 19.

2. Berthelot «Coll. d. ancien. alchim. grecs», livre 3, text. grec., p. 425, 2.

3. Suida, FVS^{2}, 352, 44.

4. Diog. L., IX, 34.

5. Nietzsche «Philologica», Werke, XIX, 203.

6. Aetius, 13, 15 «Dox.» 285. Diog. L., IX, 35. Simplic., Phys., 28, 4.

7. Diog. L., IX, 39. Plinius, XVIII, 35. Cemens, «Strom.», VI, p. 255, FVS^{2}, 354, 44. Hesychius, «Milesius» у Mullach «Democriti op.» fr. (1843), p. 37, 5.

8. Welker «Rhein. Mus.», 1835, p. 356. B. ten Brink, «Philol.», 1851, p. 589 сл.

8a. Ch. Berthelot, «Journ. des savants», 1884, p. 517: «357 до н. э.»,—FVS^{2}, 353, 15 (Chron. Paschlis, 317, 5).

9. Diels, «Leukipp u. Diogen». v. Apollonia, Rh. Mus., 42, 3.

10. Ср. S. Luria, «Arch. f. Gesch. d. Philos.», XXXVIII, 3 u. 4, S. 207.

11. Apul. Flor. 18 (FVS^{2}, 528, 15).

12. Diog., L., X, 50.

13. Sext., VII, 389.

14. Plut. «Adv. Col.», 4. Sext. VII, 389, Ср. Victor Brochard «Protagoras u. Democrites», «Arch. f. Gesch. d. Ph.», 2, S. 375.

15. Censor., 15, 3, FVS^{2}, 353, 19.—Suida, FVS^{2}, 545, 14.

16. Например после работы Dümmler («Acad.»)—J. Jacoby «De Antiphontis Sophistae» περὶ ὁμονοίας libro Diss. Berol, 1908, S. 13, 25, 27. Altwegg «De Antiphontis Sophistae «περί ὁμονοίας libro. Diss. Bas., 1908, S. 83.

17. S. Luria, «Arch., f. Gesch. d. Philos»., XXXVIII, II 3 u. 4, S. 209.

18. По С. Я. Лурье, «Антифонт», М., 1925, стр. 51.

19. Dümmler, «Academika», 85.

20. Burnet, Early greck philosoph., 1908, p. 381.

21. B. ten. Brink. «Phil.», VII, 354.

О СОЧИНЕНИЯХ

1. A. Norden, «Antike Kunstprosa», Lpz. 1898, S. 22.
2. Cicero, «De orat.», 1, II, 19.
3. Cicero, «De div»., II, 64, 133.
4. Diels, FVS^{2}, p. 358, 26.
5. Отрывок 61.

6. Diog. L., XI, 45.

7. Crönert, «Kolotes», 147; FVS², 387, 5.

8. Susemihl, «Phil.», 60, 181 сл.

9. Критическая сводка этого спора и попытка нового его решения даны в моей статье «К вопросу об исторической реальности родоначальника древнего материализма», «Под знаменем марксизма», 1925.

10. Теперь заслуживает внимания новое решение вопроса у А. О. Маковельского «Материализм древности». См. также рецензию G. Sarton на книгу Abel Ray (1934), в «Isis», 1934, vol. XIII, S. 123.

11. E. Rohde «Kl. Schr»., I, 226.

12. См. выше отрыв. 61.

13. Porphyr. у Stob. «Flor.», 21, 27. Отсутствует у Дильса, FVS²!

14. «Nicht κόσμος!»—правильно подчеркивает Rohde. «Kl. Schr.», I, 227, I.

15. David, «Prol.», 38, 14 Busse, FVS², 398, 8.

16. Galenus, «De usu partium», III, 241, FVS², 398, 15.

17. Отсюда должно быть ясно, что одно из «миростроений» Демокрита названо малым не в отличие от сочинения Левкиппа того же заглавия (как думает Т. Гомперц в «Греч. мысл.»), а по существу своего предмета, т. е. «малого мира».

18. «Epid. Hippocr.», V, p. 473 (B. ten Brink, «Phil.», 8, 414).

19. «Corpus aedic. graecorum», V, 9, 1, Lips., ed. I. Mewaldt, 1914, S. 1—115.

20. Проделанная, В. ten Brink, «Phil», 8, 415.

21. Mullach, фрагмент 132,

22. См. также Aetius, 1, 15, 8 («Dox.» 314). «De Melisso» etc., FVS², 139, 24; Аристотель «De anima», 404a, 5.

23. Werke, Bd. III., Anth. 3, 299 (1835).

24. Например «Hist. nat.», XXVIII, 112.

25. Как это делает E. Rohde «Kl. Schr.», I, 214, 2.

О МАТЕМАТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ

1. На этот факт обращает внимание также S. Heath «A History of Greek Mathematics» Oxford 1921, p. 180, 181.

2. Как это делает W. Capelle, «Zur Geschichte der meteor. Literatur», Hermes, 48, 321.

3. Пересмотр традиционных представлений о роли Платона в истории науки был произведен в выдающейся работе Эриха Франка (Halle 1923). В том же году—в «ПЗМ» см. мою статью о Платоне как источнике изучения Демокрита.

После ознакомления с книгой Франка я дал реферат и сводку всего вопроса в «Архиве Маркса и Энгельса» (кн. III): «Платон и Демокрит». Большое значение, далее, имеет статья М. Выгодского «Платон как математик», («Вестник Комакадемии» 1926), и наконец исчерпывающее резюме вопроса в ценной, несмотря на спорные моменты, статье С. Лурье в «Архиве истории науки и техники», кн. 3.

4. Diog. L., III, 6.

5. Данное им. в «Федре», 95 сл. описание умственного развития Сократа не есть история его собственного развития, как полагали Шлейермахер (Plat. W., 11, 3, 10), Зуземиль (Genet. Entwickl. d. plat. Ph., I, 3, 44), но логическое развитие мысли, что от натурфилософии неизбежен приход к сократовской философии. См. Bonitz «Plat. Studien», 310; Zeller «Phil. d. Gr.», II, 1, 398.

6. О Платоне-политике см. работу Ernest Barker «Greek Political Theory, Plato and his Predecessors», London 1918.

7. Например, resp., X, 600a.

8. Plat, Schr., 67 (Zeller «Phil. d. Gr.» S., IIa, 399).

9. Erich Frank «Logos», 1921, IX, S. 253. Последнее время автор не соглашается с этой оценкой Платона: фашизм не позволяет!

10. Wilamowitz-Moelendorf, «Platon», 1920 г., I, 69, 70.

11. Diog. L., IX, 36.

12, Diog., L., IX, 36.

13. Гомперц, «Греч. мысл.», II, 24, СПБ. 1913.

14. Aelian, «Variae Historiae», II, 30 (Halle 1772, S. 54).

15. Древняя критика ревностно отмечала его историческую недобросовестность; она собрана у А. Гилярова «Источники о софистах», I, 1891 г., 2—5.

16. и 17. Gell, N. A., III, 17—1, Damasc. v. Isid.—см. Zeller, II, 15.

18. Plut. «Solon», 2.

19. «Еще в конце V в., во вторую половину Пелопонесской войны разорившийся афинский аристократ Андокид торговыми операциями успел не только поправить свои пошатнувшиеся дела, но и приобрести сверх того довольно значительное состояние». Тюменев, «Очерки экономической и социальной истории древней Греции», II, 1920, I, 158, См. также Francotte, «L'industrie dans la Grèce ancienne», 1900, t. I, p. 249.

20. Büchsenschütz, «Besitz. u. Erwerb im griech. Altertume», Halle 1869, S. 436.

21. E. Speck, «Handelsgeschichte des Altertums», Bd. II, 1901, S. 333; см. еще ibidem, S. 412.

22. Это можно считать установленным после исследования Э. Франка о Платоне и неопифагорейцах.

23. «Экпетасмата», т. е. «о протяженностях», или вернее «о расставлении протяженных тел». Повидимому речь идет о проблемах, близких к современной проективной геометрии. Montuela в «Истории математики» пишет: «Демокрит с большим жаром отдавался геометрии, и ему, кажется, эта наука обязана очень многим... Перспективы и оптика составляли, должно быть, первые из его исследований».

24. Ср. Аристотель, «Metaph.», 1043, b. 34.

25. У Секста, VII, 137 приводится название одной из книг Демокрита «Об идеях».

26. Выражение G. C. Field. «Plato and natural science». «Philosophy», April 1933, p. 138.

26а. Перевод у O. Apelt «Beitr. z. Gesch. d. gr. Philos.», S. 271.

27. Текст у O. Apelt, ibidem.

28. Simpl., «Phys.», 140, 10.

29. Diog. L., IX, 47.

30. Heath, «A history of greek mathemat.», 1921, I, p. 181.

31. С. Лурье (в сборнике «Aspasmos»), как нам кажется, недостаточно обосновывает противоположный взгляд на этот предмет: «Dann bestand für Demokrit, wie später für einen Nachfolger Antiphon und für Platon jeder Körper aus Flächen, jede Fläche aus Linien, jede Linie aus ἄτομοι γραμμαί, aus Punkten», — говорит он, но ἄτομοι γραμμαί — неделимые линии, а не точки.

32. Ср. Ленин, «Лен. сб.» XII, 173.

33. Diels, FVS², II, 294 сл.

34. С. Я. Лурье. «Антифонт», М. 1925, 80.

35. Ср. G. Junge, Jahresb. d. deutsch. Math.—Verl. 35 (1926), S. 66, 150,251.

36. Arist. «De coelo», III, 4, 303a 2.

О СОЧИНЕНИЯХ ПО ЛОГИКЕ

1. Usener, «Ein altes Lehrgebäude der Phil.» Kl. Schr., II, 274.

2. U. v. Wilamowitz—Modendorf, «Hermes», 1919, S. 48.

3. Следую восстановлению M. Pohlenz «Hermes», 1918, S. 396 сл.

4. «Hercul. Studien», I, Leipzig 1865, S. XI.

5. Ibidem, S. XII.

6 и 7. «Φαντασίαι» вместе с Филиппсоном перевожу: «явления».

8. Fr. 2, p. 51, Gomperz.
9. Col. IV, 24 p., 21, Philippson («Rh. Mus.», 64).
10. Fr. 3, p. 52, Gomperz.
11. Philippson «Rh. Mus.», 64, p. 13.
12. Col., XXXV, 1—7, p. 449, 350, Philippson. Еще сл. Col., VII, 26—32, p. 314. Philippson («Rhein. Mus.», 65).
13. Col., XXXI, 8 сл., p. 38, Gomperz.
14. B. ten Brink, «Phil.», 29, 613 сл.
15. Например Mullach «Dem. Op. Fr.», 1843, 137.
16. «Noct. attic.», IV, 13: «Ergo nuperrime in libro Theophrasti scriptum inveni, vinerarum morsibus tibicinem, scite modulateque adhibitum, mederi. Refert etiam idem Democriti liber qui inscribitur * * * in quo docet, plurimis hominum morsibus medicinam fuisse incentiones tibiarum.
17. Как это делает R. Hirzel «Unters. z. Cicer. philos. Schr.», I, 128 сл.
18. Suida, изд. Godofr. Bernhardy, t. 1, p. 396. Ср. Susemihl, «Philol.», 60, 184.
19. Sext, «Adv. math.», VII, 135, p. 220, 20 Bekkari.

О ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ

1. Ciceron, «De orat.», II, 46, 194.
2. Ciceron, «De div.», I, 38, 80.
3. См. FVS^2, 394, 14.
4. Дильс ставит его в число «неизвестных сочинений» (FVS^2, 397, 13), хотя ведь он сам признает аналогичные формы у Гомера.
5. «Metaph.», A4, 985b 4.
6. Rob. Eisler «Arch. f. Gesch. d. Phil.», 1918, S. 203.
7. Она была новостью для неопифагорейцев, потому что буквами они пользовались лишь в музыкальных нотах.
8. Chiristisn, «Die Namen d. Cabyl.-assyr. Keilschrift.» Mitt, d. Vorderasiat. Gesellschaft, 1913, S. 56.
9. FVS^4, 11, 21, 3 (Diog. L., IX, 49).
10. Herod., II, 36; Diod., III, 3 (отсюда—«иероглифы») См. Sethe «Nachr. Gött. Ges. Wiss.» Mitt. 1916, S. 101; R. Eisler, op. cit., S. 199.
11. R. Eisler, op. cit., S. 201. Литература там же. Ср. теперь G. Sarton в «Isis», April, 1934, S. 223.
12. Аристотель, «De gen. et corr.», A 1, 315b 6.
13. Аристотель, «Phys.», A, 188a 22.
14. Hippocr., «De victu», 23: по FVS^4, II, 85, 1—3.
15. Schol. Dionys. Thrax., p. 183, 20. Цит. по Dornseiff, op. cit., S. 20.

16. (Aetius) Dox., 408a, 14.

17. FVS[4], II, 22, 25, FVS[3], 359,22; далее 376, II сл. и еще: 377, 36.

18. FVS[3], 372, 35.

19. «Adv. Colot.», 8, p. 1110 F (стр. 89).

20. FVS[4], 1922, II, S. VII αἱ ἄτομοι (стоит в женском роде).

21. Ср. Dox., 388, 3: σφαιρικὰς τὰς ἰδέας.

22. «Алфавит образует основу письма. Насколько удачно обозначается здесь алфавит, не требует больших доказательств. Без алфавита конечно нельзя ни прочитать написанное, ни написать прочитанное. Греческий алфавит состоит из 29 знаков, которые отличаются друг от друга только по форме. Я перевожу поэтому στοιχεῖα τῶν γραμμάτων—«основные формы письма»—говорит Lagercrantz «Elementum», Upsala, 1911, 20.

23. Hesych s. v. ἰδέα пишет ἡ ὁμοιότης, μορφή, εἶδος καὶ τὸ ἐλάχιστον σῶμα. FVS[4], 87, 1—3. Это определение целиком перешло к Аристоксену.

24. Фил. 18 в.

25. Ср. R. Eisler «Platon u. d. ägyptische Alphabet». «Arch. f. Gesch. d. Philosophie», S. 13, 1922.

26. Это, как известно, великолепно прослежено у Дильса «Elementum», 1899.

27 Usener, Epic. 342,6. Plutarchus «De Pythiae orac.» E сл. Diels, «Elementum», S. 3. 11 p. 399.

28. Cicer., «De nat. deor.», II.

29. Theät., 202 D.

30. Kratyl., 410 B.

31. Ср. Lagercrantz, op. cit., S. 23.

32. Например Платон указывает, что в словах ῥεῖν, ῥόον, τρόπος человек непосредственно подражает движению буквой «р» и т. д.; ibidem, 426—427.

33. Ibidem, 424 E.

34. Tim. 56 B: πυρὸς στοιχ. τεκαὶ σπέρμα («огонь»—«элемент»). Theät:201 E: «эти первичные элементы πρῶτα στοιχεῖα, из которых мы сами и все остальное состоит». Tim., 57 C: τὴν κατερον στοιχείου σύστασιν.

35. Diels «Elem.», S. 17.—Лагеркранц («Elem.», 17) в этом вопросе забывает, что между Эмпедоклом и Платоном стоит Демокрит.

36. FVS[3], 167, 15.

37. Soph. 252 B: στοιχεῖα τῶν πάντων. Tim. 48: στοιχεῖα τοῦ παντός — филологический анализ, см. Lagercrantz, op, cit., S. 16.

38. Lagercrantz, op. cit., S. 19 сл.
39. Tim. 56 B.
40. Theät. 206 B.
41. Arist. «Metaph.», 1014 a 31.

О СОЧИНЕНИЯХ ПО ЭТИКЕ

1. «Strom.», II, 139 p. 498, PM, FVS³, 386, 21.
2. Seneca, «De tranquill. animi», cap. II, p. 247, ed. Bip. (цит. у Муллаха, Dem. Fr., 121) см. еще Friedländer «Hermes», 48, 607.
3. K. Linke, Zu D. περὶ εὐθυμίης; Phil. 1909, S. 573.
4. Как это делает Mullach «Dem. Fr.», 124. Liard «De Democrito», 1873. Mabileau, «Hist. d. l. philos. atom.», p. 155 и др.
5. Dionys. Alex. у Euseb. P. E. XIV, 27, 5, см. также немецкий перевод Friedländer «Hermes», 48, 605.
6. Friedländer, «Hermes», 48, 605, 2.
7. Epicurea, p. 74, 17.
8. Friedländer, op. cit., 605.
9. Цит. по Муллаху (Berol. 1843), 162.
10. Описание рукописи у Hamopna «Ethik des Demokritos», 1893, 58,7.
11. Что и делает E. Rohde «Philologen Versammlung zu Trier». 1880 (Lpz. 1881), p. 70, 2. Ср. аналогичную попытку H. Laue («Sokrates», 1923).
12. Как это делает Lortzing, «Ueber die Ah. Fragm. Democrits». 1873, ср. Zeller «Phil. d. Gr.» I, 5, 930, 4.
13. «Noct. Attic.», XX, 12.
14. «Hist. natur.», I, p. 3.
15. Procl. in rempubl., II, 113, 6 Kroll. FVS³, 384, 33 сл. в отличие от Mullach «Dem. Abd. operum fr.», p. 117 и B. ten Brink «Philol.», 29, 608.
16. Diels: ἠθικούς, Cobet: ἰδίους (свои собственные), Euseb., «Praep. ev.», X, 4 p. 472: ἑλληνικούς (эллинские).—Rob. Eisler «Arch. f. Gesch. d. Ph.», 1918, 188: «слово было добавлено впоследствии, но не стояло первоначально».
17. Или: «Демокрит написал этические учения вавилонян»... и в этом случае подчеркнутое можно принять за заглавие сочинения.
18. Землемеры ἁρπεδονάπται образовано из ἁρπεδόνη, петля, веревка и ἅπτω, прицеплять, завязывать: ἁρπεδονῶν ἁπτάμενος, qui funibus occupatur (B. ten Brink «Phil.», 7, 257). Слово «гарпедонавты», «связыватели петель», т. е. землемеры (M. Cantor «Gesch. d. Math.», 1, 55, B.) греческое встречается у Геродота и Ксенофонта и является выражением греков, живущих

уже с VII века в Египте, Мемфисе, Навкратисе, которое в устах бывшего у них в V в. Демокрита вполне естественно.

19. У Климента: восемьдесят. Нелепость сообщения Климента самоочевидна. Ошибка могла произойти оттого, что Климент мог π, означающую πέντε, легко смешать с π', означающей 80. На это наводит нас Диодор Сицилийский (I, 98, FVS², p. 230, 18), который говорит, что Демокрит пробыл в Египте одно пятилетие. Было указано на это уже Mullach, op. cit., 19: Zeller «Phil. d. Gr.» 1920, 1b⁶, 1047: B. ten Brink «Philol.», 7, 354, R. Eisler, op. cit. (1918), 188; Diels, FVS², p. 727 k 439 16.

20. Diels ἐπέλθε (по рукописи), он был. R. Eisler ἐπῆλθον, я был. Последний думает, что цитата заканчивается этой фразой, так как «Климент использование вавилонских изречений Демокритом хотел доказать собственным показанием последнего». На самом деле нет никакой нужды в подобной интерпретации, так как цитата заканчивается логически как по форме, так и по смыслу указанием на время пребывания на чужбине.

21. Clemens «Stromates», 1,15, 69, p. 356, 357 и Eusebius «Praeparatio evangel.» X, 4, p. 472.

21a. R. Smend, «Alter u Herkunft des Achikar-Romans», 74, Nöldele, «Unters. zu Achikar-Roman», 1913. Abh. d. Gött. Ak. d. Wiss. XIV, Br. 1913, 4, S. 22; Susemihl «Philologus» 60 (190), 183.

22. R. Eisler, «Arch. f. Gesch. d. Phil.», 1918, 189.

23. Принадлежащих Гомперцу «Beitr. z. Krit. u. Erklär. griech. Schrift» S.-B. d. K. Ak. d. Wiss., Bd. 152, 1906, 24.

24. Ср. R. Eisler, цит. соч. (в «Arch. f. Gesch. d. Phil»).

25. Текст в сирийской и английской обработке F. C. Conybeare, S. R., Harris, A. Sunth. Lewis «The story of Achikar», Cambr. 1898.

Во франц. обработке Fr. Nau «Histoire et sagesse d'Achikar l'Assyrien», Paris 1909. Сюжет сам по себе незатейлив, но изложение его и разбор завели бы нас слишком далеко.

26. Переведены Fr. Nau op. cit.; Nöldeke, op. cit., 35—51.

27. Baumstark, «Geschichte d. syrisch. Literatur», Bonn 1922, 11.

28. François Nau, op. cit., 39, 115.

29. M. Lidzbarski, «The story of Achikar», «Encycl. of Rel. and Ethics (James Hastings)», 1908, 1, 231.

30. Известны версии—арабская, армянская, румынская, эфиопская, славянская (F. Nau, op. cit., 74 сл.), древнетюркская, грузинская (Baumstark, op. cit., 12, все прим.).

31. Rob. Eisler, op. cit., 188 (текст). Lidzbarski, op. cit., 231. У него же то из остальной литературы, что не известно мне.

32. Streck, «P.-Wissova. Suppl.», 1, 43; Nöldeke, op. cit., 6.

33. Baumstark, op. cit., II, примеч. 11, Halévy у Noldecke, op. cit., 6.

34. Одна из «неканонических» книг, относящихся к ветхому завету и рисующая жизнь «праведника» израильтянина Товита.

35. Подробно Th. Nöldeke, «Unters. z. Achikar-Roman», Abh. d. K. Ges. Wiss. zu Gött. N. F., XIV, 4 (1913), 19; P. Vetter, «Das Buch d. Tobit u. d. Achikarsage». «Theol. Quartalschrift», 86, 321.

36. Baumstark, op. cit., 11.

37. Baumstark, op. cit., II, примеч. 7, 11; Lidzbarski, op. cit., 232.

38. D. L. V, 50 (FVS², p. 727 k 439,9).

39. У Страбона, XVI, 762.

40. Большинство исследователей считает тождественными Ахикара из Боспоры (Борсиппы, города в Вавилонии) и Ахикара, героя древнего нравоучительного рассказа. Противоположного мнения Wissowa, P.-Wissowa, I,1168. Здесь в Борсиппе, поблизости Вавилона, между VII и V в. до христианской эры, в среде сектантски настроенных иудеев могла возникнуть та мораль и языческая фантастика, которые наблюдаются в основании «рассказа». Ср. Eisler, op. cit., 159—160, прим.

41. François Nau, op. cit., 42—сопоставил их.

42. Eberhard, «Fabulae Romanenses-Graecae», Lpz. 1872, I, 225 сл.

43. A. Hausrath, P.-Wissowa, 6, 1712.

44. Ср. Roth, «Philol.», 1853, 8, 131.

45. M. Hausrath, ibidem, 1712.

46. Streck, op. cit., 43.

47. См. примеч. 3а у Eisler, op. cit., 190.

48. Не намек ли это у Nöldecke, op. cit., 21: «Pseudepigraphen Achikars».

49. Эти изречения в изд. Nöldeke, op. cit., 22 и § 10, 37, 38.

50. Diels, FVS², B. 3. (Registerband), 1910, p. XIII.

51. Fr. Nau, op. cit., 41, 156, 160, 165, 173.

52. Fr. Nau, op. cit., 291 и др.

53. В этом отношении замечания Th. Nöldeke, «Unters. z. Achik.-Rom.», S. 22 совершенно правильны.

54. Protrept., p. 92, 20 Schn. FVS², 397, 17.

55. οὐ καλέομεν, т. е. Дильс, правильно: οὐχ εἶναί φαμεν «где. как говорим мы, находится» воздух. FVS², 720 к 397, № 20. Но и еще: «Где находится то, что мы, эллины, теперь называем воздухом».

56. Или дальше от подлинника, но лучше передает смысл: «Название всего—Зевс»...

57. Или: «и знание всего—он».

58. Именно, Verhandl. d. deutsch., Philol., Verl. in Stettin, Lpz. 1881, 108, 40, а также см. FVS², 329, 32 и 335, 19. Диоген Аполлонийский здесь (Simpl. «Phys.», 151, 28) говорит: «и это... первовещество есть то, что люди называют воздухом, он погружает в себя все и всем обладает. Ибо именно он... есть бог, вездесущий и всеохватывающий и во всем присутствующий». Augustin «De civ. d.», VIII, 2 («Dox.» 174): «Диоген, также слушавший Анаксимена, говорит, что материей вещей является воздух, из которого все происходит».

59. По Eisler, op. cit., 195.

60. Доказательство ib., op. cit., 195.

61. См. Eisler «Weltenmantel und Himmelszelt», Bd. II, 1910, 751, 2.

ПСЕВДОДЕМОКРИТОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Berthelot, «Des origines de l'alchemie». «Journal de Sav.», 1884.

2. Berthelot «Coll. d. Alch.», I, 56, 7.

2a. См. теперь Wilhelm Kroll, «Forsch. u. Fortschr.», 10 (1934), S. 111.

3. E. Oder, «Rh. Mus.», 45, 73, 48, 1. Cp. Rohde, «Kl. Schr.», 1, 355, T. I, Weidleich, «Die Symp. d. aut. Lit.», Stutgart 1894, 535 f.

4. Diels, «Antike Technik», S. 126. M. Wellmann, «Die Georgike des Demokrites», Brl., 1921, S. 7, 41.

5. Berthelot, «Journal de Sav.», 1884, 525.

6. Diels, «Hermes», 1918, 72.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

Агафемер, географ, 4 в.н. э. ed. «Geogr. graeci minores», Müll. II 2 FVS[4]
II 65,22 — 219

Александр Афродисийский Commentar. in Aristotelem ed. Acad. Berol.
in Metaph.
36,21 — 119
— in Meteorol.
26,11 — 139
37,23 — 133
— in l. de sensu
24,14 — 334
56,12 — 334

Scripta minora (ed. Acad. Berol., Suppl., Arist. II)
de mixt.
2 (II 214,18) — 105
Quaest.
II 23 (II 72,28) — 97

Александр у Симплиция phys.
1056,1 — 98

Александр у Симпл. de caelo
p. 310,5 — 153

Альберт Великий de lapid. ed. Jammy
II 4 FVS[2] II 53,13 — 217

Алхимисты Berthelot, Coll. d. Alchim.
I 56,7 — 664

Аммиан Марцеллин (ок. 330 г. н. э.)
XXVIII 4,34 — 647

Анатолий (5 или 4 в. н. э., автор «Geoponica» — «О земледелии»)
XIII и XV — 617

Anecdota Graeca ed. Bekkeri Lex. VI 374.14 FVS[2]
403,2 — 390

Anecdoten Med. Paris. ed. Fuchs, «Rhein. Mus.»
49,557 — 659

Аноним лондонский ed. Ac. Berol. Suppl. Arist. III I
37,34 сл. — 264

Аноним Эрвина Роде, «Kl. Schr.» 1, 397 FVS[4]
II, 127,20 — 655

Анонима диалог «Гермипп» (Иоанна Катрария?) p. 26, c.13 ed. Kroll, FVS[4]
II 31,5—8 — 293

Антигон из Кариста (Wilamowitz, «Pilol. Untersuchungen», IV) p. 10 — 31

Антифонт «Oxtyr. papyr.» Col., пер. С. Я. Лурье (ср. FVS[4] II, p. XXXI) — 506

Антисфен Родосский (Müller, FHG III 182)
у Диогена Л. IX 35 — 38
IX 39 — 21

Аполлодор Афинский Chronic. ed. Jacoby
фр. 47а (Диог. Л. IX 41) — 1,41
фр. 47б (Диог. Л. IX 34) — 38

Аполлоний Дисколл, грамматик из Александрии. De pronom. ed. Schneid.

Цифры указывают номер отрывка. Указаны лишь важнейшие источники.

65,15; FVS⁴, 62,15 — 170
92,20; FVS⁴, II 70,10 — 383
Аполлоний Родосский, эпич. поэт, 3 в. н. э.
II 1098 — 279
Аполлоний цит. в «Hipp.» ed. Schoene 6,29 FVS⁴ II 70,1 — 393
Апулей Apol. 27
Арат, ок. 270 до н. э., автор дидактич. поэмы о звездах и приметах погоды
Phaenomena 714 — 206
1123 — 500
Архимед Ed: Heiberg, «Herm.», 42,245 — 160
Аристотель «De anima»
A 2 404 a 1—27 — 106
A 2 405 a 5 сл. 25 — 108
A 3 406 b 15 — 113
A 5 409 a 32 — 114
B 7 419 a 15 — 331
—«De generatione animalium»
B 4 740 a 10 — 260
B 4 740 a 33 — 258
B 7 746 a 19 — 258
B 8 747 a 24 — 236
B 8 747 a 29 — 237
Δ 1 764 a 6 — 255
Δ 4 769 b 30 — 238
E 8 788 b 9 — 263
E 8 789 b 2 — 128
(Arist.) hist. anim.
I 39 623 a 30 — 226
Аристотель «De part. anim.»
A 1 640 b 29 — 246
A 1 642 a 24 — 370
Γ 4 665 a 30 — 224
— «De caelo»
A 7 275 b 29 — 163б
B 13 294 b 13 — 172
B 13 294 b 33 — 50
Γ 2 300 b 8 — —
Γ 4 303 a 2 — 161б
Γ 4 303 a 4 — 161а
Γ 4 303 a 25 — 212
Γ 7 305 b 1 — 104
Δ 2 309 a 1 —310 a 1 — 100
Δ 6 313 a 21 — 200
—«De generatione et corruptione»
A 1 314 a 17 — 95
A 1 314 a 21 — 75
A 2 315 a 34 — 372
A 2 315 b 6 — 75
A 2 316 b 28 — 162
A 2 316 a 1 — 336
A 2 316 a 3 — 162
A 3 318 b 6 — —
A 7 323 b 10 — 70
A 8 324 b 35—325 a 1 — 73
A 8 325 a 2 — 310
A 8 325 a 23 — 310
A 8 326 b 24 — —
A 8 326 a 9 — 99
A 9 327 a 15 — 84
(Arist.)
De lin. insec. 139—157, p. 146, 160 ed. O. Apelt — 165
—«De Melisso Xenophane Gorgia» 6 p. 980 b 7
Аристотель
—«Metaphysica»
A 4 985 b 4 — 72
A 9 990 a 20 — 163а
B 4 1001 b 25 — 161е
Γ 4 1007 b 31 — —
Γ 5 1009 b 7 — 107
Z 13 1039 a 9 — 86
Z 13 1040 b 29 — 161б
Λ 2 1060 b 20 — 161ж
Λ 2 1066 a 35 — 161б
Λ 2 1069 b 22 — 83
Λ 6 1071 b 31 — —
M 2 1076 a 37 — 161д
M 4 1078 b 19 — 371
M 8 1083 b 16 — 161
—«Meteorol.»
A 8 345 a 25 — 183
B 3 356 b 4 — 211
B 7 365 a 1 — 209
B 7 365 a 17 — 213
—«Physica»
A 3 197 a 1 — 161г
A 5 183 a 22 — 90
B 1 193 a 9 — 307
B 4 195 b 36 — 133
B 4 196 a 24 — 136
B 4 196 b 5 — 137
B 4 196 b 14 — 137
Γ 4 203 a 33 — 85
Δ 6 213 a 27 — 163b
Δ 6 213 b 1 — —
Z 1 213 a 24 — 162а
Z 1 251 b 16 — 121
Θ 1 252 a 32 — 120
Θ 2 252 b 26 — —
Θ 9 265 b 24 — 91
—«De respir.»
4 471 b 30 — 108
—«De sensu»
2 438 a 5 — 330
4 442 a 29 — 311
4 442 b 11 — 339
Фрагменты по изданию Arist. fr. coll. V. Rose, Lps. 1886.

fr. 208 (FVS³ 359,7) 50
Фрагменты, отсутствующие в изд. V. Rose
FVS⁴ 354,3 218
(Арист.) De mundo
5,396 b 7 272
(Arist.) Problem.
24 (FVS⁴ II) 937 a II
(Arist.) De plant. (=Nicolaus Damascen. de plantis, ed. Meyer A
2,817 b 35 —
Атеней, «Deipnosophist»
II 46 E FVS⁴ II 18,34 сл. 30
III 102 B, FVS⁴ 55 C I —
IV 168 B FVS⁴ II 55,6 сл. 22
VIII 354 C FVS³, 353,30—37 39
I 13 p. 40,26 186
I 24 p. 55,24 FVS⁴ II 32,38—42 185
Аэций «De plac. philos.» Diels Doxographi Gr.
I 3,15 (D. 285) —
I 3,16 (D. 285) 3,102
I 3,18 (D. 285) 196a
I 4,1 (D. 289) 144
I 7,16 (D. 302) 289
I 12,6 (D. 311) 196б
I 14,3 (D. 312) —
I 15,8 (D. 314) 338
I 15,11 (D. 314) 337
I 16,2 (D. 315) 68
I 18,3 (D. 316) 198
I 23,3 (D. 319) 319,130
I 25,4 (D. 321) 132
I 26,2 (D. 321) 129
I 29,7 (D. 326 б 7) —
II 2,2 (D. 329) 143
II 3,2 (D. 330) 143
II 4,6 (D. 331) 143
II 4,9 (D. 331) 155
II 13,4 (D. 341) 177
II 15,3 (D. 344) 178
II 16,1 FVS 46 A 78 187
II 20,7 (D. 349) 179
II 23,7 (D. 353) 174
II 25,9 (D. 356) 176
III 1,6 (D. 336) 184
III 3,11 (D. 369) 203
III 10,5 (D. 377) 192
III 12,2 (D. 377) 208
III 13,4 (D. 378) 193
III 15,7 (D. 380) 191
IV 1,4 (D. 385) 204
IV 8,5 (D. 388) 111
IV 4,6 (D. 390) 367
IV 4,7 (D. 390) 116
IV 5,1 (D. 391) 367
IV 7,4 (D. 393) 116
IV 8,5 (D. 394) 358
IV 9,8 (D. 397) 318
IV 10,4 (D, 399) 323
IV 10,5 (D. 399) 321
IV 14,2 (D. 405) 333
IV 19,13 (D. 408) 342,148
V 2,1 (D. 416) 295
V 3,6 (D. 417) 253
V 4,1 (D. 417) 252
V 4,3 (D. 417—8) 251
V 7,5 (D. 420)
V 7,6 (D. 420) 257
V 16,1 (D. 426) 259
V 19,6 (D. 431) 222
V 25,3 (D. 437) 115
Валерий Максим VIII 7 extr. 4 FVS4 II15,14—16 10
Витрувий VIII praef. II FVS⁴ 46 A 39 167
IX 6,3 FVS⁴ II 63,1 сл. 168
Гален An. animal sit id quod in utero XIX 178 Kühn (Гален) defin med. 439 (XIX 449 K.) 249
Гален «De differentia pulsuum» II 25 (VIII 551 K.) FVS⁴ II 85,13 266
VIII 931 K.; FVS⁴ II 24,20 103
—«De elem. sec. Hippocr.»
I 2 (I 417 K.) FVS⁴ II 25,21—29 71
I 2 (I 417 K.) FVS⁴ II 25,16—21 69
I 2 (I 417 K.) FVS⁴ II 26,6—16 315
—«In Hipp. epid.» XVII A 521 K.
—«De medic. empir.» fr. ed. H. Schoene («Berl. Sitz. Ber.», 1901) 1259,8 FVS⁴ II 85,4 359
(Galenus) Histor. philos. ed. H. Diels, «Dox. Gr.» 3 (Dox. 601,9) 34
Гален. «De usu partium» III 10 (241 K) 223
Гегезианакс грамм.
Гекатей из Абдер у Диогена А. 1,9 сл. 308
Геллий Noct att.
X 12,8
X 17, FVS³ 355,39 374
(Гемин) isag. ed. Manitius p. 218, 14—p. 232,21 204a
Геопоника псевдо-Демокрита

II 6 FVS^3 441,37
XIII FVS^4 441,38
XV FVS^3 441,38
Гераклид Понтийский утерянное соч. о Демокрите: у Диогена Л. 53
Гермий Irris, gentil. philos. 18 (Dox. 654) 90
Гермипп ed. Müller, FHG III фр. 29 р. 43
фр. 40 р. 45
Геродиан «Epimer. Hom.» (II 224 u. Lenz) p. 396,11 FVS^4 II 86,7—8 386
Геродиан у Евсевия ad 428 (II 445,9 L.) p. 1766 507
Цит. у Theogn. I 355,19 Lenz) p. 79 FVS^4 II 86,1 384
Περὶ πάθων в «Et. gen.» под словом γίνωται (II 253 L.) 385
Геродот
I 216
III 134
ложное цит. 1
Гесихий словарь 387
Гиерокл Pythag. ad c. aur. 25 ad v. 61 сл. 300
Гимерий ecl. 3.18 25
Гиппобот (отсутств. у Müller FHG) у Диог. Л. IX, 40 43
Гиппократ De victu I (VI 466 L.) epistulae
10,3 (FVS^3 447,30) 667
17,5 (FVS^3 447,36) 667
17,40 (FVS^3 447,42) 667
18,1 (FVS^3 448,1) 667
Гораций
ср. I 12,12 16
II 1,194 232
De arte poet. 295 404
Давид Prol. ed. Ac. Ber. p. 38,14 FVS^4 II 72,3 247
Демоксен Σύντροφοι (Com. att. ed. Kock III) фр. 2 FVS^4 II 136,36 661
Дамиан opt. ed. R. Schoene p. 28,10 —
Дамаст Сигейский (Müller, FHG II) p. 64 —
Димитрий Магнезийский FVS^4 350,24 9
Σωκράτους ἀπολογία (отсутств. у Müller, FHG) —
Диоген Лаэртский
II 26,21 49
V 26 51
V 49 52
V 87 53
V 88 53
VII 174 56
VII 178 57
IX 13 36
IX 30—38 1
IX 30 140
IX 34 сл. 9, 38
IX 36 11
IX 37 12, 44, 521
IX 38 37, 65, 356
IX 39 21
IX 40 43
IX 41 1, 41
IX 42 268, 14, 42
IX 43 29 188
IX 44 328, 109, 67, 145
IX 45—49 61
IX 45 522, 125
IX 49 81, 319
X 13 —
X 24 55
X 42 77
X 50 198а
X 54 78
X 55 199а
X 56 79
X 61 198б
X 72 355, 327
X 90 158
FVS^4 II 13,18 сл. 268
Диоген из Энофиды (ed. Heberdey «Bull. Corr. Hell.» XXI. См. теперь изд. Williams, Teubn., Lpz. 1907) fr. 30, 31. col. 3,3 194
Диодор Сицилийский «Bibliotheca», ed. Dindorf-Vogel-Fischer.
I 7,9 (ср. FVS^4 II, XI, 16) 244
I 8,1 269
I 9 сл. 308
I 39 220
II 1 сл. 309
XIV 11,5 8
Дион Хризостом ed. Arnim
36,1 —
54,2 16
Дионисий, епископ Александрийский, у Евсевия «Pr. Ev.»
XIV 23,2 3 FVS^4 II 23,41 150
XIV 27,4 FVS^4 II 86,16 126
XIV 27,5 FVS^4 II 83,25 128
Дионисий Галикарнасский старший «De comp. verb.» 24 378
Дионисий, Perieg. —

Епифаний, «Adv. haeres.» см. Diels, Dox. Gr.
III 2,9 (Dox. 590) 156
III 2,9 (Dox. 590) 317a
III 2,9 (Dox. 590 FVS[4] II, 53, 38 сл.) 490
Евсевий, «Chronica» ed. Schoene
Олимп. 70 4
Олимп. 86 4
Олимп. 94 4
«Praepar. Evang».
I 10,53 —
XIV 23, 2.3 150
XIV 27, 4.5 123, 126
XIV 27,5 64
Евстафий in Homer.
Г 1 p. 370 15 FVS[4] II 66, 2 сл. 399
Η 446 p. 690 FVS[4] II 58,27 192a
β 190 p. 1441 FVS[4] II 84,14 388
μ 65 p. 1713 FVS[4] II 67,21 398
ο 376 p. 1784 FVS[4] II 67,17 с 397
Захарий, схоластик, «Vie de Sévère», ed. Kugener, p. 62 —
Зенон, стоик, в изд. «Stoic. vet. fr.» ed. Arnim I фр. 171
Зосим, в изд. «Collect. d. Alch.»
II 119,11 —
II 122 —
II 159,3 —
Иоанн, Лидийский Лаврентий—см. Лаврентий —
Иоанн Цец, см. Цец. —
Иоанн Филонон, см. Филонон —
Ипполит, «Refutatio omn. haeres» у Дильса «Dox. Gr.»
I 13 (D. 565) 19, 235
I 13 (FVS[4] II 23,21—29) 157
I 13 (FVS[4] II 23,29—34) 182
VIII 14 p. 272,67 FVS[4] II 71,8 —
(Исократ) «Demon» 1,23
Исократ 2,38
Каллимах, «Fragm.» ed. O. Schneider II, фр. 100 d 29 —
Кирилл, «Contr. Jul.» ed. Spanh. I 13 —
Клеанф, утер. соч. о Дем.: Περὶ Δημοκρίτου у Диог. Л. VII, 174 —
Климентий, еписк. Александрийский «Paedagog» ed. Stählin
I 6 (I 98,15) FVS[4] II 71,3 406
II 94 (I 214,9) FVS[4] II 71,8 248
—«Protr.» ed. Stählin 5.66
68 (I 52,16) 285
92,4 (I 68,7) 500
—«Stromata» ed. Stählin
I 22 (II 14,25) —
I 64 (II 40,24) 33
I 69 (II 43,13) 17
II 130 (II 184,10) 498
II 138 (II 189,15) 623
IV 151 (II 314,12) 615
V 88 (II 383,25) 298
V 103 (II 394,21) 285
VI 32 (II 446,28) 201a
VI 168 (II 518,20) 405
Клодий, Календарь in Lydus d. ost. ed. Wachsm. 2 p. 157,18 FVS[4] II 64,12 сл. 206a
Колумелла, «De re rust.»
I praef. 32 (FVS[4] II 69,8) 278
III 12,5 274
VI 28 —
VII 5,17 и сл. 648
XI 3,2 и сл. 275
Кратей, ed. M. Wellmann, 18,14 (FVS[4] II 126,25 сл.) 650
Ксенофонт, «Oikon», XV, см. Praechter, «Hermes», 1915,50 272
Лаберий, («Com. om. fr.» ed. Ribbeck) 72—79 p. 353
Лактанций, «Inst. div.» ed. Brandt
I 2 (FVS[4] II 29,33) 138
III 18,6 —
VII 7,9 (FVS[4] II 49,9) 242
«De ira» 10,3
Лаврентий Лидийский «De mens.» ed. Wünsch.
IV 16 207
IV 18 207
IV 51 207
IV 124 207
IV 139 207
IV 152 207
(Лукиан) Макробий 18 7
Лукреций
II 215 сл. 195
III 370—375 116a
III 1039 сл. 24
IV 116 сл. 225

IV 800 сл. 822
V 10 сл. 277
V 509 181
V 422—848 245
V 925—1028 270
V 1131—1160 305
V 1148 сл. 286
Микробий, «S. Scip.» I 14,19 112
Магон Карфагенский, у Колумеллы III 12,5 —
Маллий Теодор, «De metr.» p. 19 401
Марк Антоний
III 3 30
VII 31 (Diels, «Elementum», 12) 315a
Менандр («Com. att.» ed. Kock) фр. 114 (III 34) —
Метродор, эпикуреец, у Диогена Л. X, 24 —
Николай из Дамаска «De plantis», см. («Арист.) «De plantis» —
Олимпиодор, «De arte sacra lapidis philos.», (Collection des Alchym. grecs» ed. Borthelot) p. 78,12; 79,3; 97,6 —
«In Plat. Phileb.» ed. II Stallbaum p. 242 (FVS[4] II 87,3—12 299
Орибас, ed. Daremberg-Bussemaker, III 607, IV, 63 647
Палладий, I 35,7 —
Папирус, Hibch ed. Granfell Hunt I 16 p. 62 (см. FVS[4] II 34,27 сл.) 210
Петроний 88,2 (FVS[4] II 126,34) 653
Платон
«Cratylus» 424 E 272
«Erast.» (подл.) 133 A —
«Ion» 534 B —
«Legum» 888 E 139
889 E сл. 284
889 E сл. 304
«Phileb.» 12 C 299
«Respubl.» X p. 614 —
Плиний, «Nat. hist.» praef. 24
II 14 297
VIII 61 647
X 137; XI 80; XIII 131 647
XIV 20; XV 138; XVII 28 647
XVII 62; XVIII 47; XVIII 159 647
XVIII 231 —
XVIII 273 201
XVIII 312 —
XVIII 321 647
XVIII 341 202
XX 19 647
XX 28 647
XX 149 647
XXI 62 647
XXIV 156 647
XXIV 160 647
XXIV 167 647
XXV 13 652
XXV 14 647
XXVI 19 647
XXVIII 5 647
XXVIII 7 —
XXVIII 112 —
XXVIII 118 647
XXVIII 153 647
XXIX 72 647
XXX 8 660
XXXII 49 647
XXXVII 69, 141, 146, 149, 160, 185 647
Плутарх «De amore prol.»
3 p. 495 E 250
—«Animine an corp. affect.»
2 p. 500 D. 502
—«Adv. Colotes»
1 p. 1100 C —
3 p. 1108 E 196
4 p. 1108 F 89
8 p. 1110 F 82
32 p. 1126 A 645
—«De commun not.»
39 p. 1079 E 159
—«Quaestiones convivales»
I 1,5 p. 614 DE 503
II 7,1 p. 641 B 651
II 10,2 p. 643 F 627
IV 2,4 p. 665 F 205
VIII 10,2 p. 734 F 292
—«De curios.»
12 p. 521 D 375
—«De puer. educ.»
14 p. 9 F 612
—«De fac. in orb. lun.»
16 p. 929 2 175
—«De latenter viv.»
5 p. 1129 E 504
—«Fr. de libid. et aegr.» 2 505
—«De prof. in virt.»
10 p. 81 B 501
—«Reip. ger. praec.»
28 p. 821 A —
—«De sanit. praec.»
14 p. 129 A 499
21 p. 135 E 508
—«De sollert. anim.»
20 p. 974 A 271

(Плутарх) «Stromata»
7 (Dox. 581) 118, 146, 173а
Плутарх, «De tranquill. animi»
2 p. 465 C 431
Порфирий «De abstinent.»
IV 21 508
—(Quaest. Homer. ed. Schrader ad Φ 252 (I 274,9) 395а
—Ad Marc. 20 —
Посидоний, стоик (Diels, «Elem.») 303
Прокл, «in Cratyl» ed. Boiss p. 67 276
—«in rempubl.» ed. Kroll
II 113,6 —
II 117,7 —
Пселл, «De lapid.» ed. Bernard 26 p. 38 216
Птоломей «Astron. apparit. epileg. in Lydus de ost.» ed. Wachsm. p. 213.19—p. 275,1 206б
Свида,
FVS[3] 352,44 2
FVS[3] 353,42—45 46
FVS[3] 353,38—41 45
Секст Эмпирик
«Pyrrh. hypothes.»
II 63 347
—«Adversus mathematicos»
VII 53 380
VII 116, 117 149
VII 135 316
VII 137 317, 62
VII 138, 139 360
VII 140 362
VII 265 243
VII 267 246
VII 369 363
VII 389 364
VIII 6 320
VIII 327 357
IX 19 287
IX 24 281
IX 113 131
IX 113 151
IX 363 48
X 181 354
Сенека «Nat. quaest.»
V 2 (FVS[4] II 33,16) 204б
VI 20 214
VII 3,2 190
—«Philosoph. epist.»
7,10 —
90,32 (FVS[4] II 130,16) 662
Симплиций, in Arist. comment. ed. Acad. Berol.
«De anima»
p. 173,7 —
—«De caelo»
p. 202,16 147, 142
p. 242,15 —
p. 294,33 140а, 50
p. 310,5 153
p. 561,24 325
p. 569,5 193а
—«Phys.»
p. 25,2 32
p. 28,4 74
p. 28,15 85
p. 42,10 197
p. 54 164
p. 327,14 135
p. 327,24 151
p. 330,14 134
p. 331,16 —
p. 648,12 141
p. 925,10 166
p. 1153,22 122
p. 1138,34 94
Синкелл, «Chron.» ed. Dindorf I p. 471 663
Стефан Византийский, s. v. 69
(Синезий), «Ad Dioscorum comment. in. Democr.» (Berthelot, Collect. d. Alch.) I 56,7 664
Соран, «Gynaec.», ed. Rose —
Стобей, «Florilegiun» ed. Hense
III 1,27 557
III 1,46 558
III 1,47 559
III 1,91 560
III 1,210 561
III 2,36 562
III 3,43 563
III 3,46 564
III 4,51 —
III 4,69 565
III 4,70 566
III 4,71 567
III 4,72 568
III 4,73 569
III 4,75 570
III 4,76 571
III 4,77 572
III 4,78 573
III 4,79 574
III 4,80 575
III 5,22 576
III 5,24 577
III 5,25 578
III 5,26 579
III 5,27 580
III 6,27 581
III 7,21 582

III 7,25 — 583
III 7,31 — 584
III 7,74 — 585
III 9,30 — 586
III 10,36 — 587
III 10,43 — 588
III 10,44 — 589
III 10,58 — 590
III 10,64 — 591
III 10,35 — 592
III 10,68 — 593
III 12,13 — 594
III 13,47 — 595
III 16,17 — 596
III 16,18 — 620
III 16,19 — 597
III 16,22 — 598
III 17,25 — 599
III 17,37 — 600
III 17,38 — 601
III 18,30 — 602
III 18,35 — 603
III 20,53 — 253
III 20,56 — 604
III 20,62 — 605
III 22,42 — 606
III 28,13 — 607
III 29,63 — 608
III 29,64 — 618
III 29,66 — 619
III 29,67 — —
III 29,88 — 609
III 31,7 — 610
III 36,24 — —
III 37,22 — —
III 37,25 — —
III 38,46 — —
III 38,47 — —
III 38,53 — 631
III 40,6 — 614
III 40,7 — —
III 43,35 — —

Стобей, «Floril.» ed. Meinecke
IV 43,33—IV 81,11 — —

Стобей, «Ecl. eth.» ed. Wachsmuth
II 1,12 — 613
II 1,18 — —
II 4,12 — —
II 7,31 — 491, 509
II 8,16 — 124
II 9,1 — 621
II 9,3 — 611
II 9,4 — 547
II 9,5 — 548
II 15,10 — 549
II 31,53 — 550
II 31,57 — —
II 31,58 — 617
II 31,59 — 551
II 31,66 — 552
II 31,67 — 616
II 31,72 — 553
II 31,90 — 554
II 33,9 — 556

Страбон ecl. Casaub.
I p. 61 — 492
XV p. 703 — 218
XVI p. 757 — 47

Схолий
—«In Apollon. Rhod.» ed. Keil
I 558 — —
II 1098 (FVS⁴ II 64,8) — 206
III 533 (FVS⁴ II 92,16) — 279
—«In Dionys. Thrac.» ed. Hilgard
p. 184,3 сл. (FVS⁴ II 66,25) — 400
p. 482,13 (FVS⁴ II 39,11—12) — 341
—Bodlean in Epictet. ed. Schenke p. LXXIII 20. см. Oder «Philologus», Suppl. VII 24 — 656
ABT in Homeri Iliadem
—H 390 (FVS⁴ II 67,12) — 396
—O 39 — —
—Λ 554 (FUS⁴ II 52,7) — 231
—N 137 (II 92,19 сл.) — 379
—«Genev. in Iliad». ed. Nicole Θ 39 (I 111) — 302
—«In Iuven.» ed. Buecheler X 33,47 — —
—«In Nicandrum» ed. Keil Ther. 764 (FVS⁴ II 126,21) — 649
«In Aristot.» ed. Brandis p. 469,614 — —
(O. Apelt, «Beitz. z. Gesch. d. griech-Philos.», 266) — 163
Basil. II ed. Pasquali FVS⁴ II 26,29—37) — 80

Татиан, ed. Schwarz
16,17 p. 18,6 — —

Тертуллиан, «De anima» 43 (FVS⁴ II 48,29) — 294
—«Apolog.» 46 (FVS⁴ II 18,15) — 27
—«Ad. nat.» 11,2 (FVS⁴ II 29,20) — 290

Теофраст. Каталог соч. у Диог. Л. У 49 — —
—«De igne» ed. Gercke (Gryph. 1896) 52 (FVS⁴ II 29,35) — 96
«De odore» 64 (FVS⁴ II 40, 13) — 358

—«De caus. plant.»
I 8,2 —
II 11,7—8 221
VI 1,2 312
VI 1,6 348
VI 2,1 349
VI 2,3 101
VI 7,2 352
VI 17,11 345
—«De sensu» (ed. Diels, «Dox. Gr.»)
49 сл. 313
55 сл. 340
58 сл. 336
59 сл. 324
63 сл. 326
63 350, 332
68—72 351
73 335
82 344
Трасилл, (Müller, FHG III)
фр. 4 p. 504 —
фр. 6 p. 504 —
Тимон, «Sillorum fragm.» ed. Diels «Poet. philos. fragm.» fr. 46 —
Филодем
—«De adulat.» (papyr. 1457) c. 10 642
—«De ira», ed. Gomper 28,17 643
—«De morte», ed. Meculer 29,27 и сл. 283
—«De music.», ed. Кемке Δ 31 p. 108,29 303a
—«De pietate» ed. Gomper c. 5a p. 69 282
—Scholae Zenoneae de libertate dic. (Vol. Herc. coll. pr. V 2) fr. 20 Usenor 54
Филон Иудейский «De providentia» ed. Aucher II 13 (FVS[4] II 24 сл.) 13
—«De vita contempl.» ed. Mangey p. 473 (FVS[4] 354,20—24) 15
Филопон «De anima», ed. Ac. Berol.
p. 35,12 368
p. 68,3 382a
p. 71,19 369
p. 83,27 110
Филострат «Vita Apollon. Tyan» VIII 7 28
«Vita sophist.» ed. Kayser, Lpz. 1871 (vol. II) praef. I 10 40
Филоксен Сидонский
стр. 202,16 —
Фотий, Lexicon, ed. Porson s. v. μω 381
Chronicon Paschale ed. Dind. 317,5 (FVS[4] II 14,20) 5
Целий Аврелий, «ac. morb.», III 14—16 658
«ac morb.» II,37 —
Цельс, ed. Daremb. I prooem. p. 2,11 657
Цензорин, «De die natali»
4,9 (FVS[4] II 49,6—11) 241
5,3 —
6,1 (Dox. 426) 261
6,5 256
15,3 (FVS[4] II 14,25) 8
18,8 (FVS[4] II 62,12) 169
Цицерон, «Acad. pr.»
II 10,32 327
II 17,55 152
II 23,73 365
II 37,121 288
—«De deor. natura»
I 12,29 291
I 26,73 194a
I 43,120 291a
III 16,42 —
—«De divin.»
I 3,5 —
I 58,30 408
II 26,57 234
II 58,120 293
II 64,133 377
—«De fato»
17,39 127
20,46 197
—«De finibus»
I 6,17 117, 92
I 6,20 180
V 8,23 493
V 19,50 20
V 29,87 16
V 29,88 —
—«Orator»
20,67 —
De oratore
I 11,49 376
II 46,194 402
II 58,235 231
—«Tuscul. disputat».
I 34,82 —
V 36,104 11
V 39,114 373
—«Epist. ad. fam.»
XV 16,1 329
Эвдокс, «Ars astronom.» ed. Blass col. 22, 21, 23, 22 171
Элиан, «Natur Hist.»
I 35,38 647
V 29 283, 647

VI 60 210, 647
VII 7,8 647
IX 64 230
XII 16 235
XII 17 —
XII 18 227
XII 19 228
XII 20 229
—«Varia hist.» IV 20 18
Элий Промот, врач, 2 в. н. э., рукопись Венец. Библ. (см. E. Rohde, «Rhein. Mus.» XXVIII 264) с. 28 659
Эзоп «Fabul.», ed. Halm
фр. 19 211
фр. 283 593
Эпикур, («Epicurea», ed. Usener), у Диог. Лаэртского
X 42 77
X 58 348
X 61 1935
X 68 314
X 72 355
X 75 278
X 88 158
X 92—93 173
—у Диог. из Эноанды фр. 56 p. 54, ed. William 497
Эротиан, ed. Klein p. 52,10 —
p. 131,12 (FVS[4] II 84,11) 267
Etymologicum Genuimum 239, 359, 391, 392
Etimologicum Orionis p. 153,6 (FVS[4] II 56,14) 301
Ювенал, 10,33 234
10,17 —
Юлиан, epist. 37 (FVS[4] II 16,41) 529
Ямвлих Vita Pythag. ed. Nauck 104 35

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИЯХ

о жизни 15
об отношении к предшественникам и современникам 26
сочинения древних о Демокрите 30
сочинения Демокрита 31

НАТУРФИЛОСОФИЯ

материя как первооснова 37
об атомах и пустоте 38
о душе 52
о всеобщей причинности и необходимости . 56
космогония 61
математика 70
астрономия 80
механика 94
метеорология 101
геология и география 108
ботаника 113
зоогония 114
антропогония 120
эмбриология 128
медицина 130

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕХНИКИ

о первых людях 135
земледелие 140

Стр.
происхождение языка 141
происхождение религии 145
искусство 154
право и законодательство 155
история религии, морали, философии 157

ЛОГИКА И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

эмпиризм 163
об ощущениях 164
о субъективности ощущений 164
об осязании 168
о зрительном восприятии 172
о слухе 182
о запахе 184
о вкусе 185
о мышлении 192
Филологические проблемы 200

ЭТИКА, ПОЛИТИКА, ПЕДАГОГИКА

этика 209
педагогика 234
политика 236

ПСЕВДОДЕМОКРИТОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПОДРАЖАНИЕ

псевдодемокрит 243
подражание 252

КОММЕНТАРИИ

об источниках 259
о жизни 280
о сочинениях 286
о сочинениях по физике 289
о математических сочинениях 294
о сочинениях по логике 316
филологические сочинения 321
сочинения по этике 336
псевдодемокритовская литература 348

ПРИМЕЧАНИЯ 355

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ 371

Редактор *В. М. Домрачев.* Техред *В. Морозов*

Сдано в набор 29/V 1934 г. Подписано к печати 11/III 1935 г. Формат $72 \times 105^1/_{32}$. 12 п. л., в печ. л. 64320 тип. зн. Огиз № 1361. Уполномоченный Главлита Б 1681. Заказ № 643. Тираж 10 000 экз.

16-я типогр. треста «Полиграфкнига», Москва, Трехпрудный пер., 9.